

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

4/2023

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 4 (37) / 2023

- Ответственный редактор** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к. филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

E-ISSN 2410-1419

DOI 10.31754/2410-1419-2023-4

Издатель

Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, website www.istorex.org
Tel.: 373 22 773 955

В НОМЕРЕ:

- 9 **ДИСКУССИЯ. КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК?**
Не линия, а дерево!
- 12 **Я. В. ШИМОВ**
История как история историй? К дискуссии об учебниках
- 17 **А. Ю. МОРОЗОВ**
Почему я мог стать, но не стал автором новых государственных учебников истории
- 28 **В. И. КУЗНЕЦОВ**
Что это, если не учебник? Рец.: Мединский В. Р., Чубарьян А. О. История. Всеобщая история. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Учебник. М.: Просвещение, 2023. 239 с.
- 36 **В. И. КУЗНЕЦОВ**
Для кого трудились авторы? Рец.: Учебник «Всеобщая история. Базовый уровень. 11 класс» под ред. Мединского В. Р., Чубарьяна А. О. М.: 2023 272 с.
- 42 **К. А. ПАХАЛЮК**
Российское государство и «единый» исторический нарратив (критическое исследование «учебника» «История России. 10 класс» В. Р. Мединского и А. В. Торкунова)
-

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Переворот 1993 года

- 93 Александр Шубин: «Эволюция РФ к нынешнему состоянию — прямой результат госпереворота 1993 г.»
-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

- 98 Михаил Соколов: «Меньше веря в принцип автономии науки от политических запросов, либеральные постмодернисты больше нуждаются в нем»
-

ДИСКУССИЯ. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ АКТУАЛЬНЫМ?

- 105 Оксана Киянская: «Они хотели видеть Россию нормальной страной»

- 111 **Ю. В. ЛАТЫШ** *Между Сциллой реванша и Харибдой национальной бритвы, или Повесть об (не)идеальном человеке. Рец.: Киянская О. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.*
- 121 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *Трагедия Сергея Муравьева-Апостола. Рец.: Киянская О. И. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.*
- 128 **С. Е. ЭРЛИХ** *Книга о жертвенности, написанная в эпоху консюмеризма. Рец.: Киянская, Оксана. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. Москва: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

- 137 **А. Ю. ПЕРЕТЯТЬКО** *Повстанец и повстанчество в нарративах донских дореволюционных авторов: некоторые наблюдения*

РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 165 **В. В. МАКСАКОВ** *«Судья и историк» Карло Гинзбурга: заметки на полях о теории, методе и цене ошибки. Рец.: Гинзбург, Карло. Судья и историк. Размышления на полях процесса Соффи / Пер. с итал. М. Б. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 208 с.*
- 180 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *О биографии Люсьена Бонапарта, депутата, министра, посла, академика, младшего брата Наполеона I, написанной М. Симонеттой и Н. Ариха. Рец.: Симонетта М., Ариха Н. Люсьен, мятежный брат Наполеона. Семья и власть: [биогр. очерк] / Марчелло Симонетта, Ноба Ариха; пер. с итал. Татьяны Кудрявцевой. М.: Слово/Slovo, 2023. 360 с.: ил.*
- 190 **П. А. ПУЧКОВ** *Заметки о «Нанкинской резне» Айрис Чан. Рец.: Чан А. Нанкинская резня. СПб.: Питер, 2024. 352 с.*
- 196 **А. С. СТЫКАЛИН** *Новое исследование по истории Восточной Европы в условиях Холодной войны. Рец.: Csaba Békés, Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022. 400 p.*

224 А. Р. ЛАГНО

*«Европейская мечта. Переизобретение нации»
Алейды Ассман: размышления о памяти, совести
и ответственности. Рец.: Ассман А. Европейская
мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б.
Хлебников. М.: Новое литературное обозрение,
2022. 512 с.*

Россия

230 С. Ю. ШОКАРЕВ

*Гибель царевича Дмитрия Углицкого: взгляд изну-
три. Рец.: Хрусталёв Д. Г. Гибель царевича Дми-
трия. Очерки политики и чародейства конца XVI в.
Санкт-Петербург: Крига, 2022. — 352 с.*

252 М. М. САФОНОВ

*Рец.: Шишов С. П. Политические и экономические
сочинения. Воспоминания. СПб.: Росток, 2021. 760 с.*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

264 М. Е. СОРОКА

*Жития Александра Третьего: «Да и нет не
говорите, черный с белым не берите...». Алек-
сандр III в российских и зарубежных источниках*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

291

*Давид Раскин: «Думаю, что твердое решение
[поступить на исторический факультет] я принял
лет в 8–9»*

315

*Андрей Сазанов: «Наука и культура — вне полити-
ки и конфессий»*

334

Требования к публикации статей и материалов

IN THE ISSUE:

- DISCUSSION. WHAT SHOULD A SCHOOL TEXTBOOK BE LIKE?**
- 9 *Not a line, but a tree!*
- 12 **YA. V. SHIMOV** *History as a history of stories? A contribution to the discussion about the textbooks*
- 17 **A. YU. MOROZOV** *Why I could have become, but did not become, the author of new state history textbooks*
- 28 **V. I. KUZNECOV** *What is this if not a textbook? Rev.: Medinskij V. R. Chubaryan A. O. Istoriya. Vseobshaya istoriya. 1914–1945 gody. 10 klass. Bazovyy uroven. Uchebnik. M.: Prosveshenie, 2023. 239 s.*
- 36 **V. I. KUZNECOV** *For whom have the authors laboured? Rev.: Vseobshaya istoriya. Novejshaya istoriya. 11 klass: bazovyy uroven: uchebnik dlya obsheobrazovatelnykh organizacij / pod red. V. R. Medinskogo, A. O. Chubaryana. M.: Prosveshenie, 2023. 271 s.*
- 42 **K. A. PAKHALYUK** *The Russian State and the Establishment of a «Unified» Historical Narrative: A Critical Examination of V. Medinsky and A. Torkunov’s «History of Russia. Grade 10» Textbook*
-

REMEMBRANCE DATES

The 1993 coup d'état

- 93 *Alexander Shubin: “The evolution of the Russian Federation to its current state is a direct result of the 1993 coup d'état”*
-

SOCIAL PROBLEMS OF HUMANITIES

- 98 *Mikhail Sokolov: “Being less confident in the principle of the autonomy of science from political demands, liberal postmodernists need it more”*

**DISCUSSION. IS THE LEGACY OF THE
DECEMBRISTS STILL RELEVANT?**

- 105 *Oksana Kiyanskaya: "They wanted to make Russia a normal country"*
- 111 **YU. V. LATYSH** *Between the Scylla of Revenge and the Charybdis of National Razor, or The Novella of (Un)Perfect man. Rev.: Kiyanskaya O. I. Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol. M.: RIPOL klassik, 2023. 768 p.*
- 121 **N. N. PODOSOKORSKY** *The Tragedy of Sergei Muravyov-Apostol. Rev.: Kiyanskaya O. I. Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol. M.: RIPOL klassik, 2023. 768 p.*
- 128 **S. E. EHRLICH** *A book about sacrifice, written in the era of consumerism. Rev.: Kiyanskaya O. I. Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol. Moskva: RIPOL klassik, 2023. 768 s.*
-

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

- 137 **A. YU. PERETYATKO** *Rebel and rebellion in the narratives of the Don pre-revolutionary authors: some observations*
-

REVIEWS
The world

- 165 **V. V. MAKSAKOV** *"The judge and the historian" by Carlo Ginzburg: notes in the margins on history, method and price of mistake. Rev.: Gizburg C. Sudja i istorik. Razmyshlenia na polyahprozessa Sofri. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 208 s.*
- 180 **N. N. PODOSOKORSKY** *About the biography of Lucien Bonaparte, deputy, minister, ambassador, academician, younger brother of Napoleon I, written by M. Simonetta and N. Ariha. Rev.: Simonetta 2023 — Simonetta M., Arikha N. Lyus'en, myatezhnyj brat Napoleona. Sem'ya i vlast': [biogr. ocherk]/ Marchello Simonetta, Noga Arikha; per. s ital. Tat'yany Kudryavcevoj. M.: Slovo/Slovo, 2023. 360 p.*
- 190 **P. A. PUCHKOV** *Remarks on "The Rape of Nanking" by Iris Chang. Rev.: Chan A. Nankinskaja reznja. SPb.: Piter, 2024. 352 p.*

- 196 **A. S. STYKALIN** *New research on the history of Eastern Europe in the context of the Cold War. Peú.: Csaba Békés, Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022. 400 p.*
- 224 **A. R. LAGNO** *"The European Dream. The Reinvention of the Nation" by Aleida Assmann: Reflections on Memory, Conscience and Responsibility. Rev.: Assman A. Evropeyskaya mechta. Pereizobreteniiye natsii / per. s nem. B. Khlebnikov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 512 s.*
- Russia**
- 230 **S. Yu. SHOKAREV** *The death of Tsarevich Dmitry Uglitsky: a view from the inside» Rev.: Khrustalev D. G. Gibel' carevicha Dmitriya. Ocherki politiki i charodejstva konca XVI v. Saint Petersburg: Kriga, 2022. — 352 p.*
- 252 **M. M. SAFONOV** *Shipov S.P. Political and economic works. Memories. SPb.: Rostock, 2021. 760 p.*

HOW IT ACTUALLY WAS

- 264 **M. E. SOROKA** *Lives of Alexander III. Neither Black Nor White... Alexander III in Russian and Foreign Sources*

THE TIME OF HISTORIAN

- 291 *«I assume that I made the decision [to enter the history department] when I was 8 or 9 years old»: an interview with D.I. Raskin*
- 315 *Andrey Sazanov: «Science and culture are beyond politics and confessions»*

НЕ ЛИНИЯ, А ДЕРЕВО!

Аннотация: Три преподавателя истории в школе Василий Кузнецов, Михаил Копица и Петр Сафронов выступили с заявлением, в котором критикуют «единый» российский учебник истории за «государствоцентризм» и навязывание единственной точки зрения на события прошлого. Авторы предлагают создать альтернативный учебник, выстроенный вокруг обсуждения проблем-развилок, нелинейности исторического процесса.

Ключевые слова: школьный учебник истории, «государствоцентризм», безальтернативность, альтернативный учебник

Сведения об авторах: Кузнецов Василий Иванович (Adriatic International, Бар, Черногория), Email: kuzyawassya@gmail.com, Копица Михаил Николаевич (Adriatic Novi. Херцег-Нови, Черногория), Email: kopitsam@gmail.com, Сафронов Пётр Александрович (университет Амстердама, Нидерланды), Email: peter.safronov@gmail.com.

NOT A LINE, BUT A TREE!

Abstract: Three high-school history teachers Vasily Kuznetsov, Mikhail Kopitsa and Pyotr Safronov, issued a statement criticizing the “unified” Russian history textbook for “state-centrism” and imposing a single point of view on the events of the past. The author proposes to create an alternative textbook built around discussions regarding forks of history and the nonlinearity of the historical process.

Key words: school history textbook, “state-centrism”, lack of alternative, alternative textbook

Corresponding authors: Vasily Kuznetsov (Adriatic International, Bar, Montenegro), Email: kuzyawassya@gmail.com, Mikhail Kopitsa (Adriatic Novi. Herceg Novi, Montenegro), Email: kopitsam@gmail.com, Petr Safronov (University of Amsterdam, the Netherlands) Email: peter.safronov@gmail.com.

Заявление подготовлено инициативной группой практикующих историков и преподавателей, сформированной в 2022 году. Задача группы — сохранять и развивать демократические подходы в изучении и преподавании истории в школе. В состав группы в настоящее время входят Василий Кузнецов (Adriatic College, Бар, Черногория, Михаил Копица (Adriatic Novi, Херцег-Нови, Черногория), Пётр Сафронов (университет Амстердама, Нидерланды)

Учебник Мединского-Торкунова — ограниченный. И он ограничен целиком, потому что исходит из неприемлемого принципа государствоцентризма и наличия единственной точки зрения. Что же делать в данной ситуации учителям?

Нужно не оспаривать учебник Мединского-Торкунова, а поменять игру: сделать учебник, выстроенный вокруг обсуждения проблем-развилки, нелинейности исторического процесса.

Могут спросить — а зачем вообще писать учебник? Мы считаем, что учебник нужен, поскольку он, в идеале, связывает работу учеников и учителей в школе с передним краем науки, задает методологические ориентиры. То есть учебник нужен не столько для того, чтобы научиться тому, «что» было, а чтобы узнать, «как» можно изучать и как изучают историю представители науки и школы.

Хороший учебник истории должен давать представление о многообразии «локальных» историй, раскрывать существо ключевых проблем историописания России, знакомить

с корпусом источников и свидетельств.

С этой точки зрения учебник Мединского-Торкунова не учебник, а гримуар — средневековый фолиант, пергаментные страницы которого со временем станут отравленными временем и будут опасны для душ «малых сих».

Какой может быть структура такого учебника?

1. В учебнике могут быть разделы, показывающие альтернативы проторенным в учебных программах магистральям. Например, о сопротивлении колониационным процессам в Поволжье и на Чукотке. Важно уделить место полицентричности духовных центров (например, сохранение языческих традиций в Поволжье, Сибири и Забайкалье). Нужны сюжеты, демонстрирующие полицентричность, разрушающие нарратив неизбежности политического вектора московско-петербургского колониализма. Нужно постулировать множественность культурных центров и цивилизационных очагов: Белое море и Север, Приуралье, Поволжье,

Ростово-Суздальское Ополье, Великие степи, Камчатка, сибирские народы и государства. Условия выделения центра, конкуренция территориальных, экономических и политических центров.

2. Очень важно не потерять из виду связь человеческих сообществ с окружающими природными системами. Вообще предложить больше материала, позволяющего исследо-

вать связь между условиями хозяйствования и средой. Следует связать различные условия хозяйствования и экологии, продемонстрировать человеческие сообщества, как часть экологических систем, обратить внимание на социальную экологию, возможно, сделать эту дисциплину одной из основных при создании описательных моделей. Соотношение социальной организации с отношением к природе, влияние структуры обществ на способы взаимодействия человека и природы. Например, нужно описать экологическое измерение имперской экспансии, экологические последствия советской промышленной модернизации.

3. Преодолевая государствоцентричность, учебник может и должен предлагать свидетельства гражданской самоорганизации: уделить место истории ремесленных артелей, описать функционирование и распространение касс студенческой взаимопомощи, развитие благотворительности в имперский период и т. д.

4. Учебник может и должен бросить вызов представлению о ведущей роли государства в обеспечении связности территории. Он должен побу-

ждать учеников и учителей задавать вопрос об условиях формирования сверхцентрализованной модели общения «через Москву». Нужно продемонстрировать динамику взаимодействия народов и государства: описывать кочевые общества, религиозных беглецов, мигрантов и эмигрантов. Описывать практики уклонения от государства, раскрывать тезис об империи как «тюрьме народов», самоопределении, как фактора истории этнических коллективов и их борьбе с политическими доминантами, не забывая и о созидательной роли империи.

5. Учебник должен содержать примеры истории меньшинств и жертв государственных преступлений и способов сохранения памяти о них: холокост, голодомор, политический террор, массовые депортации, все это должно честно и бескомпромиссно отражаться в учебных текстах и дидактических заданиях.

Разумеется, приведенные выше примеры можно оспаривать. Да, нужно оспаривать! Важно только понимать, что в учебнике, с которым не хочется спорить и с которым нельзя спорить, нет никакого смысла.

Я. В. Шимов

ИСТОРИЯ КАК ИСТОРИЯ ИСТОРИЙ? К ДИСКУССИИ ОБ УЧЕБНИКАХ

Аннотация: История это специфическая дисциплина, находящаяся на грани науки и повествования и оперирующая не только фактами, но и их интерпретациями. Автор считает, что нельзя строить изложение ни на неизбежно идеологически обусловленной интерпретации событий, ни на сухой хронологии. Он предлагает третий путь: изложение и сопоставление, а при необходимости даже столкновение разных существующих исторических нарративов. Такая история способна обучить основам критического мышления, умению подвергать сомнению выводы и постулаты, кажущиеся их авторам незыблемыми, видеть сильные и слабые стороны различных типов рассуждений.

Ключевые слова: школьный учебник истории, интерпретация, «фактология», исторические нарративы.

Сведения об авторе: Шимов Ярослав Владимирович, чешско-белорусский историк и журналист, выпускник Московского университета, кандидат исторических наук. Специалист по истории стран Центральной и Восточной Европы (Прага). Email: j.simov@seznam.cz.

Ya. V. Shimov

HISTORY AS A HISTORY OF STORIES? A CONTRIBUTION TO THE DISCUSSION ABOUT THE TEXTBOOKS

Abstract: History is a specific discipline existing on the intersection of science and storytelling. It operates not only with facts, but also with their interpretations. The author believes that textbooks should not be focused either on an inevitably ideologically determined interpretation of events, or on a dry chronology. He suggests a third way: presentation and comparison, if necessary, even a collision between different historical narratives. Such approach allows inculcating the basics of critical thinking, the ability to question preconceived notions that seem unshakable to their authors, and to see the advantages and flaws of various types of reasoning.

Key words: high-school history textbooks, interpretations, chronology, historical narratives

© Я. В. Шимов, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-4-12-16

Corresponding author: Jaroslav Šimov, a Czech historian and journalist of Belarusian origin, graduate of Moscow State University, PhD (candidat istoricheskikh nauk). His specialization is modern and contemporary history of Central and Eastern Europe. Email: j.simov@seznam.cz.

Любую дискуссию следует начинать, разобравшись, о чем, собственно, идет речь. В дискуссии, вызванной появлением новых российских школьных учебников истории, идеологически-пропагандистская направленность которых очевидна любому, кто хотя бы поверхностно ознакомился с их содержанием, на мой взгляд, не хватает в качестве стартовой позиции самого определения понятия «учебник». А ведь оно позволило бы многое прояснить. Итак, учебник — это книга, написанная и изданная для того, чтобы научить своих читателей, то есть обогатить их каким-то объемом знаний об окружающем мире и/или навыков, позволяющих лучше понять, как устроен этот мир в той или иной его части, а значит, как предполагается, увереннее, удобнее, достойнее жить в нем. Это относится к любому учебнику — арифметики, геометрии, физики, биологии, географии, квантовой механики... А вот с историей в этом плане возникают проблемы.

История, как известно, дисциплина специфическая, находящаяся на грани науки и повествования и оперирующая не только фактами, но и их интерпретациями. Это обусловлено самой природой материала, исследованием которого занимается история, — событий прошлого, то есть действий, совершенных в прошлом людьми. Поскольку действия, как и характеры людей, определяются множеством факторов, среди которых очень много субъективных

и иррациональных, — такова уж специфика человека и его психики, — очень сложно применить к историческому материалу какие-либо методы точного измерения его отдельных составляющих и взаимосвязей между ними, то есть такие методы, которые позволяли бы однозначно и без всяких сомнений заявить, что из А следует Б.

Например, согласно распространенному мнению, Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, поскольку корпус маршала Груши, ввязавшись в сражение в другом месте, не успел вовремя прибыть на место основной битвы и склонить чашу весов в пользу французов. Но можем ли мы с уверенностью утверждать, что именно опоздание Груши привело к поражению армии Наполеона, и, явись Груши вовремя, французы одержали бы победу? Не сыграли ли свою, не менее важную, роль другие факторы — лихие, но непродуманные кавалерийские атаки маршала Нея, упорное сопротивление британцев, большая по сравнению с Груши сообразительность прусского командующего Блюхера, подоспевшего на поле битвы вовремя, или общее состояние французской армии, изначально более измотанной, чем войска противника? Нельзя выбрать ни один из этих факторов в качестве бесспорно ключевого, даже несмотря на большое количество документальных свидетельств о том, что происходило до, во время и после битвы. С уверенностью мы можем лишь утверждать,

что Франция битву при Ватерлоо проиграла, а коалиция союзных стран одержала победу.

Это лишь один пример того, как история ускользает от объективного анализа, неизбежно уводя нас в плоскость интерпретаций, которые и составляют ее суть как повествования, нарратива — точнее, набора нарративов. Поэтому представляется, что любой учебник истории, чтобы оставаться именно учебником (см. выше), может иметь своей целью либо обучение некой конкретной интерпретации исторического материала, тому или иному нарративу, либо сообщение ученикам определенного набора фактов, предлагаемых историками как не подлежащие сомнению.

Проблема с первым вариантом ясна сразу: а почему, собственно, ученикам следует принять за единственно верный именно нарратив А, а не Б или, там, Ж? Мединский и его соавторы и единомышленники ответят: чтобы научить их родину любить (точнее, не столько родину как таковую, сколько режим, в данный момент на родине правящий)! Тем самым ставится знак равенства между обучением и идеологической индоктринацией, что открывает блестящие перспективы для политических манипуляторов и пропагандистов и печальные для сторонников научного знания, причем касается это не только истории. В конце концов, опыт показывает, что индоктринация, пусть и чуть более сложными методами, чем в случае с историей, возможна и в куда более «объективистских» дисциплинах: достаточно вспомнить трагедию советской генетики или немецкой евгеники.

Но и второй вариант, сводимый де-факто к обучению сухой хронологии, не приносит облегчения. Во-первых, непонятно, для чего, кроме чистого расширения эрудиции, нужны подобные знания. Во-вторых, общеизвестно, что знать еще не означает понимать, а никакого понимания взаимосвязи между историческими фактами такая «высушенная», безнарративная история принести не может. В-третьих и в-главных, сама возможность предельно объективистской, лишенной интерпретаций истории, — не более чем иллюзия: сам подбор фактов уже является нарративом. Скажем, события Второй мировой войны можно сгруппировать таким образом, что из ее истории исчезнет почти всё, не связанное со столкновением Германии и СССР (эта тенденция была характерна для советской историографии). Но можно произвести и такой отбор, при котором советско-германский фронт покажется не имевшим основного значения, а в лучшем смысле «одним из» театров военных действий (в какой-то мере эта тенденция проявляется в современной западной историографии).

Есть, к счастью, и третий путь, идущий, однако, вразрез с традиционными представлениями об обучении истории. Это изложение и сопоставление, а при необходимости — даже столкновение разных существующих исторических нарративов. Причем сопоставление это может быть двояким. С одной стороны, возможны различные интерпретации отдельных исторических фактов и событий: пакт Молотова-Риббентропа как империалистический раздел востока Европы двумя диктаторскими режимами vs пакт Молотова-Риббентропа

как временная дипломатическая комбинация, позволившая ее участникам в течение двух лет реализовывать свои военно-политические планы, готовясь к будущему столкновению между самими этими участниками. С другой стороны, возможны разные подходы к историческому процессу как таковому — в зависимости от того, каким факторам этого процесса данный нарратив уделяет перво-степенное внимание: история, изложенная с марксистских позиций, будет иной, чем история, изложенная с упором на политические события, а модная нынче «история повседневности» отличается от них обеих.

Элементы такого сопоставительного подхода уже можно встретить в учебниках некоторых стран — мне попадались, например, в немецких и шведских. В странах Центральной и Восточной Европы, как и в России, он пока что распространения почти не получил. Изучение и преподавание истории в нашем регионе до сих пор в значительной мере находится под влиянием процессов посткоммунистического периода, в ходе которых исторические нарративы нередко используются в качестве политического инструмента. Демократический характер большинства государств региона, обеспечивающий достаточно широкую свободу дискуссий на исторические темы, позволяет надеяться на то, что эта проблема постепенно будет преодолена — быстрее, чем в странах с режимами, где интерпретация истории окончательно стала частью авторитарной политики, как в России и Беларуси.

Тем не менее, попробуем представить себе создание учебника, осно-

ванного на изложении и сопоставлении важнейших исторических нарративов. Перед его авторами встанут несколько серьезных проблем. Во-первых, если вести речь о школьных учебниках, такое изложение может оказаться слишком сложным для недостаточно подготовленной аудитории, которой история в результате покажется каким-то бесконечным и бессмысленным спором. Во-вторых, есть опасность, что сам исторический процесс в ходе такого изложения «растворится» в рассказе о взглядах историков на этот процесс. Иными словами, вместо исторических деятелей, народов и социальных групп главными героями такого повествования окажутся сами историки. Это, безусловно, интересное интеллектуальное упражнение — написать историю, в центре которой будут не Гитлер и Сталин, Черчилль и де Голль, Путин и Зеленский, а Эдвард Гиббон и Василий Ключевский, Якоб Буркхардт и Фернан Бродель... Однако история историографии не является историей как таковой, а лишь ее частью. Наконец, в-третьих, как и в случае с подбором исторических фактов, подбор исторических нарративов сам по себе является нарративом. Нужно ли знакомить учеников со взглядами отрицателей Холокоста или сторонников «новой хронологии»?

Всё изложенное проблематизирует подход к обучению истории как главным образом истории размышлений о прошлом и интерпретаций оного. Тем не менее, существует по меньшей мере один плюс, перекрывающий в моих глазах перечисленные выше минусы. Такая история способна обучить основам критического

мышления, умению подвергать сомнению выводы и постулаты, кажушиеся их авторам незыблемыми, видеть сильные и слабые стороны различных типов рассуждений. В идеале обучение истории должно быть тесно связано с обучением основам философии, поскольку главная задача курса истории, освобожденного от актуальных политико-идеологических императивов, — научить мыслить и рассуждать. В практическом плане это означало бы отказ от существования какого-либо единого учебника истории: их должно быть

много и разных, основанных на том или ином подходе к интерпретациям исторического процесса. Дисциплина, в которой нет и не может быть однозначных законов, выраженных четкими формулами и постулатами, может привлекать другим: возможностью выбора, дискуссии, спора. Конечно, всё это бесконечно далеко от ситуации, когда государство хочет диктовать свое «каноническое» изложение истории, и возможно лишь тогда, когда для общественной дискуссии на исторические темы не создаются искусственные препятствия.

А. Ю. Морозов

ПОЧЕМУ Я МОГ СТАТЬ, НО НЕ СТАЛ АВТОРОМ НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Аннотация. Учебник — инструмент организации учебной деятельности по работе с исторической информацией (в основном на уроке). Главный адресат учебника — учитель, он отвечает за организацию учебной деятельности. Необходимый для такой деятельности учебный текст должен обладать набором специфических характеристик, а методический аппарат — определять конструкцию и логику этого текста, а также содержать инструменты, позволяющие учителю и ученикам организовать совместную работу с учебным текстом. Ничего этого не предусматривалось при организации работы над новыми государственными учебниками, а попытки автора настоять на реализации данных принципов закончились его изгнанием.

Ключевые слова: учебная литература, учебная деятельность, методический аппарат

Автор: Морозов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, преподаватель Лицея НИУ ВШЭ, автор учебников и учебных пособий по истории. Email: almor1965@gmail.com

A. Yu. Morozov

WHY I COULD HAVE BECOME, BUT DID NOT BECOME, THE AUTHOR OF NEW STATE HISTORY TEXTBOOKS

Abstract: A textbook is a tool for organizing educational activities for working with historical information (mainly in the classroom). The main recipient of a textbook is a teacher. The methodological apparatus should determine the design and logic of this text. It also should contain tools allowing joint work with the educational text for teachers and pupils. None of these conditions were envisaged during the work on new textbooks, and the author's attempts to insist on the implementation of these principles ended in his expulsion.

Keywords: textbooks, educational activity, methodological apparatus

Corresponding author: Morozov Alexander Yurievich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), teacher at the Lyceum of the National Research University Higher School of Economics, author of high-school history textbooks. Email: almor1965@gmail.com

Автор благодарит своих коллег-методистов, принявших участие в обсуждении данного материала и оставивших ценные замечания и дополнения.

Выход новых государственных учебников истории для 10 и 11 классов резко активизировал в профессиональных и прочих кругах дискуссию, чем эти учебники (не) хороши и, главное, какими учебники истории должны быть. По первому вопросу я писать не хочу, а по второму выскажусь — и как учитель истории с более чем 30-летним стажем, и как (со)автор учебников истории (в том числе пока еще действующих). Тем более что будучи единственным работающим в школе членом многочисленного авторского коллектива по написанию новых государственных учебников для 5–9 классов, я был с треском из этого коллектива изгнан из-за назойливого желания сказать то, что никто слышать не хотел (смайл). Но об этом ниже.

Начнем, как говорится, от печки. Зачем учить историю в школе? Что мы хотим получить на выходе? Здесь у экспертов много умствований в том духе, что школьник должен историю «понимать». Но зачастую, если копнуть поглубже, то выяснится очень простая вещь: под пониманием истории «эксперт» понимает, извините за тавтологию, своё собственное понимание, которое и считает очень важным, прямо-таки жизненно необходимым, вложить в учеников (я называю это «вирусом мессианства»). Вот и всё.

Ну а если не это, то зачем тогда? Есть, конечно, прикладные задачи — развитие и поддержание интереса к истории у части учащихся (по определению у небольшой части, ибо у детей много разных интересов, и это нормально). Еще нужна необходимая база для сдачи экзаменов и поступления в избранный вуз, но это задача для старшей школы, в средней она учеников не вдохновляет (слишком отдаленная перспектива, к тому же далеко не для всех). И вообще всё это, так сказать, для меньшинств, причем небольших меньшинств. А для большинства? Быть образованной развитой личностью — это сегодня ни для кого не катит вообще. Интернет образовывает. Как-то не так образовывает? А почему не так? Надо уметь разбираться в потоке исторической и — шире — гуманитарной информации? О, вот это тепло. Так давайте этому и будем учить, не?

То есть не надо ставить глобальных, аморфных и технологически необеспеченных задач вроде формирования понимания истории (а если мы посмотрим недавно принятую федеральную программу — там почти только такие задачи и есть). Давайте будем **учить работать с исторической информацией**. Не пониманию истории вообще, а пониманию, откуда берутся исторические знания, как эта информация извлекается, преобразовывается, презентуется, как можно и нужно обосновывать свою точку зрения и опровергать чужую на историческом материале, и т.п.

Чтобы на выходе ученик, прочитав текст, что Косыгин — это чудом спасшийся царевич Алексей, все-таки заподозрил неладное (несмотря на целых четыре «убедительных доказательства» в тексте).

Есть и вторая задача — формирование базовых, элементарных представлений о прошлом, картины прошлого в самом общем виде. Чтобы 11-классник на вопрос, что было принято на Руси при князе Владимире, не отвечал — Конституция. Это реальный пример этого года (ответ 11-классницы), и у меня в практике десятки, сотни, тысячи таких примеров! Каждый год, встречаясь с новыми 10–11-классниками, которые вроде бы несколько лет учили историю в школе, я поражаюсь отсутствию у них не каких-то конкретных знаний, а именно общей, элементарной картины прошлого...

Итак, учебник — инструмент организации учебной деятельности по работе с исторической информацией. А кому нужен учебник? Понятно, что вокруг него закручено множество интересов, но все-таки в идеале главный адресат — учитель, в нашем случае — учитель истории. Которому, кстати, в массе своей учебник остро необходим — как ориентировочная основа деятельности. Именно поэтому спикеры, с апломбом утверждающие, что современному учителю учебники не нужны, не вполне разбираются в проблеме. Да, есть 10–15% продвинутых учителей, работающих в 10–15% продвинутых школ, которые учебниками (почти) не пользуются. Я даже больше скажу — я сам такой учитель, мне учебник не нужен, даже

мой собственный. Но основной массе учителей без учебника просто никак. Они буквально мечтают о хороших учебниках.

Идем дальше — а какой учебник нужен учителям? Что значит «хороший учебник»? Да, в разных опросах учителя называют много разных составляющих такого учебника — от «презентации последних достижений исторической науки» до «современного методического аппарата». Но если сказать кратко, учебник должен быть эффективным инструментом организации учебной деятельности. Где? В первую очередь — на уроке. Домашние задания сейчас утратили прежнюю роль, ученик может при необходимости найти ответ на ЛЮБОЙ вопрос в Интернете, сайты ГДЗ (готовых домашних заданий) — одни из самых посещаемых. Часто домашние задания делает кто-то один и распространяет (продает) одноклассникам. Вы скажете, что опытный учитель всегда отличит, обдумал ли ученик свой ответ или просто тупо его списал и зазубрил? Возможно, но не все учителя опытные, не все с этим заморачиваются и вообще вы когда-нибудь спорили с учеником, который считает, что ответил правильно (и формально действительно правильно!), но к нему придираются?

Итак, учебник — инструмент организации учебной деятельности НА УРОКЕ. А как сделать этот инструмент эффективным? Ну не пересказывать же учебник (учителем или учениками)? Хотя это убожество по-прежнему встречается, увы. Но это тот вариант, от которого надо уходить, поскольку эффективностью

тут и не пахнет. Нередкий ответ ученика на мой полный ужаса вопрос, что же у вас было на уроках истории, если ты не знаешь и не умеешь вообще НИ-ЧЕ-ГО — «учебник пересказывали». Или ещё в последнее время распространились так называемые «рабочие листы» к учебникам, которые некоторые «листоделы» сочиняют и продают десятками. Обычно это тот же пересказ учебника, но при этом имитирующий учебную деятельность. Грустно...

А тогда что? Ну, есть же всякие вопросы и задания к тексту, к иллюстрациям, к документам, скажете вы. И потом еще рабочие тетради, методические рекомендации — целый методический шлейф. Но это неинтересно, потому как методика. Гораздо интереснее спорить, как в учебниках надо подать тему сталинских репрессий или СВО, да?

На самом деле методика — это САМОЕ ВАЖНОЕ. Вот мы с вами путем логических размышлений пришли к выводу, что учителя собственно сам текст учебника не особо волнует. Ну, понятно, что он должен быть написан человеческим языком (что, кстати, большая редкость) и быть достаточно информативным. Наверное, содержать какие-то современные взгляды и подходы («что там еще напридумывали-наоткрывали»). А главное — методическое обеспечение, которое и позволяет легко, без особых усилий, или наоборот, очень тяжело организовать работу с текстом и сопровождающими его материалами.

В каких случаях легко, а в каких тяжело? И вот тут мы подходим к тому,

ради чего я всё это пишу. Ключевая проблема в том, что учебники пишут ученые-историки, и в результате, как правило, получается с методической и учительской точки зрения абсолютно непригодный к работе инструмент. Историки даже элементарные методические требования воспринимают как какие-то «странные жертвоприношения богам методики» (выражение одного моего бывшего соавтора, которому я пытался объяснить элементарные вещи). Они сознательно или неосознанно видят в школьном учебнике облегченный вариант вузовского, в котором надо всё разложить по полочкам, ничего не забыть, а потом уже к этому зданию прикрепить всякие вопросы и задания (как архитектурные украшения к каркасу).

Логичное развитие таких взглядов — предложение всю эту «чрезмерную методику» сплавить в рабочие тетради и рекомендации для учителя. Собственно, именно моё категорическое неприятие этой идеи и было одной из основных причин моего изгнания из авторского коллектива. Но, как будет видно из дальнейшего изложения, речь идет вовсе не о «лепнине» на здании, а о каркасе самого здания. Это не «вопросы и задания к тексту», а конструкция самого текста. Кроме того, рабочие тетради смогут позволить себе купить далеко не все ученики, школы и регионы (по сообщениям СМИ, возникли серьезные проблемы даже с закупками учебников для 10–11 классов). По моим наблюдениям, возможность купить рабочие тетради и работать с ними вообще является одним из факторов социальной дифференциации в современной школе, и чем качествен-

нее эти тетради — тем сильнее действие данного фактора («бедняки» попросту остаются без качественной методической поддержки).

Что касается конструирования текста, то приведу простые примеры. Например, в параграфе по гражданской войне в России дается раздел «Причины победы Красной Армии в Гражданской войне». С точки зрения авторов-историков это обязательный раздел параграфа — надо же объяснить, почему большевики победили! С точки зрения методики преподавания это просто недопустимая вещь. Вот есть это перечисление причин побед — и что с ним делать? Ну скажите — что??? Заставить выучить, а потом спросить? Глупо. Ну, умный учитель всегда выкрутится, но вообще-то это не дело.

Текст (текст!) должен быть сконструирован так, чтобы причины были как бы спрятаны в нем. Само слово «причина» в идеале вообще не следует упоминать. Различные факты, отрывки из исторических источников, визуальные источники должны помочь ученику в ходе работы на уроке сформировать и обосновать список возможных причин. При этом те же исторические, визуальные и прочие источники выступают не как дополнение к авторскому тексту, а как полноценная его часть, в каких-то случаях заменяющая авторский текст. И на заключительном этапе урока мы результаты работы обсудим. Причем учебник, обозначая проблемные позиции, не должен предлагать однозначных ответов. Грубо говоря, детей надо учить жевать самостоятельно, а не кормить пережеванной авторами кашницей!

Или вот еще — определение понятий. Любому грамотному методисту известно, что понятия не должны даваться в готовом виде, определения (через род и видовые отличия) должны выводиться учениками самостоятельно, в ходе работы с текстами. Но этого нет, определения обычно прямо даются и в текстах, и в словаре в конце учебника (последнее, впрочем, идиотское требование издательств и контролирующих инстанций, здесь авторы вроде как не виноваты, но почти все они считают это само собой разумеющимся). В итоге ученики вообще не умеют работать с понятиями (сам в этом убедился в этом году, будучи экспертом ЕГЭ и проверяя в том числе задание 19, где как раз требовалось определить понятие — из десятков работ справились, и то условно, считанные единицы, а ведь история — экзамен по выбору!).

Конечно, по острым вопросам учебник должен содержать разные мнения историков. Собственно, приснопамятный список «трудных вопросов истории» и был для этого изначально разработан — раз они трудные, по ним надо давать разные точки зрения. С этим тоже хватает сложностей. По своим научным темам авторы-историки придерживаются зачастую той точки зрения, которая им представляется единственно правильной. Оппонентов они либо не упоминают, либо высмеивают, искажают. Как откровенно высказался уже в ходе обсуждения нового госучебника один коллега (кстати, действительно крупный историк) — а кого мне тут еще цитировать по этой теме, если кроме меня сейчас никого нет, а все прежние историки

устарели. По другим же (не своим темам) авторы обычно приводят наиболее распространенные (иногда даже устаревшие) точки зрения — нет времени разбираться и вникать. Как тоже признался мне в частной беседе один автор, легче всего писать как раз по не своим темам — «гонишь текстуху, особо не заморачиваясь»!

Но важнее даже другое. Методически оправдано не просто цитировать мнения историков по трудным вопросам (сами по себе, вне контекста эти мнения никакой ценности для учеников не представляет), а показать ход мысли историков, их аргументацию, обоснования (не солидаризируясь в тексте учебника с одной из точек зрения как «самой правильной»!). А это требует соответствующей методической конструкции.

Поскольку учебник — это инструмент организации учебной деятельности на уроке, параграф должен иметь четкую структуру. Он должен быть посвящен ключевому вопросу (проблеме), вокруг поиска ответа на который и строится учебная деятельность. В свое время удалось включить в Концепцию нового учебно-методического комплекса положение, что в начале параграфа должен задаваться ключевой вопрос. Эта идея прижилась, но, как часто у нас бывает, в несколько извращённом виде. Вопрос для учеников берется из ниоткуда, просто сам по себе, «из воздуха», он не содержит обоснования для учеников, он не мотивирован. С точки зрения методики это недопустимо, ошибка на уровне практиканта, дающего свой первый урок. Но внушить авторам-историкам мысль о необходимости как-то объяснить,

обосновать происхождение тех вопросов, которые они почему-то вдруг зачем-то решили задать ученикам, оказалось почти невозможно.

Характер главного вопроса тоже вызывает вопросы (опять простите за тавтологию). Авторы-историки постоянно норовят задать вопрос «Как?» Они почему-то уверены, что детям интересно знать, как жили люди в прошлом, как боролись какие-то «силы порядка» и «силы движения», как в Иране возникла держава Сефевидов... Очень интересно, да? В принципе понятно, почему историки думают, что это интересно ученикам — потому что им самим в детстве это всё было скорее всего интересно, поэтому они и стали историками. Сознательно или подсознательно они проецируют свой детский интерес к истории на учеников в целом. Есть и еще один фактор — многие авторы-историки работают в вузах на истфаках (и любят ссылаться в спорах на то, что знают современных детей — ведь к ним приходят вчерашние школьники!). Но это классическая аберрация — думать будто бы интересующихся историей школьников у нас много, это все равно что врачу полагать, что у нас все люди — больные.

А ведь это абсолютно не так. У учеников очень широкий спектр интересов, и до школьной истории в ее нынешнем виде им нет никакого дела. Как говорил мой младший сын (математик по призванию), будучи школьником: «Все эти люди давно умерли, а какое мне дело до покойников?». Есть небольшое число учеников, «зацикленных» на истории, и некоторое число тем, способных

вызвать более широкий интерес в силу специфики содержания и возрастных особенностей школьников (например, европейское Средневековье с его рыцарями и замками). Но и только. И поверьте, вопросы «как?» если и способны пробудить интерес, то обычно довольно специфический (как мучили и казнили?). Гораздо более продуктивен и эффективен вопрос «почему?». Работа с таким вопросом, с одной стороны, чрезвычайно важна для формирования восприятия истории как науки, а, с другой, вызывает познавательный интерес — как некая интеллектуальная задача. Не «как была объединена Германия?» (ну как-как... взяла и объединилась, давно это было и не у нас...), а «почему Германия смогла объединиться после многих столетий раздробленности, и соседи не смогли этому помешать?» А уж отвечая на вопрос «почему?», ученики попутно (!) узнают и «как?». Но авторы-историки, к сожалению, обожают «закакивать» свои учебники...

Наконец, учебник и в целом должен иметь четкую методическую конструкцию, своего рода скелет, понятный и простой для учеников. А это возможно только в одном случае — при движении от общего к частному. Как я всегда объясняю ученикам — вы же когда приезжаете в незнакомый город, в первую очередь смотрите его план, так? И уже потом определяетесь с собственными планами, но, блуждая по городу, всегда понимаете, где находитесь. А вот наше школьное изучение истории напоминает больше всего блуждание по незнакомому городу без всякого плана — посмотрите тут, а еще посмотрите тут... То есть в учебнике

должно быть вводное обобщение, во введении в целом и к отдельным главам такая картина должна презентоваться, с ней надо работать.

Но историков это не интересует или интересует в исключительных случаях. Помню, я слушал интервью Павла Уварова — известного нашего медиевиста и действительно замечательного историка. И он там рассказывал, что когда они взялись за написание многотомной «Всемирной истории», то тут вдруг задумались, что нужно что-то в качестве стержня, а то всё рассыпается. Думали-думали и решили, что таким стержнем должен быть вопрос, почему именно европейцы совершили Великие географические открытия, хотя, например, китайцы и корабли огромные строили, и плавали дальше. Тут я с восторгом понял, что историки просто спланировали эту идею у нас из учебника по истории Средних веков для 6 класса (2004 г.), где во Введении всё это чуть ли не дословно так формулируется и иллюстрируется. Ну, про плагиат, конечно, шутка, хотя, согласитесь, забавно получилось.

То есть надо понимать, что настоящий учебник — это очень сложная методическая (!) конструкция, «заточенная» под организацию учебной деятельности, а на нее уже нанизывается собственно историческое содержание. А ученые-историки этого не понимают и большей частью понимать не хотят (а те кто хотят — не всегда даже и могут, у них мышление под другое заточено, под другой вид деятельности). К тому же о современной школе они просто не имеют представления и часто оперируют очень странными для ученых дово-

дами («да я сам работал в школе до 2004 года», «а у меня дочь — недавняя школьница, так что я в курсе современных проблем молодежи» и т.п.).

Есть еще одна чрезвычайно важная функция современного учебника, на которую авторам-историкам, грубо говоря, наплевать. Учебник истории призван быть навигатором в информационном море. С этим положением вроде бы никто не спорит, тем более что в свое время удалось включить его в Концепцию нового УМК. Но на практике это совершенно не реализуется, хотя сделать учебник-навигатор довольно просто: 1) надо давать большой блок дополнительных вопросов, ориентирующих на поиск информации в Интернете и предоставляющих инструменты этого поиска (теги и пр.); 2) надо к каждому параграфу давать аннотированный (обязательно аннотированный!) список фильмов, книг и компьютерных игр по теме.

Казалось бы, совершенно элементарные вещи. Нет ни одного исторического форума, на котором в десятках вариантов не повторялась бы фраза «Почему нам об этом не рассказывали в учебниках истории? Ведь это же так интересно!» История действительно жутко интересная штука, если не сводить ее к социально-экономическим и политическим процессам (и с культурой «на закуску», т.е. по остаточному принципу). Выше я писал, что у детей самые разные интересы, далеко не только исторические (это очень мягкая формулировка). Но школьную историю можно сделать по-своему интересной для всех — если подобрать вопросы, ин-

тересные для детей, интересующихся математикой, биологией, спортом — да чем угодно!

Сейчас, кстати, появилась новая проблема — отсутствие интереса ВО-ОБЩЕ. Дети вырастают в мире, перегруженном информацией, и естественной защитной реакцией становится просто-напросто какое-то оукливание! В последние годы у меня появились ученики, которые на вопрос о собственных интересах просто недоуменно пожимают плечами — раньше такого никогда не было... Грамотно составленный учебник истории может эту кожуру хотя бы попытаться пробить за счет широкого спектра дополнительных вопросов по выбору (личному выбору!) ученика. Пусть боксёр выберет вопрос, как и при каких обстоятельствах появился этот спорт, финансист — о Компании Южных морей или тюльпаномании, интересующийся анимешник — о возникновении образа тентаклей! Между прочим, грамотно рассказать обо всем этом невозможно вне контекста соответствующих эпох и стран. А вопросы в учебнике должны содержать теги, нацеливающие на поиск информации не абы где, а в определенном направлении. И еще один важный момент — самим учителям должно быть интересно на уроках! Сами учителя должны получить возможность узнавать новое от своих учеников! Ведь это так ужасно — годами, десятилетиями слушать одни и те же ответы, от этого можно сойти с ума (а многие и сходят).

Конечно, всё это достаточно сложная методическая задача. Школьников надо учить так рассказывать о том, что интересно им, чтобы это было

интересно ещё и другим, слушателей надо учить активному слушанию, организовывать их деятельность. Но разве это не имеет огромное значение и для личностного роста ученика, и для формирования пресловутых soft skills? Если школьник даже один раз в год выступит с таким сообщением, рассказав о том что его (лично его!) заинтересовало — уже хорошо! А кто-то и не выступит, но для себя попытается найти ответ на тот вопрос, который его почему-то зацепил... Если мы создадим учебник, содержащий десятки интереснейших загадок, покажем, как много в прошлом еще необычного, непонятного, непознанного — разве это не прекрасно?

К сожалению, все мои попытки действовать в данном направлении при обсуждении модели учебников для 5–9 классов оказались неудачны. Соавторы-историки постоянно требовали больше места для текста! еще больше места для текста!! еще и еще больше места для текста!!! Им самим хотелось как можно больше рассказать, зачем им задавать какие-то вопросы ученикам? Это неинтересно и странно.

Ну и что мы имеем, так сказать, в сухом остатке? Вывод очевиден: историки не должны писать школьные учебники истории. От них, извините, вреда больше чем пользы. Они не знают современную школу, они не знают методику, а это главное. Учебники должны писать методисты. А если ученый хочет написать учебник — ну что ж, пусть хотя бы поработает годик в школе, пусть даже не на полной загрузке — и флаг в руки... Смайл.

Конечно, и от историков может быть польза, и даже большая польза. У нас в России был опыт методически прекрасных учебников — линия издательства «Баласс» в рамках проекта «Школа-2100». Учебники оказались настолько хорошими, что сами учителя активно предпочитали выбирать их для работы. Монстры («Просвещение» и тогда еще живая «Дрофа») стали проигрывать честную конкурентную борьбу и включили административный ресурс, чтобы расправиться с не в меру прытким конкурентом — линию просто выкинули из числа рекомендованных министерством образования. Грустная история, хорошо известная в профессиональных кругах. Но при методических достижениях линейка «Баласса» имела и существенный недостаток — множество чисто исторических неточностей и даже грубых ошибок, потому что создавалась почти исключительно практикующими учителями. Это убеждает, что если мы хотим создать качественный продукт, то историки должны участвовать в этой работе, но выступать в роли заинтересованных консультантов, причем их должно быть много (по тем темам, по которым эти ученые являются специалистами).

Ну а как же все-таки содержание? — спросите вы. И вот тут я приведу одну характерную историю, случившуюся со мной несколько лет назад. Звонит мне женщина и спрашивает, не мог бы я позаниматься историей с ее сыном, меня рекомендовали как очень хорошего специалиста. Я говорю, что сейчас уже поздно к ЕГЭ готовить (разговор состоялся весной). Нет, отвечает она, нам

не до ЕГЭ. Дело в том, что наш сын стал сталинистом (прозвучало это как диагноз тяжелейшей болезни — буквально вот мы либералы, а сын сталинист). Я несколько растерялся и стал расспрашивать, как это ребенка так угораздило. Мама отвечает, что он давно интересуется историей, много читает и даже ходит на лекции и слушает... тут она называет фамилию известного в наших кругах человека, назовем его N. Тут у меня повторно отвисает челюсть, я бормочу, что лично знаю N, читал его учебники и слушал выступления, это ярый либерал и антисталинист, по сравнению с которым я сам чуть ли не сталинист. Мы знаем, грустно отвечает мама, но вот он его слушает и потом всё наоборот...

Я сразу вспомнил эту историю, когда из либерального лагеря в знак протеста против госучебника посыпались предложения написать правильный учебник, «с противоположным знаком». На самом деле содержание не столь уж важно (да-да!). Ученики сами сделают выводы... но только в том случае, если они умеют делать выводы. Если они, читая текст, умеют с ним работать и видят общую картину прошлого. Этому и надо учить.

Ну, и, как говорится, постскрипtum. Как я уже отмечал, у меня часто возникает чувство, что большинство детей после примерно 5–6 класса в школе больше не учатся — они в нее просто ходят, выполняют некоторые ритуальные действия, и всё. Система образования за последние 30 лет деградировала колоссально, и я мог бы вас долго развлекать примерами этой деградации. Я глубоко убежден,

что чиновники никогда не решатся на введение обязательного ЕГЭ по истории — потому что он покажет результаты, способные разгневать Самое Главное Лицо. По крайней мере мой опыт работы экспертом ЕГЭ в этом году произвел даже на меня сильное впечатление — а ведь это экзамен по выбору, и я проверял московских детей!

Конечно, низкое качество учебников — лишь одна из многих причин этой деградации, но при желании хотя бы здесь можно попытаться что-то сделать! А что? Давайте немного краткого конструктива в конце — в альтернативу существующим и готовящимся напишем учебники, в которых будут последовательно реализованы следующие принципы:

- 1) изучение от общего к частному (сначала формируем общую картину, затем уже переходим к деталям);
- 2) мотивированная постановка ключевого вопроса параграфа на основе исходного противоречия;
- 3) тексты параграфов сконструированы так, чтобы ученики сами могли искать в них ответы на поставленные проблемные вопросы, а не получали их от авторов в готовом виде; при этом исторические и визуальные источники являются равноправными составляющими авторского текста;
- 4) определения понятий не даются в готовом виде, а формулируются учениками в ходе учебной деятельности;
- 5) по спорным (трудным) вопросам показан ход мысли историков, аргу-

ментация мнений, при этом нет «правильного мнения»;

б) к каждому параграфу — аннотированный список книг, фильмов и компьютерных игр, а также перечень дополнительных вопросов, ориентированных на учеников с разными (неисторическими) интересами.

Новых же учебников истории бояться нечего — этот самолет не взлетит, потому что летать не умеет. Через некоторое время это выяснится, и тогда будут написаны еще более новые учебники, и еще более-более новые, и еще более-более-более новые...
Удачи вам, господа)))

ЧТО ЭТО, ЕСЛИ НЕ УЧЕБНИК?

Рец.: Мединский В. Р., Чубарьян А. О. История. Всеобщая история. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Учебник. М.: Просвещение, 2023. 239 с.

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на учебник по Всеобщей истории для 10-х классов под редакцией В. Р. Мединского и А. О. Чубарьяна. Рецензент рассматривает его как инструмент передачи мифа относительно важнейшей роли России во всемирном историческом процессе. Однако учебник содержит ряд противоречий, крайних оценок, неточностей, поэтому он не может выполнять возложенную на него миссию. Рецензент предлагает рассматривать книгу Мединского-Чубарьяна как текстовый коллаж, снабженный большим количеством картинок. Идеологическая основа этого коллажа — полонофобия и представление о величайшем вкладе российских подданных и советских граждан в достижения человеческой цивилизации. Рецензент приходит к выводу, что текст Мединского-Чубарьяна не сможет стать эффективным инструментом для передачи знаний.

Ключевые слова: учебник, Всеобщая история, современная история, социальный миф.

Сведения об авторе: Кузнецов Василий Иванович, учитель истории Школы-сада «Компас» г. Бар, учитель истории в «Адриатик Интернейшенал» г. Подгорица. Email: vasi-kuznecov@yandex.ru

V. I. Kuznecov

WHAT IS THIS IF NOT A TEXTBOOK?

Rev.: Medinskij V. R. Chubaryan A. O. Istoriya. Vseobshaya istoriya. 1914–1945 gody. 10 klass. Bazovyj uroven. Uchebnik. M.: Prosveshenie, 2023. 239 s.

Abstract: The reviewer deals with a high school textbook on World History for Grades 10, edited by V. R. Medinsky and A. O. Chubaryan and considers it as a tool for conveying the myth about the most important role of Russia in the World history. The textbook contains a number of contradictions and inaccuracies, so it cannot fulfill the mission assigned to it, as a textbook. The author proposes to consider the book of Medinsky-Chubaryan as a textual collage,

equipped with a large number of pictures. The ideological basis of this collage is polonophobia and the idea of the greatest contribution of Russian Empire and Soviet Union people to the achievements of World civilization. The reviewer comes to the conclusion that the textbook of Medinsky-Chubaryan cannot become an effective tool for the learning history.

Keywords: textbook, World history, contemporary history, social myth.

Corresponding author: Kuznetsov Vasily Ivanovich, history teacher at the “Compass” School-garden in Bar, history teacher at “Adriatic International” in Podgorica. Email: vasi-kuznecov@yandex.ru

Отвечая на вопрос, что такое история, один историк сказал: «Это то, что люди говорят о прошлом». Однако сколько людей, столько и мнений о прошлом, столько мыслей может быть высказано, и в широком смысле весь этот клубок слов и оценок является историей. Не наукой, а социальным мифом, который определяет границы конкретной общности в её геополитическом и символически-культурном окружении. Для передачи мифов используются различные методы — от былин и сказаний до школьных учебников. Для того, чтобы миф передавался посредством учебника последний должен обладать рядом характеристик.

Первая характеристика — это внутренняя непротиворечивость. В учебнике Мединского-Чубарьяна она не раз нарушается, иногда в рамках главы, иногда в рамках абзаца. Вторая — непротиворечивость хронологии. Однако в рецензируемом тексте важные даты в начале каждой главы даны чрезвычайно неравномерно: некоторые с днём и месяцем, некоторые только с указанием года. Бросается в глаза отсутствие системы при выборе упоминаемых событий. Третья — терминологическое единство текста и методического аппарата. Трудно спрашивать определение у ученика, если в тексте учеб-

ника говорится одно, а в «Словаре» — другое. Ряд определений носит устаревший характер. Четвертая — корректность приведенных данных, в первую очередь числовых, по населению, потерям в войнах, ущербу от Второй Мировой войны. При наличии Интернета учитель окажется в ситуации, когда ему придётся либо признать ошибку в учебнике, либо защищать текст Мединского-Чубарьяна.

В рецензии приведены примеры указанных выше характеристик, которые не позволяют признать в тексте Мединского-Чубарьяна учебник в современном смысле этого слова. Эта «история первой половины XX века» написана с ультрасоветских позиций и не допускает возможность дискуссии или рефлексии в процессе взаимодействия с текстом и дополнительными материалами. Именно поэтому книгу (совокупность текста, иллюстраций, методической оснастки и дополнительных материалов) можно воспринимать как идеологический манифест, содержащий в частности элементы полонофобии, а также декларацию выдающейся роли России, не имеющей равных в мировой истории, который выполнен в жанре коллажа с большими текстовыми вставками.

Учебник состоит из трёх глав: две посвящены Первой и Второй Мировым войнам соответственно, а самая большая глава, посвященная межвоенному периоду сопоставима по объёму с двумя другими. В качестве методической оснастки учебник снабжен QR-кодами на дополнительные ресурсы, среди которых «Сайт Президента Российской Федерации», на художественные и документальные фильмы, списками книг, отрывками из исторических источников, иллюстративным материалом, вопросами к тексту, вопросами проектного, исследовательского и творческого характера. В конце располагается «Словарь понятий и терминов».

«Введение» задаёт определённый тон всему материалу, т. к. постулирует отправные точки для последующего изучения той или иной темы. Параграф о холодной войне построен в логике противостояния добра и зла в ходе борьбы за мир во всём мире. В принципе интернациональное объединение в формате международных организаций — это, по мнению авторов учебника, хорошо. Однако, ООН в своих целях используют США и «коалиция государств» ими возглавляемая. У СССР коалиции не было, было «содружество социалистических государств» (с. 11). Текст «Введения» пестрит неточностями фактического и числового свойства. В частности, приведен заниженный показатель населения планеты (Ср.: *Крупнов 2022*), сказано, что после Первой Мировой войны образовалась Югославия (на самом деле только в 1929 г.), употребляется термин «культ потребления», хотя корректней было бы сказать — «культура потребления»

Вторая мировая война представлена как борьба нацистской Германии, фашистской Италии и «других режимов фашистского типа» против Объединённых наций — СССР, США, Великобритании. Причем текст составлен таким образом, что у школьников может сложиться представление, что «режимы фашистского типа» Португалии, Испании, а также утративших свою государственность согласно секретным протоколам к пакту Молотова-Риббентропа Польши и «стран Прибалтики» официально воевали на стороне стран «Оси»: «XX в. дал и многие другие формы, близкие к тоталитаризму [к тоталитарным государствам авторы учебника относят исключительно нацистскую Германию], которые в мировой политике называют авторитарными режимами. Это и классический фашизм, установленный Б. Муссолини в Италии, и другие режимы фашистского типа в Испании, Португалии, Венгрии, Румынии, Польше, Финляндии, странах Прибалтики и т. д. Фашизму и нацизму в XX в. противостояли Объединённые Нации, основу которых составили столь разные между собой в политическом и экономическом отношениях СССР, Великобритания и США» (с. 9).

Авторы уходят от вопроса сущности советских режимов, существовавших в Восточной Европе после Второй Мировой войны.

После холодной войны авторы вспоминают о концепции «конца истории», но не указывают авторства Ф. Фукуямы, который при первой публикации поставил в заголовке вопросительный знак, как бы подвергая сомнению собственный тезис

(*Fukuyama* 1989). Из дальнейшего текста становится понятно, что авторам ближе подход С. Хантингтона (*Хантингтон* 2003): «мир демонстрирует тенденции к многополярности политических систем и вариативности путей социально-экономического развития» (с. 10).

При этом есть одна страна — Россия, благодаря которой и немца переселили в Первой Мировой, и идея социалистической революции нашла отклик во многих государствах, и которая во Вторую Мировую внесла решающий вклад. Поэтому «попытки отрицать или принизить роль России в мировой истории противоречат истине» (с. 11). Наверное, именно эта логика продиктовала необходимость скрупулезного перечисления научных и художественных достижений советских учёных и эмигрантов на Западе во второй главе учебника.

Текст последовательно отстаивает «русского А. Попова» как создателя радио. Однако в США, Великобритании, на Балканах, в Индии существует иное представление о личности изобретателя радио. Общий процесс исследования радиоволн представлен как гонка, в которой победил «русский». По такой логике следует пересмотреть такой расхожий термин как «вселенная Гуттенберга», заменив европейца на китайского мастера Ван Чи, отпечатавшего первую книгу в 868 году.

Терминологические расхождения внутри текста, как и сложность грамматических конструкций не позволяет воспринимать текст однозначно. В тексте Главы 1 дано такое определение: «Шовинизм — стремление ре-

шить проблемы своей нации за счёт других». Сам термин выделен, как представленный в Словаре — специальной части учебника, где читаем: «Шовинизм — крайняя агрессивная форма национализма». Фактически это уже повод для ученической мини-конференции, где участники могут находить аргументы в пользу того или иного определения.

Противоречия на смысловом уровне заключаются в использовании нескольких грамматических основ в рамках одного большого предложения, которые воспринимаются по отдельности и не складываются в единый текст: «После окончания войны СССР восстановил западные границы 1941 г. (с некоторыми изменениями в пользу воссозданной Польши), получил по договоренности с союзниками часть Восточной Пруссии с г. Кёнигсбергом. По соглашению с правительством Чехословакии в 1945 г. Советскому Союзу передавалась Подкарпатская Русь» (с. 220). Из этого нелегко понять, восстановил СССР западные границы или всё-таки изменил их?

Хронологические сведения, вынесенные в начало каждой главы, носят довольно расплывчатый характер и не позволяют спрашивать у учеников конкретные даты («1882 — 1907 гг. — образование Тройственного союза и Антанты», с.14 и др.). Дипломатические отношения накануне Первой Мировой войны представлены слишком схематично, обойдены вниманием Болгарский кризис, отношения Германии и России, роль международного капитала в финансировании военной промышленности России и Германии.

В рекомендованных фильмах присутствуют картины с маркировкой 18+: «Они никогда не станут старше» реж. П. Джексона, «Мартин Иден» реж. Марчелло, «Тихий океан» реж. Поседва и др. Этот факт, несомненно, должен привлечь внимание родительского сообщества, которое вправе решать, на какую информацию их дети могут получать ссылки, а на какую ещё рановато.

В учебнике используется традиционная имперская парадигма в названии регионов СССР (Прибалтика, Закавказье), тогда как в современной публицистике и журналистике присутствуют все необходимые аналоги для более уважительного позиционирования своих ближайших соседей. Упование на традицию в данном конкретном случае наносит существенный ущерб развитию добрососедства и партнерских отношений со странами Балтии и Южного Кавказа.

Некорректно употребляется термин «система международных отношений», утверждается, что «СССР не признавал Версальско-Вашингтонскую систему» (с. 66). Система международных отношений — это абстрактное понятие, которое используют историки и политологи, но в реальности системы международных отношений существуют как набор правовых норм и принципов дипломатического взаимодействия. СССР имел диппредставительства, вёл международную торговлю, следовательно, по определению не мог не признавать существующих принципов международного взаимодействия.

Параграфы 10–11 посвящены развитию неевропейских государств в межвоенный период и открываются с определения колониализма. Авторы кратко излагают историю появления колоний у Испании, Португалии, Нидерландов, Великобритании, но не упоминают о колониях Российской империи. Довольно однобоко и в традиционном советском понимании изложен взгляд на проблему работорговли в Африке: «Только Россия и Китай сегодня могут гордиться тем, что они не участвовали в этом позорном “бизнесе”» (с. 126). Тут сложно поспорить с авторами, т. к. во времена европейского расцвета африканской работорговли связи Китая с Восточной Африкой уже прекратились, но известны большие китайские морские экспедиции в этот регион в начале XV в., а африканские рабы упоминаются в китайских источниках еще со времен династии Тан (618–907 годы) (Levathes 1996: 39, 89, 97).

В очередной раз утверждается, что политика «Drang nach Osten» имеет средневековое происхождение, хотя впервые данное словосочетание появилось только в 1849 г.¹ Примечательно, что начало параграфа о Версальской системе из Введения содержит описание становления системы международных отношений так сказать «от Вестфалиа до Версаля». Здесь же при упоминании «дранга» не даётся никакой конкретной информации, что вызывает дополнительные вопросы и требует пояснения.

Однозначно рисуются взгляды «правлящих кругов Эстонии». Ука-

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Drang_nach_Osten.

зывается лишь, что накануне войны «прогерманские настроения были сильны» (с. 141). Прочитав монографию А. Паюра об одном из отцов эстонской независимости К. Пяте: «Отношения с Германией и Россией были мирными, но этого не было достаточно, с международным правом не считались, право на жизнь малых государств не признавалось. Поскольку Эстония не хотела отказываться ни от России, ни от Германии, оставался единственный выход — балансировать между этими двумя противоборствующими супердержавами, не отдавая предпочтения ни одной из них» (Цит. по: *Рунасов* 2020: 543). Следовательно, на внешнеполитическую ориентацию Эстонии оказывали воздействие многие факторы, а не только предпочтения генералитета и некоторых политиков, но для авторов не существует оттенков в определении «своих и чужих» на полях Второй Мировой войны.

Несмотря на признание авторами наличия пакта о ненападении и упоминания некой сферы интересов СССР, на карте (с.176) границы Союза даны на июнь 1941 г., т. е. не отражают результаты военной и политической активности СССР в отношении Финляндии, Польши, Румынии, Латвии, Литвы, Эстонии. Показательно, что отсутствует азиатский театр военных действий, т. е. Вторая Мировая война постулируется как изначально европейский конфликт. Для закрепления полученных знаний ученикам предлагается составить таблицу «Основные события 1939 — начала 1941 гг.», используя карту, т. е. ни о советско-финской войне, ни о вступлении Красной армии в Латвию, Эстонию, Литву школьник попросту не узнает.

Главной причиной Второй Мировой войны называются реваншизм в Германии и экспансия Японии в Евразии. Вступление СССР в войну против Польши объясняется возвращением утраченных в 1921 г. территорий Западной Украины и Беларуси, т. е. реваншизмом со стороны СССР в отношении Польши. Отдельно упоминается и страх перед коварством союзника, если Красная армия не занимает эти регионы, их непременно займёт вермахт.

Отношениям СССР и правительства Польши в эмиграции придан витальный смысл для будущей истории Польши. Перемещение армии Андерса в Иран определяется как предательство: «Бросив союзника в критический для него момент, лондонские поляки лишили себя права в дальнейшем требовать чего-либо от СССР» (с.182). Такой подход явно противоречит риторике Российско-польской группы по сложным вопросам, сопредседателем которой был А. В. Торкунов, один из соавторов учебника по российской истории. Стоит ли ожидать широкой ревизии результатов деятельности этой группы или то, что было в 2011 году остаётся в 2011 (*Итоги работы Группы* 2011)?

Употребление термина «праведники мира» (вместо «праведники народов мира») как бы исключает эти самые народы. Из трёх перечисленных праведников только Ирена Сендлерова — поляка. Е. Скобцова (мать Мария) — эмигрантка русского происхождения, Ф. Михайличенко — ростовчанин. При этом праведников около 30 тысяч человек из полусотни государств мира. Термин «Холокост»

подаётся исключительно как политика уничтожения, что не учитывает современного состояния разработанности этой темы специализированными исследовательскими центрами (*Альтман, Гербер, Полторацк* 2001: 3).

Ещё одна большая тема — коллаборационизм во время Второй Мировой войны — объединена в одном параграфе с рассказом о движении сопротивления, в котором подчёркивается ведущая роль коммунистов. При этом наличие различных политических сил внутри движения сопротивления, например, в Югославии, объясняется несогласием части населения с коммунистическими ценностями: «Не разделявшие коммунистических взглядов югославские партизаны называли себя четниками (от турецкого слова, означавшего «повстанец») и, как правило, действовали отдельно от войск Тито» (с. 191). В подразделе «Партизанская война в Югославии» не упомянуто имя руководителя четников Драголюбa Михайловича, который был первым по времени организатором вооруженного сопротивления захватчикам и их пособникам и выступал за восстановление легитимного порядка на территории Югославии, т.е. предлагал понятное прошлое, а не утопию социализма.

Авторы особо подчёркивают роль контрнаступления Красной Армии под Москвой. Присутствует вывод, что «грандиозная победа Красной Армии в битве за Москву и присоединение к антигитлеровской коалиции США и Китая давали надежду на освобождение покоренным народам и вдохновляли на сопротивление оккупантам» (с. 191). Возможно, чтобы

не подрывать «надежду на освобождение» у покоренных народов не упоминается провальное наступление Красной армии под Харьковом в 1942 г., а рассказ о Сталинградской битве начинается прямо с немецкого наступления.

Декларируется решающее значение вступления СССР в войну на Дальнем Востоке для принуждения Японии к капитуляции. Авторы показывают, что применение ядерного оружия против двух городов не сломило японцев, а вот уничтожение Квантунской армии оказало решающее влияние. Подчеркивается, что ядерные бомбардировки не были нацелены на достижение скорейшей победы над Японией: «Решение о ядерном ударе было принято, чтобы показать СССР своё военное превосходство и заставить пойти на уступки в разрешении послевоенных вопросов» (с. 216). При этом авторы не указывают, в чём конкретно пришлось согласиться советскому руководству под угрозой атомного удара по территории СССР.

Текст зачастую содержит стилистические погрешности: «Сталин, Рузвельт и Черчилль в рамках Ялтинской конференции договорились...»; «В нем же, учитывая состояние здоровья американского лидера, было принято решение» (с.208); «Цена Второй Мировой была особенно велика» (с. 218). Обилие канцеляризмов и журналистских штампов из дискурса ненависти явно нацелено на опрошение уровня дискуссии в школьной среде на общественно-политические и исторические темы.

«История — это то, что о ней говорят». При этом мнения, подходы,

точки зрения конкурируют друг с другом. Научный поиск и общественная дискуссия позволяют уточнить историческое знание, выстраивать логику культурных мероприятий, грамотно управлять политикой памяти. Коллаж с большими текстовальными вставками отлично готовит к ответам, но совсем не предполагает вопросов к самому тексту. Это герметичный текст, созданный для узкоспециального потребления, который в силу присущих ему характеристик не может выступать эффективным и результативным средством передачи знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Альтман, Гербер, Полторак 2001 — *Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И.* История Холокоста на территории СССР. М., 2001.

Итоги 2011 — Итоги работы Группы по сложным вопросам: прогресс в российско-польских отношениях // МГИМО. 2011. 16 февраля. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/182096/>

Крупнов 2022 — *Крупнов Ю.* Население земли достигло 8 млрд. Чем грозит такой рост человечеству? // *Ведомости*. 2022. 23 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/smartcity/columns/naselenie-zemli-dostiglo-8-milliardov-lyudei-chem-grozit-takoi-rost-chelovechestvu>

Рупасов 2020 — *Рупасов А.И.* Константин Пятс и внешняя политика Эстонии в межвоенный период // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2020. Т. 13. №. 4. С. 540–546.

Хантингтон 2003 — *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Fukuyama 1989 — *Fukuyama F.* The end of a history? // *The National Interest*. No. 16 (Summer 1989), pp. 3–18. URL: <http://www.wesjones.com/eoh.htm>

Levathes 1996 — *Levathes L.* When China Ruled the Seas. The Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–1433. New York: Oxford University Press, 1996.

REFERENCES

Altman I.A., Gerber A.E., Poltorak D.I. *Istoriya Holokosta na territorii SSSR*. M., 2001.

Fukuyama F. The end of a history? // *The National Interest*. No. 16 (Summer 1989), pp. 3–18. URL: <http://www.wesjones.com/eoh.htm>

Hantington S. *Stolknovenie civilizacij*. M.: AST, 2003.

Itogi raboty Gruppy po slozhnym voprosam: progress v rossijsko-polskih otnosheniyah // *MGIMO*. 2011. 16 fevralya. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/182096/>

Krupnov Yu. Naselenie zemli dostiglo 8 mlrd. Chem grozit takoj rost chelovechestvu? // *Vedomosti*. 2022. 23 noyabrya. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/smartcity/columns/naselenie-zemli-dostiglo-8-milliardov-lyudei-chem-grozit-takoi-rost-chelovechestvu>

Levathes L. *When China Ruled the Seas. The Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–1433*. New York: Oxford University Press, 1996.

Rupasov A.I. Konstantin Pyats i vneshnyaya politika Estonii v mezhvoennyj period // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. T. 13. №. 4. S. 540–546.

ДЛЯ КОГО ТРУДИЛИСЬ АВТОРЫ?

Рец.: Учебник «Всеобщая история. Базовый уровень. 11 класс» под ред. Мединского В. Р., Чубарьяна А. О. М.: 2023 272 с.

Аннотация: Статья представляет собой аннотацию на учебник по Всеобщей истории для 11-х классов под редакцией В. Р. Мединского и А. О. Чубарьяна. Рецензент подчеркивает низкое качество текста, не позволяющее рассматривать его как текст учебника. Выдуманные цитаты, незаконченные предложения, разноречивость в хронологии и в написании имен демонстрируют непрофессиональный подход авторов, которые, похоже, не привлекли к подготовке текста редакторов. Рецензентом предпринята попытка определить целевую аудиторию учебника, а также он утверждает, что антизападная идеология используется для индоктринации «коллективного Путина» следующего поколения.

Ключевые слова: учебник, Всеобщая история, современная история, социальный миф, «коллективный Путин», антизападничество.

Сведения об авторе: Кузнецов Василий Иванович, учитель истории Школы-сада «Компас» г. Бар, учитель истории в «Адриатик Интернейшенал» г. Подгорица. Email: vasi-kuznecov@yandex.ru

V. I. Kuznecov

FOR WHOM HAVE THE AUTHORS LABOURED?

Rev.: Vseobshaya istoriya. Novejshaya istoriya. 11 klass: bazovyy uroven: uchebnik dlya obsheobrazovatelnykh organizacij / pod red. V. R. Medinskogo, A. O. Chubaryana. M.: Prosveshenie, 2023. 271 s.

Abstract: In his review of the textbook on World History for grades 11, edited by V. R. Medinsky and A. O. Chubaryan the reviewer underlines, that the quality of the text does not allow to call it a text-book. Fake citations, unended sentences, discrepancies in representation of chronological dates and names of people demonstrate unprofessional approach of the text-book's authors, who didn't involve editors in preparing text for publication. Moreover, the reviewer tries to determine the target audience of the text-book and postulated anti-

west ideology, which is used to indoctrinate the “collective Putin” of next generation.

Key words: textbook, World history, contemporary history, social myth, “collective Putin”, Anti-Western sentiments.

Corresponding author: Kuznetsov Vasily Ivanovich, history teacher at the “Compass” School-garden in Bar, history teacher at “Adriatic International” in Podgorica. Email: vasi-kuznecov@yandex.ru

Девки шьют и поют, мамки порют и плачут

Пословица

Любое учебное пособие создается для конкретной аудитории. Школьные учебники делятся по классам, отдельный жанр — «книги для поступающих в вузы», третий вид — университетские учебники, где от курса, факультета и специальности зависит наполнение конкретного пособия. Всем, кто открывал рецензируемое издание Мединского-Чубарьяна, очевидно, что оно не пригодно для обучения школьников, но текст создан, значит, как писал Маяковский, «это кому-то нужно».

Уже из «Введения», где приводится фейковая цитата Б. Клинтона: «Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы, правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство» (с. 5–6), — становится ясным, что т.н. «учебник» не предназначен для *изучения* истории. Благодаря доступности Интернета, проверка подлинности цитаты займёт меньше пяти минут. Её упоминание в конспирологических материалах, опубликованных под именами различных силовиков (см. *Чиков 2010*), дезавуирует и дискредитирует не только сам учебник Мединского-Чубарьяна, но и преподавание по нему в принципе.

Текст написан в спешке, о чём свидетельствует незаконченный абзац из одного предложения п. 3 параграфа 4 в 1 Главе: «Транснациональные корпорации, гонясь за дешёвой рабочей силой, стали выводить промышленность в страны Азии, Африки и Латинской Америки» (с. 47). Смущает не столько отсутствие точки в конце предложения, сколько отсутствие законченной мысли. У читателя невольно возникает вопрос: «И что из этого следует?» А может по замыслу «криэйторов» школьник должен самостоятельно найти информацию о негативных и позитивных последствиях развития промышленности в названных регионах, или он должен догадаться, что влияние «транснациональных корпораций» — это влияние Запада, а проникновение западного бизнеса в незападные регионы трансформируется в военно-политическое подчинение их жителей «золотому миллиарду»?

Текст разбит на четыре главы:

Глава I. США и страны Европы во второй половине XX — начале XXI в.;

Глава II. Страны Азии, Африки и Латинской Америки во второй половине XX — начале XXI в.;

Глава III. Международные отношения во второй половине XX — начале XXI в.;

Глава IV. Наука и культура во второй половине XX — начале XXI в.

Внутри I главы авторы использовали региональный подход: параграф 5–6 называется «Страны центральной и восточной Европы во второй половине XX — начале XXI вв.», хотя Албания, Болгария, Румыния и Югославия, упомянутые в этом разделе, обычно относятся к юго-восточной Европе.

Начиная со II главы, авторы приводят цитаты из выступлений современных российских и зарубежных политиков, в том числе и руководителей государств, что входит в явное противоречие с преподаванием истории, как событий прошлого. Также они прибегают к спорным политическим терминам, например, «социализм XXI века», «чикагские мальчики», «моральное общество» и др. Авторы не раскрывают большинство закавыченных понятий, т. е. им неочевидно, что школьники хуже их подкованы в публицистических и журналистских штампах прошлого столетия.

В учебнике своеобразно приводятся числовые показатели помощи СССР странам Восточной и Центральной Европы. Указываются «сотни тысяч тонн» зерна, переданного Чехословакии (с. 12–13). Нет в учебнике также и точных данных относительно помощи странам третьего мира. Причины помощи и её последствия, в первую очередь политические, обходятся молчанием, словно предпо-

лагается, что читатель сам должен знать, как жили эти государства в условиях холодной войны (Попов 2018).

В 4-м параграфе первой главы есть пункт «Экономический и экологический кризисы», который наглядно демонстрирует методы работы авторов, а именно метод «вынужденного возвращения». Параграф открывается кратким объяснением причин энергетического кризиса 1974–1975 гг., затем авторы вынуждены были уточнить, что ОПЕК была создана в 1960 г., при этом авторы не дают пояснений о составе и задачах этой организации. Энергетический кризис привёл к отказу от Бреттон-Вудской системы, которая была создана в 1944 г., поэтому авторы уделили абзац рассказу об особенностях этой финансовой системы, как бы исправляя неполноту учебника для 10 класса.

Явно по недосмотру сообщается о нежелательной на территории России организации Гринпис. Причины ее возникновения и деятельность представлены в свете перепроизводства 1970-х гг., которое было порождено западными компаниями, одержимыми «погоней за прибылью» (с. 45). Ответственность за экологическую катастрофу авторы возлагают исключительно на западную модель капитализма, хотя воздействие командно-административных экономик на природу также было внушительным (Pavlínek P., Pickles J. 2002: 18, 39–42).

Изложение многих тем построено по модели «1970/1980 — 2020» или «1990-е — 2020-е». Тем самым пред-

полагается, что школьник может самостоятельно сопоставить ситуацию 70-х, 80-х, 90-х с современностью.

События и исторические деятели упоминаются «вразнобой». Так, параграфы 13–14 «Страны Латинской Америки во второй половине XX — начале XXI вв.» начинаются с таблицы, где упомянуты следующие ключевые события этого периода: «1948 г. — создание Организации американских государств; 1959 г. — победа революции на Кубе; 2005 г. — создан Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА); 2010 г. — создано Сообщество латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК)». И после этого вдруг наплывает «флэшбэк»: «1982 — Фолклендская война» (с. 167). Либо авторы вкладывали в данном случае некую мысль, нарушая хронологию при изложении основных дат, либо это снова «недогляд» редактора, либо ещё одно свидетельство отсутствия оного.

В параграфах 17–18 «Международные отношения в 1990-е — 2023 гг. Кризис глобального доминирования Запада» в таблице ключевых событий применительно к России пропущены 1990-е и 2000-е и указаны только три события: «2014 г. — воссоединение с Крымом; 24 февраля 2022 г. — начало СВО; Сентябрь 2022 г. — вхождение ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской обл.». Первая дата — только год, вторая — день, месяц и год, третья — месяц и год. И такой разницей в датах идет по всему тексту учебника. В этой же таблице события в мире приведены за период с 1993 г. по 2014: «1993 г. — договор СНВ-2; 1997 г. — акт Россия — НАТО; 2002 г. — Мо-

сковский договор; 2010 г. — договор СНВ-3; 2014 г. — переворот на Украине» (с. 210). В результате такого представления выходит, что все международные события крутятся вокруг Москвы, а внутри «коллективного Запада» никаких важных дипломатических событий за эти три десятилетия не происходило. Из ключевых дат как бы вычёркиваются отношения с Китаем, в частности скромно не упомянут факт передачи КНР 337 кв. км. российской территории в 2004.

Также нет единообразия в написании личных имен. Например, на одной странице (с. 80) упомянуты «тогдашний премьер Испании Х. Аснар» и «майор Юнусбек Евкуров». Что хотели сказать авторы, упоминаемая «тогдашнего» испанского политика с инициалом вместо полного имени и товарища майора с полным именем? Наверное, что премьеры в Испании меняются, а роль майора Евкурова в марше на Приштину — это «на века»?

Складывается впечатление, что школьникам предлагается встраивать недостающие пазлы в этот текстовый витраж, чтобы попытаться сложить непротиворечивую картину исторического развития.

Президентские выборы в США 2020 г. открыто признаются фальсифицированными, а виновниками этого объявляется Демократическая партия США (с. 54). Возможно ли, чтобы в процессе написания учебника на авторов оказывалось давление со стороны представителей Республиканской партии США? Политике Д. Трампа не только отведено почти

полторы страницы, но и признаётся, что она является реакцией на кризис глобализации, т.е. в целом соответствует интересам России в том виде, как они представлены в тексте. В аналогичной справке о Дж. Байдене приводится его цитата о необходимости бомбить мосты через Дунай во время войны в Югославии, указывается, что Байден самый старый из всех президентов США, и что у его семьи есть экономические интересы в Украине. Фото Байдена — это единственное фото главы государства в чёрной марлевой маске.

Таблица «"Мировое турне демократии": кого бомбили США и НАТО» не имеет никакого методического сопровождения. Непонятно, зачем она дана: она не раскрывает ни причин, ни следствий этого «мирового турне» (с. 56–57). Складывается впечатление, что это таблица представлена с целью доказать агрессивную сущность блока НАТО, который, распространяясь в сторону российских границ, бомбит «все что шевелится» от Индонезии до Гватемалы. При этом в таблице не уточняется, какие военные операции США осуществляли самостоятельно и какие под эгидой НАТО. Тем самым военно-политический блок отождествляется с американским государством.

В качестве одной из угроз для современности авторы называют «неонацизм», который по их мнению уже захватил страны Прибалтики и Украину. Развитие политической ситуации в Европе характеризуется смелой метафорой: «ЕС стремительно превращается в IV Рейх» (с. 262). Непонятно, как в этом свете должна оцениваться концепция

«Москва — Третий Рим», которая возникла из той же средневековой идеи «передачи Римской империи», и которая так популярна в российских правых общественно-политических кругах (https://www.dialog.ua/russia/166505_1544183984).

Так для кого же написан этот текст?

Мозаичность представленных событий, фактическое слияние понятий «Восточная Европа» и «Социалистический блок» наводят на мысль, что читателя готовят к тому, что он должен ментально пребывать в состоянии холодной войны с Западом. Упоминания лидеров «дружественных» в настоящее время России стран по именам (Уго Чавес, Николас Мадуро и др., но при этом западные лидеры удостоены только инициалов Д. Трамп, Дж. Байден) подчёркивает важность «незападных» регионов мира для России, следовательно, читателя приучают к тому, что он должен быть «антизападником».

Авторы явно сочувствуют социалистическому блоку, а его распад описан как трагедия, повлекшая за собой войны и жертвы. Возможно, что школьников хотят научить испытывать resentment по поводу демонтажа СССР и международных структур, с ним связанных. Наконец, адресат этого текста не должен иметь выхода в Интернет, либо быть начисто лишённым любопытства, т.е. попросту *верить* написанному, не подвергая сомнениям постулаты, изложенные в тексте.

Складывается впечатление, что учебник написан для «коллективного Путина» будущего, чтобы от-

рапортовать начальству, что воспитание молодого поколения находится в надежных руках, школьникам прививается антизападное мировоззрение, утверждается, что Россия выступает главным противовесом всем угрозам, которые существуют в мире и проистекают с Запада. Вспоминается, что после 1933 в немецких учебниках Германия также представляла противовесом угрозе, которая тогда, по мнению их создателей, проистекала от мирового еврейства в лице «жидо-большевиков», — с одной стороны, и «еврейских торгашей» — с другой (Ерохин, Ефимов 2016). После 1945 многих из учившихся по этим учебникам ждали образовательные экскурсии по бывшим лагерям смерти. История, как известно, повторяется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ерохин, Ефимов 2016 — Ерохин В.Н., Ефимов С.Д. Антисемитизм как основа идеологии германского нацизма // Восемнадцатая всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. 2016. С. 389–394.

Попов 2018 — Попов А.А. Торгово-экономические отношения СССР со странами СЭВ во второй половине 1950-х гг // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2018. № 1. С. 79–84.

Романенко 2021 — Романенко С.А. Балканы/Юго-Восточная Европа: Регион-загадка и регион загадок // *Актуальные проблемы Европы*. 2021, № 2 (110) С. 22–58.

Чиков 2010 — Чиков В.М. Анализ прошлого и будущего // URL: https://nvo.ng.ru/notes/2010-09-24/14_analiz.html

Pavlínek P., Pickles J. 2002 — Pavlínek P., Pickles J. *Environmental transitions: transformation and ecological defense in Central and Eastern Europe*. — Routledge, 2002.

REFERENCES

Chikov V.M. Analiz proshlogo i budushtego // URL: https://nvo.ng.ru/notes/2010-09-24/14_analiz.html

Erohin V.N., Efimov S.D. Antisemitizm kak osnova ideologii germanskogo nacizma // *Vosemnadcataya vserossijskaja studencheskaja nauchno-prakticheskaja konferencija Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. S. 389–394.

Pavlínek P., Pickles J. 2002 — Pavlínek P., Pickles J. *Environmental transitions: transformation and ecological defense in Central and Eastern Europe*. — Routledge, 2002.

Popov A.A. Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya SSSR so stranami SЭV vo vtoroj polovine 1950-h gg // *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*. 2018. № 1. S. 79–84.

Romanenko S.A. Balkany/Jugo-Vostochnaja Evropa: Region-zagadka i region zagadok // *Aktualnyje problemy Evropy*. 2021. № 2 (110). S. 22–58.

К. А. Пахалюк

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И «ЕДИНЫЙ» ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ (критическое исследование «учебника» «История России. 10 класс» В. Р. Мединского и А. В. Торкунова)

Аннотация: «Учебник» истории России В. Р. Мединского и А. В. Торкунова рассматривается как один из продуктов государственной политики памяти. Он нацелен на вменение того образа истории, где прошлое страны сведено к развитию государственных органов и труду людей на их благо. Любое преступление государства оправдывается авторами через ссылки на внешнюю угрозу или важные государственные задачи, что составляет главный этический посыл данного пособия. «Ура-патриотизм» неизменно скатывается в рассказ об «исторических обидах», несправедливостях и предательствах, воспитывая ущербно-обозленное мировоззрение. Широко используемые манипулятивные приемы позволяют добиться этого. Стирание граней между историей и памятью — один из отличительных признаков предложенного подхода. Фактически коррупционное поведение В. Р. Мединского, превратившего «учебник» в инструмент непрямой саморекламы, на наш взгляд, отражает его глубинное отношение к политике памяти как процессу.

Ключевые слова: политика памяти, Мединский, манипуляции, Вторая мировая война, сталинские репрессии

Сведения об авторе: Пахалюк Константин Александрович, кандидат политических наук, независимый исследователь, г. Хайфа (Израиль). Email: kap1914@yandex.ru.

К. А. Pakhalyuk

THE RUSSIAN STATE AND THE ESTABLISHMENT OF A "UNIFIED" HISTORICAL NARRATIVE:
A Critical Examination of V. Medinsky and A. Torkunov's "History of Russia. Grade 10" Textbook

Abstract: In this article, I scrutinize the "unified textbook" of Russian history authored by Vladimir Medinsky and Anatoly Torkunov, considering it as

a product of the state's memory policy. This textbook is crafted to convey a historical narrative in which the nation's past is distilled to the development of state institutions and the toil of its citizens for their collective welfare. A range of manipulative techniques is extensively employed to achieve this goal. A noteworthy characteristic of this approach is the deliberate blurring of the boundary between history and memory. We contend that the questionable conduct of Vladimir Medinsky, who has effectively transformed this "textbook" into a tool for indirect self-promotion, mirrors his deep involvement in the realm of memory politics.

Keywords: memory politics, V.R. Medinsky, manipulation, World War II, Stalinist repressions

Corresponding author: Pakhaliuk Konstantin Alexandrovich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Independent Researcher, Haifa, Israel. Email: kap1914@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

В 2010-е гг. обращение к истории стало для российской власти ключевым способом привнесения ценностного измерения в политическую жизнь (Пахалюк 2020). Нарастание авторитарных тенденций вело к деполитизации социально-экономических вопросов при политизации культуры (Буд-райтскис 2020). Еще в середине 2000-х гг. В.В. Путин выдвинул тезис о единой тысячелетней истории России, который и стал основой для властного исторического нарратива (Малинова 2015): в его центр было поставлено государство, а главной ценностью провозглашено служение ему. Этот нарратив расширялся тематически, демонстрируя поразительную всеядность: образовавшаяся сеть околосударственных общественных институтов памяти, конечно, прорабатывала память о Великой Отечественной войне, превратив ее в подобие гражданской религии, однако одновременно актуализировала другие страницы прошлого, в основном из имперской или средневековой истории.

Но все же это была политика памяти (подробнее о понятиях см.: Миллер

2012), которая, будучи децентрализованной, взяла на вооружение различные способы манипуляции. Федеральная власть ограничивалась пропагандой, медийными компаниями против «неудобных» (будь то телеканал «Дождь» или историк К.М. Александров) и отдельными запретами (как введение уголовной статьи за оправдание нацизма и отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом). Российские чиновники и пропагандисты больше рассуждали о «единой истории», нежели собирались производить единый и обязательный исторический нарратив. Порою государство обращалось, наоборот, к более углубленным механизмам совмещения семейной и государственной памяти (как в случае с празднованием 9 мая и акцией «Бессмертный полк»).

Определенные изменения начались в 2020-е гг. с введением в конституцию декларативных фраз об историческом единстве и началом продвижения концепции «геноцида советского народа». Она родилась в недрах Администрации Президента: вместо, увы, привычного

манипулирования образами трагедии там посчитали возможным навязывать обязательное использование понятия «геноцид советского народа», оказывая прямое давление на академическую науку. Показательно, что в 2020–2021 гг. сам В.В. Путин был осторожен в использовании этого термина, а его медийное продвижение началось еще до того, как небольшая группа провластных историков и публицистов (А.Р. Дюков, В.В. Симиндей, Е.Н. Яковлев) стала подверстывать под него факты. Признаться, тогда мне казалось, что это временная кампания, которая закончится примерно к 2024 г., когда иссякнут соответствующие бюджеты.

Политика памяти постепенно эволюционировала в более последовательную историческую политику. Хотя за ее пределами сохранялось немало пространства для более свободных и творческих подходов к прошлому и его коммеморации (см. напр.: *Еремеева 2021; Политика памяти 2023*). При всех описанных процессах политизации сам подход, противопоставляющий «официальную» и «народную» память, представляется упрощенным.

«УЧЕБНИК» МЕДИНСКОГО-ТОРКУНОВА КАК ПРОДУКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Полномасштабная агрессия против Украины, начатая 24 февраля 2022 г., и последующая затяжная война изменили ситуацию. Война нанесла сокрушительный удар по российскому обществу и механизмам культурной интеграции. Историческая и геополитическая риторика, и ранее актив-

ная, теперь выросла в цене: именно она создает ту информационную завесу, которая позволяет отчуждать россиян от реальности и побуждает свыкнуться с происходящим (см. о не-противниках войны: *«Смириться»*, 2023).

Война оказалась менее популярна среди молодежи, что также привело к ответным методам идеологического воздействия: введение уроков «Разговоры о главном», усиление военно-патриотического воспитания, а также появление новой дисциплины в вузах «Основы российской государственности». Степень эффективности этих мер остается под вопросом. Решение в очередной раз переписать школьные учебники истории отчасти вписывается в эту логику.

Идеологическое давление на школу началось в первые годы нахождения В.В. Путина у власти, а в начале 2010-х гг. активно обсуждался вопрос создания «единого учебника истории». Согласно опросам, порядка 58% россиян поддерживали эту идею (*Shnirelman 2021: 119*), а введение ЕГЭ по истории делало ее принятие вполне прагматичным шагом. Однако широкая критика заставила власти ограничиться созданием Историко-культурного стандарта (ИКС), которому должны соответствовать учебники истории, включенные в Федеральный перечень учебников (позицию критиков властного подхода см.: *«Кто боится»*, 2013). Только последние могут использоваться на уроках, а государство тратит серьезные средства на их приобретение. Координацией экспертных сообществ для выработки

Концепции преподавания истории и ИКС занималось Российское историческое общество. Оно же с 2014 г. получило полномочия проводить научную историко-культурную экспертизу. В 2019 г. вся экспертиза вернулась обратно в министерство просвещения (подробнее об изменениях см. *Гагкуев 2021*).

С точки зрения идейного воздействия конкуренция нескольких «патриотических» версий российского прошлого никакой угрозы не несла. Однако учебная литература — один из наиболее выгодных сегментов книжного рынка. На протяжении последнего десятилетия активную конкурентную борьбу вели три игрока: «Просвещение», группа «Эксмо — АСТ» (бренды «Дрофа», «Вентана Граф», «Российский учебник», «Астрель») и «Русское слово». Именно они в 2015 году запустили собственные линейки учебников, к концу 2020 года их количество возросло с 3 до 5, а общее количество учебников до 69 (*Гагкуев 2021: 25*).

Одним из проявлений конкуренции стало приглашение известных политических/бюрократических фигур в «редакторы» серий или авторы учебников. Так, «Русское слово» сделало ставку на В. А. Никонова (депутат) и С. В. Девятова (связан с Федеральной службой охраны), «Просвещение» — на ректора МГИМО (У) МИД России А. В. Торкунова, а «Российский учебник» — на министра культуры В. Р. Мединского. Частный бизнес сам стал заинте-

ресован в поиске «политических покровителей». Другими словами, политизация темы исторического образования в школе оказалась одной из оборотных сторон рыночной борьбы в условиях нарастающего авторитаризма и рентных практик поведения (то есть обеспечения прибыли за счет близости к власти, а не рыночной конкуренции, см. подробнее: *Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019*).

В 2020 г. «Просвещение» выкупило у «Эксмо» учебные бренды, став фактически монополистом. Обратим внимание, что в 2010-е гг. блокирующей долей компании владел бизнесмен Аркадий Ротенберг, человек из ближайшего окружения В. В. Путина. В 2021 г. по 25% долей «Просвещения» выкупили Сбербанк, РФПИ и ВЭБ.РФ¹. Фактический рыночный монополист стал окончательно подконтрольным государству. Это, к слову, не привело к прекращению конкуренции, в том числе и между редакциями внутри. Так, в конце 2021 г. из федерального перечня учебников едва не была выбита линейка под редакцией В. Р. Мединского: его учебник базового уровня XX — начала XXI века обвинили в «отсутствии патриотизма» и «серьезных искажениях».

Военное время способствовало окончательному прекращению конкуренции на рынке учебной литературы. Здесь совпали интересы как чиновников, которые видят в этом возможность усилить контроль над

¹ Связанная с Аркадием Ротенбергом компания сохранила долю в группе «Просвещение» // Forbes. 2023. 13 окт. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/498269-svazannaa-s-arkadiem-rotenbergom-kompania-sohranila-dolu-v-gruppe-prosvesenie> (дата обращения: 30.10.2023).

умами молодежи или отчитаться об этом, так и фактического монополиста, который окончательно устранил конкурентов и за счет государственного бюджета (федерального и региональных) заработает на перевыпуске «правильных учебников». Непосредственно для В. Р. Мединского появилась возможность усилить позиции, сделав этот проект своей новой «визитной карточкой» и залогом политического выживания. После того, как в 2020 г. его сделали помощником президента, он больше не может напрямую распоряжаться бюджетами и проводить самостоятельную политику в сфере культуры, а личного политического веса не хватает, чтобы использовать все потенциальные возможности новой должности.

Единый «учебник» (его содержание заставляет использовать кавычки) отечественной и всемирной истории для 10–11 классов презентовали в начале августа 2023 г., однако вся линейка для 5–11 классов должна появиться только через год. Такая спешка напрямую указывает на политический заказ. Представленное издание вызвало волну критики в среде оппозиции и российской эмиграции. В ответ В. Р. Мединский заявил, будто его оппоненты

пользовались черновой электронной версией, в то время как в печать ушла исправленная². Серьезные разночтения между появившимся в Интернете макетом и изданным «учебником» так и не обнаружены. В конце августа на форуме педагогов В. Р. Мединский постарался сделать вид, будто не слышит аргументацию критиков, представив ее так, будто речь идет о разнице взглядов на содержание, а не о принципиальных разногласиях³.

«Учебник» вызвал раздражение в Венгрии из-за оценок венгерского восстания 1956 г. Если в конце августа представитель венгерского министерства иностранных дел заявил, что правительство не согласно с предложенными интерпретациями, но не будет придавать разногласиям политический вес, то спустя некоторое время лидер ультраправой партии «Йоббик» призвал, наоборот, к активному дипломатическому давлению⁴.

После того, как «учебник» начал поступать в российские средние школы, с критикой выступила Чечня. 20 сентября Российский конгресс народов Кавказа потребовал запретить его, поскольку репрессированные Сталиным кавказские народы пред-

² Мединский и Кравцов представили новый учебник истории для старшеклассников // Ведомости. 2023. 8 авг. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/08/08/988994-medinskii-i-kravtsov-predstavili-novii-uchebnik-istorii> (дата обращения: 29.10.2023).

³ Владимир Мединский выступил на Форуме педагогов Подмосковья // Российское военно-историческое общество. 2023. 22 авг. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/vladimir-medinskij-vystupil-na-forume-pedagogov-podmoskovya> (дата обращения: 29.10.2023).

⁴ В Венгрии не согласны с изложением событий 1956 года в новом российском учебнике истории // ТАСС. 2023. 30 авг. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18620701> (дата последнего обращения: 29.10.2023); Лидер фракции «Йоббика» призывает правительство требовать от РФ отозвать и переписать учебник Мединского // GuildHall. 2023. 12 сент. URL: <https://ghall.com.ua/2023/09/12/lider-fraktsii-jobbika-prizyvaet-pravitelstvao-trebovat-ot-rf-otozvat-i-perepisat-uchebnik-medinskogo> (дата обращения: 29.10.2023).

ставлены «наряду с бандеровцами, власовцами»⁵. Председатель парламента Чечни М. Даудов заявил, что по поручению Р. Кадырова связался с Администрацией Президента и довел соответствующую позицию в т. ч. до В.Р. Мединского. Тот поспешил заверить, что изменения будут внесены.

Хотя школьные учебники и являются «привилегированными медиа» (Lässig 2009: 3), их задача — способствовать образовательному процессу, взаимодействию учителя и ученика. Созданные для конкретной цели, с учетом образовательного процесса и специфики возрастного восприятия, они не могут воплощать «правильную» историю. Разговор о преподавании истории в школе неверно сводить лишь к содержанию учебников. Некоторые критики уделяют излишнее внимание историческому нарративу, игнорируя методический материал, организующий изучение.

В современной России преподавание истории вызывает общественный резонанс, поскольку государство намеренно политизирует этот процесс. Потому «учебник» В.Р. Мединского и А.В. Торкунова, к сожалению, имеет смысл рассматривать как продукт государственной политики памяти, отражающий взгляды ответственных лиц, какую историю надо рассказывать в школах. Повышенное внимание именно к содержанию свидетельствует о том, что этот процесс преподава-

ния сведен к усвоению обязательно го материала. Перед нами отчетливая попытка сконструировать официальный исторический нарратив, пусть и ограничивающийся пока последним столетием. Это поручено людям, которые по своему опыту не имеют никакого отношения ни к школьному образованию, ни к изучению отечественной истории XX века.

В этой статье я сосредоточусь на изучении только одного «учебника» В.Р. Мединского и А.В. Торкунова «История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень», оставив второй для последующего разбора. Ввиду заявлений о недостоверности электронных версий анализу подверглось печатное издание, купленное в октябре 2023 г. в книжном магазине «Библио-глобус» (Москва). Первая часть статьи будет посвящена прояснению принципов конструирования исторического нарратива об истории России 1914–1945 гг. с целью выявить продвигаемый образ истории этого периода и те ценностные представления, которые он несет. Особое внимание будет уделено стиранию граней между историческим повествованием и государственной политикой памяти, а также манипуляционным приемам. Следующие две части представляют разбор в общей сложности четырех параграфов, раскрывающих те темы, в которых я могу считать себя специалистом: русская армия в годы Первой мировой войны и нацистские преступления.

⁵ В Чечне заявили об изменении главы учебника истории о репрессированных народах // Вedomosti. 2023. 23 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/09/23/996785-chechne-raskritikovali> (дата обращения: 29.10.2023).

НАВЯЗЫВАЕМОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Государство-центризм

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов предлагают государство-центристскую версию событий 1914–1945 гг., где история страны сведена к эволюции государственных форм по стройной линии: вызов Первой мировой — революция — установление советской власти — строительство нового общества — всеобщее единение во имя победы против нацистской Германии. Внешний мир — источник угроз, союзники — ненадежны. Общественных структур в таком воображении нет: они либо сводятся к государству, либо низводятся до действий индивидов. Все, что не вписывается, либо отсекается, либо представляется в качестве «частностей» или досадных ошибок. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов активно используют манипулятивный прием, описанный французским семиологом Р. Бартом и названный им «прививка»: вы частично признаете негативные явления (например, «сам факт репрессий») с тем, чтобы обесценить его и замаскировать системные проблемы (см.: *Барт* 2008).

История Первой мировой — это, прежде всего, история армии и государства, оказавшегося в условиях мировой войны. Революция показана преимущественно как политическая борьба за будущее страны. Прояснение партийных позиций оказывается важнее освещения общественных процессов. События Октябрьской революции показаны сухо, с акцентом на неудачи на фронте и усугубление общего кризиса. Внимание учеников не привлекается к тому, что

сформированный на Второй Съезде советов Совет народных комиссаров был также временным правительством, имеющим полномочия только до Учредительного Собрания. Его разгон в январе 1918 г. подан не менее кратко: с одной стороны, упоминается применение вооруженной силы для разгона демонстраций в его поддержку, с другой — указывается, что «большая часть жителей России восприняла это событие спокойно» (С. 67).

Драматизм событий 1918–1922 гг. устранен за счет выбранного нарратива, то есть организации повествования, которое в центр внимания ставит успех советской власти и тем самым заставляет его воспринимать как нечто непроблематичное. В параграфах №6–7 выстраивается следующая последовательность пунктов: «первые декреты новой власти», «учредительное собрание», «организация власти советов», «создание новой армии и спецслужбы», «Брестский мир», «Первая Конституция России 1918 г.», «национализация промышленности», «Военный коммунизм», «Военный коммунизм в деревне», «План ГОЭЛРО». И только затем идут три параграфа собственно о Гражданской войне, которая по большей части сведена к противостоянию «белых» и «красных». Кронштадтское и крестьянское восстания перенесены вообще во 2-ю главу «Советский Союз в 1920–1930-е гг.», тем самым структурно отрываясь от Гражданской войны.

В.Р. Мединскому и А.В. Торкунову в большей степени интересно рассказать о причинах успеха советской

власти: уделяя минимальное внимание радикальным идеям мировой революции, они утверждают, что большевикам «удалось убедить большинство населения в том, что именно они являются единственным защитником национальных интересов России. Кроме того, большевики сумели предложить привлекательный образ будущего — перспективу построения нового, справедливого общества» (С. 111). Образ защитников национальной России убедителен за счет исключения интернационализма. Хотя ход боевых действий Гражданской войны показан сквозь призму «белых», авторы сосредоточивают особое внимание на их ошибках и связях с иностранными государствами. Там, где было бы адекватно обсуждение противоречий, авторы идут путем навязывания определенного подхода.

Государство-центристский нарратив развивается во 2-й и 3-й («Великая Отечественная война 1941–1945 гг.») главах. Период НЭПа представлен, с одной стороны, как ответ на тяжелейшие последствия «эпохи “великих потрясений”» и массовое недовольство политикой «военного коммунизма» (С. 156). В центре внимания — достигнутые экономические успехи, развитие административного деления, политическая борьба и создание «нового общества».

Признание проблем подводит ученика к принятию необходимых изменений 1930-х гг.: сначала ему рассказывают про успехи индустриализации: «Ценой трудового героизма и энтузиазма населения, мобилизации всех материальных и человеческих ресурсов (включая труд заключенных

системы ГУЛАГ) СССР добился экономической независимости. Советская промышленность была способна производить любой вид продукции» (С. 218). Затем сообщают об успехах развития села в ходе коллективизации: признание ошибок, упущений, голода и жертв не отменяет главного вывода: «коллективизация решила проблему свободной перекачки средств из аграрного сектора в промышленность, снабжения армии и индустриальных центров продуктами сельского хозяйства, а также задачу поставок хлеба и сырья за границу» (С. 227).

Глава о Великой Отечественной войне завершает эту восходящую линию: это финальный аккорд единения государства и общества, осененного победой, имеющей «всемирно-историческое значение. Своим подвигом Красная Армия заслужила признательность народов всего мира. Разгром фашизма способствовал усилению национально-освободительного движения, скорому краху колониальной системы» (С. 472).

Это простой исторический нарратив, который навязывает определенную оптику восприятия исторического развития. Она совпадает с той, которая одновременно продвигается в государственных медиа и порождает социальную аномию: если будущее всегда зависит от государственных учреждений, то собственно простой человек может просто удалиться в бытовую повседневность. Оттуда его могут, конечно, иногда выдернуть, но по обстоятельствам, которые лучше известны правителям, а значит, эти «издержки» стоит признать в качестве исторически неизбежных.

Внешний мир: угрозы и предательство

Для В.Р. Мединского и А.В. Торкунова большую роль играет специфическое представление о внешнем мире. Внешняя политика России и СССР систематично не раскрывается, из 40 параграфов только два посвящены ей полностью (параграф № 17 «Международное положение и внешняя политика СССР в 1920-е гг.» и параграф № 27 «СССР и мировое сообщество в 1929–1939-е гг.»). Многочисленные отсылки или пункты в других тематических разделах нацелены на то, чтобы убедить: Россию неоднократно предавали и на нее нападали, ей не на кого надеяться, кроме себя и своей армии, и только тогда с нами будут считаться. Эмоционально это усиливается постоянной демонстрацией «исторических обид» — различного рода несправедливостей в прошлом и настоящем по отношению к России.

В параграфе № 2 о русском фронте Первой мировой В.Р. Мединский и А.В. Торкунов пытаются доказать, что Россия неоднократно спасала союзников, однако те лишь пользовались ею. И Германия, и Антанта в равной мере обвиняются в поддержке националистических движений в годы Гражданской войны, а также в ее разжигании: «Лишь после начала **иностранной интервенции** сторонников контрреволюции стали называть белыми, а на полях Гражданской войны сформировались фронты. При этом оккупанты и интервенты — вначале Германия, Австро-Венгрия и Турция. А за ними и государства Антанты — увидели в российской смуте не только опасность для себя, но и возможность

поживиться за счет России» (С. 89). В конце этого параграфа авторы, описывая многообразие антибольшевистских сил, еще раз повторяют: «Наиболее активно действовали войска Антанты и Чехословацкий корпус, поднявший восстание против большевиков в мае 1918 г. Значительные территории были оккупированы Германией и Османской империей. Всего в интервенции на территорию России приняли участие войска 14 государств» (С. 94).

Без прояснений международной политики большевиков, степени вовлеченности иностранных сил во внутренние дела, всех обстоятельств восстания чехословаков (например, перехваченная телеграмма об их разоружении) — это создает образ противостояния советской России всему миру. Выражение «возможность поживиться» заменяет краткое изложение целей ключевых внешних участников, равным образом как и позиция лидеров Белого движения находит объяснение якобы в их психологии: «Многие лидеры Белого движения не замечали или не захотели замечать, что “союзники” их просто используют. Бывшие царские генералы видели в Антанте боевых друзей, в союзе с которыми они вместе воевали на фронтах Первой мировой войны. Ведь Россия столько раз выручала Западный фронт в трудные минуты!» (С. 98). Перед нами яркие примеры мифологизации вместо попытки предложить рациональное объяснение.

Публицистический стиль явным образом унаследован из современной политической риторики. К ней же восходит и акцент на положении со-

ветских военнопленных в Польше, многие из которых погибли: «Власти Польши до сих пор отказываются признать это военное преступление», — подытоживают В.Р. Мединский и А.В. Торкунов (С. 108). Неприемлемость такого в учебной литературе В. Р, Мединским и А. В. Торкуновым не осознается.

В параграфе о НЭПе авторы один пункт посвятили концессиям. Не приводя общих цифр, они сосредоточили внимание читателя на том, что «советская власть соглашалась на сотрудничество с иностранными компаниями только при безусловном соблюдении государственных интересов», подробно остановившись на примере компании «Юнкерс», которая не выполнила своих обязательств (С. 160). Внутриполитическая борьба на фоне внешней угрозы в конце 1920-х гг. предстает одной из основных причин последующего «ужесточения» политического курса (С. 182).

Рассказывая о внешней политике России 1920–1930-е гг., В.Р. Мединский и А.В. Торкунов подчеркивают ее прагматизм. Этот тезис позволяет и объяснять поддержку международного коммунистического движения (называется одним из механизмов продвижения национальных интересов), и рассказывать о «полосе признаний». Тезис о стремлении СССР создать систему коллективной безопасности в Европе дает возможность переложить ответственность за провал политики сдерживания нацистов исключительно на западные страны. Важной вехой называется «мюнхенский сговор», «пакт Молотова — Риббентропа» — вынужден-

ной мерой, а соглашения о разделе сфер влияния — защитой интересов на территориях, «которые Россия потеряла после Первой мировой войны» (С. 284).

Высшая точка «напряжения» — Великая Отечественная война: Советский Союз провозглашается и главной жертвой (тезис о «геноциде советского народа»), и главным победителем. Пункт «Начало формирования антигитлеровской коалиции» помещен только после описания побед под Москвой и срыва планов по захвату Ленинграда, потому это дает возможным убедить ученика: Великобритания и США стали союзниками только из-за силы Красной армии (С. 335). Авторы не отрицают значимость ленд-лиза, однако сводят его к «ускорению темпов наступления Красной Армии» (С. 362), концентрируя внимание ученика на то, что по зерну, муке и крупам он составил 2,8% от производимого в СССР, который в свою очередь делал встречные поставки, а окончательно «долг был погашен Россией в 2006 г.» (С. 362). В контексте «учебника» это также можно отнести к риторике «исторических обид».

Освещение межсоюзнических отношений усиливается на фоне описания побед Красной армии, что убеждает читателя в том, что только силой оружия СССР добился международного признания. Однако это не мешает разоблачать «подлость» союзников. Так, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов утверждают, что Советскому Союзу не предложили присоединиться к Потсдамской декларации с ультиматумом о капитуляции

Японии, ведь: «осознав неизбежность вступления Советского Союза в войну и безнадежность своего положения, Япония могла капитулировать. В этом случае американские генералы теряли возможность “испытать на людях” свое новое оружие — атомную бомбу» (С. 454).

Каждая война, в которой участвовала Российская империя/СССР, находит свое оправдание: даже потенциально минимальный вопрос об ответственности Москвы/Санкт-Петербурга не ставится. Первая мировая возникла словно сама по себе, а России ничего не оставалось, как воевать за национальные интересы. Ответственность за Гражданскую войну несут все: «белые, красные, интервенты» (С. 138), однако текст возлагает все же большую долю на первых и последних. Между пактом «Молотова — Риббентропа» и началом Второй мировой всякая связь разрывается. Более того, события 1939–1940-х гг. представлены во 2-й главе, а Великая Отечественная вынесена в 3-ю: дополнительная подстраховка на уровне структуры с целью, чтобы ученик не связывал раздел Польши и советско-финскую с «однозначно героическим и справедливым» событиям своей истории. Хотя и эти сомнительные страницы российской прошлого получают вполне однозначную трактовку. Соучастие в разделе Польши — это «возвращение» недавно утраченных территорий. Советско-финская война оправдывается традиционно: «чтобы сорвать планы Гитлера по превращению Финляндии в плацдарм для агрессии» (С. 287). Авторы забывают указать, что ее поводом была провокация, согласно которой

якобы финские военные атаковали советскую сторону. Равным образом о планах советизации Финляндии в соответствующем параграфе — ни слова. Неудачи первых месяцев сводятся лишь к недооценке, а итоги признаются однозначно позитивными: «Военно-стратегическое положение Советского Союза значительно укрепились» (С. 288). В.Р. Мединский и А.В. Торкунов даже не предлагают обсудить другую точку зрения, принятую в историографии: агрессия СССР, наоборот, подтолкнуло финское общество и власти к союзу с нацистской Германией.

Таким образом, внешний мир — это источник угроз и предательств, чувство обиды на других намеренно взращивается. Россия одновременно и обороняется, и отстаивает национальные интересы, и многое дает миру. Продвижение социалистической повестки, заслуги «русской» культуры и науки, освобождение от нацизма — все это должно заставить убедить ученика в том, что одновременно его страна многое дала этому миру. Потому завершая 3-ю главу, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов используют понятие «освободительная миссия», даже не предлагая обсудить, была ли свобода от нацизма дарованием свободы, как таковой? Ведь для многих стран восточной Европы нацистская оккупация сменилась другими формами репрессий и зависимости.

Имперское воображение

Превращение истории России в историю ее государственных органов способствует легитимации импер-

ского воображения. Смысл не только в прославлении строителей империи (Романовых или советской), но и в принижении значимости тех независимых и оппозиционных процессов, которые происходили на ее территории. Поскольку сегодня российская пропаганда воображает агрессию против Украины как справедливые действия во имя возвращения «исконных», «наших» территорий, то данный «учебник» также использует определенный инструментарий для того, чтобы «чужая» история не просто была незаметной (здесь хватило бы только умолчаний), но и воспринималась нелегитимной.

Главы о Первой мировой войне удивительным образом обходят стороной одну из целей — захват Восточной Галиции, подаваемый в качестве «воссоединения с Червонной Русью». Однако на с. 20 мы обнаруживаем подпись к фотографии «Русские войска в Галиции, 1915 г.»: «Галиция — историческая территория Галицкого княжества Руси, позднее — Галицко-Волынского княжества со столицей в Галиче, затем во Львове (С. 20). Это заставляет смотреть на Галицию как на когда-то историческую область, на которую Россия (якобы единственная наследница русских княжеств) имеет право.

Продвигая образ Великой российской революции, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов предлагают не только объединить более известные Февральскую и Октябрьскую революции воедино, но и расширить их до всей Гражданской войны. Для них Великая российская революция — это период в 1917–1922 гг. (С. 47). Потому процессы, которые проис-

ходили на территории Украины, будущих Балтийских и Закавказских республик, — это часть Великой российской революции и российской Гражданской войны (С. 155). Использование понятия «национальные окраины» вместо «бывшие имперские окраины» — намеренная манипуляция с целью воспитания имперского мышления, когда история других народов воспринимается исключительно как часть «нашей, российской, истории». Установление советской власти преподносится как нечто преимущественно непроблематичное, по крайней мере внутренне: альтернативные политические проекты на бывших западных окраинах (балтийские государства, Беларусь, Украина) увязываются с внешней поддержкой — Германии или Антанты (С. 115–123).

Подготовку к оправданию раздела Польши в 1939 г. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов начинают уже в конце Гражданской войны в России, а именно заявляя, что по Рижскому мирному договору «к ней переходили территории Западной Украины и Западной Белоруссии» (С. 107). Они перетаскивают назад во времени более поздние понятия. Эта же мысль еще раз повторяется в начале параграфа № 15 об образовании СССР, причем добавляется, что Бессарабия была отторгнута Румынией, без уточнения внутренних процессов на этой территории. Финляндия, Эстония и Латвия обвиняются в отторжении ряда территорий РСФСР (С. 168).

Если территория «Западной Белоруссии» еще раньше входила в состав Российской империи (после

разделов Речи Посполитой в конце XVIII века, то есть чуть более 100 лет), то значительная часть «Западной Украины» — это территория Восточной Галиции, которая в составе централизованного российского государства никогда не была (С. 107). Это не мешает В.Р. Мединскому и А.В. Торкунову в параграфе № 28 заявить, будто в 1939 г. войска СССР «заняли» те территории, которые «были отторгнуты от России по результатам польско-советской войны 1919–1921 гг.» (С. 286). Неоднократное повторение этого тезиса нацелено на убеждение ученика в том, что СССР «по праву» (пусть и имперскому) мог претендовать на эти территории.

Каким образом В.Р. Мединский и А.В. Торкунов очищают советский имперский проект от внутренних противоречий? С одной стороны, они склонны сводить историю национальной политики к изменению административно-государственных форм, что позволяет избежать вопроса о том, что реально происходило на этих территориях, исключить из них жизнь местного населения (С. 172, 237).

С другой стороны, авторы фокусируют внимание на положении русских, очищая советскую историю от интернационализма. Так, завершая разговор о Гражданской войне, они провозглашают: «С победой красных в Гражданской войне в Советской России было воссоздано российское цивилизационное пространство» (С. 139). Принцип федерализации В.И. Ленина подвергается однозначной критике и называется «миной замедленного действия», как и после-

дующая политика «коренизации», которая, по утверждению авторов, нанесла удар по положению русских в союзных республиках и в конечном счете способствовала распаду СССР (С. 170–173). К этому вопросу В.Р. Мединский и А.В. Торкунов возвращаются спустя почти 100 страниц, заявляя, что в конце 1930-х гг. перевод большинства языков народов СССР на кириллицу способствовал росту образования, а «русское население в национальных республиках, которое значительно увеличилось, также стало чувствовать себя более комфортно» (С. 237).

Орудием манипуляций становятся карты. На стр. 216–217 гг. размещена карта «Отрасли промышленности, предприятия которых были реконструированы и построены в 1926–1940-е гг.». Одним цветом закрашена вся территория СССР на 22 июня 1941 г. Западная граница на 1 сентября 1939 г. обозначена труднонаходимым пунктиром. По левую сторону от нее (то есть на насильственно присоединенных территориях) нет никаких, судя по карте, значимых предприятий. Равным образом на стр. 306 ученикам дается задание на запоминание этих территорий и связанных с ними событий. Зарубежные государства отмечены зеленым, СССР — светло розовым, занятые территории — этим же цветом, правда, помечены красной штриховкой. Тем самым ученику вменяется представление о естественности таких границ.

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов избегают проблематизировать связь между государством и территорией, даже наоборот: если что-то когда-то

было в подчинении центрального правительства в Москве или Санкт-Петербурге, то эти территории «безусловно наши». Для в высшей степени метафизических отношений между государством и территорией люди — лишнее и необязательное звено, и совершенно неприемлемое, если они начинают ставить ребром вопрос о политических порядках.

Государственное насилие

Заявленный подход к истории делает тему нелегитимного государственного насилия неудобной, а потому авторы стараются избегать ее и все, что кидает тень на «наших предков». Из истории Первой мировой исключены рост шпиономании, которые выливались в насилие против немцев и евреев. При этом отмечается в качестве одного из факторов Февральской революции, что «в Петрограде были отмечены случаи неповиновения войск, возмущенных решением использовать их для подавления демонстраций и приказам стрелять в толпу» (С. 38). Оценка остается за учащимися, однако авторы «учебника» ничего не сделали, чтобы сделать этот факт предметом рефлексии.

Особенности взгляда на роль большевиков в Гражданской войне определили отношение и к «красному террору», который представлен в качестве ответа на аналогичный «белый террор». В соответствующем пункте ему уделяется основное внимание, в то время как более системный характер преступлений большевиков игнорируется (С. 105–106). В биографической справке Ф. Дзержинский показан лишь как

глава советской спецслужбы и руководитель экономики (С. 70). Расказачивание подано фактически как ошибка, вместо содержательного рассказа, как сожаление, что эта политика «привела на сторону белых значительное количество казаков, а также часть рабочих и крестьян, недовольных введением продразвестки и резким снижением уровня жизни» (С. 94). «Комбеды» и «продразверстка» также поданы инструментально: «объективные» причины их введения и противоречивые последствия (С. 82–83). Сухость и «рационализм» описания изгоняют человеческие трагедии.

Сталинские репрессии 1930-х гг. нивелируются за счет того, в рамках каких тем (параграфов) они рассматриваются. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов словно убеждают ученика: массовые преступления могут быть оправданы, поскольку они были связаны с индустриализацией и дальнейшей Победой. Понятие «сталинские репрессии» и любые его производные не употребляются. Да и фигура самого И.В. Сталина очищается от них. Его биография появляется только в главе о Великой Отечественной войне, где он представлен в качестве одного из «главных творцов Победы <...> Ему принадлежит заслуга дипломатического закрепления результатов Победы и создания в послевоенной Европе системы, исключающей возможность возникновения военных конфликтов на границах СССР» (С. 315). «Учебник» проиллюстрирован 11 фотографиями или цветными изображениями И.В. Сталина, которые задают восприятие истории 1930 — середины 1940-х гг.

В параграфе № 19 «“Великий перелом”. Индустриализация» возникновение ГУЛАГа объясняется освоением природных богатств в отдаленных регионах (С. 212). Более подробный рассказ мы встречаем спустя одну страницу в пункте № 4 «Издержки индустриализации». Упомянув без деталей тяжелое положение рабочих, труд спецпереселенцев, строительство каналов Беломор-Балтийского и Москва–Волга, а также работу «технических бюро» — «шарашек», В. Р. Мединский и А. В. Торкунов рационализируют преступную политику сталинского руководства. Да, это «издержки», но они же внесли вклад в развитие и «великий перелом». В героическом нарративе находится место всем — даже «врагам народа». Загубленные жизни — достойная цена (С. 214–215).

В следующем параграфе негативные последствия раскулачивания также представлены как издержки в целом успешной аграрной политики, а массовый голод объясняется как ошибками, так и объективными факторами. Возвратные конструкции «голод разразился» и «при этом голод не распространился на крупные города» манипулятивно снимают ответственность с властей (С. 224–225). В общей сложности голоду уделено 11 строк, которые проиллюстрированы официозно-позитивной фотографией «Работники колхоза “Большевистский труд” молотят хлеб. Украинская ССР, 1939 г.».

Пункт про репрессии мы встречаем в следующем параграфе № 21: «Политическая система и национальная политика СССР в 1930-е гг.». Он соседствует с пунктами № 1 «Кон-

ституция 1936 г.», № 2 «Укрепление политического режима», № 4 «Массовые общественные организации» и № 5 «Национальная политика и национально-государственная политика». Тем самым навязывается представление, будто это одна из страниц истории того времени, не заслуживающая считаться особо значимой.

Репрессии получают объяснения: страх заговора в армии и удара «пятой колонны» на фоне обострившейся внешнеполитической обстановки. В. Р. Мединский и А. В. Торкунов сосредоточивают внимание на репрессированных большевиках, на составлении репрессивных списков других выделяющихся групп («участников Белого движения, бывших крупных собственников, членов небольшевистских партий» (С. 233), на рост доносительства. Даже отмечается, что «для основной массы советских людей репрессии в условиях сложной международной обстановки казались обоснованными. Миллионы простых граждан не знали и не представляли их истинного масштаба» (С. 234).

Другими словами, авторы используют целую сеть манипулятивных приемов для того, чтобы отвлечь внимание на жертвы среди действующих или бывших элит, уменьшить значимость, набросать якобы оправдывающие элементы и завершить тем, что «жертвами репрессий» стали и их организаторы, а в конце 1950-х гг. вообще началась реабилитация осужденных. В. Р. Мединский и А. В. Торкунов избегают того факта, что под каток репрессий попали и простые люди «рабочекрестьянского происхождения», а в

некоторых случаях репрессии организовывались по этническому принципу. В методической части ученика просят назвать причины массовых репрессий и задуматься, были ли они «закономерным следствием избранной большевиками модели социально-экономического и политического развития СССР» (С. 238). Из 16 вопросов и 12 заданий ко всей 2-й главе (1920–1930-е гг.) ни один не затрагивает тему репрессий или другие преступления государства (С. 297–306).

Из «учебника» фактически исчезла и Катень. В пункте «Вхождение в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии» к этой теме отсылают 3 предложения. Сначала рассказывается о том, что большую часть из 250 тыс. польских военнопленных распустили по домам (что верно). Затем говорится: «Но многие из офицеров, жандармов, полицейских и чиновников были переведены в тюрьмы и лагеря», что создает образ «классовых врагов». Завершающее предложение: «Документы, опубликованные в начале 1990-х гг., указывают на то, что часть из них была расстреляна органами НКВД» (С. 287).

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов не хотят напрямую проговорить факт военного преступления, давая простор для интерпретаций и подыгрывая отрицателям Катень. Авторы не приводят и общую цифру убитых — более 21 тыс. человек, то есть примерно 10% от заявленного ими количества пленных и арестованных. Над этим текстом размещена выноска, она рассказывает о «Катеньском мемориале» как о месте

«массового захоронения советских граждан — жертв политических репрессий, кладбища, где погребены польские военнослужащие, а также музейной экспозиции, посвященной истории российско-польских отношений и политических репрессий» (С. 287). Даже об известном месте памяти В.Р. Мединский и А.В. Торкунов рассказывают манипулятивно: «наши» — жертвы, «поляки» — погребены.

Тема преступлений советского государства почти что исключена из истории Великой Отечественной войны, а депортации ряда народов Северного Кавказа и других регионов представлены в виде одного абзаца в пункте «Пособников оккупантов», что является фактическим оправданием этой преступной политики, пусть и названной «коллективным наказанием» (С. 351).

Единственное заметное исключение сделано для Русской православной церкви (РПЦ), преследования которой со стороны советской власти описываются довольно подробно на протяжении всего «учебника», обычно попадая в параграфы о культуре. В пункте №4 «Отношения к Русской православной церкви» (параграф №11–12 «Идеология и культура в годы Гражданской войны») В.Р. Мединский и А.В. Торкунов рассказывают о массовом закрытии храмов и монастырей, убийстве отдельных иерархов. Преследование мотивировано идеей воспитания «нового человека», однако подчеркивается, что патриарх Тихон оставался над схваткой Гражданской войны (С. 133). В параграфе о культуре 1920-х гг. авторы сообщают,

что, с одной стороны, большевики продолжали преследовать РПЦ, а с другой — в ней возникли демократические тенденции (С. 198). Степень давления возросла в 1930-е гг.: В. Р. Мединский и А. В. Торкунов привлекают внимание к разрушению храмов (с перечислением и фотографией подрыва Храма Христа Спасителя в Москве) и антирелигиозной пропаганде. О репрессиях против духовенства — одно предложение (С. 245). Другими словами, внешние обряды в очередной раз оказываются важнее людей. Параграф завершается словами о том, что, несмотря на все меры, 41,6 млн человек считали себя православными в 1937 г., что логически перекидывает мост к событиям Великой Отечественной войны, где РПЦ видится одним из соучастников «общей победы», а власть ослабляет давление (С. 369–370).

Подчеркнем, что В. Р. Мединский и А. В. Торкунов не называют репрессии и государственные преступления благом, они не радикальны в этом вопросе. Им скорее не нравятся эти «черные пятна» на «блестящем мундире» империи, они их стыдятся и пытаются задним числом отмыть, апеллируя к сверхважным государственным задачам, ошибкам или сложным обстоятельствам. Фактически это переигрывание более знакомого тезиса «все неоднозначно», за которым, однако стоит идея допустимости пожертвовать гражданином (жизнью или благополучием) ради действий элит. Потому в голову авторам даже не приходит обсудить необходимость репрессий для индустриализации и, может, без них к 1939 г. страна подошла бы в лучшем состоянии?

Манипуляции с понятийным аппаратом

Обращу внимание на нечеткое использование понятийного аппарата. В одних случаях особенности употребления указывают на попытки манипулирования, в других — на слабое понимание авторами сущности вопроса.

Относительно Первой мировой в параграфе №1 авторы подчеркивают, что это Германия объявила войну России, в одном из вопросов к нему спрашивают о причинах вступления и таким же образом в выводах пишут: «Россия вступила в Первую мировую войну» (С. 11, 13, 25). Тем самым подвисает вопрос: насколько вынужденным было участие России в этой войне? Какую ответственность за нее несет руководство? Вероятно, авторы сами в этом не разобрались. Также в качестве синонимичных используются понятия «русская армия» и «российская армия».

Хотя Великая российская революция (образ, который продвигал В. Р. Мединский в 2017 г., к 100-летию революции) вынесена в названии нескольких параграфов и используется в тексте, специальная сноска в конце одного из них поясняет, будто этот термин уже закрепился в историографии (что не соответствует реальности), однако слово «великая» несет излишние позитивные коннотации, а потому «в тексте учебника используется сокращенный термин “Российская революция”». Обещание В. Р. Мединский и А. В. Торкунов не сдержали (С. 47, 51, 483).

«Мюнхенский сговор» идет без кавычек, выражение «пакт Молотова —

Риббентропа» не употребляется, равным образом как опущена и фамилия министра иностранных дел нацистской Германии (С. 279, 281). Зачем лишний раз напоминать о скандальных историях? Это лишний раз позволяет зафиксировать, что отправной момент Второй мировой войны связан с «плохими западными странами», а СССР в общем-то ни при чем. Насильственная аннексия части польских территорий называется «вхождением в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии». «Вхождение» — отглагольное существительное, которое ставит эти два региона в позицию активных субъектов действия (С. 286).

Еще больше манипуляций с терминологией В.Р. Мединский и А.В. Торкунов совершают в отношении сталинских репрессий и преступлений. Массовое насилие во время раскулачивания без кавычек называется перегибами (С. 224, 302). Эвфемизм сталинского времени принимается без критики. В «Словаре понятий и терминов» ряд терминов определяется намеренно в искаженной манере: «барак» — это всего лишь «временное, быстро возводимое, дешевое строение» (технические подробности вместо значимости образа, да и строения, для ГУЛАГ), «враг народа» — «термин римского права, предполагающий объявление лица вне закона и подлежащим безусловному уничтожению» (оправдание репрессий за счет неточной ссылки на римское право) (С. 483, 484). Ради справедливости отметим, что такие понятия, как «лишенцы», «расказачивание», «раскулачивание» и «спецпереселенцы», также включены в словарь.

Не меньше сложностей и с определением нацистской политики уничтожения. Она и «геноцид мирного населения», и «нацистская политика геноцида», и «геноцид народов СССР», и «геноцид советского народа» (С. 339, 342, 467, 482). Здесь нечеткость понятий отражает желание представить СССР главной жертвой нацистов при непонимании, кто именно все же был объектом уничтожения. Возникает ощущение, будто авторам просто нравится слово «геноцид». Выражение «геноцид мирного населения» — оксюморон, поскольку сама идея геноцида предполагает истребление определенных групп.

Обратим внимание на идеологически-эмоциональный язык главы о Великой Отечественной войне, который воспроизводит штампы. Противник называется и «немцами», и «фашистами», и «гитлеровцами», и «нацистами». Вопреки правилам русского языка слово «армия» в сочетании «Красная армия» пишется с большой буквы, равным образом постоянно используется понятие «Победа» (с большой буквы). План «Барбаросса» — «вероломство, помноженное на жестокость», наступающие германские армии — это «немецко-фашистские полчища», эвакуация получает эпитет «чудо» в названии соответствующего пункта. Работники советской экономики предлагают «инновационные решения» на всех стадиях производства. Пункт про сельское хозяйство выглядит боевито: «Хлеб — тоже оружие». (С. 309, 311, 355, 359). Параграф про наступления 1944 г. назван «Десять сталинских ударов» и изгнание врага с территории СССР».

Использование советской формулировки сопряжено с грубейшей ошибкой: вплоть до 9 мая 1945 г. немцы оборонялись в Курляндии, которую считали советской территорией. Даже в выводах эта ошибка не исправлена хотя бы минимальной оговоркой (С. 415).

Человек и государство

Предлагаемый подход к истории вовсе не оставляет возможность увидеть в прошлом простого человека, с его жизненным миром, желаниями, надеждами, страданиями и внутренней свободой. История, сведенная к развитию государственных форм, с другой стороны, очень ценит человека, если он оказывается им полезен.

Обратим внимание на персоналии, которые выделяет «учебник». Речь идет о выносках на цветном фоне, сопровождаемых фотографиями или памятниками. Тексты содержат биографические справки или интересные подробности. Чаще всего они идут в разделах «Честь и слава Отечества» (синий фон) и «Портрет на фоне эпохи» (красный фон), однако в других случаях тематизация отсутствует. Это я связываю с торопливостью в создании «учебника», поскольку логически сложно понять, почему генерал А.А. Брусилов (С. 20) не может попасть в первую или вторую рубрику.

В общей сложности таким образом выделены 77 человек. 16 человек можно отнести к крупным государственным деятелям (А.Ф. Керенский, В.И. Ленин (трижды),

Ф.Э. Дзержинский, А.В. Луначарский, Г.Я. Сокольников, Г.В. Чичерин, А.М. Коллонтай, Н. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, С.М. Киров, М.М. Литвинов, И.В. Сталин, Н.А. Вознесенский, П.А. Судоплатов, В.М. Молотов), еще 12 человек — к высокопоставленным военачальникам (А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, А.И. Деникин, С.М. Буденный, М.В. Фрунзе, Г.К. Жуков (дважды), А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, М.Г. Ефремов). Если сюда добавить двух патриархов (Тихон и Сергей), то получается 30 человек, то есть 38,4% всех выделенных персоналий представляют фактически политическое руководство.

Доля военных героев — 28 человек, или 35,8% от общего списка. К Первой мировой относятся двое: казак К.Ф. Крючков, как первый георгиевский кавалер, и сестра милосердия Р.М. Иванова, как совершившая военный подвиг. К Гражданской — также двое: Н.И. Махно, чей анархизм оттеняется борьбой против П.П. Скоропадского и временными союзами с большевиками, и В.И. Чапаев. К Великой Отечественной — 24 человека, то есть создающие образ сражающегося народа. Часть образов унаследована еще с советского времени, и каждая биография — почему этот человек достоин упоминания — имеет особый смысл: З.А. Космодемьянская как мученица из народа, С.А. Ковпак представляет партизан, Д.М. Карбышев — мученичество в плену, Н.И. Кузнецов — героя-разведчика, Л.М. Павличенко и В. Зайцев — снайперов, А.И. Покрышкин и И.Н. Кожедуб — авиацию, А.М. Матросов — самопожертвование в бою,

А. П. Маресьев — мужество духа, когда инвалид возвращается в строй, Ц. Л. Куников — мужество в обороне (впрочем, этот подвиг был совершен на «Малой земле», где воевал Л. И. Брежнев, почему этому сюжету во время его правления страной придавали излишне большое значение).

Еще 13 человек можно назвать «новыми героями», внимание к которым привлечено в последнее десятилетие. З. Г. Колобанов подается как танкист-виртуоз, Н. Я. Киселев — партизан, спасший евреев. Х. Нурадилов сегодня прославляется как герой-чеченец, А. И. Маринеско — как герой-подводник. А. Н. Ботян нужен для того, чтобы рассказать о том, как советские разведчики спасли Краков от разрушения. Появление В. Ф. Маргелова можно объяснить только как основателя ВДВ. Хотя он и был героем Великой Отечественной, отмечать его в этом контексте предстает странным.

Шесть оставшихся можно назвать «рядовыми героями», то есть попавшими в «учебник» относительно случайно, чтобы репрезентировать сам факт коллективного героизма. Трое имеют отношение к Украине: К. Ф. Ольшанский погиб за Донбасс, М. М. Магерамов отличился при форсировании Днепра, фельдшер Ф. А. Пушина пала при освобождении Киева, вытаскивая раненых из-под обстрела (С. 411, 401). Образ украинской территории, «политой нашей кровью», значим для В. Р. Мединского и А. В. Торкунова, поскольку коррелирует с текущей агрессией и якобы историческим правом России захватить ее. Подвиги простых людей в прошлом, отдавших жизни

ради победы, превращены в часть агрессивного исторического нарратива.

Подвиг П. И. Шпетного чем-то походит на подвиг «панфиловцев», а М. С. Фомин отличился уничтожением семи танков противника. Вероятно, выделение именно этих героев является своеобразным ответом Мединского критикам его поддержки мифа о 28 панфиловцах, дескать, не такой он и уникальный. Также был выделен Н. Печененко, партизан-подросток, который, согласно официальной биографии, несколько раз попадал в плен, его показательно казнили, однако ему удалось выжить и остаться в строю, затем он стал сыном полка, дошедшим до Праги (С. 449). Украинское происхождение «учебник» не акцентирует.

Оставшиеся 20 человек — это гражданские лица, представляющие достижения в науке, культуре или искусстве. Однако и здесь они значимы для авторов только в связи с государством, о чем свидетельствует отбор фактов для кратких биографических справок. М. Горького «признали «главным пролетарским писателем»» (С. 196), И. А. Ильин (единственный эмигрант) важен как монархист и патриот (С. 197), И. А. Иоффе — как создатель уникальной научной школы, «которая позволила вывести советскую физику на мировой уровень». В чем смысл этой школы, кроме мировой славы, остается непонятным (С. 200). А. Стаханов и П. Ангелина — примеры ударников (С. 211, 212), также вышедшие из сталинской пропаганды. П. Д. Осипенко — летчица-рекордсменка. С. С. Прокофьев — не только автор ряда произведений,

но и шестикратный лауреат сталинской премии (С. 257). В биографии В.С. Вишневого подчеркивается, наоборот, его участие в Первой мировой как подростка-героя (С. 260). На этом фоне довольно взвешенной выглядит только биография Н.И. Вавилова, где упоминается и его арест по ложному доносу (С. 248).

11 человек помещены в раздел Великой Отечественной войной. В биографии М.Т. Калашникова, оружейника, подчеркивается, что он автор самого популярного стрелкового оружия в мире. В биографии изобретателя советского аналога пенициллина Э.В. Ермольевой упомянули установку памятника в 2022 году (один из проектов РВИО). И.В. Курчатов важен военными и атомными работками (С. 422), А.П. Гайдар — воспитанием юношества в героическом духе и своей гибелью на фронте (С. 424), А.В. Александров — созданием гимна и музыки к «Священной войне», под которую уходили эшелоны. Р.Л. Кармен — военными кинолентами. Д.Д. Шостакович — 7-й Симфонией, ставшей «памятником подвигу Ленинграда» (С. 426), С.В. Михалков — военкор и автор текста гимна (С. 427), М.А. Шолохов, К.М. Симонов и А.Т. Твардовский представлены отрывками их своих военных произведений.

Пять параграфов о культуре, науке и искусстве неизменно начинаются с рассказа об успехах государственных преобразований, только после которых рассказывается о выдающихся деятелях в этой сфере. Показательно превращение этих смысловых блоков в простые перечни фамилий, без указания заслуг. Так,

в параграфе № 11–12 «Идеология и культура в годы Гражданской войны» упомянуты 8 ученых, но только у 2 выделены заслуги (С. 129). Из деятелей культуры 13 просто перечислены, еще у 6 названы произведения. В параграфе № 18 «Культурное пространство советского общества в 1920-е гг.» заслуги и достижения 11 ученых непонятны (проговорены хотя бы частично у 5). Среди деятелей искусства: у 15 названы произведения, 3 человека просто упомянуты, достижения лишь 4 деятелей более-менее представлены (С. 201–203). В пункте «Достижения отечественной науки в 1930-е гг.» 16 ученых привязаны только к сферам деятельности (достижения не указаны), у 3 сфера научных интересов уточнена, и лишь об 1 человеке (Н.И. Вавиллове) рассказано более подробно (С. 247–249). Из следующего параграфа про советское искусство 1930-х гг. ученик узнает о самом факте существования 73 человек, еще 41 деятель представлены с произведениями, и лишь о 6 говорится более-менее подробно (С. 254–260).

Превращение истории науки, культуры и искусства в бессмысленные перечни не является исключительной особенностью только рассматриваемого «учебника», однако В.Р. Мединский и А.В. Торкунов наследуют этот подход в полной мере.

Визуальный образ эпохи

Изобразительный материал — фотографии и художественные картины — не просто иллюстрирует «учебник», делая его визуально интереснее и привлекательней. Он

притягивает внимание, фокусирует его на определенных сюжетах или процессах. С. Зонтаг в свое время обратила внимание на тесную связь фотографии с тем, как общество воспринимает и запоминает военные события (Зонтаг, 2014). Безусловно, эта логика действует и при обращении к невоенным сюжетам.

В «учебнике» В.Р. Мединского и А.В. Торкунова всего использованы 278 различных изображений (не считая карт). Прежде всего, меня интересовало: доминируют ли изображения власти, общественности или простых людей? Это официально-парадные или жанровые фотографии? Насколько эти изображения передают общественные процессы? Словом, какой визуальный образ эпохи будет доминировать. В «учебнике» рассматриваются одновременно две мировые войны, революция и Гражданская война, потому перекос в сторону военной тематики предопределен.

В итоге я могу выделить четыре доминирующие группы иллюстративного материала: фотографии или реже официальные портреты правителей, военачальников, политиков и высших руководителей — 59 изображений (21,2%), пропагандистские плакаты — 48 (17,2%), фотографии современных памятников и парадов — 28 (10%). Художественных картин в жанре социалистического реализма также 22 (7,9%). Выделение последних в отдельную группу оправдано, поскольку этот стиль предполагает поэтизацию и мифологизацию советской власти, то есть перед нами вид политически нагруженного, пропагандистского искусства.

Другими словами, 56,3% всего изобразительного материала напрямую изображают либо саму власть, либо то, какой образ реальности она несет через агитацию, искусство и коммерцию. 11 изображений И.В. Сталина и 8 изображений В.И. Ленина задают визуальный образ политика этого периода.

Визуальный ряд эпохи — политико-милитаристский, однако, достаточно отлакированный. Военных фотографий 64, а если добавить репродукции 6 картин (не из соцреализма) — 70 (25,1%), это фактически четверть всего иллюстративного материала, который отражает не властно-пропагандистскую сторону военных событий. Однако из 21 индивидуальной фотографии или портрета — 20 парадных. Еще 4 военных парада, 12 предметов (техника и ордена), и окажется, что собственно на повседневность войны претендуют 28 фотографий (из них 14 жанровых на фронте и 10 — в тылу). К ним я добавляю и 3 фотографии разрушенных городов (Великая Отечественная).

Гражданский мир показан еще более скупо: 44 фотографии, а если к ним добавить 7 картин, то получается 51 изображение (18,4%), репрезентирующее мирную, гражданскую жизнь. Из них 14 парадных фотографий деятелей науки и культуры в соответствующих параграфах, еще 17 жанровых фотографий, в основном 1920–1930-х гг., также подчиненных строгим законам производства.

Отдельно замечу, что в качестве иллюстрации В.Р. Мединский и А.В. Торкунов выбрали только

1 (одно) изобретение: схематическое устройство аэроплана К. Циолковского.

Визуальный ряд отражает общую идеологию «учебника»: история России — это эволюция государства и тех, кто ему служит, при игнорировании общества как независимой структуры. Ученик приучается смотреть на власть глазами власти, прошлой или нынешней. Незначительное количество репродукций художников авангарда, фотографий фронтовой повседневности и одна фотография голодающей семьи из Поволжья вплетены в этот визуальный контекст и принципиально его не меняют.

Размывание границ между историей и памятью. Самореклама

Характерная черта «учебника» — использование его для пиара В.Р. Мединского, деятельности возглавляемого им Российского военно-исторического общества, а более широко — современной власти. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов намеренно занимаются подменой понятий, путая разговор об истории и собственно коммеморацию. Так, введение завершается словами, что «мы бережно храним и достойно продолжаем традиции наших предков» (С. 3). Равным образом и заключение завершается призывом: «важно осознать: каждый из нас является наследником и продолжателем жизни народов, единство исторических судеб которых навеки связано с Россией и ее многовековой борьбой за собственный суверенный путь развития» (С. 482). Эти

перформативные фразы стали общеденными для современной речи российских политиков, однако их присутствие в школьном «учебнике» отражает готовность стереть грань между историей и нашим отношением к ней, попутно убедив читателя, что государство делает все для сохранения памяти. Сам же процесс «сохранения» почти полностью сведен к мемориальной деятельности государства или другой активности при его поддержке.

В действительности, этот идеологический посыл В.Р. Мединский превратил в саморекламу. Так, в качестве иллюстраций используются фотографии мемориальных объектов, установленных РВИО: бюст Римме Ивановой, памятник героям Первой мировой на Поклонной горе, доска Керенскому и Ленину в Ульяновске, мемориал к 100-летию Кронштадтского восстания, памятник Зое Космодемьянской в Рузе, бюст генералу Ефремову (С. 18, 24, 45, 155, 327, 334). Также во врезке о Катынском мемориале упоминается музейная экспозиция об истории российско-польских отношений, которая делалась при участии РВИО.

Параграф №2 о российской армии в годы Первой мировой завершается выделенным абзацем «Подведем итоги». То есть тем, что должны запомнить школьники. 5 строк из 12 занимает фактически отчет о деятельности РВИО и собственно Мединского: «Память об этих событиях стала возрождаться уже в наше время. К 100-летию начала Первой мировой (2014) установлены мемориалы в Москве, Туле, Калининграде, Гусеве, Пскове, Липецке, сняты

фильмы, созданы многочисленные экспозиции, открыт Музей в Ратных палатах (Царское село). Первая мировая война больше не является «забытой» (С. 25).

Не отрицая значимость юбилейных мероприятий для стимулирования коллективного разговора о Первой мировой, я должен отметить, что этот процесс не ограничивался лишь мемориальными знаками, созданными на деньги РВИО (отсылки сделаны только к ним), а приобрел более широкий характер — около сотни различных памятных знаков было создано в различных регионах России (подробнее: Пахалюк, 2021). Музей «Ратные палаты» также был сформирован на федеральные средства в бытность Мединским министром культуры. Однако создание инфраструктуры памяти вряд ли можно путать с более сложными вещами, такими, как историческое изображение. Однако именно это авторы «учебника» и предлагают делать.

Параграф № 8 «Гражданская война: истоки и основные участники» открывается фотографией памятника в Севастополе, установленного к 100-летию окончания Гражданской войны. Сопроводительный текст объясняет смысловое значение, заложенное властью: «посвящен мемориал обеим сторонам этого конфликта. У подножия Родины-матери два брата — белогвардеец и красновардеец. “Мы единый народ, и Россия у нас одна” — гласит надпись на мемориале» (С. 87). Тем самым В. Р. Мединский и А. В. Торкунов задают восприятие сложного исторического события текстом, который выражает идеи, которые российские власти

продвигают, занимаясь увековечением памяти.

Не обошлось без саморекламы и в пункте «Репрессивная политика» (параграф о политической системе и национальной политике СССР в 1930-е гг.). Отдельной врезкой «Важный факт» отмечена программа увековечения памяти репрессированных военачальников и разведчиков. Ее курировала Администрация Президента, а одним из кураторов стал В. Р. Мединский, будучи в составе этого учреждения на должности помощника президента. Программе посвящено 10 строк, а ниже представлены еще 3 фотографии бюстов, установленных РВИО. Из 3,5 страниц, отведенных на тему репрессий, 1/7 — это пиар деятельности Мединского (С. 235).

В параграф «Сражение за Сталинград» вставлена цветная фотография главной визитной карточки Мединского — Ржевского мемориала. Подпись сообщает, что он был открыт Российским военно-историческим обществом. Вместе с известными стихами А. Твардовского «Я убит подо Ржевом» эта врезка занимает почти всю страницу, а сама фотография — 1/3. Это контрастирует с тем, что фотографии героев или жанровые снимки с фронта невелики, их трудно рассмотреть (С. 382).

«Учебник» используется и для рекламы В. В. Путина, создавая ему образ защитника памяти. Так, параграф о российской армии на фронтах Первой мировой завершается цитатой из выступления президента на открытии памятника РВИО в 2014 г. Выбраны те слова, где говорится о том,

как государство «восстанавливает связь времен». Пункт «Решающая роль Красной Армии в разгроме агрессоров» сопровождается вставкой с парада Победы 2023 г. и цитатой из Путина о том, что «мы верны заветам предков» (С. 465). Глава о Великой Отечественной войне завершается более расширенной цитатой из выступления президента, она одна занимает более страницы. Заметим, что цитата вставлена в пункт «Итоги главы», а собственно подведение исторических итогов (того, что должно содержательно остаться в сознании учеников) занимает меньше места.

Также параграф № 39–40 «Окончание Второй мировой войны. Итоги и уроки» завершается тезисом о «гитлеровской политике геноцида». Авторы сообщают, что она якобы доказана решениями российских судов 2020–2022 годов и установлена специальная памятная дата (19 апреля). Отдельной врезкой приведен рассказ о проекте «Без срока давности», который курируется Администрацией Президента, а РВИО также принимает участие (С. 467). Более того, «Словарь понятий и терминов» также содержит упоминание проекта «Без срока давности», он размещается между такими понятиями, как «Барак» и «Белые».

В конце «учебника» (С. 494) приведены 18 интернет-ресурсов, которые рекомендуются школьникам. Не вызывает вопросов появление в них ссылок на базы данных «Память народа», «Подвиг народа», Большую российскую энциклопедию, а также Президентскую библиотеку. Порталы «История.рф» и «Культура.рф» также выглядят логично, хотя стоит

напомнить, что первый непосредственно разработан и ведется РВИО, а второй — министерством культуры. Однако здесь же мы обнаруживаем ссылки на порталы государственных органов, а также квазиобщественных и прогосударственных организаций, занимающихся проведением официальной политики памяти (РИО, РВИО, общество «Знание», РГО, «Волонтеры Победы», Поисковое движение России).

Бросаются в глаза более частные случаи использования «учебника» для продвижения «своих». Так, глава о Второй мировой содержит врезку «Мнение ученых». Ученику предлагается ознакомиться с тремя высказываниями и оценить их. Один из историков — Анатолий Кошкин, председатель научного совета РВИО (С. 471). В конце «учебника» в разделе «Советуем прочитать и посмотреть» для главы о Великой Отечественной войне даны 14 классических произведений и 5 научных работ. В число последних вошел «Атлас Победы», проект, который РВИО делало в середине 2010-х гг.; «История Великой Отечественной войны» А. Дробркина и А. В. Исаева (последний — член научного совета РВИО). Заметим, что содержательно выбор последней книги не вызывает вопросов (С. 493). Ниже школьникам предлагается ознакомиться с документальными фильмами материалов исторического парка «Россия — моя история», создание которого курировалось о. Тихоном (Шевкуновым), близким к президенту В. В. Путину.

С учетом обстоятельств создания «учебника» вполне ожидаемо всплы-

вает украинская тематика. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов вместо последовательного рассказа о месте украинцев в российской/советской истории (хотя бы на уровне повторяющихся пунктов о преследовании церкви) ограничиваются отрывистыми сведениями, которые всплывают хаотично и рисуют явно негативно все, что связано с украинской самостийностью. Авторы не рассказывают об активизации украинского движения в годы Первой мировой войны, как и о том, что значительная часть проживала на территории Австро-Венгрии, проявив лояльность монархии Габсбургов. Только в параграфе №4 в качестве «Важного факта» подано утверждение, что «неожиданно» образовавшаяся Украинская Центральная рада не скрывала «своих сепаратистских замыслов» (С. 46). Откуда она взялась? Непонятно. В следующем параграфе украинизация отдельных русских частей представлена не как изначально стихийный процесс, а как решение Л.Г. Корнилова осуществить ее ради борьбы с влиянием большевиков (С. 53). В параграфе о «Революции и Гражданской войне на национальных окраинах» В.Р. Мединский и А.В. Торкунов, с одной стороны, называют различного рода советских республики на территории современной Украины, словно доказывая, что «нормальная часть» мирных жителей поддерживала большевистский проект. С другой стороны, привлекают внимание к тому, что Украинская держава (у них — в кавычках) П.П. Скоропадского создана немцами, а С. Петлюру вообще обвиняют в этнических чистках евреев (С. 118, 121). На фоне критики политики коренизации 1920-х гг. подчеркивает-

ся насильственное распространение украинского языка, что вызвало «недовольство русского и еврейского населения» (С. 173). Традиционно для российской пропаганды резко негативно характеризуются украинские националисты. В подобного рода инвективах нет ничего неожиданного или нового, они отражают общие тенденции государственной исторической пропаганды.

Связь между государственной политикой памяти и текстом «учебника» все же более глубока. Так, главное героическое событие Первой мировой — оборона Осовецкой крепости, представленная мифом, сформированным в 2010-е гг. Его появление напрямую не связано с государством, однако РВИО также приложило здесь руку. Критика политики коренизации в СССР наследует риторике В.В. Путина, когда в преддверии полномасштабного нападения на Украину он обвинил В.И. Ленина в искусственном создании Украины (по иронии судьбы, этот тезис даже некоторые Z-авторы, наподобие З. Прилепина, считают неубедительным (см. *Прилепин 2023*)).

Антипольское выступление В.В. Путина 2019 г., в котором он возложил на Варшаву со-ответственность за развязывание Второй мировой войны, отразилось и в «учебнике». Вопреки историческим фактам В.Р. Мединский и А.В. Торкунов завершают разговор о «Мюнхенском стоворе» заявлением, будто «в Москве хорошо знали, что Польша вынашивает планы захвата советских территорий, рассчитывая выступить союзником Гитлера» (С. 279). Это оправдывает «пакт Молотова–Риббентропа»,

но никак не дает ответа на резонный вопрос: если Берлин и Варшава одинаково стремились напасть на СССР, то почему же Вторая мировая началась с нападения на Польшу. В действительности одна из причин нападения Германии на Польшу как раз и состояла в том, что Варшава последовательно отвергала предложения о совместной антисоветской стратегии.

В итогах пункта № 37–38 об освобождении народов Европы один абзац повествует о потерях Красной армии, следующий — о благодарности народов в виде памятников, а еще три — о том, как сегодня в Украине, Грузии, Латвии, Литве, Эстонии, Польше и Чехии эти памятники разрушаются (С. 450–451).

Обратим внимание на некоторых выделенных героев Великой Отечественной: Зоя Космодемьянская и 28 панфиловцев — не изобретение Мединского, однако в 2010-е гг. он пытался вдохнуть новую жизнь в эти истории. Сторонники прославления сомнительного подвига З.Г. Колобанова также получили поддержку РВИО. В 2019 г. оно открыло в Вологодской области музей Е. Преображенского, летчика, который руководил в августе 1941 г. первым налетом на Берлин. И эта история также удостоилась особого внимания. В связи с агрессией против Украины РВИО занялось увековечением П.А. Судоплатова в качестве «полезного донецкого героя». Он же выделен как один из героев подпольного движения (С. 318, 319, 327, 328, 343).

На общем фоне такие случайные пересечения заставляют предполо-

жить, что авторы «учебника» намеренно использовали пространство актуализируемого ими же прошлого в качестве ориентира, какими сюжетами наполнять «учебный» исторический нарратив. Впрочем, возможно, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов действительно считают, что тем самым делают «учебник» актуальным с точки зрения общественных дискуссий.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПОДРОБНЫЙ РАЗБОР

Первая мировая война представлена в главе «Россия в годы Первой мировой войны и Великой российской революции 1914–1922 гг.». Из 12 параграфов ей отведены 3, отдельные сведения, однако, содержатся и в других, посвященных революционным процессам 1917 г. и началу Гражданской войны. Традиционно для российской учебной литературы сведения о культуре представлены в параграфах, которые идут после обсуждения войн, политики и экономики. Здесь же культурная жизнь в годы Первой мировой войны игнорируется полностью.

Каждому параграфу предшествует ключевой вопрос, структурирующий восприятие учебного материала. Они акцентируют внимание на международных отношениях (параграф № 1, «Почему началась Первая мировая война»), роли русской армии (параграф № 2, «Какое значение имели битвы и сражения 1914–1916 гг. на Восточном фронте для общего хода Первой мировой войны») и связи Первой мировой с революцией (параграф № 3, «Почему в годы Первой

мировой войны нарастали революционные настроения в российском обществе»).

Причины войны (параграф №1)

Ответ на ключевой вопрос параграфа авторы ищут в истории международных отношений накануне Первой мировой: колониальная борьба, военно-политические блоки, гонка вооружений, предвоенные кризисы — такой подход не вызывает возражений. Однако дело в деталях.

Так, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов не объясняют, почему «индустриальный рост привел к усилению территориальной экспансии» (С. 7). Они ошибочно утверждают, что Россия была мировым лидером промышленного роста. Из пункта «Военно-политические блоки» школьник не узнает о членах Тройственного союза, также в отношении Антанты учителю придется самому объяснять разницу между политическими соглашениями (Россия — Франция, Россия — Великобритания) и военными конвенциями (которыми, например, Россия и Великобритания не были связаны). Другими словами, перед нами набор фактов вместо принципиальных сведений.

Пункт №3 про разработку военной техники излагает отрывистые сведения, намеренно пытаясь убедить читателя в успехах России. Внимание привлекается к тому, что в России была создана «первая в мире подводная лодка с дизельным двигателем», но обходится вниманием тот факт, что собственно в обороноспособности России подводные лодки тогда

не играли большой роли и в годы Первой мировой выполняли исключительно тактические задачи. Справедливо выделяется бомбардировщик «Илья Муромец», однако забывается, что в годы войны применение этих самолетов было ограничено.

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов уделяют особое внимание гонке военно-морских флотов, указывая, что Россия даже приняла долгосрочную программу развития военно-морских сил на Балтике и в Черном море (С. 9). Это контрастирует с отсутствием описания боевых действий российского флота в дальнейшем. И неудивительно: Балтийский флот выполнял преимущественно оборонительные задачи, а Черноморский удерживал контроль над Черным морем. Россия не была морской державой, ее флоты не играли стратегической роли в годы Первой мировой, а потому внимание школьника можно было бы привлечь к более насущным проблемам военного строительства: создание массовой армии и подготовка резервного потенциала. Эти вопросы и встали очень остро в годы Первой мировой войны. Увы, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов, игнорируя существенные проблемы, не могут обеспечить последовательное изложение того, к чему они привлекают внимание.

Пункт №4 «Предвоенные международные кризисы» построен на их перечислении. Ученик узнает сам факт, что были два марокканских кризиса, война Италии и Турции, две войны на Балканах. Запомнить это сложно, поскольку содержательно об этих кризисах ничего не говорится. Отрывочная информация нужна для

формирования общего образа, будто мир становился опасен, и Первая мировая была предопределена: «Достаточно было искры, чтобы разгорелся общеевропейский пожар» (С. 10). Тем самым В.Р. Мединский и А.В. Торкунов манипулируют: вместо изложения логики событий они сообщают старшекласснику бессвязные факты и предлагают яркую метафору «пожара», которую вдобавок закрепляют визуально через воспроизводство цветного агитационного плаката под названием «Мировой пожар» (С. 11). Действительно, этот образ был расхожим в 1914 году, однако добросовестные авторы, наоборот, отталкивались бы от него для обсуждения материала (например, поставив вопрос «Почему современники называли начавшуюся войну мировым пожаром?»). Этот же образ противоречит последующему утверждению о том, что Россия преследовала национальные интересы.

Пункт №5 «Сараевский выстрел и начало войны» построен на перечислении голых фактов: выстрел в Сараево, ультиматум Сербии, ее готовность признать почти все условия, нападение Австро-Венгрии, Россия пытается вступить, Германия объявляет войну ей и другим странам. К пункту идет несколько вопросов, среди которых: «Что заставило Россию поддержать Сербию?» (С. 11). Изложенный материал дает только два ответа: благородство и агрессивные действия Австро-Венгрии.

Завершается параграф пунктом о планах сторон, где акцент сделан на немецком плане Шлиффена. Ошибочно указывается, что Россия собиралась разместить не менее 800 тыс.

(С. 12) человек против Германии: эта цифра озвучивалась начальником генштаба Я.Г. Жилинским французам во время предвоенных встреч, однако в реальности в Восточную Пруссию планировали отправить в несколько раз меньше (Айрапетов 2014: 5–23; Валентинов 1919).

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов делают вывод: «Главной причиной Первой мировой войны <...> стало нарастание противоречий между крупнейшими европейскими державами и стремление Германии силой оружия установить гегемонию в Европе и во всем мире. Англия, Россия и Франция объединили усилия, чтобы этого не допустить» (С. 12). В конце главы авторы повторяют этот тезис так: «Россия вступила в Первую мировую с целью защиты своих национальных интересов и противодействия германской экспансии в Европе и мире» (С. 25).

Текст «учебника» не раскрывает, в чем именно заключалась экспансия, кроме как в борьбе за влияние в Османской империи. Сухое изложение событий оправдывает политику колониализма — она предстает данностью. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов не утруждают себя выстроить хотя бы обратную цепочку: мировой пожар возник из-за увлеченности политиков колониальными завоеваниями. Кроме обеспечения свободы плавания через Босфор и Дарданеллы, никаких других национальных интересов России не представлено. Голая констатация «о защите национальных интересов» даже не сопровождается попыткой рассказать, на какие приобретения рассчитывало руководство страны в случае победы.

Ничего ученик не узнает ни про экономическое противостояние, ни про российскую политику неославизма и попытки доминировать на Балканах. Всплеск национализма в Европе, имперские цели ведущих держав, надежды на быструю и легкую войну — все эти темы позволили бы хотя бы приблизиться к более многостороннему анализу причин войны, которые фактически сводятся к агрессивным действиям Германии и Австро-Венгрии. Если бы авторы не разменивались на рассказ о деталях, они смогли бы даже в рамках имеющегося объема затронуть эти проблемы. Частично эти вопросы разобраны в параллельном учебнике «Всеобщей истории» (авторами выступают В. Р. Мединский и А. О. Чубарьян), однако В. Р. Мединский и А. В. Торкунов не отсылают к нему (Мединский, Чубарьян 2023: 14–28). Ни прямой, ни внутренней связи между этими учебниками в данном вопросе нет. Например, «Всеобщая история» рассказывает о ряде обще-европейских тенденций накануне Первой мировой, но «учебник» отечественной истории не показывает, как они проявились в России. Более того, в учебнике «Всеобщей истории» набор противоречий, непосредственно приведший к мировой войне, ограничен. Какие конкретно национальные интересы отстаивала Россия накануне 1914 г., с какими проблемами сталкивалась, в какие экономические и политические конфликты была вовлечена — все это учителю придется рассказывать самостоятельно.

Методическая часть также вызывает вопросы. Так, В. Р. Мединский и А. В. Торкунов предлагают ученику объяснить, почему на приведенном

пропагандистском плакате страны Антанты изображены в виде женщин. Текст параграфа не сообщает нужной культурологической информации для ответа. Вероятно, авторы предполагают, что ученик будет отталкиваться от подписи («Сестры в образах античных богинь: Вера символизирует Россию, Надежда — Англия и Любовь — Францию» (С. 6)). Если это так, то анализ подменяется погружением в мифологию.

Далее школьника просят задуматься о том, была ли Россия заинтересована в войне, могла ли ее отсрочить, назвать причины вступления, порассуждать о готовности — однако текст параграфа не предоставляет более-менее приемлемой информации для ответа. Эта же логика воспроизведена в задании, предполагающим работу с источником — отрывком из манифеста Николая II (авторы забыли упомянуть, что речь о манифесте об объявлении войны). Вопросы к нему заставляют ученика еще раз повторить, кто входил в Антанту, а также задуматься о том, была ли Австро-Венгрия «первой зачинщицей мировой смуты»? В. Р. Мединский и А. В. Торкунов даже предлагают поставить это под сомнение: «Действительно ли это так? Свое мнение аргументируйте» (С. 13). Это — только иллюзия дискуссии и разнообразия мнений, поскольку все предыдущие тексты отобраны или составлены так, чтобы подтолкнуть к однозначному обвинению Австро-Венгрии. Еще раз отмечу, что пересказ содержания источника не является методом его анализа.

Обращу внимание и на другую манипуляцию, которую предлагаю

назвать «иллюзия выбора». В.Р. Мединский и А.В. Торкунов создают образ неизбежности войны. Затем просят школьника задуматься о том, могла ли она ее избежать. А в конце дают цитату историка О.Р. Айрапетова (С. 14), где утверждается, что высшей цели в этой войне у России не было. В вопросах к отрывку авторы напрямую просят назвать «обстоятельства, сделавшие неизбежными вступление России в Первую мировую войну». В очередной раз: вместо формирования собственной точки зрения, ученик подталкивается к принятию лишь одной, «правильной».

Боевые действия русской армии (параграф №2)

Центральный вопрос параграфа, ориентирующий внимание на роль русской армии в победе Антанты, только отчасти определил построение повествования. Такой фокус требует, например, более развернутого изложения того, что происходило на других фронтах. Более удачным был бы вопрос о том, почему, несмотря на прилагаемые усилия, государства Антанты с трудом координировали совместные действия на фронтах и за их пределами. Однако В.Р. Мединский и А.В. Торкунов решили в основу положить историю боевых действий на русском фронте, в «нужный момент» подчеркивая, где Россия «спасала» союзников, а где они, наоборот, вели себя «эгоистично». Вместо истории — манипуляция.

Так, по мнению авторов, наступление в Восточной Пруссии оттянуло на себя «значительные силы» и помогло союзникам «одержать победу

на Марне» (С. 16). Авторы не говорят, что речь идет о двух корпусах и одной кавалерийской дивизии (около 45 тыс. человек), в то время как на Марне сражались с каждой стороны примерно по 1 млн человек. Вклад России безусловен, однако насколько он весомый — вопрос дискуссионный.

Рассказ о поражениях 1915 г. сопровождается доводом, будто союзники не поспешили помогать России, когда против нее были направлены основные усилия. Положение во французской армии и особенности позиционного фронта, где невозможны маневренные действия, во внимание не приняты. Однако авторы убеждают, что, когда немцы в конце 1915 г. опять сосредоточились на Западе, Россия активно помогала (С. 19). «Учебник» сообщает о просьбе направить 400 тыс. человек, и утверждается, что Россия «направила свои войска во Францию» (С. 19). Такие формулировки могут ввести в заблуждение, поскольку в действительности отправлен был только Русский экспедиционный корпус, который частично сражался во Франции, частично — на Балканах и насчитывал 45 тыс. человек (подробнее: Павлов 2011). Они должны были быть политическим символом единства, однако их реальный вклад в боевые действия ввиду малочисленности не мог быть велик.

Говоря о боях за крепость Верден, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов забывают, что Россия в ответ на просьбы о помощи начала Нарочскую операцию (малоудачную), а вот наступление Брусилова являлось частью общего плана наступлений союзни-

ков летом 1916 г. (Нелипович 2006). Верно подмечая, что немцы недооценивали русскую армию после лета 1915 г., авторы не указывают, что сама Ставка Верховного Главнокомандующего придерживалась наступательного образа действий, который напрямую не был связан с отношениями между союзниками (С. 18). Внимание ученика привлекается к тому, что Брусиловский прорыв способствовал успешному наступлению на Сомме и вступлению Румынии в войну на стороне Антанты (насколько это было выгодно России, вопрос дискуссионный). Однако фраза «Брусиловский прорыв облегчил положение Италии, вступившей в войну на стороне Антанты: австрийцы были вынуждены перебросить свои войска на восток» (С. 20) подталкивает ученика к тому, чтобы сделать вывод, будто Италия оказалась на стороне Антанты благодаря Брусилову. В реальности она воевала с мая 1915 г.

Изложение хода боевых действий на русском фронте также вызывает вопросы. Традиционно авторы начинают с Восточно-Прусской операции: говорят про победу под Гумбинненом, разгром армии Самсонова (одно предложение) и полностью умалчивают поражение армии Ренненкампа. Победа в Галиции удостоивается нескольких предложений, победа под Варшавой — забыта, как и поражение 10-й армии в январе 1915 г. и ответная победа под Праснышем в феврале. Ничего ученик не узнает о постепенном продвижении в Карпатах. Серьезное поражение летом 1915 г., Великое отступление, описано сухо: «Русские войска были вытеснены из Галиции и ряда запад-

ных российских губерний. Территориальные потери сопровождались людскими потерями. Причины «Великого отступления» русской армии заключались в недостатке снабжения вооружением и боеприпасами» (С. 17). Три предложения скрывают драматизм ситуации: тяжелейшие бои, поражения и отдельные победы, несколько миллионов беженцев, десятки тысяч дезертиров и еще больше добровольно сдавшихся в плен на фоне упорной обороны других частей. Брусиловский прорыв представлен только успехами первых недель: авторы забывают о неудачных штурмах на Ковельском направлении и колоссальных потерях, которые обескровили русскую армию и сыграли негативную роль с точки зрения революционных процессов. От Кавказского фронта остались, увы, только две победы — под Сарыкамышем и Эрзерумом.

В. Р. Мединский и А. В. Торкунов выстраивают повествование из разрозненных фактов, что делает затруднительным понимание текста и какую-либо работу с ним. В итоге ученик не узнает ни о роли русского фронта в годы Первой мировой, ни о том, что происходило на нем. Разница между маневренной и позиционной войной, особенности российской стратегии, развитие вооружений и новых способов ведения войны — все эти важные, пусть и частные, сюжеты также за пределами внимания.

Вместо истории и анализа предлагается образ, из которого следуют только два вывода: Россия внесла значимый вклад и якобы была предана союзниками. К этому подталкивает и методический материал

(С. 25–26). Сначала ученик должен узнать среди перечисленных личностей двух генералов Первой мировой (А.В. Самсонова и А.А. Брусилова), затем составить хронологию боевых действий и рассказать о роли Восточного фронта. Отдельно предлагается сделать доклад о каком-нибудь участнике из «Вашего региона». В качестве понятия представлен «Брусиловский прорыв», хотя это событие изложено недостоверно. Более того, завершается параграф мнением военного историка В. Иминова (не является специалистом по истории Первой мировой), который дополнительно проговаривает тезис о том, что Россия — исполняла союзнический долг, а вот Франция и Англия — нет. Вопрос к отрывку «Согласны ли вы с мнением автора?» — манипуляция, так как «учебник» не представляет никакой информации для аргументации против навязываемого тезиса.

Я не уверен, что современный учебник должен неизменно сводить военную историю к боевым действиям. Для Первой мировой принципиально понимание ее как массовой, тотальной войны. Это требует обратить внимание на то, что именно значит мобилизация 15,5 млн на практике (факт упоминается в «учебнике», стр. 21) с точки зрения и фронта, и общества в целом. Тут можно говорить и о тяжести окопной жизни, и проблеме снабжения, и сложностях обучения еще вчера гражданских лиц, об отношениях военных и гражданских, о боевом духе, об изменении стратегии и тактики. Безусловно, один параграф не может раскрыть все эти темы, однако даже 5-ти страниц совершенно достаточно для одной.

Пункт №4 посвящен теме героизма, он так и назван: «Мужество и героизм российских воинов». Авторы не ставят вопрос о том, что такое героизм в условиях массовой войны, пытаются ограничиться перечислением наиболее ярких примеров, создав образ «народного героизма». Однако и в этом терпят поражение. Так, в отдельных выносках (фотографии и сопроводительный текст на голубом фоне, что привлекает внимание) значатся первый георгиевский кавалер Козьма Крючков и сестра милосердия Римма Иванова. В первом случае авторы забывают рассказать, в чем же состоял подвиг (зато обращают внимание на методы пропаганды его героизма), во втором — обходят вниманием тот факт, что гражданский человек не имеет права вести солдат в атаку. Рассказ о «женском батальоне смерти» М. Бочкаревой опускает сложные обстоятельства его создания.

В самом тексте пункта №4 верно говорится, что К. Крючков и Р. Иванова были широко известны, однако две другие женщины — А. Лагерева и М. Захарченко — стали относительно известны только сегодня, благодаря нескольким публикациям в узкоспециализированных журналах. Не вызывает нареканий упоминание летчиков П.Н. Нестерова (первый воздушный таран) и Ю. Гильшера (летал после ампутации ступни), однако барон П.Н. Врангель только условно считается первым офицером — георгиевским кавалером: он был награжден на заседании Георгиевской думы при штабе 1-й армии среди прочих офицеров, правда, его фамилия стояла первой, поскольку список был составлен в алфавитном порядке.

Более всего удивляет появление в перечне одноглазого поручика Н. Нечаева. Эта фигура известна только калининградским краеведам, прежде всего, по воспоминаниям капитана А. А. Успенского, который рассказывал, как его сослуживец в январе 1915 г. героически погиб, прикрывая огнем пулемета отход русских частей (Успенский 1932: 181). В начале 2010-х гг. калининградские краеведы нашли место боя и братскую могилу, обустроив последнюю. Однако собственно этот подвиг, который и привлек внимание к Нечаеву, в «учебнике» не описан (С. 21).

В этом параграфе есть ряд фактологических ошибок. Так, с первых дней в Европе образовались не два, как указано в «учебнике», а три фронта — В.Р. Мединский и А.В. Торкунов забыли про Балканский (С. 16). К. Крючков не был полным георгиевским кавалером (С. 16).

Совершенно фантастически представлена оборона крепости Осовец. На ней авторы делают особый акцент: параграф №2 открывается патриотической картиной В. Нестеренко «Мы — русские, с нами Бог» (С. 15), а сама оборона представлена вставкой «Любопытные детали» (С. 21, 24). В.Р. Мединский и А.В. Торкунов забыли про попытку штурма крепости в сентябре 1914 г. Ее нахождение на пассивном участке линии фронта с февраля по начало августа 1915 г. представлено как «осада». Зимний штурм все же был в феврале, а не в январе (вне зависимости от дат, по новому или старому стилю). Действительно, тогда «противник использовал мощные орудия и бомбардировку с воздуха».

Однако бомбардировки с воздуха осуществлялись и раньше, это были единичные случаи и не наносили никакого урона. Вопреки дальнейшему утверждению защитники не подбивали «мощные немецкие орудия», а не давали им пристреляться. Неудачный штурм крепости прекратился в том числе из-за успеха русских армий под Праснышем и срыва зимнего наступления немцев из Восточной Пруссии. Об этом авторы умалчивают. В дальнейшем здесь был спокойный участок фронта, а летом 1915 года немцы искали возможность сломить оборону русских армий в других местах. Без подавления артиллерии крепости штурмовать ее бессмысленно. Уже на фоне общего отступления русских войск из Польши немцы решили использовать газовую атаку (хлор). Обратим внимание на небрежность: авторы «учебника» заявляют, что используют старый стиль (С. 6), однако дата третьего штурма Осовца дана по новому — 6 августа.

События изложены следующим образом: «6 августа 1915 г. немцы применили химическое оружие, в атаку пошла немецкая пехота. Но навстречу поднялись около 60 русских воинов, выживших после химической атаки. У всех на руках и на лицах были чудовищные следы воздействия ядовитого газа. Неприятель в ужасе обратился в бегство. В публицистике этот эпизод получил название “атака мертвецов”» (С. 24).

За исключением даты и факта применения оружия, все содержащееся здесь — намеренная фальсификация или передергивания. «Немецкая пехота» — это штурмовые группы,

которые должны были занять передовые окопы, однако о штурме крепости в первый день речи не шло. Это было невозможно без подавления артиллерии. Накануне штурма на вооружении крепости было 365 орудий разного калибра (включая 4 дальнобойных орудия Канэ) (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2266. Оп. 1. Д. 219. Л. 5). Историк С.Г. Нелипович оценивал численность гарнизона в 40 тыс. человек (Нелипович 2022). Газовая атака, действительно, привела к гибели солдат в передовых окопах, а также оказала воздействие на гарнизон самой крепости, но это не подорвало ее боеспособности. Согласно рапорту коменданта, всего от последствий газа, которые сказывались в течение недели, погибло около 4 тыс. нижних чинов (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 327. Л. 86–87). Провал атаки был связан с тем, что газы не сумели подавить артиллерию. Немецкая атака была остановлена именно ее огнем, а затем уже из гарнизона были отправлены несколько рот (несколько сотен человек) для контратаки. Никаких 60 человек, повернувших противника вспять, никогда не было, и ни один исследователь об этом не писал.

Оборона Осовца, безусловно, — героическое событие, однако содержание героизма неизвестно В.Р. Мединскому и А.В. Торкунову. Также последнее предложение из приведенной выше цитаты выглядит странно, поскольку создает ошибочную иллюзию, будто образ «атаки мертвецов» появился уже в годы войны. В действительности, он начал формироваться только с конца 2000-х годов, ввиду вольной трактовки сочинений

историка и военного С. Хмелькова, который в книге 1939 года написал, что контратакующие были похожи на мертвецов (Хмельков 1939; Пахалюк 2016).

Параграф №3 «Власть, экономика и общество в годы Первой мировой войны. Нарастание революционных настроений» ориентирует ученика искать причины нарастания революционных настроений. Однако вместо этого в первых двух пунктах (три страницы из шести) В.Р. Мединский и А.В. Торкунов решают рассказать о том, как успешно царская власть давала ответы на вызовы тотальной войны. Они начинают повествование с тезиса о патриотическом подъеме в 1914 г., хотя современная историография ставит его под вопрос (Аксенов 2020). В общем же «патриотический подъем» сводится к поддержке войны со стороны либеральных партий, а также к действиям, связанным с монархией. Так, авторы подробно останавливаются на том, что состоящая из добровольцев Кавказская туземная конная дивизия возглавлялась вел. кн. Михаилом Александровичем (хотя он был скорее номинальным начальником). В качестве примера служения приводится открытие лазарета в Зимнем дворце, который, правда, к 1914 г. уже перестал быть актуальной резиденцией Николая II. Равным образом вместо описания работы Российского общества Красной Креста В.Р. Мединский и А.В. Торкунов подчеркивают, что им руководила вдовствующая императрица Мария Федоровна. Да, это общество состояло под ее патронатом, но к повседневной деятельности она прямого отношения не имела. Потому вопрос в конце пункта — «приведите

примеры гражданско-патриотического поведения россиян» — является манипуляцией: пункт не дает достаточных примеров общественной благотворительной деятельности (которая, конечно, была значительна), зато сводит ее к показной деятельности династии Романовых.

Следующий пункт об экономике рассказывает об успехах наращивания объемов военной промышленности и позитивно оценивает институциональные меры, осуществленные властью (работа особых совещаний, военно-промышленные комитеты, земский и городской союзы). За пределами внимания — все, что связано с возникшими сложностями, неэффективностью бюрократии. Только в самом конце В.Р. Мединский и А.В. Торкунов замечают, что у германских войск все равно сохранялось превосходство по многим видам вооружения, но поставить вопрос, почему, они не хотят (С. 30).

Половину параграфа занимает пункт №3 «Власть и общество, политические партии в годы войны», где В.Р. Мединский и А.В. Торкунов, напрямую не проговаривая, вполне осознанно пытаются подтолкнуть читателя к выводу, что вина за Февральскую революцию лежит на левой и либеральной оппозиции. С одной стороны, они признают факт ухудшения жизни людей, связывая его исключительно с объективными военными трудностями. «Революционные настроения» (без адекватной расшифровки понятия) увязываются с сокращением выпуска товаров потребления, железнодорожным кризисом и очередями, которые дали толчок к забастовочному движе-

нию (С. 30–31). Однако констатация факта не получает детализации, отчего социально-экономический кризис остается непонятным.

С другой стороны, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов достаточно подробно пишут о политических требованиях оппозиции, дискредитирующих слухах о Распутине и расколе левого движения. Они утверждают, что «в других воюющих странах наблюдались схожие проблемы» (С. 33) и в 3-м вопросе к параграфу просят ученика порассуждать о том, «в чем восприятие войны обществом в России совпадало с европейскими общественными настроениями» (С. 34). Тем самым они манипулятивно нормализуют ситуацию в России: при взвешенном подходе определение сходств не менее важно, нежели поиск отличий, а адекватный фактологический материал для этих аналитических процедур отсутствует.

Революционные события связаны с неготовностью власти жестко реагировать на вызовы и особым «восприятием» момента со стороны общества. В итогах (представлены на отдельном фоне) В.Р. Мединский и А.В. Торкунов намеренно подчеркивают, что поражения армии (непредставленные в предыдущем параграфе), затяжная война (объективный фактор) и снижение уровня жизни «вели не только к утрате авторитета правящих кругов, в первую очередь царской семьи, но и к новому витку противостояния между властью и обществом» (С. 33). Несколько упрощая, это задает поверхностную модель: власть недостаточно жесткая, а общество жило иллюзиями.

Разбираемые три параграфа сопровождаются 19-тью иллюстрациями. Из них 3 — пропагандистские плакаты, 3 фотографии с участием Николая II или его семьи, еще 1 — императоры стран-тройственного союза. Для презентации полководца А.А. Брусилова и казака К.Ф. Крючкова использованы официальные фотографии, Риммы Ивановой — памятник. Только «женский батальон» Бочкаревой показан в строю. Также приведена фотография памятника РВИО Первой мировой, на фоне которого выступает Путин (С. 24). Боевые действия русской армии отражены пробным полетом самолета «Илья Муромец», постановочной фотографией пулеметчиков и рисунком солдат в бою (С. 12), а также китчевой картиной современного художника В. Нестеренко (С. 15). Более-менее близкими к реальности можно признать картину К. Петров-Водкина «На линии огня» и небольшую, плохого качества фотографию русских солдат в окопе (С. 20). Другими словами, «учебник» не дает визуального образа войны, заменяя его официозом того времени. Единственная удачная находка — картина Б. Рыбченко «1916 год», открывающая параграф об обществе (в центре — длинные очереди и солдат-калека). Однако если тема очередей и продовольственного кризиса затронута в тексте, инвалиды войны не удостоились внимания В.Р. Мединского и А.В. Торкунова.

Странно выглядит и рекомендуемая «научно-популярная литература», которая состоит из трех книг. Школьнику советуют ознакомиться с трехтомной научной энциклопедией «Россия в Первой мировой»,

с пропитанным монархизмом сочинением эмигранта С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II», а также научной монографией А.И. Уткина «Первая мировая война», который все же являлся специалистом по внешней политике США. Это сочинение, пусть и постоянно переиздаваемое в России, сложно отнести к историографической классике. Из «художественной литературы» ученикам предлагают В.С. Пиккуля «Честь имею!» и «Моонзунд». Учитывая известность этих произведений, выбор предстает логичным, хотя стоит отметить вольное обращение В.С. Пиккуля с фактами.

В завершении раздела необходимо признать: этот «учебник» не дает никаких адекватных представлений о Первой мировой и причинах революции. Авторы манипулируют читателем, пытаясь создать образ эффективной царской власти, возлагая ответственность на союзников, политическую оппозицию, «неправильное» воображение общества и в лучшем случае на объективные обстоятельства.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОДРОБНЫЙ АНАЛИЗ

Тема нацистских преступлений представлена в параграфе № 31 «Фронт за линией фронта». Он объединяет несколько сюжетов: нацистскому террору и коллаборационистам противопоставлена борьба советского подполья. Доминирование прогрессивного, героического нарратива задается главным вопросом: «Почему население оккупированных территорий развернуло массовую борьбу

с оккупантами и какие это имело последствия?» (С. 338).

Визуальный ряд также поддерживает выбранный способ повествования: все 12 изображений отсылают исключительно к разным формам сопротивления и их героям. Отдельные образы, свидетельствующие о тяжести оккупации, мы находим в последующих параграфах: например, в пункте о поражении Финляндии (параграф № 35) приведена фотография из освобожденного финского концлагеря с детьми за колючей проволокой (С. 411). В параграфе № 36 о культуре и науке есть фотография разрушенного Петергофа (С. 430): она иллюстрирует пункт о разграблении культурных ценностей и последующей реституции. В параграфе про освобождение Европы мы встречаем и фотографию «Освобождение концлагеря Освенцим» (С. 438): она является постановочной и делалась уже весной 1945 года, о чем свидетельствуют, например, листья на деревьях.

Параграф № 31 открывается пунктом № 1 «Характер войны и цели гитлеровцев». В соответствии с историографическим мейнстримом утверждается, что эта война была войной на уничтожение, однако В. Р. Мединский и А. В. Торкунов добавляют идеологический элемент — будто она сопровождалась «геноцидом мирного населения». «Словарь понятий и терминов» (С. 484) дает последовательно два определения. Сначала — общее определение геноцида. Оно восходит к Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступлений геноцида, за одним исключением: авторы опустили, что геноцид — это

не только намеренное уничтожение, полностью или частично, некоей национальной, этнической, расовой или религиозной группы, а уничтожение «как таковое», то есть исключительно за то, кем являются жертвы. Это «сокращение» неслучайно, а носит принципиальный характер. Продвигая примерно с 2020 г. тезис о геноциде советского народа, российские власти и пропагандисты пытаются все преступления представить в качестве геноцида советского народа, включая военные преступления и преступления против человечности (см. подробнее: *Сэндс 2020; Пахалюк 2023*). Подобные действия российских и белорусских властей встречали критику со стороны академических ученых (см.: *Альтман 2023; Пахалюк 2023 а; Смиловицкий 2021, Полян 2021*). Каким бы жестоким ни являлось массовое убийство жителей деревень партизанских районов, оно было мотивировано прежде всего военными целями, а потому геноцидом считаться не может. Характерным образом «учебник» определяет «геноцид народов СССР» следующим образом: «преступление гитлеровских захватчиков в ходе нападения на СССР, в результате которого погибло от 15 до 18 млн человек — мирных жителей и военнопленных» (С. 484). Другими словами, авторы не видят разницы между геноцидом и массовыми преступлениями.

К слову, в нормальном учебнике дискуссии о терминологии могли бы стать отправной точкой для обсуждения сложностей, возникающих при осмыслении природы массового насилия, включая вызванного посредством «навязанной идентичности». Значимость последней проблемы

выходит за пределы истории нацистских преступлений, что позволило бы учителю привлечь внимание старшеклассника к более актуальным для них вопросам.

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов решают не педагогическую, а идеологическую задачу. Они рассказывают о нацистских преступлениях так, чтобы, с одной стороны, избежать обвинений, например, в замалчивании известных трагедий (в частности, убийства евреев — Холокоста), а с другой — убедить школьника в существовании геноцида всего советского народа.

Касаясь темы нацистской идеологии, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов пишут, что нацисты внушали немцам, что те являлись «расой господ», а остальные — «недочеловеки». К сожалению, это отчасти верно. Высшей расой (то есть кровно-биологическим единством) являлась арийская, ее выразителем — немецкий народ, однако арийские гены могли быть найдены у представителя любого другого европейского народа, кроме еврейского. Отсюда проистекали представления и о весьма специфической заботе нацистского государства по отношению к таким людям. С точки зрения педагогики (если признать значимым сюжет о нацистских преступлениях для изучения истории России на базовом уровне), куда важнее учиться анализировать

мировоззрение нацистов, нежели пугать старшеклассников⁶.

Авторы верно отмечают официальные приказы, согласно которым фактически любое преступление в войне против СССР может быть оправдано, однако не уточняют, как они реально исполнялись. Действительно, общие соображения накануне нападения заключались в том, чтобы захватить и колонизировать обширные территории СССР (авторы «учебника» забывают уточнить, что до Урала), а идея питаться местными средствами вполне очевидно вела к гибели мирного населения, что сознавалось нацистами (С. 339). Насилие на востоке Европы носило беспрецедентный характер, однако В.Р. Мединский и А.В. Торкунов изображают советский народ как исключительную жертву, уточняя, что их истребление отличалось от «оккупационной политики в странах Европы». Они напоминают школьнику, что в Великобритании и США (которые не были оккупированы) действовали фашистские организации, в оккупированных нацистами странах население привлекалось к сотрудничеству, а «для собственников промышленных или сельскохозяйственных предприятий создавались возможности для интеграции в германскую экономику — в рамках курса на создание «единой Европы» под управлением Германии» (С. 339). Последнее выражение стилистиче-

⁶ В качестве потенциального текста для обсуждения могу рекомендовать одну из речей Г. Гимmlера, частично опубликованную в рамках проекта «Без срока давности». См.: Речь рейхсфюрера СС Г. Гимmlера на полевом командном пункте Хегевальд перед руководителями СС и полиции о расовой экспансии. Тезисы Г. Гимmlера к выступлению, 1942, 16 сент. // Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://victims.rusarchives.ru/rech-reykhfsfyurera-ss-g-gimmlera-na-polevom-komandnom-punkte-khegevald-pered-rukovoditelyami-ss-i> (дата обращения: 28.10.2023).

ски воспроизводит современную риторику вражды с Европейским Союзом. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов вступают в конкуренцию жертв и ради виктимизации сознания своих читателей намеренно принижают страдания других.

Кроме того, авторы подменяют понятия: различного рода рассуждения и детали долгосрочного планирования они выдают за реальные планы, на основе которых осуществлялась оккупационная политика. Это один из способов манипулирования через «учебник». Если геноцид уже был в действии, совершенно непонятно, как возможен коллаборационизм, особенно в тех формах, которые имелись в реальности. Тезис, что «население было безоружным» (С. 340), а потому с трудом могло сопротивляться, противоречит последующей мысли о массовом партизанском движении. Более того, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов ссылаются на «Генеральный план ОСТ» как на руководящий документ, хотя он не сохранился в полном виде и не был утвержден нацистским руководством (Хавкин 2023: 129–137). Более того, авторы намеренно опускают, что «Генеральный план ОСТ» касался не только СССР, и его реализация предполагала несколько десятилетий после победы.

В идеале рассказ об оккупационной политике должен был свестись к тому, какие группы жертв для первоочередного истребления выбирали нацисты, как они это проводили, чем занималось население в оставшееся время и что влияло на выбор человека: стать коллаборационистом, партизаном или попытаться просто

выживать. В качестве общего названия можно использовать такие традиционные для историографии понятия, как «нацистская политика уничтожения», «истребительная политика» и «война на уничтожение против СССР». Они точнее «геноцида советского народа» и никак не принижают масштабы трагедии и преступлений.

Вместо этого В.Р. Мединский и А.В. Торкунов пытаются рассказать о практиках уничтожения и преследования. Так, они пишут, что нацисты предполагали уничтожение «коммунистов, комсомольцев, членов местных Советов и др.» (С. 341). Действительно, приказ о комиссарах предписывал убийство политических работников (правда, он уже утверждал, что если визуально они не представляют угрозы, то им можно сохранить жизнь; сам «приказ о комиссарах» летом 1942 года был отменен), равным образом карательные органы часто расстреливали партийных руководителей. Однако на практике особенности оккупации в разных регионах варьировались, и, например, члены ВКП(б) могли ограничиться лишь регистрацией.

Совершенно верно В.Р. Мединский и А.В. Торкунов пишут о существовании айнцагрупп, которые занимались целенаправленным убийством евреев и цыган, правда, забывают и о еще третьей группе жертв — лица с инвалидностью (см.: «Помни о нас», 2022). Хотя история Холокоста тесным образом связана с историей оккупации СССР (до 2,4 млн из 6 млн были убиты здесь), авторы ограничиваются несколькими строчками о создании гетто и местах

массовых расстрелов в Бабьем Яру и на Змиевской балке (С. 341). Согласно подсчетам современных историков, евреи составляли примерно 63% жертв гражданского населения в Украине (Круглов, Уманский, Шупак 2017: 405–411), 66% — в Беларуси (Смиловицкий 2020), 43,5% — на юге РСФСР (Войны и население 2019: 546–547). Объективный масштаб трагедии заслуживает большего, нежели нескольких предложений в тексте и включения понятия «Холокост» в общий перечень понятий.

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов не различают различные типы мест заключения (концлагеря СС, трудовые лагеря, шталаги, дулаги и пр.), говоря о них в целом, хотя и это могло бы стать методическим приемом для изучения темы. Авторы забывают разделять концентрационные лагеря, как места заключения и источник рабской силы, и собственно центры уничтожения (лагеря смерти), создаваемые исключительно для истребления евреев (ни для какой другой этнической группы их не было). Так, среди наиболее известных лагерей на оккупированной территории СССР назван Малый Тростенец, который одновременно использовался как место расстрела евреев и отравления их газом.

В пункте № 4 «Трагедия плена» упоминается «массовое восстание в лагере смерти Собибор на территории Польши, где содержались заключенные (в основном евреи) из разных стран Европы» (С. 347–348). Это предложение является грубой фальсификацией, поскольку Собибор был создан не для содержания, а истребления евреев и только евреев (при-

мерно 250 тыс. за 1,5 года работы) (Собибор 2019). В нем существовала небольшая команда из числа временно оставленных в живых евреев, где и произошло восстание. Равным образом А.А. Печерский был его лидером, но никак не организатором, т.к. подпольные структуры были созданы до него. К разряду мифов надо отнести и то, что он якобы являлся лейтенантом. Заключительная фраза о том, что около 50 узников добрались «до партизанского отряда в Белоруссии», ничем не подтверждена. Вероятно, авторы просто перепутали и таким образом восприняли информацию о том, что такое количество бежавших пережило войну.

Обращу внимание, что и краткая справка о концлагере Освенцим (Аушвиц), представленная около упомянутой выше фотографии, также содержит ошибки и воспроизводит эту же логику — «изгнать евреев» из истории лагерей смерти. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов находят место, чтобы дать поэтизированное описание того, что увидели солдаты, однако забывают сказать, что Аушвиц — это комплекс из ряда трудовых лагерей и лагеря смерти для евреев. Авторы не могут определиться с количеством погибших, давая очень большой разброс — от 1,5 до 4 млн, повторяя давно опровергнутые выводы советских следователей (анализ см: Полян 2018). В действительности, сегодня количество погибших здесь оценивается в 1,1–1,3 млн человек, из них не менее 900 тыс. евреев (С. 438).

В.Р. Мединский и А.В. Торкунов намеренно выстраивают повествование так, чтобы в начале параграфа

№ 31 говорить только о преступлениях на территории СССР, тем самым обходя вниманием другой вопрос: нацистская политика уничтожения началась еще до 22 июня 1941 г., равным образом оккупированная территория была ареной и для тех направлений истребительной политики, которые напрямую не связаны с войной против СССР. Отмечу, что учебник «Всеобщей истории» также не позволяет возместить указанные недостатки.

В качестве формы «нацистской политики геноцида» В.Р. Мединский и А.В. Торкунов называют политику «выжженной земли», правда, забывают уточнить, что в одних случаях она предполагала уничтожение деревень с населением, в другой — сожжение деревень и депортацию жителей. Примерами служат деревни Хацунь в Брянской области и Хатынь в Беларуси. В обоих случаях внимания удостоились те трагедии, которые стали предметом коммеморации (Хатынь — в советское время, Хацунь — в 2000-е гг. в России). Сожжение Хатыни и убийство ее жителей 22 марта 1943 г. было связано с тем, что советские партизаны напали на немецкий отряд. По следам на снегу карательный отряд вышел на эту деревню, увидел убегающую от нее партизанку и принял решение об уничтожении всей деревни с жителями. Однако к тому времени руководство советских партизан знало, что именно грозит мирным гражданам за связи с ними. Другими словами, историю Хатыни вполне обосновано можно представить в качестве предмета для обсуждения следующего трудного и очень противоречивого вопроса — как организовать парти-

занское движение, чтобы не подставлять мирное население под ответный удар (основу такой дискуссии на уроке могут составить документы из сборника: *Убийцы Хатыни* 2018)?

Рассказ о «геноциде советского народа» продолжается пунктом о партизанском движении. Оно представлено как массовый подвиг с множеством героев. Вниманием обходится все, что мешает образу народного сопротивления: методы организации подполья советской властью, неравномерность партизанского движения и территориально, и во времени. Тем самым В.Р. Мединский и А.В. Торкунов вместо обсуждения истории вменяют школьнику три взаимосвязанных образа: советский народ — главная жертва, советский народ — един в своей борьбе, советский народ — спаситель других жертв нацизма.

Среди героев выделен Н.Я. Киселев, который в 1942 г. вывел более 200 евреев в советский тыл. Эта история на протяжении долгого времени находилась за пределами внимания широкой публики, поворот произошел в 2023 г. с выходом художественного фильма «Праведник». Несомненно, это важная и нужная история, однако ее появление в «учебнике» обусловлено, увы, пропагандистскими задачами: создать образ советских партизан как защитников евреев. Школьник ничего не узнает о том, что одновременно многие партизаны отказывались помогать и спасать евреев, как и мирные жители, мягко говоря, относились к ним неоднозначно.

Схожим образом выстроен и пункт № 4 «Трагедия плена». В.Р. Мединский и А.В. Торкунов обоснованно

указывают, что с самого начала именно советских военнопленных немцы ставили в особо ужасные условия, предполагая их массовую гибель. Действительно, в годы войны погибли около 60% советских военнопленных и только до 4% британских и французских (С. 348). Не вызывают сомнения подвиги А.А. Печерского, Д.М. Карбышева и М.П. Девятаева. Однако трагедия военнопленных не сопровождается анализом того, почему туда попало так много людей. Школьник должен принять как данность, что «уже в первые месяцы войны сотни тысяч военнослужащих Красной Армии оказались в немецком плену» (С. 347). Ничего он не узнает о практике 1941 г. роспуска по домам военнопленных отдельных этнических категорий (включая белорусов и украинцев), о трансформациях нацистской политики к военнопленным, а также об их последующей стигматизации в советском обществе. Опущена трагедия миллионов принудительных рабочих (остарбайтеров). Более того, В.Р. Мединский и А.В. Торкунов не сообщают о том, что порядка 500 тыс. советских граждан либо добровольно ушли с немцами, либо не захотели возвращаться в СССР (вторая волна эмиграции).

Последний пункт параграфа «Пособники оккупантов» оказывается наименее информативным и структурированным. Вероятно, сама тема представляла для авторов проблему: последовательный рассказ подрывал бы и тезис о единстве народа, и о геноциде. Сначала В.Р. Мединский и А.В. Торкунов привлекают внимание к действиям оккупантов, лишая коллаборационистов субъектности:

это нацисты старались организовать органы самоуправления, распространяли «освободительные» лозунги, разжигали межнациональную рознь и насильственно толкали людей вступать в военизированные формирования (С. 349–350). Затем авторы заявляют, что стремление к сепаратизму и неприятие советского строя «лишь для немногих советских граждан, а также некоторых представителей русской эмиграции» были мотивами к сотрудничеству (С. 350). Проблема коллаборационизма не только принижается, а фактически отрицается по лекалам советского времени, якобы это были отщепенцы. После этого исключениями называются украинские, литовские, латышские и эстонские националисты. Дальнейший разговор переходит на тему уже их преступлений против мирного населения. В угоду времени особо изобличается УПА. Британские и американские спецслужбы безосновательно напрямую обвиняются в том, что якобы именно благодаря им «многие украинские националисты смогли уйти от возмездия» (С. 351).

Тема нацистских преступлений использовалась и для оправдания преступлений сталинских — депортаций ряда народов Северного Кавказа. Их история помещена в пункт о коллаборационизме, а потому действия советской власти предстают преувеличенными, но в целом оправданными. Более того, это ощущение усиливается за счет выделения в «Важные факты» сведений о том, что в США интернировали японцев (С. 351). Перед нами классический манипуляционный прием, получивший название «whataboutism» (от англий-

ского «What about...», или «А что касается...») и состоящий в том, чтобы вместо детального рассмотрения неприятного события переключить разговор на сторонние явления. Такая риторика кажется убедительной для тех, кто не владеет основами сравнительного метода в социальных науках. Последний предполагает умение изначально определить цель сравнения и затем обозначить его параметры, например, введя некую числовую шкалу или предложив «идеальный тип». В высшей школе эти навыки прививаются, например, в рамках дисциплины «историческая компаративистика» (см. Кром 2015), однако наиболее простые приемы могли бы обсуждаться и в средней школе.

Избранная В.Р. Мединским и А.В. Торкуновым манера изложения, к сожалению, упускает множество смысловых моментов: почему в странах Балтии (еще несколько параграфов назад добровольно вошедших в СССР) и в Украине появляются сильные националистические структуры? Каким образом около 70 млн человек на оккупированных территориях выживали и где грань между сохранением жизни и коллаборационизмом? Почему нацистская политика уничтожения была последовательной только в отношении отдельных групп жертв? Все эти вопросы вряд ли могут найти адекватное отражение в школьном курсе истории, однако выбор хотя бы одного из них позволил бы авторам «учебника» не тратить усилия на изложения отрывочных сведений и структурировать материал таким образом, чтобы помочь учителю ввести ученика в проблематику нацистских преступлений в целом.

К сожалению, сама их история В.Р. Мединскому и А.В. Торкунову нужна только как некий пугающий образ, порождающий у школьника чувство, что «мы были главной жертвой». На это указывает и методический материал. Из 6-ти вопросов в конце параграфа ни один напрямую не подталкивает к углубленной работе с изложенным материалом о нацистских преступлениях. Так, первый вопрос просит перечислить последствия политики Германии на оккупированных территориях СССР (в логике параграфа это означает сделать акцент на сопротивлении). Затем авторы предлагают учащемуся обратиться к материалам федерального проекта «Без срока давности» и рассказать о геноциде мирного населения в одной из областей России. Остальные четыре вопроса связаны с формами сопротивления. Далее школьнику предлагается разобрать понятие «коллаборационизм», а в конце ознакомиться с отрывком из воспоминаний партизанского командира П. Вершигоры. Среди прочего ученика просят задуматься, почему мемуарист называет «нашу страну “страной с чистой совестью”» (С. 353). Вероятно, это вполне точно оценивает подход В.Р. Мединского и А.В. Торкунова к противоречивым страницам прошлого: чистая совесть страны — прямо пропорциональна объему преступлений, совершаемых против нее.

В заданиях ко всей главе о Великой Отечественной войне только одно относится к теме нацистских преступлений. Школьнику предлагают прочитать отрывок из акта Батецкой районной комиссии о расследовании нацистских преступлений

в д. Жестяная Горка и на его основе доказать, что нацисты проводили «политику геноцида» (С. 477). Такая постановка вопроса учит не основам понятийного анализа, а подверстывать документ под концепцию. Тем более что В. Р. Мединский и А. В. Торкунов оперируют искаженным понятием геноцида, а сам отрывок не содержит сведений, позволяющих определить эти убийства таким образом. Появление этого сюжета также неслучайно и определено государственной политикой памяти: в 2020 г. именно на основе расследования преступлений в д. Жестяная Горка российский суд впервые вынес решение о «геноциде советского народа», а РВИО приняло участие в создании мемориала и музейного комплекса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный «учебник» является не столько учебным материалом, сколько продуктом государственной исторической политики и должен рассматриваться соответственно, то есть как нечто манипулятивное и, вопреки названию, не имеющее отношения к образовательному процессу. Само повествование не соответствует критериям ясности и простоты, оно, наоборот, перегружено отрывочной, недостоверной и поверхностной информацией, что затрудняет восприятие. Традиционная отповедь историкам со стороны учителей, что школьный учебник не может включить все значимые сюжеты, здесь не должна рассматриваться всерьез: авторы вполне могли бы сократить пропагандистские, демагогические и просто второстепенные сюжеты, высвободив место для более

существенных вопросов. Методический аппарат в разобранных детально параграфах оставляет желать лучшего. Он никак не помогает прививать умение анализировать исторические процессы и даже приблизительно понимать специфику работы с историческими источниками.

Будучи произведением государственной исторической политики, «учебник» В. Р. Мединского и А. В. Торкунова нацелен на вменение того образа истории, где прошлое страны сведено к развитию государственных органов и труду людей под их руководством. Общественные институты как самостоятельный субъект действия выпадают. Любое преступление государства оправдывается авторами через ссылки на внешнюю угрозу или важные государственные задачи, что составляет главный этический посыл пособия. «Ура-патриотизм» неизменно скатывается в рассказ об «исторических обидах», несправедливостях и предательствах, воспитывая ущербно-обозленное мировоззрение.

Широко используемые манипулятивные приемы позволяют добиться этого. Размывание граней между историей и памятью — один из отличительных признаков изученного нарратива. Фактически коррупционное поведение В. Р. Мединского, превратившего «учебник» в инструмент прямой саморекламы, на мой взгляд, отражает его глубинное отношение к самому процессу политики памяти.

Если история — исключительный набор достижений «наших предков», то это объясняет и слабость методического аппарата: ничего другого,

кроме как зазубривать, не остается. Предположу, что авторы видели в своем произведении некую методичку для желающих участвовать в сетевых и обычно бесплодных баталлиях на исторические темы «с патриотических позиций».

Данный подход не является новым. В.Р. Мединский и А.В. Торкунов адаптировали для старшеклассников и детализировали за счет исторических примеров тот образ прошлого, который продвигался официальной политикой памяти в 2010-е гг.: государство как главный субъект отечественной истории и служение ему как высшая добродетель. Универсальная мораль и этика ответственности отторгаются в полной мере.

По своим установкам «учебник» В.Р. Мединского и А.В. Торкунова ближе к системе патриотического воспитания, многие участники которой озабочены производством механизмов социального контроля и приведением поведения молодежи к неким «традиционалистским стандартам». Они без особого стеснения отождествляют родину с государством, государство — с правящими элитами, а воспитание патриотизма сводят к изучению истории, тем самым даже не пытаясь задуматься о том, что такое гражданская ответственность (подробный обзор см.: *Пахалюк* 2019). Если принять всерьез наблюдение социологов С. Грина и Г. Робертсона о том, что в 2010-е гг. политические дискуссии воплощались в борьбе между навязыванием и отрицанием «общепринятых норм» (*Грин, Робертсон* 2021: 149), то перед нами один из способов внедрения путинского авторитаризма в социальное пространство.

Акцент «учебника» на эмоции наследует работам социальных психологов, которые предлагают конкретные практики «воспитания патриотизма» как некоего иррационального, базового чувства привязанности к стране-государству. Конкретное проявление такого «патриотизма» такими деятелями науки сводится к поддержке действий элит, следованию предписанным нормам, а также участию в дозволенных, неполитических формах социальной активности (*Фролова* 2017; *Личность и патриотизм* 2023) (хотя даже здесь можно встретить аккуратные попытки оппонирования (*Александрова* 2023)).

«Учебник» В.Р. Мединского и А.В. Торкунова еще больше укрепляет тенденции в умонастроениях молодежи, выявленные специалистами «Левада-центра»: политический инфантилизм, снятие с себя ответственности за происходящее в стране, антизападные настроения и комплекс жертвы. Де-рационализация отношения к советскому прошлому, насаждения сентиментального образа «по-отечески заботливой власти», избегание разговора о репрессиях — все это не только отмечается исследователями, но и намеренно насаждается в рассматриваемом «учебнике» (*Гудков, Зоркая, Кочергина, Пития* 2023).

С другой стороны, опытный учитель с легкостью превратит этот «учебник» в наглядное пособие для того, чтобы демонстрировать изъясны исторической демагогии и приемы манипуляции. И тем самым будет стимулировать у учащегося интерес к истории, развивать навыки риторики и критического мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айранетов 2014 — *Айранетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М.: ИД КДУ, 2014. 336 с.

Аксенов 2020 — *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.

Александрова 2023 — *Александрова Е.В.* Патриотизм как направленность личности и гражданская ценности // Личность и патриотизм. Психологические условия формирования патриотических ценностей / Под ред. В.Г. Егорова, Е.В. Александровой, Е.А. Юмкиной. СПб.: Алетей, 2023. С. 44–58.

Барт 2008 — *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

Будрайтскис 2020 — *Будрайтскис И.* Мир, который построил Хантингтон и в котором живём все мы. М.: Циолковский, 2020. 160 с.

Валентинов 1919 — *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Вып. 2. М., 1919. С. 94–128.

Войны и население 2019 — Войны и население Юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия / Отв. ред. Е.Ф. Кринко. М.: РОСПЭН, 2019. 655 с.

Гагжуев 2021 — *Гагжуев Р.Г.* Учебники истории. Взгляд через федеральный перечень учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 4 / Под ред. К.А. Пахалюка. М., СПб.: Нестор-История, 2021. С. 7–33.

Грин, Робертсон 2021 — *Грин С., Робертсон Г.* Кто здесь власть? Граждане, государство и борьба за Россию. М.: АСТ, 2021. 288 с.

Гудков, Зоркая, Кочергина, Пития 2023 — *Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пития К.* Постсоветская молодежь. Предвари-

тельные итоги. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 320 с.

Еремеева 2021 — *Еремеева С.А.* Память: поле битвы или поле жатвы? М.: РАН-ХиГС, 2021. 361 с.

Кром 2015 — *Кром М.М.* Введение в историческую компаративистику. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 247 с.

Круглов, Уманский, Щупак 2017 — *Круглов А., Уманский А., Щупак И.* Холокост на Украине: зона немецкой военной администрации, румынская зона оккупации, дистрикт «Галичина», Закарпатье в составе Венгрии (1939–1944). Днепро: ТКУМА, 2017. 454 с.

Кто боится 2013 — Кто боится учебника истории? / Под ред. И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2013. 106 с.

Личность и патриотизм 2023 — Личность и патриотизм. Психологические условия формирования патриотических ценностей / Под ред. В.Г. Егорова, Е.В. Александровой, Е.А. Юмкиной. СПб.: Алетей, 2023. 212 с.

Малинова 2015 — *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 207 с.

Мединский, Торкунов 2023 — *Мединский В.Р., Торкунов А.В.* История. История России. 1914–1945 годы: 10-й класс: базовый уровень. М.: Просвещение, 2023. 496 с.

Мединский, Чубарьян 2023 — *Мединский В.Р., Чубарьян А.О.* Всеобщая история. 10 класс. Базовый уровень. М.: Просвещение, 2023. 239 с.

Миллер 2012 — *Миллер А.И.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Лимпан. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367.

Нелипович 2006 — *Нелипович С.Г.* «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-

Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006. 47 с.

Нелипович 2022 — *Нелипович С.Г.* Осовец, 24 июля 1915 г.: от мифа к познанию // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества. Вып. 2. / Ред. — сост. К. Пахалюк. М.: Вече, 2022. С. 107–122.

Павлов 2011 — *Павлов А.Ю.* «Русская одиссея» эпохи Первой мировой. М., СПб.: Вече, 2011. 213 с.

Пахалюк 2016 — *Пахалюк К.А.* Оборона крепости Осовец. О генеалогии одного исторического нарратива // Свободная мысль. 2016. № 2. С. 43–58.

Пахалюк 2019 — *Пахалюк К.А.* Обращение к истории в контексте теоретико-методологических дискуссий о патриотическом воспитании // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Вып. 2. М., СПб.: Нестор-История, 2019. С. 172–195.

Пахалюк 2020 — *Пахалюк К.А.* Остров в глобальном мире. Политика памяти и поиск ценностного основания государства в России // Россия в глобальной политике. 2020. Том 18. № 2. С. 206–221.

Пахалюк 2021 — *Пахалюк К.А.* Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / Под ред. В. В. Лапина, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 81–108.

Пахалюк 2023 — *Пахалюк К.А.* Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России // Политическая наука. 2023. № 2. С. 65–93.

Пахалюк 2023a — *Пахалюк К.А.* Зачем в России придумали геноцид советского народа // The Moscow Times. 2023. 28 янв. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2023/01/28/zachem-v-rossii-pridumali-genotsid-sovetskogo->

[paroda-a32121](https://www.moscowtimes.ru/2023/01/28/zachem-v-rossii-pridumali-genotsid-sovetskogo-) (дата последнего обращения: 28.10.2023).

Политика памяти 2023 — Политика памяти в России — региональное измерение / Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2023. 471 с.

Полян 2018 — *Полян П.М.* Жизнь и смерть в Аушвицком аду. М.: АСТ, 2018. 640 с.

Полян 2021 — *Полян П.М.* Геноцид советского народа, или «Мертвые души» Владимира Мединского // Republic. 2021. 22 июня. URL: <https://republic.ru/posts/100800> (дата последнего обращения: 28.10.2023).

«Помни о нас» 2022 — «Помни о нас...»: люди с инвалидностью — малоизвестные жертвы нацистского режима в оккупированных регионах РСФСР. Сб. статей / Под ред. И.В. Ребровой. СПб.: Европейский Дом, 2022. 388 с.

Прилепин 2023 — *Прилепин З.* Координата Z. М.: АСТ, 2023. 347 с.

Смиловицкий 2020 — *Смиловицкий Л.* «Холокост в Беларуси — геноцид евреев или белорусов?» // Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве, 21–22 ноября 2019 г. Тель-Авив, 2020. С. 93–111.

Смиловицкий 2021 — *Смиловицкий Л.* Похищение Холокоста // Isrageo. 2021. 28 дек. URL: <http://www.isrageo.com/2021/12/28/smilo443> (дата последнего обращения: 28.10.2023).

Смириться 2023 — Смириться с неизбежностью. Как россияне оправдывают военное вторжение в Украину? Осень — зима 2022 / Под ред. С. Ерпылевой, С. Каппинен. Б. и., 2023. 269 с.

Собибор 2019 — Собибор: взгляд по обе стороны колючей проволоки / Под ред. Л.А. Терушкина, К.А. Пахалюка. М.: Яуза-Каталог, 2019. 416 с.

Сонтаг 2014 — *Сонтаг С.* Смотрим на чужие страдания. М.: Ad Marginem, 2014. 96 с.

Сэндс 2020 — *Сэндс Ф.* Восточно-западная улица. Происхождение терминов геноцид и преступление против человечества. М.: Книжники, 2020. 600 с.

Убийцы Хатыни 2018 — Убийцы Хатыни: 118 украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг. / Сост. И. А. Валаханович и др. М.: Пятый Рим; Фонд «Историческая память», 2018. 479 с.

Успенский 1932 — *Успенский А. А.* На войне. Восточная Пруссия — Литва. Каунас, 1932. 226 с.

Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019 — *Фишман Л., Мартьянов В., Давыдов Д.* Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: Высшая школа экономики, 2019.

Фролова 2017 — *Фролова С. В.* Социально-когнитивные основания психологической приверженности своей стране. М.: Академический проект, 2017. 153 с.

Хавкин 2023 — *Хавкин Б. Л.* Нацизм. Третий Рейх. Сопrotивление. М.: КМК, 2023. 378 с.

Хмельков 1939 — *Хмельков С. А.* Борьба за крепость Осовец. М.: Госвоениздат, 1939. 93 с.

Lässig 2009 — *Lässig S.* Textbooks and Beyond: Educational Media in Context(s) // *Journal of Educational Media, Memory, and Society.* 2009. Vol. 1. № 1. P. 1–20.

Shnirelman 2021 — *Snirelman V.* From pluralism to monochrome society? How school historical education was shaped in Putin's Russia // *Dimensioni e problemi della ricerca storica* (Universita di Roma). 2021. № 1. P. 99–126.

REFERENCES

Ajrapetov O. R. *Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917)*. T. 1. 1914 god. Nachalo. M.: ID KDU, 2014. 336 s.

Aksenov V. B. *Sluhi, obrazy, jemocii. Massovye nastroyeniya rossijan v gody vojny i revol-*

jucii, 1914–1918. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 984 s.

Aleksandrova E. V. Patriotizm kak napravlennost' lichnosti i grazhdanskaja cennosti // *Lichnost' i patriotizm. Psihologicheskie uslovija formirovanija patrioticheskikh cennostej* / Pod red. V. G. Egorova, E. V. Aleksandrovoj, E. A. Jumkinoj. SPb.: Aletejja, 2023. S. 44–58.

Bart R. *Mifologii*. M.: Akademicheskij projekt, 2008. 351 s.

Budrajtskis I. *Mir, kotoryj postroil Hantington i v kotorom zhivjom vse my*. M.: Ciolkovskij, 2020. 160 s.

Eremeeva S. A. *Pamjat': pole bitvy ili pole zhatvy?* M.: RANHiGS, 2021. 361 s.

Fishman L., Mart'janov V., Davydov D. *Rentnoe obshhestvo. V teni truda, kapitala i demokratii*. M.: Vysshaja shkola jekonomiki, 2019.

Frolova S. V. *Social'no-kognitivnye osnovanija psihologicheskoy priverzhennosti svoej strane*. M.: Akademicheskij projekt, 2017. 153 s.

Gagkuev R. G. *Uchebniki istorii. Vzglyad cherez federal'nyj perechen' uchebnikov // Prepodavanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom*. Vyp. 4 / Pod red. K. A. Pahaljuka. M., SPb.: Nestor-Istorija, 2021. S. 7–33.

Grin S., Robertson G. *Kto zdes' vlast'? Grazhdane, gosudarstvo i bor'ba za Rossiju*. M.: AST, 2021. 288 s.

Gudkov L., Zorkaja N., Kochergina E., Pipija K. *Postsovetskaja molodezh'. Predvaritel'nye itogi*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 320 s.

Havkin B. L. *Nacizm. Tretij Rejh. Soprotivlenie*. M.: KMK, 2023. 378 s.

Hmel'kov S. A. *Bor'ba za krepost' Osovec*. M.: Gosvoenizdat, 1939. 93 s.

Krom M. M. *Vvedenie v istoricheskiju komparativistiku*. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2015. 247 s.

Kruglov A., Umanskij A., Shhupak I. *Holokost na Ukraine: zona nemeckoj voennoj administracii, rumynskaja zona okkupacii,*

distrikt «Galichina», Zakarpat'e v sostave Vengrii (1939–1944). Dnipro: TKUMA, 2017. 454 s.

Kto boitsja uchebnika istorii? / Pod red. I. I. Kurilly. Volgograd: VolGU, 2013. 106 s.

Lässig S. Textbooks and Beyond: Educational Media in Context(s) // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2009. Vol. 1. № 1. P. 1–20.

Lichnost' i patriotizm. Psihologicheskie uslovija formirovanija patrioticheskikh cennostej / Pod red. V. G. Egorova, E. V. Aleksandrovoj, E. A. Jumkinoj. SPb.: Aletejja, 2023. 212 s.

Malinova O. Ju. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaja politika vlastvujushhej jeliti i dilemmy rossijskoj identichnosti*. M.: ROSSP-JeN, 2015. 207 s.

Medinskij V. R., Chubar'jan A. O. *Vseobshhaja istorija. 10 klass. Bazovyy uroven'*. M.: Prosveshhenie, 2023. 239 s.

Medinskij V. R., Torkunov A. V. *Istorija. Istorija Rossii. 1914–1945 gody: 10-j klass: bazovyy uroven'*. M.: Prosveshhenie, 2023. 496 s.

Miller A. I. Istoricheskaja politika v Rossii: novyy povorot? // *Istoricheskaja politika v XXI veke* / Pod red. A. Millera, M. Limpan. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. S. 328–367.

Nelipovich S. G. «Brusilovskij proryv». *Nastuplenie Jugo-Zapadnogo fronta v kampa-niju 1916 goda*. M.: Cejhgauz, 2006. 47 s.

Nelipovich S. G. Osovec, 24 ijulja 1915 g.: ot mifa k poznaniju // *Georgievskie chtenija. Sbornik trudov po voennoj istorii Otechestva*. Vyp. 2. / Red. — sost. K. Pahaljuk. M.: Veche, 2022. S. 107–122.

Pahaljuk K. A. Oborona kreposti Osovec. O genealogii odnogo istoricheskogo narrati-va // *Svobodnaja mysl'*. 2016. № 2. S. 43–58.

Pahaljuk K. A. Obrashhenie k istorii v kontekste teoretiko-metodologicheskikh diskus-sij o patrioticheskom vospitanii // *Prepoda-vanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom*. Vyp. 2. M., SPb.: Nestor-Istorija, 2019. S. 172–195.

Pahaljuk K. A. Ostrov v global'nom mi-re. Politika pamjati i poisk cennostnogo osnovanija gosudarstva v Rossii // *Rossija v global'noj politike*. 2020. Tom 18. № 2. S. 206–221.

Pahaljuk K. A. Kommemoracija 100-letija Pervoj mirovoj vojny v Rossii: politiches-koe izmerenie // *Simvolicheskie aspekty politiki pamjati v sovremennoj Rossii i Vo-stochnoj Evrope*: sb. st. / Pod red. V. V. La-pina, A. I. Millera. SPb.: Izdatel'stvo Evro-pejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. S. 81–108.

Pahaljuk K. A. Transformacija politiches-kogo ispol'zovanija pamjati o nacisticheskikh prestuplenijah v sovremennoj Rossii // *Politicheskaja nauka*. 2023. № 2. S. 65–93.

Pahaljuk K. A. Zachem v Rossii pridumali genocid sovetskogo naroda // *The Moscow Times*. 2023. 28 janv. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2023/01/28/zachem-v-rossii-pridumali-genotsid-sovetskogo-naroda-a32121> (data poslednego obrashheni-ja: 28.10.2023).

Pavlov A. Ju. «Russkaja odisseja» jepohi Pervoj mirovoj. M., SPb.: Veche, 2011. 213 s.

Politika pamjati v Rossii — regional'noe izmerenie / Pod red. A. I. Millera, O. Ju. Ma-linovoj, D. V. Efremenko. M.: INION, 2023. 471 s.

Poljan P. M. *Zhizn' i smert' v Aushvicom adu*. M.: AST, 2018. 640 s.

Poljan P. M. Genocid sovetskogo naroda, ili «Mertvye dushi» Vladimira Medinskogo // *Republic*. 2021. 22 ijunja. URL: <https://republic.ru/posts/100800> (data poslednego obrashhenija: 28.10.2023).

«Pomni o nas...»: *ljudi s invalidnost'ju — maloizvestnye zhertvy nacistikogo rezhima v okkupirovannyh regionah RSFSR*. Sb. statej / Pod red. I. V. Rebrovoj. SPb.: Evropejskij Dom, 2022. 388 s.

Prilepin Z. *Koordinata*. Z. M.: AST, 2023. 347 s.

Snirelman V. From pluralism to monochrome society? How school historical education was shaped in Putin's Russia // *Dimen-*

sioni e problemi della ricerca storica (Università di Roma). 2021. № 1. P. 99–126.

Sjends F. *Vostochno-zapadnaja ulica. Proishozhdenie terminov genocid i prestuplenie protiv chelovechestva*. M.: Knizhniki, 2020. 600 s.

Smilovickij L. «Holokost v Belarusi — genocid evreev ili belorusov?» // *Sohranenie pamjati o Holokoste na postsovetskom prostranstve*, 21–22 nojabrja 2019 g. Tel'-Aviv, 2020. S. 93–111.

Smilovickij L. Pohishhenie Holokosta // *Isrageo*. 2021. 28 dek. URL: <http://www.isrageo.com/2021/12/28/smilo443> (data poslednego obrashhenija: 28.10.2023).

Smirit'sja s neizbezhnost'ju. Kak rossijane opravdyvajut voennoe vtorzhenie v Ukraïnu? Osen' — zima 2022 / Pod red. S. Erpylevoj, S. Kappinen. B. i., 2023. 269 s.

Sobibor: vzglyad po obe storony koljuchej provoloki / Pod red. L. A. Terushkina, K. A. Pahaljuka. M.: Jauza-Katalog, 2019. 416 s.

Sontag S. *Smotrim na chuzhie stradanija*. M.: Ad Marginem, 2014. 96 s.

Ubijcy Hatyni: 118 ukrainskij batal'on ohrannoï policii v Belorussii, 1943–1944 gg. / Sost. I. A. Valahanovich i dr. M.: Pjatyj Rim; Fond «Istoricheskaja pamjat'», 2018. 479 s.

Uspenskij A. A. *Na vojne. Vostochnaja Prussija — Litva*. Kaunas, 1932. 226 s.

Valentinov N. Voennye soglashenija Rossii s inostrannymi gosudarstvami do vojny // *Voенно-istoricheskij sbornik*. Vyp. 2. M., 1919. S. 94–128.

Vojny i naselenie Juga Rossii v XVIII — nachale XXI v.: demograficheskie processy i posledstvija / Otv. red. E. F. Krinko. M.: RO-SPJeN, 2019. 655 s.

Александр Шубин: «ЭВОЛЮЦИЯ РФ К НЫНЕШНЕМУ СОСТОЯНИЮ — ПРЯМОЙ РЕЗУЛЬТАТ ГОСПЕРЕВОРОТА 1993 г.»

Беседовал Александр Стыкалин

Аннотация: Неспособность двух ветвей власти в посткоммунистической России к выработке компромисса привела к острому конституционному кризису, развивавшемуся с декабря 1992 г., а затем и к вооруженному столкновению начала октября 1993 г., сопровождавшемуся человеческими жертвами. О месте событий 30-летней давности в новейшей российской истории рассуждает известный историк и левый политический мыслитель Александр Шубин, активно участвовавший в общественной жизни России тех лет.

Ключевые слова: Б. Н. Ельцин, 1990-е годы в истории России, конституционный кризис 1993 г.

Сведения об авторе: Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), профессор РГГУ и ГАУГН. Email: historian905@gmail.com

Alexander Shubin: "THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ITS CURRENT STATE IS A DIRECT RESULT OF THE 1993 COUP D'ÉTAT."

Abstract: The inability of the two branches of power in post-communist Russia to find a compromise led to an acute constitutional crisis that developed from December 1992, and then to an armed clash in early October 1993, accompanied

by casualties. The well-known historian and left-wing political thinker Alexander Shubin, who actively participated in the public life of Russia in those years, discusses the place of the events of 30 years ago in modern Russian history.

Keywords: Boris N. Yeltsin, 1990s in the history of Russia, constitutional crisis of 1993.

Corresponding author: Shubin Aleksandr Vladlenovitch., PhD (doctor istoricheskikh nauk), professor, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow), the professor of the Russian State University of Humanities and of the State Academic University of Humanities. Email: historian905@gmail.com

Вспоминаю август 1991 г. Те, кто через 2 года станут непримиримыми врагами (те же Ельцин и Руцкой), находились (по крайней мере, как это виделось в те августовские дни) по одну сторону баррикад. Почему тем, кто в августе 1991 г. выступил как единая политическая сила, не допустив прихода к власти ГКЧП и торжества контрреформаторского поворота, не удалось сохранить свое единство? Какие факторы обострили противоречия? Усугубление экономического положения в СССР и жёсткие «гайдаровские» реформы? Распад СССР? И где была точка невозврата в отношениях между ельцинской командой и теми, кто представлял законодательную власть?

Это обычно для революционных процессов: на каждом этапе возникают свои задачи, для решения которых формируются свои коалиции социально-политических сил. Тот же Руцкой в 1988–1990 гг. выступал ближе к национал-охранительному лагерю, его сближение с Ельциным было ситуативным, а ГКЧП своей нелепой военной демонстрацией вообще напугал и сплотил против себя очень широкий фронт, в котором были и те активисты, которые негативно относились к Ельцину. После победы над разложившейся КПСС

и распада СССР перед российским обществом встали задачи реформ, по поводу которых уже сформировались совершенно разные представления — от социал-либеральных этатистских до «шоковой терапии». За каждой идеей стояли влиятельные социальные и политические силы, так что конфликт был неизбежен. Ельцин однозначно поставил на «шоковую терапию», что предопределило его конфронтацию со значительной частью депутатов (хотя не со всеми, потому что они также представляли разные силы).

Лично Вы как не только непосредственный свидетель тех событий, но и общественный активист второй половины 1980-х, когда после августа 1991 г. впервые поняли, что на политической арене не избежать новых жестких столкновений? А было ли в принципе возможно с обеих сторон предпринять усилия, которые пресекли бы тенденцию развития, ведущую к столь острому конфликту? Что помешало? Всё дело в амбициозности как Ельцина, так и лидеров тех сил, которые ему противостояли?

Я об этом писал уже в 1990–1991 гг., прогнозируя раскол «демократического движения». Эти мои взгляды отразились в моих статьях в «Соли-

дарности» и в книге «Гармония истории», написанной в 1990–1991 гг., но опубликованной в следующем году. Так что для меня вопрос был не в том, произойдет ли раскол Ельцина и его соратников, а в том, по какой линии пойдет раскол и с кем из «демократов» можно против кого сотрудничать в интересах настоящего народовластия.

В то же время и я, и мои товарищи по «Солидарности» и Российской партии зеленых стремились способствовать ненасильственному разрешению политических противоречий. Хотя конфликт Ельцина и большинства депутатов остро проявился уже в декабре 1992 г., попытки договориться не прекращались даже в июне 1993 г. на Конституционном совещании, участником которого я был и наблюдал попытки диалога с близкого расстояния. Тогда еще можно было договориться о мирном выходе на создание новых правил игры. Но Ельцин и его окружение опасались, что расширение прав парламента не даст им провести реформы, стремительно терявшие популярность.

Я жил в то время совсем рядом с Белым домом и мог по сути из своего окна наблюдать за тем, что там происходило 3–4 октября 1993 г. Я жил на 7 этаже, а на 12-м в моем подъезде засели снайперы, не понятно чьи. Одна шальная пуля угодила в раму балконной двери моей квартиры. К счастью, на балконе в это время никого не было, а в отдельные часы туда заходили фотокорреспонденты и телеоператоры с моего разрешения. Мой вопрос: ту информацию о количестве жертв октябрьских событий, которая бы-

ла официально обнародована в последующие месяцы, есть основания считать заниженной, искаженной? И в какой мере ответственность за жертвы лежит на Ельцине и его команде, а в какой — на его оппонентах?

Ответственность лежит прежде всего на Ельцине, потому что он своим актом 21 сентября сломал конституционные правила игры, что, как правило, ведет к насильственному разрешению противоречий. И в дальнейшем оружие применялось в большей степени с президентской стороны. Конституционалисты больше размахивали оружием, чем его применяли на деле. Я был на стороне парламента тактически, посещал Дом Советов, выступал на «Радио парламента», но не был там 3–4 октября. Моя реакция на расстрелы у Останкино и на Краснопресненской набережной тогда была весьма эмоциональной, я верил в слухи о том, что жертв многократно больше. Но за последующие годы я не нашел убедительных подтверждений этого, как и версии о том, что поход демонстрантов 3 октября был срежиссирован в администрации президента или «темными силами». В общем механика событий 3–4 октября сегодня достаточно ясна и без конспирологических домыслов, и довольно типична для таких столкновений, происходивших в истории. Невооруженные столкновения распекают массы и силовиков, взаимная ненависть ведет к потере влияния конструктивно настроенных лидеров, вооруженная борьба видится лучшим способом добиться своего. Это еще чудо, что не детонировала вся страна. Чудо, впрочем, рукотворное — несколько лет гражданские

активисты убеждали массы в важности сохранения ненасилия. Да и усталость от борьбы уже накопилась в массах, умирать за старую конституцию мало кто хотел, социальные трудности казались многим временными. Мало кто готов был всерьез рисковать жизнью на этом этапе затухающей революции.

Как лично Вы восприняли в то время жесткую риторику так называемого «письма 42» и как оцениваете сегодня этот документ? Мы знаем, что среди подписантов были люди уважаемые, авторитетные в интеллигентской среде... Разногласия в среде интеллигенции отражали всю глубину общественного раскола?

Воспринял с омерзением, но без удивления. Либеральная элита любит демократическую риторику, но до того момента, как массы начинают угрожать элитарным привилегиям. Тогда на первый план выходит «раздавите гадину», причем гадиной может быть назначено что угодно. Мое отношение к этому письму и его подписантам не изменилось. Да, у них есть заслуги перед культурой, прежде всего советской, которую они тогда пытались отряхнуть со своих ног. Но это письмо — позорный момент 42 биографий.

Хасбулатова и Руцкого довольно быстро амнистировали. Что за этим стояло: общественное давление снизу, желание уверенного в своих силах Ельцина показать себя великодушным победителем? Было ли это своего рода подачкой всем недовольным жесткой расправой над защитниками Белого дома — в условиях, когда президентская власть

явно теряла свою популярность (вспомним выборы в Госдуму декабря 1993 г.)? Или, скорее, следствием некоего сговора между двумя находившимися в центре конфликта сторонами с тем, чтобы скрыть от общественности некоторые обстоятельства, в обнародовании которых не была заинтересована ни та, ни другая сторона?

Совершив госпереворот, Ельцин встал перед выбором: создавать диктатуру латиноамериканского типа, что явно привело бы к падению поддержки на Западе, где такое уже было не модно, либо сохранить плюралистичную систему, в которой доминирует президентская вертикаль, но сохраняются права оппозиции. Как последовательный борец с коммунистическим наследием, ориентирующийся на союз с Западом, Ельцин выбрал второе. А это значит, что нужно было соблюдать формальную законность. А по каким законам можно было судить лидеров Верховного Совета? Они же конституцию защищали, а Ельцин ее нарушил. Так что амнистия была результатом стратегического выбора. Хотя лично Ельцину этот акт оказался неприятен, он отправил в отставку прокурора Казанника, но и противопоставить что-то в рамках сложившихся правил игры не смог. Таково противоречие правления Ельцина — он создал для президента потенциально абсолютные полномочия, но сдерживал себя, пользуясь ими.

Выборы лета 1996 г. принесли Ельцину и его сторонникам немало хлопот. Президентской команде пришлось мобилизовать весь свой административный ресурс, чтобы

не допустить реванша коммунистов, прихода к власти Г. Зюганова. Видите ли Вы прямую связь между октябрём 1993 г. и президентскими выборами 1996 г.? Или к тому времени на первый план вышли уже другие факторы, в том числе начавшаяся первая чеченская война?

При всей важности Чеченской войны, поляризация общества была связана прежде всего с социально-экономическими переменами, отражением чего были и конституционный кризис, и относительная неустойчивость режима в 90-е гг. Но если в 1993 г. режим Ельцина действительно мог пасть, то в 1996 г. реальный приход к власти Зюганова был маловероятен — слишком сильны были круги, выигравшие от реформ. Если бы Зюганов получил еще некоторое количество голосов, путь ему преградили бы силой. И он это вероятно понимал. Зюганов — не Ленин: теплое парламентское местечко важнее места в истории вроде уготованного Альенде.

Вероятно, не ошибусь, если скажу, что будущую Россию ждут острые конфликты разных политических сил, которые придется как-то разрешать в интересах общественной стабильности. Какие уроки могли бы извлечь наши будущие политики из событий октября 1993 г.?

Эволюция РФ к нынешнему состоянию — прямой результат госпереворота 1993 г. Революция конца 80-х — начала 90-х закончилась в 1993 г., ее итоги определили направление дальнейшей эволюции (деградации) по пути периферийного капитализма с буржуазно-бюрократическим режимом. Всякая система имеет свои

пределы эволюции. На мой взгляд, в данном случае они были исчерпаны еще в начале 2010-х гг. Искусственное поддержание перезревшей структуры за счет внешнеполитической конфронтации — путь, чреватый катастрофой либо переходом к тоталитаризму. Выбор не веселый, и подводящий итог спорам о благодетельности авторитаризма как пути к либеральной модели в России. «Либеральный» авторитаризм затягивает в воронку обычного авторитаризма, из которой нет выхода на пути либерализма. Если удастся начать выход страны из нынешней воронки — нельзя повторять путь «просвещенного авторитаризма». Если Россию что-то спасет, то широкие возможности самоуправления. За это тоже шла борьба в начале 90-х. Но после 1993 г. достижения самоуправления и политического плюрализма были почти полностью выкорчеваны в интересах буржуазно-бюрократической касты, стремящейся освободиться от контроля со стороны населения. Тогда — под предлогом борьбы с советским наследием, а теперь — за некие «национальные интересы» и «наши ценности». Интересы большинства жителей России — мирное конструктивное освоение, обустройство необъятных просторов нашей страны, превращение жизни подавляющего большинства жителей в комфортную и культурно насыщенную. Таковы были наши ценности уже в начале 90-х, но последующие годы подтверждали предупреждения тех, кто говорил об угрозе нашим интересам и ценностям со стороны бизнес-бюрократической президентской вертикали.

Спасибо за интервью!

Михаил Соколов: «МЕНЬШЕ ВЕРЯ В ПРИНЦИП АВТОНОМИИ НАУКИ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАПРОСОВ, ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОСТМОДЕРНИСТЫ БОЛЬШЕ НУЖДАЮТСЯ В НЕМ»

Беседовал С. Е. Эрлих

Аннотация: Автор рассказывает об исследовании «Российские историки: портрет академической профессии», которое было осуществлено Центром институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге в сотрудничестве с Научной электронной библиотеки eLibrary. Целью исследования была оценка адекватности наукометрических оценок в исторической науке на основании сравнения построенных на цитированиях показателей с данными репутационного опроса, в котором самих историков просили указать, кто внес наибольший вклад в их область знания.

Ключевые слова: историческая корпорация, социологический опрос, наукометрия, институт репутации

Сведения об авторе: Соколов Михаил Михайлович, кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Email: msokolov@eu.spb.ru

MIKHAIL SOKOLOV: "BEING LESS CONFIDENT IN THE PRINCIPLE OF THE AUTONOMY OF SCIENCE FROM POLITICAL DEMANDS, LIBERAL POSTMODERNISTS NEED IT MORE"

Abstract: The author tells about the study "Russian historians: a portrait of the academic profession," which was carried out by the Center for Institutional

Analysis of Science and Education of the European University at St. Petersburg in collaboration with the Scientific Electronic Library eLibrary. The purpose of the study was to assess the adequacy of scientometric assessments in historical science based on a comparison of indicators based on citations with data from a reputation survey in which historians themselves were asked to indicate who made the greatest contribution to their field of knowledge.

Keywords: historical corporation, sociological survey, scientometrics, reputation institute

Corresponding author: Sokolov Mihail Mihailovich, PhD (cadidat sociologicheskikh nauk), professor of of the European University at St. Petersburg. Email: msokolov@eu.spb.ru

Дорогой Михаил, прежде всего, хочу поблагодарить вас и ваших коллег за проведение масштабного исследования «Российские историки: портрет академической профессии». Уже опубликованные результаты (<http://ciase.ru/2023/04/04/history/>) позволяют многое понять о нашей профессиональной корпорации.

The pleasure was all ours! Историки оказались самыми замечательными, внимательными, деликатными информантами, о которых только может мечтать социолог. Достаточно сказать, что, разослав отчет по итогам исследования, мы получили несколько десятков писем с благодарностями — и только одно с выражением недовольства (и ни одного — с угрозами и обещанием привлечь к нашей деятельности внимание компетентных органов). Такие же исследования среди политологов, экономистов и юристов принесли прямо противоположные результаты.

В социальных сетях идет бурное обсуждение списков исторических «авторитетов», составленных из ответов нескольких тысяч участников вашего опроса. Несколько имен в этих списках (Мединский, Нароч-

ницкая, Спицын) не могут не изумлять профессиональную аудиторию. Поэтому важно понять каков социальный состав голосовавших. 26,8% участников опроса указали, что у них есть степень доктора наук, у 56,2% — степень кандидата наук, т. е. перед нами выбор профессионалов. Интересен региональный «вклад» в результаты голосования. Есть ли данные о «локализации» участников опроса, скажем, по федеральным округам? Можно ли представить «социальный портрет» тех, кто голосовал за эту «великолепную» тройку пропагандистов?

Я должен сообщить, что исследование было проведено благодаря гранту РФФИ (грант № 21-18-00519). Историков, тех, кто указал одну из исторических специальностей, было 4009. Археологам и этнографам, которые также квалифицируются в России как специалисты по «историческим наукам» и которых, соответственно, нельзя было отделить от «мэйнстримных» историков на фазе формирования выборки, мы задавали всего по несколько вопросов. Историки, таким образом, были главными героями нашего исследования, и отчет посвящался почти исключительно им.

Тут надо сказать два слова о том, кого мы опрашивали. Поскольку исследование проводилось совместно с компанией Elibragu, мы могли разослать приглашение принять участие в опросе по полному списку авторов, опубликовавших некое (не менее 3 статей за последние 5 лет) число статей в изданиях, вошедших в РИНЦ. Таким образом, мы можем говорить о том, что обратились к генеральной совокупности всех публикующихся российских историков. Разумеется, не все они ответили (хотя историки отвечали значительно чаще, чем представители других дисциплин). Мы пробовали оценить, произошли ли какие-то смещения на этой фазе — могло ли так случиться, что какие-то категории внутри исторического сообщества отвечали чаще других. Мы пользовались теми данными, которые были доступны в генеральной совокупности — и сравнивали их с показателями ответивших. В частности, мы пользовались данными о поле, месте работы и публикационных показателях. К нашему удовлетворению, никакого смещения не обнаружилось. Мужчины чуть охотнее отвечали на наши вопросы, чем женщины, однако различие, хотя и статистически значимо ($p < 0.001$), минимально (на приглашение заполнить анкету отозвалось 32,9% мужчин и 30,5% женщин). Различия в разрезе регионов оказались еще менее выраженные. Мы разделили респондентов по регионам проживания на пять групп — (1) москвичи (23,5% в нашей выборке); (2) петербуржцы (11,6%), (3) жители иных «историографических мегаполисов», к которым мы приписали города, где проживает свыше 200 авторов — Новосибирск, Казань, Екатеринбург,

Уфа, Омск, Самара (13,2%); (4) крупные центры (свыше 100 авторов) — 24,9% и (5) периферия (менее 100 авторов) — 26,8%. Жители всех этих локаций оказались представлены среди опрошенных строго пропорционально их доле в генеральной совокупности.

Переходя к вызвавшему столько вопросов трио, я не могу не отметить отличие между ответами историков и ответами опрошенных ранее экономистов. Когда историки в списке авторитетов обнаруживали имена трех человек, которых, по их мнению, не должно было там быть, они расстраивались и возмущались. Когда экономисты, по крайней мере, те, чьи реакции можно было увидеть в одной неодобряемой Минюстом соцсети, находили в аналогичном списке экономистов хоть кого-то, кто, по их мнению, *должен был* там быть, они выражали радостное недоумение. Российские историки, очевидно, гораздо более высокого мнения о своей дисциплине, чем их соседи по факультетам социальных наук.

Если мы объединим всех упомянутых хотя бы одного из трех, то получим такой портрет. Их читатели и почитатели с большей вероятностью, чем средний российский историк, занимаются российской историей, нежели всеобщей, причем в первую очередь — советской и, особенно, постсоветской; политической, военной и дипломатической историей, а не социальной или культурной. Они несколько чаще работают за пределами «историографических мегаполисов» (61,6% против 51,7% в среднем по выборке), хотя различие небольшое. Они реже читают на

иностранных языках, даже на фоне других русистов (43,8% вообще не пользуются другими языками). Среди них чуть больше представителей самой старшей возрастной группы (18% старше 70 лет) и меньше — младших категорий.

Они предсказуемо хотели бы заменить Википедию авторитетным источником знаний, в который будут писать только профессиональные историки, вести преподавание в школах по единому учебнику и принимать по нему всеобщий обязательный экзамен, а также заботиться о развитии национальной традиции в исторической науке. Среди них также больше тех, кто видят целью историческую науку открытие законов социального развития и, одновременно, больше тех, кто считают историю политикой, опрокинутой в прошлое. Все это выдает в них «научных модернистов» российского образца; в целом, однако, они не так уж сильно отличаются от «среднего российского историка», или, возможно, отличаются, но по каким-то параметрам, которые пока не попали в наше поле зрения.

Заметен значительный перевес историков, изучающих Россию (70,8%), над «всеобщниками» (32,9%)¹. Чем вы могли бы это объяснить? Может известно, как в других странах соотносятся доли двух этих направлений исторических исследований?

К сожалению, историки — вообще слабоизученная количественными методами специальность. Мы не нашли исследований, похожих на на-

ше. Вероятно, кто-то анализировал хотя бы статистику защит по отдельным странам, но мы и этого найти не смогли. Кажется, все писавшие на эту тему были согласны, что своей страной занимается подавляющее большинство историков в мире, но сколько точно? Это неизвестно. О причинах мне нечего добавить к тому, что, наверное, и так знают все профессиональные историки. Наверное, преимущественное «изучение себя» неизбежно, учитывая, что на территории большинства стран вряд ли есть очень много первоисточников по истории большинства других стран. Плюс в большинстве стран есть общественный запрос на изучение «отечественной истории», который слабее, когда речь идет об истории остального мира.

Наш журнал специализируется на исследованиях памяти. Поэтому я был приятно удивлен, что эта дисциплина входит в сферу интересов 26,7% участников опроса. Могли бы вы представить социальные характеристики этой значительной группы?

Они еще меньше, чем фан-группа Спицына, отличаются от среднестатистического историка. Чаще живут в Москве, реже — в малых городах. Женщин немного больше, чем мужчин (среди выбравших историческую память как свою область интересов — 45,7% женщин при 40,4% в совокупности опрошенных). Чаще среднего интересуются культурной и социальной, а также локальной и региональной историей. Среди них немного меньше среднего согласных

¹ Сумма не равна 100% так как одни и те же респонденты могут совмещать сферы исследований.

с тем, что России нужен общий учебник истории (47,1% против 52,6% в среднем по выборке), немного больше согласных с тем, что «средний теоретический и методический уровень статей в ведущих англоязычных журналах выше» (22,0% против 18,5%). Больше считающих, что «Мы всегда приступаем к изучению прошлого с позиций сегодняшнего дня, каждая эпоха поэтому должна переписывать историю заново» (23,1% против 19,1% в среднем) — что вряд ли удивительно, учитывая проблематику изучения исторической памяти.

Потрясают данные о свойственной многим участникам опроса тенденции изолироваться от мировой науки: 33,8% русистов и 12% «всеобщников» читают научную литературу только на русском языке! Каковы социальные параметры двух этих групп?

Здесь нет ничего неожиданного: помимо специализации, играет роль возраст (чем старше, тем меньше читают на иностранных языках) и центральное или периферийное положение: доля не читающих на иностранных языках растет с 16% в Москве до 38,9% на периферии.

Данные опроса позволяют предположить, что многие его участники не слишком задумываются над теоретическими предпосылками своей профессии. Так 80,7% согласны с тем, что «народ, не изучающий своей истории, — это народ, который утрачивает свою идентичность». С учетом того, что идентичность формируется в значительной мере на основе «изучения» мифологизированной истории, удивляет

высокая доля (56,6%) тех, кто не согласен с утверждением: «Историки не обязаны разоблачать исторические мифы, если вера в эти мифы побуждает людей реализовать разделяемые историками идеалы». Т.е. одни и те же участники опроса часто поддерживают противоположные по смыслу высказывания. Чем бы вы объяснили этот «плюрализм» в одних и тех же головах?

Тут, я бы сказал, интересно, что мы интуитивно воспринимаем эти утверждения как взаимоисключающие, хотя ни в каком логическом смысле они друг другу не противоречат. Можно представить себе несколько групп респондентов, которые должны были бы ответить на оба утверждения согласием. Например, левые, которые хотели бы, чтобы народы утратили свою национальную идентичность. Действительно, кажется, что не так уж мало историков — и целые исторические направления — видят свою задачу в том, чтобы сделать историю негодным материалом для создания национальной идентичности. Или, другой вариант, те, кто видит практическое противоречие, но считают, что это не отменяет валидности обоих принципов. Скажем, большинство людей считает, что надо говорить правду, и, одновременно, большинство согласится, что другим желательно не портить настроение. Иногда эти вещи входят в очевидное противоречие, и тогда приходится выбирать или искать какой-то компромисс. Если это следствие плюрализма в голова, то много ли людей, помимо Льва Толстого, ему не подвержены? Или, мне это кажется самым правдоподобным, убежденным людям свойственно думать, что объективное и беспристрастное иссле-

дование подтвердит — в общем и целом — правоту того, во что они и так верят, пусть даже какие-то детали и придется подправить. Для любящих свою страну людей мысль о том, что патриотические чувства к ней можно воспитать только обманом является довольно-таки оскорбительной.

Если я правильно понял, вы разделяете участников опроса на три основных группы: модернистов, которые считают, что цель исторической науки — поиск истины («как это было на самом деле»), а также постмодернистов, одни из них «правые» — (изоляциялисты), другие — «левые» (ассимиляциялисты), по-разному мотивирующие отказ от поисков истины. Могли бы вы рассказать об этих наблюдениях?

Вернее сказать, это была исходная гипотеза. Я представлял себе интеллектуальную структуру поля как что-то наподобие мексиканской дуэли с тремя участниками из «Хорошего, плохого, злого» Серджио Леоне. Предполагалось, что тут есть два независимых измерения: с одной стороны, изоляционизм против ассимиляционизма, ориентация на национальную или глобальную науку; с другой, — ориентация на модернистское представление о науке как об открытии объективной истины, которую простые люди должны получить из рук ученых, или на постмодернистское — как о политическом по своей природе проекте, в котором всякая истина существует в чьих-то интересах, и ученым надо изучать ее, не забывая, на чьей они стороне. Поэтому несколько неуклюжее утверждение — «Историки не обязаны разоблачать исторические мифы, если вера в эти

мифы побуждает людей реализовать разделяемые историками идеалы» — было сформулировано именно так: хотелось, чтобы утвердительно ответить на него мог не только В.Р.Мединский, но и Николь Ханна-Джонс.

Однако оказалось, что я был неправ. Вместо двух измерений обнаружилось одно, поскольку правого постмодернизма как сколько-нибудь самостоятельного лагеря обнаружить не удалось. В итоге, мы получили, с одной стороны, националистов-модернистов, с другой — более либеральных постмодернистов (надо добавить, что, по опыту изучения других дисциплин, оппозиция между ориентацией на национальную или интернациональную науку тесно связана с прогосударственной (за отсутствием лучшего слова) или либеральной политической ориентацией). Те, кто голосовал за В.Р.Мединского как популяризатора (возвращаясь чуть назад, надо отметить, что В.Р.Мединского называли преимущественно в качестве популяризатора, а не ученого, внесшего вклад в свою область) всё равно хотели открывать объективные законы.

Мое предположение о том, как возникла такая конфигурация, состоит в том, что основную роль сыграли два фактора: во-первых, характер национальной традиции; во-вторых, становящаяся все более значимой в последние годы государственная историческая политика, превращающая национальную историю в основной инструмент поддержания национальной идентичности.

Национальная традиция в исторической науке является по

преимуществу модернистской, унаследованной, можем предполагать, от советской традиции сциентистской истории. По отношению к этой традиции, представления (младших) коллег, более чувствительных к современным западным интеллектуальным влияниям, оказываются скептическими и релятивистскими. Запросы государственной политики добавляют, однако, к этой простой научно-политической поляризации оттенок парадокса. С одной стороны, предложение поучаствовать в создании единого авторитетного источника исторических знаний (единого учебника, по которому надо будет сдавать обязательный экзамен, альтернативы Википедии) вполне соответствуют устремлением научных модернистов. С другой, ощущение, что при этом они будут лишь младшими партнерами, явно противоречит их эпистемической позиции. Предложение участвовать в создании национальных мифов решительно отвергается ими как недостойное ученого, даже если сами цели, которым эти мифы должны служить, и не вызывают у большинства из них возражений. С другой стороны, их релятивистские коллеги менее почтительно относятся к статусу исторического знания, одновременно, в целом более критически относятся к целям национальной политики памяти. Они относятся крайне отрицательно к проектам вроде единого учебника или замены Википедии и потому, что не верят в единственную истину, которую этот проект призван отражать, и потому, что им не нравится политическая направленность, которую такой проект неизбежно получит в российских условиях. Позиция либеральных постмодернистов

по иным вопросам отражает другую сторону того же парадокса: меньше веря в принцип автономии науки от политических запросов, они больше нуждаются в нем. В этом смысле они поддерживают претензии исторической науки на то, чтобы восстановить «как оно было», не становясь ни на чью сторону, и согласны с созданием санитарного коридора, практически не отличаясь в своей публично выраженной позиции по этим вопросам от своих модернистских оппонентов. В итоге, мы получаем всего два лагеря, причем по многим вопросам мы не видим между ними того раскола, который могли бы ожидать.

Краткий отчет, доступный на сегодня научной аудитории, явно не исчерпывает всего собранного материала, который дает пищу для интереснейших интерпретаций по поводу нынешнего состояния исторической корпорации. Если не секрет, о чем вы хотели бы порассуждать в новых публикациях на основе имеющихся данных? Будут ли это отдельные статьи, или же книга?

Боюсь, время, когда социологи писали книги, прошло. В отличие от историков, мы пишем статьи. Я надеюсь, что в этом году мне удастся что-то написать о том, чем отличается внутренняя организация социогуманитарных дисциплин в России. На наших данных хорошо видно, чем историки очевидно отличаются от экономистов, а политологи от социологов; это иногда совершенно неочевидные и очень интересные вещи. Вот этим я и надеюсь заняться в первую очередь.

Спасибо за интервью!

Оксана Киянская: «ОНИ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ РОССИЮ НОРМАЛЬНОЙ СТРАНОЙ»

Беседовал Сергей Эрлих

Аннотация: В своем интервью профессор Киянская рассказывает, когда и по какой причине она увлеклась декабристами, доказывает, что в современном обществе декабристы по-прежнему вызывают большой общественный интерес и утверждает, что в случае победы декабристов Россия избежала бы тех ужасов, которые сотворили победившие большевики.

Ключевые слова: декабристы, революция, П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол

Сведения об авторе: Киянская Оксана Ивановна, доктор исторических наук, профессор РГГУ. Email: kianoks@inbox.ru

Oksana Kiyanskaya: "THEY WANTED TO MAKE RUSSIA A NORMAL COUNTRY"

Abstract: In her interview, Professor Kiyanskaya tells when and for what reason she became interested in the Decembrists, she argues that the Decembrists still arouse great public interest in Russia and argues that if the Decembrists had won, Russia would have avoided the horrors that the victorious Bolsheviks committed.

Keywords: Decembrists, revolution, P.I. Pestel, K. F. Ryleev, S. I. Muravyov-Apostol

Corresponding author: Kiyanskaya Oksana Ivanovna, PhD (doctor istoricheskikh nauk), Professor of the Russian State University for the Humanities. Email: kianoks@inbox.ru

О.И. Киянская автор книг: Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (М., 1997; 2-е изд. М., 2016); Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик (М.,

2002); Южное общество декабристов: Люди и события» (М., 2005); Пестель» (ЖЗЛ; М., 2005); Очерки из истории общественного движения в России в правление Александра I» (СПб., 2008); «Правитель дел»: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф. Рыльева (СПб. 2010. Совм. с А.Г. Готовцевой); Рылеев (ЖЗЛ; М., 2013. Совм. с А.Г. Готовцевой); Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х-1930-х годов: Портреты и скандалы. (М., 2015. Совм. с Д.М. Фельдманом); Декабристы (ЖЗЛ; М., 2015; 2-е изд. М., 2017; 3-е изд. М., 2023); Эпоха и судьба чекиста Бельского (М., 2016; Совм. с Д.М. Фельдманом); Словесность на допросе. Следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов (М., 2018. Совм. с Д.М. Фельдманом); Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол (М., 2023).

Интересно сравнить, каким образом исследователи приходят к декабристской теме. Хорошо помню, что, будучи советским студентом, воспринимал декабристов как вызов «материалистическому пониманию истории»: нас учили, что «дворянские революционеры» выступили против интересов своего помещичьего класса и принесли себя в жертву ради простого народа. В этом для меня состояла загадка декабристов. А как начался твой «роман» с декабристами?

История моего «романа» была другой, не идеологической. Она началась задолго до того, как я осознала, что есть некое «материалистическое понимание истории». Моя бабушка, царство ей небесное, была большой поклонницей декабристов. В 1975 году, в год 150-летия восстания, около нашего дома висел большой плакат, на котором уже не помню, что было нарисовано, но речь шла именно о декабристах. Увидев плакат, бабушка начала мне рассказывать о тех, о ком шла речь — это был первый этап моего «романа», этап зарождения интереса. В том же учебном году я прогуляла урок истории, где как раз про это рассказывали, села читать учебник — и не смогла остановиться, читаю вот книги до сих пор, а иногда

пишу сама. В 5-м классе я уже прочла двухтомник Нечкиной и даже написала ей письмо. Правда, адреса я не знала, поэтому он звучал так: «Академия наук. Академику Нечкиной». Потом, когда я уже училась на журфаке МГУ, в моей жизни был неформальный клуб «Былое»: мы занимались, в частности, обсуждением нашей истории разных эпох, спорили, пели песни на КСП. Из тех наших, кто сделал профессиональные карьеры ученых, могу назвать Ярослава Леонтьева и Андрея Серкова. Собственно, вот так мой интерес к декабристам зародился и развивался.

В советское время «герои 14 декабря» были чрезвычайно популярны. Они, пожалуй, затмевали «наше всё». Тогда Пушкин скорее воспринимался как «друг декабристов». После 1991 интерес к ним упал почти до нуля. Теперь декабристы в основном вспоминаются как «друзья Пушкина». Как ты объяснишь советскую всеобщую любовь к «рыцарям, кованным из чистой стали» и сегодняшнее безразличие к прежним героям русской интеллигенции?

Для начала я оспарю тезис о «сегодняшнем безразличии» к прежним героям. Помнишь историю с филь-

мом «Союз спасения»? Выяснилось, что он задел очень многих: был вал критики, были и положительные отзывы. Я тогда насчитала несколько сотен рецензий на этот фильм. Другое дело — что декабристы давно уже вне дискурса властей: если раньше они были нужны большевикам для обоснования собственной власти, то теперь они власти только мешают. И предпочтений, изучая декабристов, получить нельзя. Если, конечно, автор — не Стариков, для которого они враги России и смутьяны.

Что же касается Пушкина — то он как был «нашим всем», так и остался. Мифы и о Пушкине, и о декабристах живы и будут жить, пока будет существовать русская интеллигенция.

Недавний фильм «Союз спасения», к которому ты причастна в качестве научного консультанта, является одним из примеров нарастающего равнодушия к «дворянским революционером». Фильм по всем признакам (роскошные наряды дам, шитые золотом мундиры кавалеров, «любовная линия», масштабные батальные сцены с компьютерной графикой) ориентирован на массового зрителя. Его выход сопровождался беспрецедентной рекламной поддержкой. Но, тем не менее, продажа билетов не окупила расходов на производство. В т. н. «либеральном сегменте» фильм был подвергнут жесткой и во многом несправедливой критике. Как бы ты оценила тот образ декабристов, который преподнесли публике создатели «Союза спасения», с какими «киночертами» героев твоих исследований ты согласна, а что вызвало твое неприятие?

Разговор о фильме я начала, отвечая на предыдущий вопрос. Но если хочешь — продолжим. Ты прав: фильм не окупился в прокате. «Союз спасения» намного отстал по выручке от вышедшего тогда же «Холопа», в котором «золотой» современный мальчик попадает в иную реальность, становится крепостным. При том, что, конечно, от «Холопа» исторической достоверности никто не требовал.

Почему реакция на «Союз спасения» была столь бурной? Одним из продюсеров фильма был Константин Эрнст, руководитель официального «Первого канала». А тогдашние СМИ, если ты помнишь, были четко разделены на «либеральные» и «провластные», и вполне естественно, что на рекламу на провластном канале «либеральные» СМИ ответили антирекламой. Критика действительно была во многом несправедливой. Проводили прямые аналогии: Александр I — Ельцин, Николай I — Путин, в декабристах видели тогдашних оппозиционеров и т. п.

Консервативным публицистам фильм тоже не понравился: они не увидели в нем однозначного осуждения российских смутьянов.

Мне сложно судить, какие идеи изначально вкладывались в фильм: между моими консультациями и премьерой прошло 7 лет, в течение которых меня ни о чем не спрашивали. Но когда я увидела фильм, он мне понравился. Понравился именно тем, что в нем, на мой взгляд, не было однозначных оценок. И однозначно современного политического месседа я в нем не увидела.

В фильме много трактовок героев, с которыми мне сложно согласиться. Но, честно говоря, подробно их комментировать мне бы не хотелось.

В биографических книгах ты впервые продемонстрировала, что Пестель и Рылеев занимались уголовно наказуемыми махинациями. Достоевский назвал революционеров, которые используют криминальные средства для достижения благих целей, «бесами». Знаю, что ты двух названных декабристов «бесами» не считаешь, напротив полагаешь, что их победа принесла бы пользу русскому обществу. Почему, по твоему мнению, не могло такого случиться, чтобы в лице победивших Пестеля и Рылеева Россия увидела нечто подобное легиону большевистских «бесов», только на сто лет раньше?

Ну, тут ты слишком спрямляешь декабристские сюжеты. Декабристы были разными, Рылеев и Пестель, познакомившиеся только при объявлении приговора, сильно отличались друг от друга. Деятельностью, о которой ты спрашиваешь, Рылеев не занимался, деятельность же Пестеля «уголовно наказуемыми махинациями» вовсе не исчерпывается. Революцию в белых перчатках никто никогда не делал, для революционных приготовлений декабристам были нужны деньги. О том, где их брать, лидеры тайных обществ думали постоянно. Предлагалось сделать складчину на будущий революционный поход, одолжить и т.п. Но все это были, конечно, мечты. Настоящие, большие, деньги можно было добыть только незаконными способами. Эти способы тоже обсужда-

лись: были, например, предложения печатать фальшивые ассигнации или ограбить казенные казначейства; все эти предложения были с негодованием отвергнуты. Пестель же реально занимался добыванием денег на «общее дело»: с помощью, в частности, подкупа он добивался лояльности непосредственных начальников.

«Бесами» же ни декабристы в целом как оппозиционная группа, ни их лидеры явно не были. Они хотели видеть Россию не «пугалищем Европы» (выражение аббата Прадта), а нормальной страной без крепостного права, с конституцией и парламентом. Что же до Достоевского, то он, конечно, гений. Но мораль его поздних произведений мне не дорога и не близка.

Пестеля и Рылеева кроме широкого понимания морали объединила удивительная пассивность, проявленная ими в решающий момент, когда возник долгожданный шанс творить историю. Пестель позволил себя арестовать 13 декабря, когда существовали реальные надежды, что «питерские» заговорщики не допустят присяги Николаю. Рылеев 14 декабря тихо ушел с площади, хотя в той ситуации было очевидно, что «дать заднюю» означало в лучшем случае отправиться на каторгу. На их фоне Сергей Муравьев-Апостол, «чистый герой» твоей новой биографической книги проявил поразительную активность по организации вооруженного выступления, когда уже было известно, что восстание в Петербурге подавлено. В 2015 ты писала, что решимость Сергея Ивановича идти «до конца в совершенно безнадежной ситуа-

ции» у тебя «вызывает оторопь». Где ты была восемь лет, удалось ли тебе за эти годы разгадать загадку его поведения «в тот назначенный час»?

Опять-таки декабристы были разными. Пестель и Рылеев были жесткими прагматиками. Пестель дал себя арестовать в ситуации, когда уже начался разгром Южного общества и возможность внезапного начала революции была сведена к нулю. Он понятия не имел, что происходило в столице, кто и как там собирался восставать. Рылеев же 14 декабря увидел, что его план революции сломался: восставшие полки не смогли воспрепятствовать присяге Сената новому императору, не смогли и захватить Зимний дворец. Не состоялся и план, за который ратовал князь Сергей Трубецкой, «северный Пестель», как называл его историк Покровский. Согласно этому плану, гвардию следовало вывести за город и ждать присоединения идущих с юга восставших частей. План рухнул — и Трубецкой не вышел на площадь.

Теперь о Сергее Муравьеве-Апостоле. Действительно, это совершенно не похожий на Пестеля человек. Он поднял восстание в ситуации ареста Пестеля и разгрома восстания в столице — в ситуации событий, о которых он прекрасно знал. На что он надеялся? Поддерживать его было некому, и — с точки зрения историков — его «военная революция», переросшая в неуправляемый солдатский бунт, была заранее обречена.

Я в 1998 г. издала свою первую книгу «Южный бунт», в котором пыталась

описать восстание Черниговского полка. Книгу эту много ругали, но никто не заметил ее главного недостатка: написав о восстании, я почти ничего — кроме самых общих фраз — не сказала о биографии лидера этого восстания. Почему? Если говорить откровенно — не смогла. Загадка Муравьева-Апостола, поднявшего восстание в безнадежной ситуации, не была тогда мной разгадана — и с тех пор прошло не 8, а целых 23 года. Впрочем, на вопрос, почему вдруг началось это восстание, не смогли ответить ни следователи в 1826 году, ни император Николай I, ни позднейшие исследователи.

Ответ нашелся совсем недавно, когда были переведены и откомментированы его письма к отцу за 1821–1823 гг., лежавшие в ГАРФе. Он создал для себя стройную теорию, согласно которой люди «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие — быть ведомыми». «Высшие люди», по его мнению, это те, «кому природа предназначила управлять», остальные же — «стадо баранов». Эту теория сверхчеловека, которая и в Европе, и в России вскоре станет общим местом, он сформулировал сам, не заимствовал из европейских источников. Для него сверхчеловек — это, прежде всего, тот, кто лишен эгоизма и готов отдать жизнь за других.

Себя он считал таким сверхчеловеком, рожденным повелевать, а в случае необходимости — пожертвовать собою ради своих идей. Он, в отличие от прагматика Пестеля, считал, что может одним своим словом повести за собою не только свой полк, но и корпус, в которых этот полк

входил, и целую армию. Собственно, именно эта романтическая вера в себя и двигала им в момент начала восстания. Когда же восстание было разгромлено, он не раскаялся в своих поступках и считал, что настало время пожертвовать собою.

Ты прав, по сравнению с Пестелем он был «чистым» героем времени, не утруждавшим себя разработкой прагматических планов, добычей денег и верившим в свою звезду. Он как раз и собирался делать революцию «в белых перчатках» и бескровно. Пестель, согласно следственным делам, нередко говорил единомышленникам, что Сергей Муравьев-Апостол «слишком чист». На мой взгляд, именно в этом разгадка его странного с точки зрения обыкновенной логики поведения «в тот назначенный час».

На основе многочисленных документов ты показываешь, что т.н. восстание Черниговского полка превратилось в пьяный погром всего, что горит и шевелится. Это описание контрастирует с тем, что дается в «культовой» биографии «Апостола Сергея» пера Н. Я. Эйдельмана. Трудно объяснить «невнимательность» фрондирующего автора лишь цензурными ограничениями. Ведь декабристы советской пропаганды были не чета безупречным во всех отношениях большевикам, а всего лишь «первым поколением», которое во многом «недопонимало» ведущую роль пролетариата, и потому их восстание вполне возможно было представить как «первый блин». Как ты

считаешь, почему выдающегося историка при изучении неприглядных сторон «южного бунта» поразила «куриная слепота»?

Ну, дело в том, что этому «открытию» — насчет погрома — уже тоже 23 года, впервые я написала об этом в книжке «Южный бунт». Эти документы до 1917 г. видели многие: в частности, их видел Мережковский, который в романе «Александр I» сравнивал восставших солдат с «пугачевской пьяной сволочью». Почему об этом не написал Эйдельман? Ну, во-первых, потому, что такого рода текст в 1975 г., когда вышла книга «Апостол Сергей», не мог быть опубликован. Во-вторых, и я полагаю, в главных, — представить Сергея Муравьева-Апостола во главе шайки пьяных грабителей было совершенно невозможно. Это рушило романтические представления о декабристах, которые, безусловно, в своих книгах Эйдельман разделял.

Поговорим о творческих планах. Как ты считаешь, не настало ли для тебя время «переписать» обобщающий двухтомник Милицы Васильевны Нечкиной?

Такая мысль иногда меня посещает. Но в последнее время я декабристами не занималась, меня увлек XX век, «люди двадцатых годов» уже не позапрошлого, а прошлого века, и вернулась к декабристам лишь 2 года назад. Какая тема в итоге победит — не знаю.

Спасибо за интервью!

Ю. В. Латыш

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ РЕВАНША И ХАРИБДОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БРИТВЫ, ИЛИ ПОВЕСТЬ ОБ (НЕ)ИДЕАЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Рец.: Киянская О. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.

Аннотация: В рецензии рассмотрено исследование Оксаны Киянской, посвященное трагедии поколения 1820-х годов. Центральная фигура повествования — руководитель Васильковской управы Южного общества декабристов, командир восставшего Черниговского полка Сергей Муравьев-Апостол. Трагический выбор «детей 1812 года» между покорностью самодержавию, отставкой и революцией привел к конфликту власти с образованной частью общества. В рецензии раскрыто влияние на Муравьева-Апостола особенностей социально-политического и культурного развития Украины, взаимоотношений с отцом, испанского «Либерального трехлетия» (1820–1823).

Ключевые слова: декабристы, тайное общество, военная революция, восстание Черниговского полка, «Православный катехизис», самодержавие.

Сведения об авторе: Юрий Владимирович Латыш, кандидат исторических наук, доцент, приглашенный исследователь Европейского гуманитарного университета (Вильнюс). E-mail: j_latysh@ukr.net.

Yu. V. Latysh

BETWEEN THE SCYLLA OF REVENGE AND THE CHARYBDIS OF NATIONAL RAZOR, OR THE NOVELLA OF (UN)PERFECT MAN

Rev.: Kiyanskaya O. I. Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergey Murav'ev-Apostol. M.: RIPOL klassik, 2023. 768 p.

Abstract. The review deals with Oksana Kiyanskaya's book devoted to the tragedy of the 1820s generation. The central figure of her book is Sergey Muravyov-Apostol, the head of the Vasilkov Council of the Southern Society of Decembrists and the leader of Chernigov Regiment revolt. The tragic choice of the “children of 1812” between obedience to autocracy, resignation and revolution led to a conflict between the authorities and the educated part of society. The review reveals the influence on Muravyov-Apostol of the peculiarities of the socio-political and cultural development of Ukraine, his relationship with his father, and the Spanish “Trienio Liberal” (1820–1823).

Keywords: Decembrists, Secret society, Military Revolution, Chernigov Regiment revolt, Decembrists Catechesis, Tsarist autocracy.

Corresponding author: Latysh Yurii Volodymyrovych, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Associate Professor, Visiting Researcher of European Humanities University, Vilnius. E-mail: j_latysh@ukr.net.

Книга известного декабристоведа Оксаны Киянской подводит итоги ее многолетней работы над темой, предлагая четкую авторскую концепцию истории декабристского движения. Многие гипотезы и идеи высказывались в ее предыдущих исследованиях, некоторые аспекты рассматриваются впервые. Центральный персонаж повествования — Сергей Муравьев-Апостол, который по словам Натана Эйдельмана, «вообще не легко открывается современникам и потомкам» (Эйдельман 1975: 98).

Киянская отмечает феномен «всеобщей любви к мятежнику, чьи действия, согласно официальной версии произошедшего, были достойны лишь осуждения добропорядочных граждан» (С. 6). Действительно, кто лучше Муравьева-Апостола подходит под герценовское описание богатыря, кованного из чистой стали, вышедшего «сознательно на явную гибель»? Расчетливый прагматик Пестель, подозреваемый своими же товарищами в диктаторских намерениях? Диктатор Трубецкой, так и не посмевавший выйти на площадь «в тот

назначенный час»? Поэт, гражданин, но все же коммерсант, Рылеев? Действия Муравьева-Апостола выглядели наиболее бескорыстными и самоотверженными. Наверное, потому всеобщая любовь к этому декабристу сохраняла некий флер оппозиционности. В государственной политике памяти, в отличие от тех же Пестеля и Рылеева, он так и остался одним из пяти повешенных, не получив права на персональную коммеморацию. Трудно вспомнить памятники или топонимы в честь Муравьева-Апостола.

Биография главного героя раскрывается на фоне широкой палитры общества — семьи, товарищей по заговору (Павел Пестель, Михаил Бестужев-Рюмин, Сергей Волконский, Василий Давыдов, Алексей Юшневский, Михаил Орлов), приятелей (Александр Раевский), командиров (Федор Шварц, Яков Ганскау, Густав Гебель), современников (Александр Ипсиланти). Традиционно много внимания Киянская уделяет реконструкции служебной деятельности своего героя и ее пересечения с конспиративной.

На фоне трагедии Муравьева-Апостола показана трагедия поколения «людей двадцатых годов», порожденного войной с Наполеоном и не знавшего взрослой довоенной жизни. Это поколение отличали жертвенность, порицание эгоизма и необходимость делать выбор между всеобщей свободой и привилегиями при неограниченной власти. Война, наградившая молодых ветеранов славой и бременем «освободителей Европы», по выражению Юрия Лотмана, «укрупнила» их в собственных глазах (Лотман 1994: 185), что накладывало повышенную ответственность за судьбу отечества. А «консервативный поворот» 1820-х годов оставлял мало места для приложения своих талантов. «Дети 1812 года» могли выбирать между службой на положении «винтика» в военной машине, отставкой и тайными обществами (С. 272–273).

Нехватка острых ощущений, унижительный перевод из гвардии в армию вследствие Семеновской истории, арест друзей дополнялись разочарованием реформаторских ожиданий. Все это толкало Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов в революцию, а вместе с ними — и десятки вольнолюбивых, европейски образованных, проникнутых патриотическим рвением офицеров. Результатом стало восстание и последующий разрыв власти с образованной частью общества, желающей перемен (С. 661–662).

Рецензенты уже провели тщательный разбор книги Киянской, потому нет смысла останавливаться на структуре и содержании каждого раздела. Вместо этого выделим несколько аспектов, которые позволя-

ют по-новому осмыслить неразрешенные и дискуссионные вопросы декабристоведения.

«УКРАИНА ГЛУХО ВОЛНОВАЛАСЬ»

Значительная часть истории декабристского движения и жизни семейства Муравьевых-Апостолов связана с Украиной. Было ли это случайностью, обусловленной размещением российских войск и месторасположением помещичьих имений, или существовала связь, соединявшая декабризм с украинскими политическими и культурными традициями? На этот вопрос сами украинские историки не дали четкого ответа ни в 1920-е годы, когда развернулась острая полемика вокруг «украинского декабризма» (см.: Українські декабристи чи декабристи на Україні? 2011), ни после 1991 года.

Многие исследователи смотрели на декабристское движение в Украине через призму «колониальной оптики», умудряясь не замечать самой Украины, ее социально-политической и культурной атмосферы (см.: Труды 1930: 426–468). Киянскую трудно отнести к этой категории декабристоведов. Она внимательно разбирает настроения в бывшей Гетманщине (Левобережной Украине, именуемой Малороссией), отмечает, что здесь продолжали действовать свои законы (Литовские статуты и магдебургское право), существовала особая система административных и судебных органов, население хранило память о казацких вольностях и выборности гетмана, а также приводит известную цитату Александра Михайловского-Данилевского

о господстве антироссийских настроений (С. 233–238). Вместе с политическими традициями существовали и культурные, бытовые, языковые особенности бывшей Гетманщины. Владимирский губернатор Иван Долгорукий, посещавший Украину в 1810 году, отмечал, что испытывал трудности с пониманием народного говора, что из пяти слов в разговоре три были ему неизвестны. А Павел Сумароков риторически вопрошал, не здесь ли конец империи, не в чужое ли государство он въезжает? (Шандра, Аркуша 2022: 52).

Не лучшим было отношение местного населения к российской армии и на Правобережной Украине, относительно недавно присоединенной к России вследствие разделов Речи Посполитой. Киянская приводит свидетельства Сергея Муравьева-Апостола, что местные крестьяне оказались «самыми негостеприимными жителями», они оскорбляли солдат, заставляли их «платить за все втридорога», «из доброй воли» ничего для армии не давали (С. 288). В книге упоминается, что ранее свободные крестьяне правобережного местечка Германовки помнили о своих правах и сопротивлялись распространению на них крепостного права. Аналогичной была ситуация и в белоцерковском имении графини Браницкой.

Эксплуатируя настроения местного дворянства, генерал-губернатор Малороссии Николай Репнин, женатый на внучке последнего гетмана Кирилла Разумовского, вынашивал честолюбивые планы, не исключая даже восстановления автономии Гетманщины под своей була-

вой (С. 240). Оказавшись на службе в Полтаве на Левобережной Украине (Матвей) и Фастове на Правобережной Украине (Сергей), а также часто бывая в отцовском имении Хомутце на Полтавщине, воспитанные в Европе братья Муравьевы-Апостолы столкнулись с новыми для себя идеями украинской автономии — ретроtopией, выстроенной потомками казацкой старшины. Они почти не знали украинской действительности, но имели громкое имя — были праправнуками гетмана Даниила Апостола.

В 1762 году генерал-майор Матвей Муравьев женился на Елене Апостол. Этот брак не вызвал восторга у родственников как жениха, так и невесты. Русская знать не считала себе ровней потомков гетмана. Старший брат попрекал Муравьева, «зачем женился на шинкарке» (С. 233–238). Елена Апостол вышла замуж вопреки воле отца и была лишена приданого. Что именно смущало украинскую родню: бедность жениха, имевшего только 25 крепостных, значительная разница в возрасте, личные качества или русское происхождение, судить трудно. Плодом этого брака явился Иван Муравьев, который только в 1796 году впервые познакомился с родственниками умершей при родах матери. Отношения с двоюродным братом полковником Михаилом Апостолом сложились как нельзя лучше, и в результате Иван Матвеевич стал наследником богатого, но бездетного родственника и обладателем двойной фамилии «Муравьев-Апостол».

Киянская допускает, что Матвей Муравьев-Апостол попал в адъютанты к Репнину по причине происхожде-

ния. Однако украинский автономизм не привлекал праправнуков гетмана, хотя они общались с видным украинским автономистом поэтом Василием Капнистом, были знакомы с Василием Лукашевичем. По словам историка Осипа Гермайзе, их поколение «украинство понимало только как умение солить огурцы и почитать пещерских угодников». (Українські декабристи чи декабристи на Україні? 2011: 148). Украинство в форме ностальгии по Гетманщине не могло быть популярной идеей среди «людей двадцатых годов». Идеи демократизации, ограничения или свержения самодержавия отодвигали национальный вопрос на второй план. И только, обогатившись идеями Просвещения, демократизмом и федерализмом, у истоков которого стояло декабристское Общество соединенных славян, украинское движение возродилось в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства.

ОТЕЦ И ДЕТИ

Исследователей всегда интересовали взаимоотношения Ивана Муравьева-Апостола с сыновьями-декабристами Сергеем, Матвеем и Ипполитом и его возможное влияние на формирование их революционного мировоззрения. Сенатор, дипломат, известный литератор считался влиятельным и образованным человеком с репутацией либерала. В то же время современники относились к Ивану Матвеевичу весьма критично, вспоминали о нем, как о большом эгоисте и семейном деспоте (Скалон 1990: 314). Живя на широкую ногу, он сумел растратить семейный капитал. Владея значительными по-

местьями в Полтавской, Рязанской, Новгородской и Тамбовской губерниях, которые оценивались в 1,5 млн. руб., постоянно не вылезал из долгов, потому держал старших сыновей «в черном теле». В 1826 г. сумма долга достигла 132 тыс. 400 руб. (Медведська 1961: 12).

Неудивительно, что Сергей Муравьев-Апостол мог ощущать безысходность из-за сложностей службы, финансовой зависимости от отца и перспектив остаться без наследства. «Кто жметесь да скупитесь, берегая карман наследникам, тот недалеко от себя ищи безумного. Я, что бо о(бо) мне ни говорили, хочу начать пить и веселиться», — писал Иван Матвеевич своему соседу Капнисту (Эйдельман 1975: 107–108). Как любой представитель «золотой молодежи», Сергей Муравьев-Апостол был амбициозен и хотел самоутвердиться в обществе, но зависимость от деспотичного отца и осознание, что ему вряд ли удастся превзойти того в плане карьеры и финансового благополучия, угнетала и порождала необходимость доказывать свою «крутость». Хотелось значительных дел. Такую возможность дало тайное общество.

Советские историки подчеркивали влияние прогрессивных взглядов отца на формирование мировоззрения сыновей, идеализировали их отношения. Сегодня это мнение кажется не вполне справедливым (см.: Латиш 2012). Тяжело переживая свою отставку, он вероятно мог критически отзываться о власти. В ответном письме Гавриилу Державину, призывавшему вернуться на службу, Иван Матвеевич высказывал уверенность,

что его карьера окончена по воле Александра I: «отечество не зовет меня; значит безвестность, скромные семейные добродетели — вот мой удел (...) Людей ищут — говорите вы — меня не будут искать; я это знаю. Рука, которую и несправедливую против меня я целую, отлучила меня навсегда от пути служения: повинуюсь и не ропщу» (Кубасов 1902: 95–96). Когда у Сергея Муравьева-Апостола после Семеновской истории возникли служебные проблемы, отцовская обида могла казаться ему живым примером несправедливости самодержавного правления.

Хотя современники и считали, что Иван Матвеевич навредил сыновьям своим слишком смелым либерализмом, на их политические взгляды он не оказал заметного влияния. Его либерализм был весьма специфичен. Для Ивана Муравьева-Апостола внутренняя свобода была важнее общественной. Он решительно осуждал Наполеона, называя его подданных рабами, зато считал временем процветания Франции просвещенный абсолютизм Людовика XIV (Кубасов 1902: 104).

Несмотря на имидж либерала, отец троих декабристов был идейно очень далек от декабристского круга. Это признавал уже Эйдельман, писавший, что Иван Матвеевич представлял собой тип «эпикурейца», «сибарита, селадона екатерининских времен», которому увлеченные декабристскими идеями сыновья казались «слишком серьезными, не испытывающими сладостей жизни и юмора» (Эйдельман 1982: 154–155). В письме Константину Батюшкову 22 февраля 1816 года

Сергей Муравьев-Апостол прямо противопоставлял свое мировоззрение отцовскому: «К сожалению, дорогой мой Константин, я — не поэт, не философ, не эпикуреец; я только твой старый боевой товарищ...» (Орлов 1956: 531). Это была декларация разрыва со старшим поколением либералов-эпикурейцев.

Киянская соглашается с мнением, что отношение отца и сыновей можно охарактеризовать словом «конфликт». Между «любезным папенькой» и детьми существовала мировоззренческая пропасть, которую наслаждавшийся жизнью сенатор просто не замечал (С. 89–90). В отличие от отца, декабристы желали не только иметь высокую цель и стремиться к ней, но и достичь ее, добившись политических преобразований.

Но именно в письмах к отцу Сергей Муравьев-Апостол раскрыл свои этические установки, явно сформированные не без влияния Ивана Матвеевича, от которых эгоистичный отец просто отмахнулся. Киянская публикует четыре письма, которые были известны советским декабристоведам, но они цитировали только те выдержки, где автор восхищался европейскими революциями, красотами Хомутца и проявлял теплые чувства к родным. Киянская же обратила внимание на то, что декабрист разделял людей «на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие — быть ведомыми». Одних он называл «высшими людьми», других — «стадом баранов». Когда человек становится ясновидящим, как Моисей, «слепые» (народные массы) идут за ним, а «одноглазые» (менее совершенные «высшие») выступают против него (С. 678–679).

Эту схему Муравьев-Апостол экстраполировал на отношения своего отца с Капнистом. Последнего он именовал одноглазым королем «слепых малороссов», который «охраняет свою королевскую власть над Малороссией, которую Вы (Иван Матвеевич) могли бы так легко заставить его потерять» (С. 678–679). Такие взгляды не вписывались в герценовско-ленинскую формулу декабристской революции: «без народа, но во имя народа». Возможно, поэтому так трудно отыскать памятник или улице Муравьева-Апостола.

«ОТКУДА У ХЛОПЦА ИСПАНСКАЯ ГРУСТЬ?»

Иван Матвеевич служил послом в Испании и в Хомутце содержал слугу-испанца. Его сыновья в Испании не бывали. Но именно Испанская революция 1820–1823 годов («Либеральное трехлетие») вдохновила и дала им образец для восстания, показав осуществимость мечты. Восстание группы военных привело к реализации политической программы, включавшей ограничение власти монарха, разделение властей, верховенство закона, уважение к свободе личности. К этому стремились тайные общества в России.

Многие историки указывали на влияние испанской революции на восстание декабристов. Но чаще всего они просто признавали факт этого влияния, не вникая в его детали. Киянская доказывает уверенность Сергея Муравьева-Апостола в том, что ход истории определяют сильные личности, готовые к самопожертвованию. «Масса ничто, она будет

тем, чего захотят личности, которые все» — эта его фраза стала известна следствию из показаний декабриста Александра Поджою. Залог победы, по словам Муравьева-Апостола, — «железная воля нескольких людей», «энергичных вождей», которая может «привести к возрождению народ разобщенный, темный и униженный» (С. 380).

Примером такого вождя стал Рафаэль Риго. Он тоже был подполковником, его восстание началось далеко от столицы, затем перекинулось на Мадрид и завершилось триумфом — король был вынужден восстановить Кадисскую конституцию 1812 года, дословные цитаты из которой содержали конституционные проекты декабристов.

Отражением испанского влияния на декабристов является жанр политического катехизиса, использовавшийся в Испании в борьбе с Наполеоном в период 1808–1814 годов. Фаддей Булгарин перевел на русский язык «Гражданский катехизис» 1808 года, и выдержки из этого перевода были опубликованы. Муравьев-Апостол оценил пропагандистский потенциал перечня простых вопросов и ответов как средства общения с набожной, необразованной аудиторией. Вероятно, вдохновленный этим переводом он создал «Православный катехизис» (Offord 2012: 174).

Декабристов привлекала «испанская формула» Пронунциаменто: зажигательная речь офицера перед солдатами, движение вооруженной колонны на столицу, быстрый и бескровный захват власти, либеральная конституция (Stites 2011: 6–8). Военная

революция задумывалась, как повторение движения колонны Риего. Например, для Сергея Трубецкого это был пример изменения политического строя без вооруженного столкновения с властью (Белоусов 2015: 40). Портреты испанских революционеров Риего и Кироги были вывешены в петербургском книжном магазине как раз перед началом восстания на Сенатской площади (Саñas de Pablos 2021: 167).

Члены тайных обществ слишком идеализировали испанскую революцию, восхваляемую тогдашней прессой (Madariaga 1973: 149). Единомышленникам Муравьев-Апостол рассказывал, как Риего «проходил земли с тремястами человек и восстановил конституцию, а они с полком, чтобы не исполнили предприятия своего, тогда как все уже готово, в особенности войско, которое очень недоволено». «Стоит только начать, — говорил он весьма часто, — и увидите, что в самое короткое время не только вся армия, но и весь народ восстанет» (С. 381, 383).

Почти все декабристские вожди, за исключением Пестеля, боялись бунта народных масс, вырождения демократии в диктатуру и террора «национальной бритвы» по примеру Французской революции. В ноябрьском письме 1824 года Матвей Муравьев-Апостол спрашивал у младшего брата: «Допустим даже, что легко будет пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли вы в том, что сумеете ее остановить?». И в течение всего восстания Черниговского полка братья больше заботились о том, чтобы остановить эту секиру, а не пустить ее в ход.

С другой стороны, трагический финал Риего, подавление революции французскими интервентами и восстановление королевского абсолютизма показывали, что доверять монарху нельзя (Rabow-Edling 2012: 160–161). Даже, если под давлением армии он согласится на введение Конституции, угроза реванша будет сохраняться. Испанские события давали карт-бланш республиканским проектам и цареубийственным планам. Ближайший друг Сергея Муравьева-Апостола Михаил Бестужев-Рюмин ссылался на испанский опыт как на доказательство необходимости цареубийства для введения конституции. Испанская революция и ее уроки стали моделью для российских офицеров, которые отмечали благородство революционеров, их готовность умереть за свои идеалы и отказ лидеров восстания от власти.

В Испании до установления диктатуры Франко существовал культ Риего — образцового героя, жертвующего собой ради родины, искупителя свободы (Саñas de Pablos 2021: 150). Культ декабристов в России оказался удивительно похожим и более долговечным.

В завершение стоит отметить, что книга Киянской написана в научно-популярном стиле, а потому будет интересна не только историкам, но и широкому кругу читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белоусов 2015 — Белоусов М. С. Испанская «подсказка» для декабриста (путешествие С. П. Трубецкого в Париж) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2015. Вып. 4. С. 33–44.

Киянская 2023 — Киянская О. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М., 2023. 768 с.

Кубасов 1902 — Кубасов И.А.И.М. Муравьев-Апостол, автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» // Русская старина. 1902. Октябрь. С. 87–104.

Латиш 2012 — Латиш Ю. Иван Муравьев-Апостол: державний діяч, людина, батько декабристів // Київська старовина. 2012. № 4. С. 122–133.

Лотман 1994 — Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. 399 с.

Медведська 1961 — Медведська Л.О. Сергій Іванович Муравйов-Апостол. (Біографічний нарис). Київ, 1961. 147 с.

Орлов 1956 — Орлов В.Н. Из литературных отношений С.И. Муравьева-Апостола // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Декабристы-литераторы. Т. II, кн. 1. С. 531–536.

Скалон 1990 — Скалон С.В. (Капнист-Скалон С.В.) Воспоминания / коммент. Г.Н. Моисеева // Записки русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990. С. 281–388.

Труды 1930 — Труды Первой Всесоюзной конференции Историков-марксистов 28/XII-1928 — 4/I-1929. Т. I, изд. 2-е. М., 1930.

Шандра, Аркуша 2022 — Шандра В., Аркуша О. Україна в XIX столітті: людиність та імперії. Київ, 2022. 436 с.

Українські декабристи чи декабристи на Україні? 2011 — Українські декабристи чи декабристи на Україні?: Рух декабристів очима істориків 1920-х років / Упор., вступ. ст. та примітки Григорія Казьмирчука, Юрія Латиша. Київ, 2011. 195 с.

Эйдельман 1975 — Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М., 1975. 392 с.

Эйдельман 1982 — Эйдельман Н.Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982. 368 с.

Cañas de Pablos 2021 — Cañas de Pablos A. Riego después de Riego la pervivencia póstuma de un mito heroico liberal en España, Reino Unido, Francia y Rusia (1823–1880) // Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales, 2021. № 45. P. 143–173.

Offord 2012 — Offord D. The response of the Russian Decembrists to Spanish politics in the age of Ferdinand VII // Historia Constitucional. 2012. Núm. 13, Septiembre. P. 163–191.

Madariaga 1973 — Madariaga I. de. Spain and the Decembrists // European Studies Review. 1973. Vol. 3, no 2. P. 141–156.

Rabow-Edling 2012 — Rabow-Edling S. The Decembrist Movement and the Spanish Constitution of 1812 // Historia Constitucional. 2012. Núm. 13, Septiembre. P. 143–161.

Stites 2011 — Stites R. Decembrists with a Spanish accent // Kritika. 2011. Vol. 12, no 1. P. 5–23.

REFERENSES

Belousov M.S. Ispanskaya “podskazka” dlya dekabrista (puteshestvie S.P. Trubetskogo v Parizh) // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Istoriya. 2015. Vol. 4. P. 33–44.

Cañas de Pablos A. Riego después de Riego la pervivencia póstuma de un mito heroico liberal en España, Reino Unido, Francia y Rusia (1823–1880) // Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales, 2021. № 45. P. 143–173.

Eidelman N.Ya. Apostol Sergey. Moscow, 1975. 392 p.

Eidelman N.Ya. Gran' vekov: Politicheskaya borba v Rossii. Konec XVIII — nachalo XIX stoletiya. Moscow, 1982. 368 p.

Kiyanskaya O. Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergey Muravyov-Apostol. Moscow, 2023. 768 p.

Kubasov I.A.I.M. Muravyov-Apostol, avtor “Pisem iz Moskvy v Nizhnij Novgo-

rod" // *Russkaya starina*. 1902. Oct. P. 87–104.

Latysh Yu. Ivan Muravyov-Apostol: derzhavnyi diyach, liudyna, bat'ko dekabrystiv // *Kyivska starovyna*. 2012. No 4. P. 122–133.

Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture*. Saint Petersburg, 1994. 399 p.

Madariaga I. de. Spain and the Decembrists // *European Studies Review*. 1973. Vol. 3, no 2. P. 141–156.

Medvedska L. O. *Serhii Ivanovykh Muravyov-Apostol. (Biohrafichnyi narys)*. Kyiv, 1961. 147 p.

Offord D. The response of the Russian Decembrists to Spanish politics in the age of Ferdinand VII // *Historia Constitucional*. 2012. Núm. 13, Septiembre. P. 163–191.

Orlov V.N. Iz literaturnyh otnoshenij S.I. Muravyova-Apostola // *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1956. Vol. 60. Dekabristy-literatory. Part. II, book 1. P. 531–536.

Rabow-Edling S. The Decembrist Movement and the Spanish Constitution of 1812 // *Historia Constitucional*. 2012. Núm. 13, Septiembre. P. 143–161.

Shandra, Arkusha 2022 — Shandra V., Arkusha O. *Ukraina v XIX stolitti: liudnist ta imperii*. Kyiv, 2022. 436 p.

Skalon S. V. (Kapnist-Skalon S. V.) Vospominaniya / komment. G.N. Moiseeva // *Zapiski russkih zhenshchin XVIII — pervoj poloviny XIX veka*. Moscow, 1990. P. 281–388.

Stites R. Decembrists with a Spanish accent // *Kritika*. 2011. Vol. 12, no 1. P. 5–23.

Trudy Pervoj Vsesoyuznoj konferencii Istoričeskoj Marksistov 28/XII-1928 — 4/I-1929. Vol. I. Moscow, 1930.

Ukrainski dekabrysty chy dekabrysty na Ukraini?: Rukh dekabrystiv ochyma istorykiv 1920-kh rokiv / Eds. G. Kazmyrchuk, Yu. Latysh. Kyiv, 2011. 195 p.

Н. Н. Подосокорский

ТРАГЕДИЯ СЕРГЕЯ МУРАВЬЕВА- АПОСТОЛА

Рец.: Киянская О. И. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.

Аннотация: Рецензия посвящена разбору новой научной биографии подполковника Сергея Ивановича Муравьева-Апостола (1795–1826), одного из руководителей движения декабристов. Книга написана ведущим российским специалистом по декабристам, доктором исторических наук Оксаной Ивановной Киянской. Монография профессора О. И. Киянской является на сегодня наиболее полной и точной историей жизни С. И. Муравьева-Апостола, причем трагическая судьба героя книги раскрывается на фоне описания судеб других российских деятелей 1820-х годов.

Ключевые слова: Сергей Муравьев-Апостол, Матвей Муравьев-Апостол, Оксана Киянская, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, декабристы, восстание Семеновского полка, восстание Черниговского полка.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород); Email: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

THE TRAGEDY OF SERGEI MURAVYOV-APOSTOL

Rev.: Kiyanskaya O. I. Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol. M.: RIPOL klassik, 2023. 768 p.

Abstract: The review is devoted to the analysis of a new scientific biography of Lieutenant Colonel Sergei Ivanovich Muravyev-Apostol (1795–1826), one of the leaders of the Decembrist movement. The book was written by Oksana Ivanovna Kiyanskaya, a leading Russian expert on the Decembrists, Doctor of Historical Sciences. The monograph of Professor O. I. Kiyanskaya is today the

most complete and accurate history of the life of S. I. Muravyov-Apostol, and the tragic fate of the hero of the book is revealed against the background of the description of the fate of other Russian figures of the 1820s.

Keywords: Sergey Muravyov-Apostol, Matvey Muravyov-Apostol, Oksana Kiyanskaya, Ivan Matveyevich Muravyov-Apostol, Decembrist revolt, the uprising of the Semenovskiy regiment, the uprising of the Chernigov regiment.

Corresponding author: Podosokorsky Nikolay Nikolayevich, PhD (candidat filologicheskikh nauk), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia). Email: n.podosokorskiy@gmail.com

В новой книге Оксаны Ивановны Киянской, ведущего российского специалиста по истории движения декабристов, доктора исторических наук, профессора, — «Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол» (РИПОЛ классик, 2023) — впервые столь широко и полно представлена биография одного из главных лидеров революционного подполья 1820-х годов — подполковника Сергея Ивановича Муравьева-Апостола (1795–1826). Герой этот обладал чрезвычайным обаянием, всеми признаваемой доблестью и колоссальной силой воли. Писатель Л. Н. Толстой в статье «Стыдно» (1895) и вовсе назвал его «одним из лучших людей того, да и всякого времени» (Толстой 1954: 72).

Что вообще известно о Сергее Муравьеве-Апостоле широкому мало-мальски образованному читателю? То, что он принадлежал к весьма разветвленному дворянскому роду Муравьевых, выдвинувшему из себя немало славных носителей этой фамилии; участвовал в войнах России с Наполеоном 1812–1814 гг.; состоял в ряде тайных политических обществ во второй половине царствования императора Александра I; был наряду с полковником Павлом Пе-

стелем одним из руководителей т. н. «Южного общества» декабристов; возглавил изначально обреченное на неуспех восстание Черниговского полка, причем уже после того, как декабристский мятеж был подавлен в Петербурге; оказался, по мнению следствия, одним из пяти главных смутьянов среди всего декабристского сообщества и был повешен в июле 1826 года, вместе со своими соратниками по революционной борьбе: П. И. Пестелем, К. Ф. Рылеевым, М. П. Бестужевым-Рюминым и П. Г. Каховским.

Такова краткая канва общеизвестной биографии Муравьева-Апостола. О том, насколько сложной и яркой личностью он был на самом деле, подробно и весьма увлекательно рассказывается в замечательной книге историка Киянской, библиография которой насчитывает более 400 источников (помимо использованных материалов архивов). Масштабный труд О. И. Киянской, конечно, выходит далеко за пределы одного лишь жанра биографии. Эта книга посвящена отнюдь не только Сергею Муравьеву-Апостолу, но и его братьям (тоже декабристам) Матвею и Ипполиту, а также всему роду Муравьевых. На страницах книги

подробно рассказывается и о других людях 1820-х годов: П. И. Пестеле, М. П. Бестужева-Рюмине, С. П. Трубецком, Н. М. Муравьеве, М. Ф. Орлове и многих других. Из нее можно узнать, что прославленный герой войны 1812 года генерал от кавалерии Н. Н. Раевский «был известным магнетизером» и даже, по словам Матвея Муравьева-Апостола, «многих излечил посредством магнетизма» (С. 305). Или что единственным декабристом, кто был удостоен персонального портрета в знаменитой Военной галерее Зимнего дворца, является генерал-майор Сергей Волконский (С. 350), — правда, его портрет разместили там лишь в начале XX века (*Подмазо* 2013: 48). Но в центре повествования, конечно, стоит удивительная фигура подполковника Сергея Муравьева-Апостола.

Истоки особого вольнолюбия С. И. Муравьева-Апостола, его склонности к революционным идеям и неприятия всяческого тиранства на российской почве можно искать не просто в общих веяниях эпохи, но, прежде всего, в истории его семьи. Отец трех декабристов, И. М. Муравьев-Апостол (1762–1851), достигший при Павле I высокой должности вице-президента Иностранной коллегии, негативно относился к павловским порядкам (верных гатчинцев императора он именовал «опричниками» (С. 69)). По косвенным данным можно судить, что он был как-то связан с заговором 1801 года, хотя документов, подтверждающих его участие в заговоре, исследователям найти не удалось (С. 72–73, 77), и даже являлся автором нереализованного проекта ограничения императорской власти (С. 77).

Не менее значимым для формирования личности будущего руководителя декабристов стало и то обстоятельство, что свое детство он (вместе со старшим братом Матвеем) провел в Париже, где учился в частном пансионе Хикса. Как отмечает О. И. Киянская, преподавание там «велось на французском языке — и Матвей с Сергеем впоследствии оказались одними из немногих русских заговорщиков, для которых русский язык не был родным. Русский же братья начал учить только в 1808 г. у секретаря российского посольства» (С. 104). Замечу, что в 1808 году Сергею было уже 13 лет, а Матвею — 15 лет.

Третьим фактором, оказавшим огромное влияние на мировоззрение братьев Муравьевых-Апостолов, равно как и многих других декабристов, стало их участие в войнах с Наполеоном. Как вспоминал участник декабристского движения М. А. Фонвизин: «чрезвычайные» события 1812–1814 гг. «возвысили» «дух наших войск и особенно молодых офицеров. В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей они привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью. В таком настроении духа, с чувствами своего достоинства и возвышенной любви к отечеству большая часть офицеров гвардии и Генерального штаба возвратились в 1815 году в Петербург» (С. 195).

Наконец еще одной причиной, благодаря которой взгляды Сергея Муравьева-Апостола стали ультра-радикальными, оказалась восстание Семеновского полка в 1820 году,

очень тщательно описанное в книге Киянской. Переведенный после этого инцидента из гвардии в обычную армию, расположенную на Украине, в большом отдалении от привычного Петербурга, без права на отставку, отпуск и карьерное возвышение (как подозрительный элемент), не имевший ни жены, ни интересного занятия, опытный военный офицер был вынужден предаваться скуке и размышлениям о том, как несправедливо его наказали.

«Тоска, скука и “несносное одиночество”» — главные темы писем Сергея Муравьева-Апостола 1821 г.: «С тех пор, как я с вами простился, я чувствую всю тягость одиночества; я здесь один, совершенно один; не с кем ни чувств, ни мыслей разделить; это положение ужасно. Я на квартиры становлюсь всегда один и с офицерами полка не иначе знаком, как по службе», «я здесь живу в совершенном уединении», «по возвращении моем из Киева я совершенно все свое время посвятил службе; езжу по ротам, учу их, сержусь, показываю своим подчиненным сильнейшую военную страсть, а внутренно с трудом преодолеваю скуку, сопряженную с ничтожным ремеслом, коим должен заниматься», «ни с кем не знаком и никого не вижу», «скучные переезды на скучные места, вот жизнь моя»; «пишу Вам уставший, охрипший, а более всего скучающий, поскольку мы на учениях восемь часов в день, а по воскресеньям, как и праздничным дням — четыре, чтобы дать нам отдохнуть. Вы не представляете себе, насколько такой образ жизни влияет не только на физическое, но даже и на моральное состояние. Я уверен, что двадцать лет таких занятий низ-

водят самого правильного человека до уровня скота, самого скотского» (С. 294–295).

Подавленное состояние опально-го подполковника могла бы «улучшить» война, к которой он был привычен и о которой мечтал, но даже с этим ему не повезло. «Письма Сергея Муравьева 1821 г. наполнены пересказом разнообразных слухов о войне с турками, он надеялся, что “весной” 1822 г. русские окажутся “в Константинополе”; в этой войне Сергей очень желал бы принять участие. Однако войны в итоге не случилось. В ноябре 1821 г. он писал отцу: “Кажется, войны с турками не будет. Я сужу по тому, что нет никаких приготовлений... дела наши с турками клонятся к миру”» (С. 296). Именно в таких тягостных условиях принудительной военной службы, не позволяющей ни развлечься, ни отличиться, окончательно и кристаллизовалось убеждение подполковника о необходимости насильственного свержения царя.

Говоря о характере героя книги, стоит отметить, что на протяжении всей своей военной карьеры Сергей Муравьев-Апостол выступал против телесных наказаний солдат и издевательств над ними. Его брат Матвей оставил красноречивое воспоминание об их совместной службе в Семеновском полку: «в 1818 г. на учениях один из старших офицеров приказал высесть солдата, Сергей вступился за него — и наказание было отменено. “Когда ученье кончилось... я взял и поцеловал руку брата, смутив его такую неожиданной с моей стороны выходкой”» (С. 132). В книге приводится немало и других примеров

такого рода: в частях, которыми командовал С.И. Муравьев-Апостол, солдат не секли. Во многом этим гуманным отношением, постоянной заботой о подчиненных и объясняется та преданность, которой отвечали солдаты и низшие офицеры своему начальнику.

Необычайно интересна теория Сергея Муравьева-Апостола о двух типах людей, которая предвосхищает теорию героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольников о людях обыкновенных и необыкновенных. Свои идеи об этом С.И. Муравьев-Апостол впервые сформулировал в середине 1821 года и изложил в письме отцу: люди, по его мнению, «делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие — быть ведомыми; но и те, и другие не всегда исполняют свое предназначение. Высшие люди, то есть те, кому природа предназначила управлять, часто не управляют как раз из-за этого положения превосходства, которое становится слишком очевидным и которое возмущает стадо баранов, поскольку ничто не прощается менее, чем превосходство. Чтобы управлять людьми, надо поступать, как Моисей; после беседы с ним на горе Синай Бог украсил его голову двумя сверкающими лучами — вот и Моисей. Но поскольку существует несколько разновидностей превосходства и поскольку оно всегда относительно, случается так, что в царстве слепых одноглазые — короли. Возникает ясновидящий, — и одноглазые объединяются против него, а слепые идут за ними. Шушукуются; рассказывают, что было сказано такое-то злое словцо, сделано такая-то вещь, при

необходимости это выдумывают, — и вот создана репутация. С такой репутацией человек, который должен управлять, оказывается в стороне, а посредственности — в довольствии. Этот класс людей так сплочен, что никуда пойти невозможно, чтобы эта репутация не шла впереди и не становилась пугалом даже для умного человека» (С. 298).

Одно из самых проникновенных мест книги — описание восстания Черниговского полка. Подробное изложение мятежа с акцентом не просто на сухие факты, цифры и отстраненные выводы, а на поистине трагический смысл происходящего, с точки зрения его участников и их противников, делает повествование чрезвычайно колоритным и отсылающим к великим драмам древности. Неслучайно, что и Матвей Муравьев-Апостол, многократно хотевший покончить с собой от отчаяния, но в итоге проживший 92 года (он умер в 1886 году!), на следствии по делу декабристов заявлял: «Можно сравнить это с ролью, которую играла судьба в трагедиях древнего мира. Напрасно хочешь уйти — покинув путь долга, вы осуждены возвращаться в порочном кругу, который вновь приводит вас к той точке, от которой вы хотели бежать» (С. 493).

В книге также немало говорится о связи декабристов с масонством и тайными организациями польских патриотов, благодаря чему становится более понятно, как получилось, что в одно десятилетие (с 1822 по 1831 год) уложились и запрет в Российской империи масонских лож, и разгром декабристского мятежа, и подавление польского восстания.

Помимо того, что книга мастерски написана (надо отдать должное очень симпатичному человеческому тону автора, его пронизательности относительно мотивов действий и душевных переживаний самоотверженных людей двадцатых годов, приверженности гуманистическим ценностям и прекрасному владению словом), она еще и обильно иллюстрирована, что дополнительно погружает читателя в ту незабвенную романтическую эпоху. Кроме того, автор обладает редким и поистине драгоценным качеством для ученого — не просто скрупулезно и правдоподобно воссоздавать картину происходящего в стране, тайном обществе и в душах своих героев, но и увлекать историей как наукой. Такие книги воспитывают любознательность и побуждают к творческим и научным поискам, обладают большим просветительским эффектом.

Тем не менее, столь масштабный труд, разумеется, имеет и свои недостатки, которых, впрочем, немного, и все они несколько не умаляют его достоинств. Пожалуй, главный изъян этой в целом весьма интересной и добротной монографии — отсутствие у нее четкой структуры. И дело даже не в том, что повествование затрагивает разные стороны эпохи и освещает пути сразу многих героев. Проблема в том, что все пять частей и двадцать глав этого более чем 750-страничного труда названы, за редкими исключениями, слишком общо и энигматично. Тот, кто еще не успел прочесть эту книгу полностью, вряд ли поймет, о чем конкретно рассказывается в главах «Имея любовь к Отечеству...», «Время славы и восторга», «Из мухи сделали слона»,

«В царстве слепых одноглазые — короли», «Письмо без надписи и без подписи» и т. п. Такие названия глав более подходят художественному произведению, а не научному сочинению, и не позволяют использовать книгу для того, чтобы быстро перейти из содержания к интересующему периоду или проблеме. Хотя в конце труда для удобства размещен именно указатель, и с его помощью можно, к примеру, легко подсчитать, что в монографии Киянской упоминаются 28 разных Муравьевых, в которых, действительно, легко запутаться новичку.

Не вполне понятно и утверждение историка о том, что «сегодня Союз благоденствия мало кто из историков считает революционной организацией» (С. 215) (жаль, что в книге не указано, кто именно из современных историков придерживается такой точки зрения?), только потому, что в официальном уставе провозглашались отнюдь не революционные цели распространения «истинных правил нравственности и просвещения». Впрочем, далее автор уже весьма доходчиво пишет про участника Союза благоденствия Матвея Муравьева-Апостола: «Перед отъездом в Полтаву Матвей Муравьев-Апостол был активен в тайных обществах. Член Союза спасения и Коренного совета Союза благоденствия, он прекрасно знал, например, очевидную далеко не для всех “сокровенную” цель радикальной группы внутри Союза благоденствия — “вести представительное правление, чего достигнуть... возмущением вооруженной силы”. Он был в курсе разработки устава Союза, Зеленой книги, подробно описывал на следствии структуру

и устава, и самого тайного общества. За несколько месяцев до отъезда он читал в Москве, на собрании заговорщиков, письмо брата Сергея о том, что императора убивать не следует; вероятно, сам он придерживался того же мнения» (С. 246).

Уже сам факт обсуждения в этой среде возможности убийства императора однозначно характеризует участников общества как потенциальных революционеров. Тем более что «главным пунктом обвинения» против младшего брата Матвея, Сергея Муравьева-Апостола, в 1826 году как раз и «стало не руководство мятежом, а участие в “цареубийственных” разговорах» (С. 656).

В заключение хочется отметить, что те, кто всерьез интересуется историей России первой четверти XIX века, непременно найдут в этом выдающемся труде немало интересного и познавательного. Книга профессора Киянской, помимо прочего, содержит россыпь малоизвестных фактов и впечатляющих свидетельств современников, и, вместе с тем, создает целостную концепцию истории

декабристского движения на примере глубинного изучения биографии одного из главных его участников, названного еще Н.Я. Эйдельманом «Апостолом Сергеем».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Киянская 2023 — *Киянская О.И.* Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.

Подмазо 2013 — *Подмазо А.А.* Образы героев Отечественной войны 1812 года: Военная галерея Зимнего дворца. М.: Русские витязи, 2013. 864 с.

Толстой 1954 — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1954. Т. 31. 324 с.

REFERENCES

Kiyanskaya O.I. *Lyudi dvadcatykh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol.* M.: RIPOL klassik, 2023. 768 s.

Podmazo A.A. *Obrazy geroev Otechestvennoj vojny 1812 goda: Voennaya galereya Zimnego dvorca.* M.: Russkie vityazi, 2013. 864 s.

Tolstoj L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t.* M.: Khudozhestvennaya literatura, 1954. T. 31. 324 s.

С. Е. Эрлих

КНИГА О ЖЕРТВЕННОСТИ, НАПИСАННАЯ В ЭПОХУ КОНСЮМЕРИЗМА

Рец.: Киянская, Оксана. Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол.
Москва: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.

Аннотация: Рецензент сравнивает новую книгу О. И. Киянской со знаменитой биографией С. И. Муравьева-Апостола «Апостол Сергей» Н. Я. Эйдельмана, и показывает, что фрондирующий советский историк постарался не заметить, как восстание Черниговского полка превратилось в пьяный погром евреев и других непривилегированных групп населения. Заслуга Киянской состоит в том, что она описала это восстание как трагедию ее руководителя-идеалиста, столкнувшегося с реальностью «русского бунта». К недостаткам книги рецензент относит попытку совместить биографию декабриста с историей тайных обществ, в результате чего книга разрослась в объеме до почти 800 страниц и «арка героя» рухнула.

Ключевые слова: С. И. Муравьев-Апостол, тайные общества декабристов, восстание Черниговского полка, Н. Я. Эйдельман, О. И. Киянская

Сведения об авторе: Эрлих Сергей Ефроимович, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Историческая экспертиза». Email: nestorhistoria2017@gmail.com

S. E. Ehrlich

A BOOK ABOUT SACRIFICE, WRITTEN IN THE ERA OF CONSUMERISM

Rev.: Kiyanskaya O. I. Ljudi dvadcatyh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol. Moskva: RIPOL klassik, 2023. 768 s.

Abstract: The reviewer compares the new book by O. I. Kiyanskaya with the famous biography of S. I. Muravyov-Apostol, written by N. Ya. Eidelman and shows that the famous Soviet historian tried not to notice how the uprising of the Chernigov regiment turned into a drunken pogrom of Jews and other unprivileged groups. The merit of Kiyanskaya is that she describes this uprising as a tragedy of its idealist leader, who faced the reality of a “Russian mutiny.”

© С. Е. Эрлих, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-4-128-136

The reviewer notes that an attempt of Kiyanskaya to combine the biography of a Decembrist with the history of Decembrists' secret societies, has an unsuccessful result, the book has grown to almost 800 pages and the "hero's arc" collapsed.

Keywords: S. I. Muravyov-Apostol, secret societies of the Decembrists, uprising of the Chernigov regiment, N.Ya. Eidelman, O. I. Kiyanskaya

Corresponding author: Ehrlich Serguey Efroimovich, PhD (doctor istoricheskikh nauk), the Chief-Editor of The Historical Expertise. Email: nestorhistoria2017@gmail.com

Содержание новой книги О.И. Киянской значительно шире названия. В ней, наряду с биографией С.И. Муравьева-Апостола, представлена генеалогия «муравейника», рода Муравьевых, давшего восемь членов тайных обществ, приводятся подробные сведения о родителях декабриста, о его сестрах и братьях, в том числе о двух других участниках «южного бунта» Матвее и Ипполите, а также о верном друге руководителя Васильковской управы М.П. Бестужеве-Рюмине. Биографические сюжеты то и дело прерываются обширными экскурсами в историю тайных обществ.

Считаю своим первоочередным долгом ответить тем «машинистам экскаватора» из социальных сетей, которые монографию Киянской не читали, но пытаются «срезать» автора десятка новаторских книг о декабристах риторическим вопросом: «Реально ли добавить что-то существенное к “культурной” биографии “Апостола Сергея” за авторством Н.Я. Эйдельмана?»

Считаю, что Оксана Ивановна радикально пересмотрела многие выводы Натана Яковлевича. В этом легко убедиться, если сравнить каким образом в их работах интерпретируется «военная революция» под руководством С.И. Муравьева-Апостола.

Киянская с опорой на многочисленные свидетельства описывает «южный бунт» Черниговского полка как, прежде всего, погром евреев и других непривилегированных групп населения, осуществленный пьяными солдатами, которые вышли из подчинения (С. 621–646). Это позволяет предположить, что когда в 1836 Пушкин писал: «Не дай Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», — он не только пугачевщину имел в виду.

У Эйдельмана напрасно искать нечто подобное. Так слово «пьяный» применительно к неизвестному «нижнему чину» восставшего Черниговского полка встречается в его «повести» один раз в цитате из документа, который характеризуется как «впечатления васильковских обывателей» (Эйдельман 1975: 253). «Впечатления» — это нечто субъективное, не обязательно соответствующее реальности. К тому же принадлежат они «обывателям» (слово, имевшее уничижительный смысл в советское время). Поэтому подобным свидетельствам нельзя доверять. Но даже если «обыватели» все-таки не солгали, то единственный пьяный «нижний чин» не может считаться «типичным» революционным солдатом.

А вот как Натан Яковлевич описывает «революционные» грабежи: «Солдаты все видят. По соседним

усадьбам бродят небольшие группки, решившие погулять, распить за даром водку в корчмах, поживиться. Неподалеку, однако, гуляют и грабят жителей представители противной стороны во главе с поручиком князем Корebut-Воронецким» (*Эйдельман* 1975: 280). Посредством междометия «однако» задействуется запрещенный риторический прием, в просторечии именуемый «взаимозачет». Время, дескать, было такое. «Гуляли не только «наши», но и «противная сторона». Но если «наши» просто «решили погулять», то «ихние» не только «гуляли», но и вдобавок «грабили жителей». Перекладывая основную ответственность за грабежи с восставших на их «душителей», Эйдельман обтекаемо характеризует действия «революционеров». Контекст высказывания позволяет предположить, что малочисленные «группки» не обязательно состояли из восставших «солдат», которые лишь «видели», т.е. *безучастно* наблюдали за теми, кто решил «поживиться». Кроме того, «группки» покусались исключительно на помещицы «усадьбы» и «корчмы» торгашей, следовательно, происходила справедливая «экспроприация экспроприаторов». К тому же она протекала не прямо на глазах офицеров-декабристов, как это следует из документов, а где-то по «соседству». Эйдельман резюмирует, что сообщения о грабежах, совершенных «пламенными революционерами» в солдатских шинелях — это «бешеная контрпропаганда» власти, т.е. клевета (*Эйдельман* 1975: 259, 292, 300).

Из сравнения двух описаний «южного бунта»/«восстания Черниговского полка» очевидно, что работа

Киянской представляет большой шаг новизны и не просто уточняет, а опровергает ряд принципиальных положений книги Эйдельмана. К сожалению, автор рецензируемой книги не объясняет причины «куриной слепоты», поразившей ее маститого предшественника при описании хода восстания. Преодоление историографических мифов требует ответа на вопрос: только ли опасения, что книга «не пройдет» сквозь строй церберов главлита сыграли здесь решающую роль или у Эйдельмана были иные соображения, чтобы приукрасить историю?

Киянская подробно рассматривает три стадии «социализации» главного героя, в ходе которых сформировалось его мировоззрение: семейное воспитание, учеба, участие в наполеоновских войнах.

Отец — Иван Матвеевич — был по характеристике Александра Дюма «замечательным филологом, главным образом эллинистом». Библиограф С.Д. Полторацкий, не отрицая учености «эллиниста», охарактеризовал его как «черстводушного ученого и эгоиста». «Эгоист» экономил на содержании семьи, хотя растратил на собственные удовольствия немалое состояние. Был, как и положено пропагандисту, лицемером. В «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» (1813–1815) «повествователь яростно агитирует против французского воспитания молодых русских дворян», забывая, что «собственные семеро детей Ивана Матвеевича <...> росли в Париже» (С. 55) и русский язык Матвей и Сергей начали учить в 1808. Хотя Иван Матвеевич «во всех служебных делах ориен-

тировался на высшее начальство», иногда он позволял себе фрондировать. Его «либеральные» выступления в Сенате и Главном правлении училищ породили слух, что он «перед 14 декабря 1825 г. обещал столичным заговорщикам поддержку» (С. 86) и, возможно, поэтому он был вынужден покинуть Россию еще до казни сына. Мать — Анна Семеновна (урожденная Черноевич) — также не была лишена литературных амбиций. Один из французских сентиментальных романов «Пример матерям» был опубликован в ее переводе в 1791. Киянская находит любопытные параллели между романом и судьбой переводчицы и заключает, что в «Примере матерям» мать трех декабристов показывает «какими качествами должен обладать добродетельный и образованный молодой человек» (С. 111). Т.е. для образованных людей той эпохи литература, наряду с историей, была «наставницей жизни». Сведения о родственном окружении дают представление о том, каким образом семейное воспитание повлияло на взгляды будущего декабриста. Литературно ориентированная педагогика Анны Семеновны и «либерализм» в рамках дозволенного Ивана Матвеевича прямо сказались на том, что Сергей Муравьев-Апостол не только получил хорошее образование («по памяти цитировал Вергилия, Горация, Овидия, Мольера и того же Карамзина» (С. 125)), но и всерьез увлекся освободительными идеями, а отцовская «экономическая политика», сводившаяся к более чем скромному содержанию детей, косвенно побуждала сделать стремительную карьеру в результате революции.

Второй этап «социализации» — учеба, которую Матвей и Сергей начали в парижском частном пансионе Хикса, где они учились «наиболее латинскому и греческому языкам». Вернувшись в Россию, они продолжили обучение в Институте инженеров путей сообщения. Матвей учебную программу «ниасилил», а Сергей успешно сдал выпускные экзамены и в мае 1812 был произведен в подпоручики инженерной службы.

Знаменитый афоризм: «Мы были дети 12-го года», — принадлежит Матвею Муравьеву-Апостолу. Оба брата достойно (с ранами и наградами) прошли и этот этап «школы жизни». Победа над Наполеоном приучила «молодых дворян к мысли, что от их личной воли, старания, мужества зависит судьба отечества» (С. 195).

Эта мысль в итоге привела группу «молодых ветеранов» наполеоновских войн, включая Матвея и Сергея, к решению создать в начале Союза спасения или верных сынов отечества (1816–1817), а потом — Союз благоденствия (1818–1821). Братья особой активности в этих тайных обществах не проявляли. Единственно, в ходе собрания, где обсуждался план цареубийства (так называемый «московский заговор» 1817), Матвей зачитал письмо приболевшего Сергея, в котором тот высказался против этого плана, видя «скудность средств их и совершенную невозможность начинания какого-либо действия». Т.е. братья стремились охладить горячие головы, готовые обнажить «цареубийственный кинжал».

Возможно, что Сергей и его старший брат постепенно «отклонились» бы

от заговора, как это сделали многие участники ранних тайных обществ. Но вмешался случай. Солдаты лейб-гвардии Семеновского полка, где служили братья, взбунтовались в ночь с 16 на 17 октября 1820. Члены тайного общества, скорее всего, не имели непосредственного отношения к «Семеновской истории». С.И. Муравьев-Апостол, как и другие офицеры, тщетно пытался тогда удержать своих подчиненных в повиновении. Мнительный Александр I воспринял солдатский протест против жестокого обращения командира полка Ф.Е. Шварца как часть обширного заговора, едва ли не руководимого «мировой закулисой». Распорядился строго наказывать зачинщиков и разбросать солдат и офицеров по различным армейским частям. Сергей и, что вдвойне несправедливо, Матвей, который во время Семеновской истории вообще находился далеко от Петербурга, были исключены из гвардии и переведены в армию. На успешной военной карьере братьев был поставлен крест.

Единственным намеком на то, что за солдатами мог стоять кто-то из «образованных», стали анонимные прокламации, найденные уже после подавления бунта. Первая из них была обнаружена в конце ноября 1820 во дворе казарм Преображенского полка. Н.К. Шильдер и В.И. Семейский усматривают текстуальные совпадения между этой прокламацией и знаменитым «Православным катехизисом», сочиненным С.И. Муравьевым-Апостолом совместно с другим бывшим семеновцем М.П. Бестужевым-Рюминым и зачитанным перед солдатами Черниговского полка 31 декабря 1825. Киянская упоми-

нает об этих «странных сближениях» и отмечает, что «с текстом прокламаций Сергей Муравьев-Апостол был знаком» (С. 267), не вступая в текстологический спор с предшественниками. Если их версия справедлива, то маловероятно, что Сергей Иванович был лишь читателем прокламации от ноября 1820, которая так его «всего перепахала», что он запомнил ее положения и воспроизвел их пять лет спустя в «Катехизисе». Более вероятно, что автор «прелестного письма» 1820 года, адресованного солдатам-преображенцам, в 1825 воспроизвел свои излюбленные тезисы, обращаясь к восставшим солдатам-черниговцам. В пользу этой версии свидетельствует донос от 13 декабря 1825, согласно которому С.И. Муравьев-Апостол в 1820 показывал неназванному каптенармусу Семеновского полка «письма, которые писали семеновцы преображенцам, прося защитить их» (*Мандрыкина* 1954: 120). Речь могла идти об унтер-офицере Бобровском, каптенармусе роты, которой командовал Муравьев. В декабре 1820 по приказу своего командира, снабдившего Бобровского «чужим мундиром и фальшивым удостоверением», тот пробрался в Петропавловскую крепость, встретился там с арестованными однополчанами и «принес на волю разные слухи, ходившие среди семеновцев» (С. 266). Возможно, будущий вождь «южного бунта», в отличие от соратников по тайному обществу, не испугался «движения народных масс» в солдатских шинелях и пытался по горячим следам, скорее всего в одиночку, трансформировать «Семеновскую историю» в «военную революцию». В рецензируемой книге Киянская не рассматривает версию о том,

что прокламацию 1820 и Катехизис 1825 мог писать один человек. Было бы замечательно, если бы проверка данной гипотезы стала темой одной из ее будущих публикаций.

Киянская подчеркивает, что оказавшись, по сути, в ссылке (ведь Пушкина в 1820 тоже формально перевели на Юг служить под началом И. Н. Инзова), Сергей Муравьев «обдумывал житье» и заново решал «делать жизнь с кого». Для этого он занимался по его словам «философским изучением истории», читал «Теогонию» Гесиода, где повествуется о происхождении не только богов, но и *героев*, а также Маккиавели, который в трактате «Государь» пишет, в частности, о тех, «кто приобрел власть не милостью судьбы, а личной доблестью». Первым в череде таких людей Макиавелли называет библейского пророка Моисея, сделавшегося «достойным беседовать с Богом». «Личная доблесть» макиавелевского Моисея, предшественника Наполеона, глубоко запала в душу «неверноподданного». В мае 1821 опальный заговорщик пишет папеньке: «Надо поступать как Моисей». В этом же письме Муравьев-сын формулирует свое понимание теории «Героя и толпы»: «Люди делятся на два класса: одни рождены, чтобы управлять, другие — быть ведомыми». Разумеется, что себя «Апостол Сергей» относил к рожденным управлять прирожденными рабами в духе: «Я заставлю вас быть свободными!» Сочетание религиозных образов с либеральными идеями было приметой времени. Один из современников — А. С. Стурдза — писал тогда: «Христианство — это религия свободы!» Этот религиозно-

либеральный симбиоз эпохи позже в частности воплотился в знаменитом «Православном катехизисе».

Религиозная вера в свободу побуждала к действию. С. И. Муравьев-Апостол вместе с другим «репрессированным» семеновцем М. П. Бестужевым-Рюминым «развернули агитацию». Создали Васильковскую управу тайного общества, вели переговоры с поляками о совместных действиях, приняли в состав своего заговора членов Общества соединенных славян, разрабатывали план мятежа в Лещинском лагере (лето 1825) и похода на Петербург.

Это все хорошо известно. Но совсем не известна деятельность С. И. Муравьева-Апостола в качестве *презуса* — председателя комиссии военного суда. Киянская нашла архивные документы о том, как был спасен от тюремного заключения и позора оклеветанный майор Борщов. Это расследование, потребовавшее от «презуса» значительных затрат времени и сил, демонстрирует огромный запас совсем не абстрактного гуманизма у руководителя Васильковской управы, который «добиваясь справедливости, был внимательным, требовательным, не жалевшим ни себя, ни других» (С. 432).

Узнав о поражении восставших 14 декабря в Петербурге, руководители Васильковской управы решили не сдаваться и все-таки воплотить свою давнюю мечту, произвести «военную революцию» по примеру испанского бунтовщика Риего. Они попытались заручиться поддержкой других членов тайного общества, в том числе двоюродного

брата Муравьева-Апостола командира Ахтырского гусарского полка А. З. Муравьева, но везде потерпели неудачу. Потом Сергей вместе с братом Матвеем были арестованы. Они, как и Пестель в окрестностях Тульчина, не оказали сопротивления при аресте. На этом все должно было закончиться. Но тут вмешалась «роль личности в истории». Четверо членов тайного общества ворвались в хату, где Сергей Муравьев мирно пил чай с арестовавшим его командиром Черниговского полка Г. И. Гебелем и начали избивать последнего. Теперь пути назад не было. Начала вершиться «военная революция», о которой столько мечтали декабристы.

Как объяснить солдатам, что необходимо повиноваться революционному командиру? В Петербурге заговорщики цинично использовали солдатскую массу, объявляя, что хранят верность присяге «истинному императору» Константину I, и в итоге поставили «служивых» под правительственную карточку. Возвышенный «Апостол Сергей» не мог позволить, чтобы лживые средства оправдывали великую цель. Его и Бестужева-Рюмина «Православный катехизис», где со ссылками на Библию утверждается, что народ имеет право свергнуть несправедного царя, был зачитан перед строем: «Во втором часу зимнего дня на городской площади был провозглашен единым царем Вселенной Иисус Христос» (П. Е. Щеголев). Но «стихийный монархизм» глубинного солдатского народа не позволил воспринять идеи народоправства в религиозной упаковке. Видя, что рядовые «военной революции» ропщут, их командир «опять возобновил внушения свои насчет

соблюдения присяги, данной Цесаревичу». Но было поздно. Солдаты поняли, что батальонный командир не поставлен командовать полком царским соизволением. Он — самозванец. Сразу же начались пьянство и мародерство. Муравьев не решился показательно расстрелять первых мародеров. Напротив, пытался подкупать подчиненных денежными подношениями. Восставшая боевая единица стремительно теряла управление. Последним актом этой отнюдь не оптимистической трагедии стал марш пехоты по открытому полю навстречу правительственным войскам — кавалерии и артиллерии. Этот безумный с военной точки зрения маневр Киянская объясняет вслед за Эйдельманом «диалектической» революционной логикой: Муравьев надеялся, что члены тайного общества славяне-артиллеристы побудят правительственные войска переменить сторону. Считаю, что с не меньшей долей вероятности возможна и другая интерпретация: главарь шайки пьяных мародеров, в которую превратился Черниговский полк, не знал как прекратить бунт «без царя в голове» и предпочел ужасный конец ужаса без конца.

Потом были следствие, суд, казнь, когда «виселица — по словам Герцена — превращается в Крест», и пребывание в благоговейной памяти поколений русской интеллигенции, которая, увы, «была навсегда, пока не кончилась». Именно запросы «целевой аудитории», поднаторевшей находить антисоветские «аллюзии» в «неконтролируемом подтексте», даже в тех случаях, когда их в действительности не было, во многом обусловили успех эйдельмановской

«повести о Сергее Муравьеве-Апостоле» в 1975. После 1991 наша святая интеллигенция трансформировалась по своим ценностям установкам и поведенческим стандартам в нижний слой среднего класса, т. е. в мелкую буржуазию или попросту в мещанство. Поэтому книга Оксаны Ивановны о герое-идеалисте, у которого «жертвенность органично сочеталась <...> с уверенностью в том, что ход мировой истории определяют сильные личности» (С. 380), не может вызвать резонанс в наших безжертвенных душах, коррумпированных консюмеризмом. Сегодня больше интереса вызывают деятели прошлого «с червоточиной», вроде героев предыдущих биографических исследований Киянской — Пестеля и Рылеева, считавших, что благая цель оправдывает криминальные средства. Но это никак не отменяет достоинств новаторской книги, повествующей о том, как «чистый герой» (З. Н. Гиппиус о декабристах) гибнет в столкновении с «объективной реальностью, данной нам в ощущении».

К недостаткам рецензируемой работы я в первую очередь отнес бы ее объем — 768 страниц. Он обусловлен попыткой сочетать несочетаемое: биографию одного из руководителей тайных обществ с историей тайных обществ. Это приводит к тому, что автор то и дело забывает о своем герое и повествует о событиях, к которым тот не имел непосредственного отношения. В результате нарушения единства времени, места и действия «арка героя» распадается на куски.

Сами по себе исторические экскурсы чрезвычайно интересны. Я бы отме-

тил две продуктивных гипотезы, существенно меняющие наши традиционные представления.

Первая — указывает на связь между учреждением Союза благоденствия и деятельностью «суперминистерства» духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, вокруг которого было учреждено несколько «неправительственных организаций»: Библейское общество, Вольное общество любителей российской словесности, Общество для заведения училищ по методу взаимного обучения («ланкастерские школы») и ряд филантропических организаций. Декабристы не только участвовали в работе упомянутых обществ, но структура Союза благоденствия во многом совпадала с направлениями деятельности и министерства, и названных «NGO». Другая возможная связь, по мнению Киянской, — это активизация деятельности северных декабристов в 1823 в контексте обострения борьбы царских фаворитов Голицына и Аракчеева.

Вторая гипотеза связана с деятельностью С. П. Трубецкого. В начале 1825 он неожиданно переводится из столицы в Киев. Киянская считает, что одной из причин было стремление нейтрализовать ищек политической полиции. Она даже намекает, что Сергей Петрович мог отравить генерал-полицимейстера 1-й армии Ф. Ф. Эртеля (С. 527). Другая причина — «гедиминовича» Трубецкого не вдохновляло сотрудничество с дворянской «мелкотой» вроде Рылеева и Бестужевых. В Киеве он, возможно, вошел в сговор с командующим 4-м пехотным корпусом

А.Г. Щербатовым, а также старался ссорить Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина с Пестелем, чтобы нейтрализовать «наполеоновские» амбиции последнего. В Петербурге во время междуцарствия Трубецкой предлагал вывести войска за город и оттуда начать переговоры с Николаем. Киянская допускает, что тем самым князь стремился не допустить к власти рылеевскую «клику». Он отправил гонцов в Москву к генералу М.Ф. Орлову с приглашением возглавить загородный лагерь восставших, а также на юг к Муравьеву-Апостолу и Щербатову, поход которых на столицу империи мог кардинально изменить расстановку восставших сил в Петербурге.

Разумеется, эти гипотезы нуждаются в тщательной проверке. Но уверен, что даже если они не подтвердятся, то будет обнаружен важный материал, по-новому освещающий историю тайных обществ.

На мой взгляд, Оксане Ивановне стоит представить сюжеты из истории тайных обществ, рассмотренные в рецензируемом издании, в составе фундаментальной монографии по истории тайных обществ. Истори-

ки чрезвычайно нуждаются в подобном исследовании. Ведь после выхода обобщающего двухтомника М.В. Нечкиной «Движение декабристов» прошло уже почти семьдесят лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Киянская 2023 — *Киянская О.И.* Люди двадцатых годов. Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. Москва: РИПОЛ классик, 2023.

Мандрыкина 1954 — *Мандрыкина Л.А.* Агитационная песня «Вдоль Фонтанки реки» и участие А.И. Полежаева в ее распространении // *Литературное наследство*. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 59. С. 101–122.

Эйдельман 1975 — *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М.: Политиздат, 1975.

REFERENCES

Kiyanskaya O.I. *Ljudi dvadcatyh godov. Dekabrist Sergej Murav'ev-Apostol*. Moskva: RIPOL klassik, 2023.

Mandrykina L.A. Agitacionnaja pesnja «Vdol' Fontanki reki» i uchastie A.I. Polezhaeva v ee rasprostranenii // *Literaturnoe nasledstvo*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 59. S. 101–122.

Eidel'man N.Ja. *Apostol Sergej. Povest' o Sergee Murav'ev-Apostole*. M.: Politizdat, 1975.

А. Ю. Перетяцько

ПОВСТАНЕЦ И ПОВСТАНЧЕСТВО В НАРРАТИВАХ ДОНСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ АВТОРОВ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация: В статье разбирается отношение донских дореволюционных авторов к Кондратию Булавину. Вопреки встречающемуся в современной историографии мнению, до 1917 г. отношение донских казачьих авторов к К. А. Булавину не было ни однозначно положительным, ни однозначно отрицательным, хотя преобладала его негативная оценка. Для объяснения этого в статье используется концепция А. Каппелера, предполагающая существование трех систем казачьих мифов: системы, ориентированной на свободолюбие, системы ориентированной на служение Империи и промежуточной между ними амбивалентной системы. Показано, что первая масштабная история донского казачества, написанная донским казаком, «История о Донском войске» А. Г. Попова (1810 гг.), основывалась на имперской системе мифов, и предлагала однозначно негативную характеристику К. А. Булавина как властолюбивого изменника, а Империю, напротив, трактовала как безусловную положительную ценность. В 1820 гг. было написано консенсусное и основополагающее для исторической памяти образованного донского казачества XIX в. «Историческое описание Земли Войска Донского», содержательно крайне амбивалентное: в нем де-факто осуждается как К. А. Булавин, по-прежнему позиционирующийся как изменник, так и Империя, жестоко нарушавшая казачьи права. Единственными положительными героями оказываются сохранившие верность Империи казаки. Только с 1880 гг. начинается реабилитация К. А. Булавина в донской историографии, достигшая пика в «Истории казачества» Е. П. Савельева (1910 гг.): в ней К. А. Булавин уже однозначно положительный персонаж, защитник исторической донской свободы, Империя — зло, а предателями оказываются верные ей казаки. Тем не менее, даже Е. П. Савельев не верил в возможность успеха Булавинского восстания

и оправдывал казаков, которые вели переговоры с Империей не из верности ей, а чтобы спасти Войско от будущих репрессий. Это позволяет говорить о своеобразном «имперском фатализме» донской историографии до 1917 г.: повстанчество в ней могло интерпретироваться как измена, могло подаваться как подвиг, но даже в антиимперских нарративах единственное восстание Донского Войска против Империи представало заведомо обреченным.

Ключевые слова: донское казачество, повстанчество, К. А. Булавин, системы казачьих мифов, Российская империя, историческая память, А. Каппелер

Сведения об авторе: Перетьяко Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Южного федерального университета. Email: ArtPeretatko@yandex.ru

A. Yu. Peretyatko

REBEL AND REBELLION IN THE NARRATIVES OF THE DON PRE-REVOLUTIONARY AUTHORS: SOME OBSERVATIONS

Abstract: The article deals with the attitude of the Don pre-revolutionary authors towards Kondraty Bulavin. The attitude of the Don Cossack authors towards K. A. Bulavin was not unambiguously positive, contrary to the opinion found in modern historiography: in fact, until 1917, his negative assessment prevailed in the narratives of the Don Cossacks. To explain this, the article uses the concept of A. Kappeler, which suggests the existence of three systems of Cossack myths: a system oriented towards love of freedom, a system oriented towards serving the Empire, and an ambivalent system intermediate between them. The first systematic history of the Don Cossacks written by a Don Cossack, «The History of the Don Host» by A. G. Popov (1810), was based on the imperial system of myths, and offered an unambiguously negative characterization of K. A. Bulavin as a power-hungry traitor, and the Empire, on the contrary, was interpreted as an unconditional positive value. In the 1820s «Historical description of the Land of the Don Cossacks» was written. This text was consensus and fundamental for the Historical culture of the educated Don Cossacks of the 19th century. It is extremely ambivalent in content: it de facto condemns both K. A. Bulavin, who is still positioned as a traitor, and the Empire, which cruelly violated Cossacks' rights. The only positive characters are the Cossacks who remained loyal to the Empire. Rehabilitation of K. A. Bulavin in the Don historiography begins only in the 1880s. This rehabilitation reaches its peak in the «History of the Cossacks» by E. P. Saveliev (1910): in it K. A. Bulavin is already an unambiguously positive character, a defender of the historical freedom of the Don, the Empire is evil, and the Cossacks loyal to it turn out to be traitors. However, even E. P. Saveliev did not believe in the possibility of success the Bulavin uprising and justified the Cossacks who negotiated with the Empire not out of loyalty to it, but in order to save the Host from future repressions. This allows us to talk about a kind of «imperial fatalism» of Don historiography before 1917: the insurgency can be interpreted as treason or it can be presented as a feat, but even in the anti-imperial narratives the only uprising of the Don Host against the Empire appears to be obviously doomed.

Keywords: Don Cossacks, rebellion, K. A. Bulavin, systems of Cossack myths, Russian Empire, Historical culture, A. Kappeler

Corresponding autor: Peretyatko Artem Yurievich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Senior Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don. Email ArtPeretatko@yandex.ru

В книге «Казачество. История и легенды» одного из авторитетнейших и интереснейших европейских исследователей Российской империи А. Каппелера сформулирована идея о существовании двух систем казачьих мифов. Первая из этих систем, ставшая затем «главным украинским национальным историческим мифом» (оговорим, что здесь речь идет о мифе не в смысле выдумки, но в смысле национальной мифологии, ключевых и легендаризированных элементов исторической памяти), акцентирует внимание на казачьей свободе и равенстве: «Свобода, индивидуализм и демократия противопоставляются несвободе, коллективизму и самодержавию у русских, православие, равенство и братство отграничивают их от католической аристократической Польши» (Кappeler 2014: 77–79). Напротив, русские казачьи мифы «амбивалентны»: хотя в них присутствует тема казачьей вольности, русское казачество является и частью «имперского мифа», причем именно имперский аспект казачьей исторической памяти все в большей степени продвигается современным российским государством (Там же: 79–81).

Таким образом, фактически существуют даже не две, а три системы казачьих мифов, каждая из которых относительно непротиворечива, содержит свой набор моделей поведения и аксиологических ценностей.

Это система казачьих мифов, ориентированных на свободолобие (далее для краткости мы будем обозначать ее как миф о Свободе), система казачьих мифов, ориентированных на служение империи (далее для краткости мы будем обозначать ее как миф о Империи) и промежуточная, амбивалентная система казачьих мифов, соединяющая в себе вольнолюбивые и имперские концепты.

Сопоставление этих систем казачьих мифов является важным и перспективным, но почти не разработанным направлением исследований. Миф о Свободе и миф о Империи предполагают совершенно различные системы ценностей, предполагающие диаметрально противоположные представления о добре и зле. При этом амбивалентный миф, существующий на их стыке, оказался неожиданно устойчивым и преобладающим среди российских казаков.

Поскольку каждая из трех систем казачьих мифов предлагает свою систему ценностей, различия между ними носит фундаментальный характер. Речь идет не о историографических оценках, но о вариантах мировоззрения, делающих неизбежными те или иные оценки событий прошлого. При этом все три системы казачьих мифов берут начало в XIX в., но сохранили актуальность до наших дней, а многие созданные донскими казаками тексты не просто далеки от

научности, но и терминологически запутаны. На эту запутанность обращал внимание еще М.Е. Салтыков-Щедрин, указывавший на неверное употребление слова «патриотизм» донским общественным деятелем Н.И. Красновым: «Г. Краснов, первоначально напечатавший свою невинную статью в «С.-Петербургских ведомостях», говорит в ней совсем не о сепаратизме, а об устарелости и бесполезности некоторых исключительных привилегий, которыми пользуется Земля Войска Донского, и только по неловкости, свойственной всем вообще литераторам-обывателям, объясняет эту привязанность донца к привилегиям каким-то «местным патриотизмом» (*Салтыков-Щедрин 1864: 7*). В результате исследователь, пытающийся проанализировать системы казачьих мифов, а не отдельные тексты донских авторов, сразу же оказывается в крайне сложной ситуации.

Ограничимся одним, наиболее очевидным примером. Дореволюционные авторы, являвшиеся носителями мифа о Империи, часто интерпретировали ее в рамках знаменитой уваровской триады «самодержавие, православие, народность». Так, В.М. Пудавов в одном из своих текстов прямо утверждал, что «тут (на Дону — А.П.) три единства Руси: вера, монархия, народность» (*Пудавов 1895: 5*). Современные казачьи авторы, несущие миф о Империи, трактуют ее в рамках официального дискурса Российской Федерации. И преподаватель Первого казачьего университета, А.П. Комаров, ссылаясь как раз на В.М. Пудавова, утверждает: «Важнейшими социальными и духовными установками казаче-

ства были: охрана государственных устоев, обеспечение единства и целостности страны, сохранение ее подлинного суверенитета» (*Комаров 2017: 77*). Подобное превращение самодержавия, православия и народности в территориальную целостность и подлинный суверенитет может показаться не более, чем забавным казусом. Однако на сущностном уровне В.М. Пудавов и А.П. Комаров действительно описывают основополагающую ценность определенной части казаков: ценность служения сильному государству, Империи, как бы она не называлась. И более, чем логично, что, будучи преданными Империи, они используют в своих текстах именно ту терминологию, которая соответствует текущему имперскому дискурсу.

Таким образом, ценностные системы казачьих мифов в своем историческом развитии оказывались встроенными в совершенно различные дискурсы (от монархического до советского, от православного до западного либерального). Носители этих систем написали огромное количество текстов, причем обычно достаточно небрежных в терминологическом плане. В итоге нарративы, созданные в рамках одной системы казачьих мифов, представляют собой не терминологическое или концептуальное, но ценностное единство: казак-монархист XIX в. и преподаватель-философ XXI в. интерпретируют Империю совершенно по-разному, но не мыслят настоящее, подлинное казачество без служения имперскому государству. Соответственно, попытка исследовать системы казачьих мифов оказывается крайне проблематической уже на методологиче-

ском уровне, и историки казачества часто предпочитают фрагментарный подход, анализируя не эволюцию общественной жизни казачества в течение длительных периодов, но творчество отдельных персоналий.

И все же мы решили поделиться некоторыми наблюдениями о том, как в дореволюционных нарративах донских казаков интерпретировалась фигура повстанца — и сделать из этого некоторые выводы. Мы понимаем, что некоторые из этих выводов могут показаться спорными или чересчур обобщающими. Однако, на наш взгляд, мифологию казачества необходимо начать осознанно изучать, несмотря на все методологические проблемы подобного исследования. В конце концов, как справедливо утверждает А. Каппелер, «мифы не только объект духовного и литературно-исторического интереса, они сами движущая сила истории» (Каппелер 2014: 80).

ПОВСТАНЦЫ В КАЗАЧЬИХ МИФАХ О ИМПЕРИИ И СВОБОДЕ

В мифах об Империи и Свободе роль повстанца приобретает почти трансцендентный, но по-разному трактуемый смысл. Отметим, что сам термин «повстанец» представляется нам неоптимальным обозначением для описываемого нами феномена. Вероятно, более адекватным российской историографической традиции было бы использование термина «бунтарь». Однако он сам по себе несет определенную семантическую окраску: все бунты в истории России были подавлены, и, соответственно, используя термин «бунтарь», мы чи-

сто лексически подразумеваем заведомую неудачность попыток рассматриваемой нами персоны победить в своей борьбе с властью. С другой стороны, не менее семантически окрашенным представляется нам и термин «революционер», сакрализовавшийся в советское время и демонизируемый в современной Российской Федерации. Поэтому мы будем говорить именно о «повстанце», используя максимально нейтральную коннотацию для человека, осознанно поднимавшего вооруженное восстание против Империи.

Важнейшим повстанцем донской истории был Кондратий Булавин. Еще Н. И. Краснов в 1860 г. позиционировал Булавинское восстание как единственный бунт против Империи собственно донских казаков, попытку части казаков «силой оружия отстаивать свои права и преимущества», в то время как более масштабные восстания С. Т. Разина и Е. И. Пугачева он относил «не истории донского казачества в особенности, а всеобщей истории России», рассматривая их как следствие более широкого набора причин, затронувших не только казачество (Краснов 1864: 210–211). Кроме того, К. А. Булавин был единственным донским повстанцем, который захватил Черкасск, взял под свой контроль войсковые институты и использовал их в войне против России. Поэтому отношение донских авторов к повстанчеству мы будем рассматривать на его примере: других повстанцев вообще можно было изъять из донской истории, как это сделал, например, авторитетный донской статистик С. Ф. Номикосов, в своем фундаментальном «Статистическом описании

Области Войска Донского» интерпретировавший С.Т. Разина как «воровского атамана», связанного с Доном только тем, что он пытался вербовать тут сторонников, но был захвачен и выдан царю донскими казаками (*Номикосов* 1884: 19).

Оговорим при этом, что нас в рамках данной статьи не интересует ни реальная история Булавинского восстания, ни его историография в целом (тем более, что системный анализ данной историографии был предпринят в 2022 г. О.Г. Усенко (*Усенко* 2022а: 138–157; *Усенко* 2022б: 75–91)). Мы сознательно ограничиваем свое исследование дореволюционными нарративами донских казаков, зачастую ненаучными и малоинтересными с точки зрения истории собственно восстания К.А. Булавина. Нас будут интересовать не описания данного восстания, выполненные донскими авторами-любителями, чиновниками или офицерами на заведомо недостаточной источниковой базе, но те аксиологические нормы, которые стояли за этим описанием, те трактовки феномена повстанчества, которые предлагались конкурирующими системами казачьих мифов.

В современных работах встречается ошибочное утверждение о том, будто бы для донских казачьих авторов универсалией является безусловно положительное отношение к К.А. Булавину (*Симонова* 2016: 127). На самом деле ситуация намного сложнее. Наиболее показателен случай П.Н. Краснова. В 1943 г. этот одиозный деятель и яркий писатель выступал за независимость Дона от России — и в его работах этого вре-

мени К.А. Булавин «представлен как защитник исторических прав и свобод казачества от посягательства российского царя» (Там же: 123). Но несколькими десятилетиями раньше, в 1909 г., тот же П.Н. Краснов, бывший тогда лояльным Империи офицером, давал К.А. Булавину диаметрально противоположную характеристику: «А ведь Булавин желал пользы войску... Но он не понял, что сыну нельзя восставать на мать, а Тихий Дон, искони русский — не мог и не должен был идти против России» (*Краснов* 1909: 156). Для нас особенно важно, что в текстах П.Н. Краснова 1909 г. и 1943 г. событийная канва восстания К.А. Булавина почти идентична: донской атаман поднимает оружие против России, чтобы защитить народные права от посягательств русского правителя. Но в 1909 г. мыслящий в рамках мифа о Империи автор безоговорочно осуждает повстанца, прямо указывая, что у русского казака нет права на восстание против власти. А в 1943 г. тот же автор, опираясь на миф о Свободе, защищает право казака на восстание против угнетающей его российской власти. Как мы видим, амбивалентность русских казачьих мифов порождает противоречия даже внутри творчества одного автора.

Обратим внимание также на то, что вскоре после восстания К.А. Булавина в Украине произошло выступление И.С. Мазепы. Некоторые донские авторы даже связывали эти два выступления, утверждая, будто бы за донским атаманом стоял украинский гетман (*Краснов* 1882: 147; *Попов* 1816: 268). Между тем один из важнейших повстанцев украинской

истории, И. С. Мазепа, в имперской российской историографии получил совершенно однозначную оценку и стал символом предательства. Сравнение гетмана с величайшим предателем в христианской истории, Иудой, начало использоваться еще при его жизни (Антонов, Майзульс 2013: 204–205). Автор первого большого труда о Петре I, И. И. Голиков, даже не пытаясь изображать объективность, тоже именовал И. С. Мазепу «вторым Иудой» (Голиков 1838: 26). Обращение И. И. Голикова к христианской риторике было принципиально важным: в своем нарративе он исходил из сакральности Петра I и, через него, России как государства, соответственно, трактуя предательство И. С. Мазепы не только как светское, но и как религиозное. Так, заявив, что Петр I извлек выгоды от предательства И. С. Мазепы, захватив хлебные запасы, заготовленные им для шведов, далее И. И. Голиков вопрошал: «Не ощутительное ли же проведение Божия, управляющего жребием смертных, доказательство? И не явное ли оно покровительство искушенному бедствиями яко злату в горниле, по словам Святого Писания, Помазаннику своему?» (Там же: 25–26).

Как мы видим, в рамках мифа о Империи фигура повстанца легко превращается в фигуру предателя. Более того, Империя, против которой он обратил оружие, в рамках своего мифа приобретает дополнительные иррациональные положительные смыслы: она отождествляется с матерью (у П. Н. Краснова в творчестве до 1917 г.) или связывается с Богом через фигуру Помазанника (у И. И. Голикова). И тогда

повстанец оказывается не просто предателем, но человеком, покушавшимся на матереубийство или на вероотступничество. В итоге фигура повстанца в рамках мифа о Империи осуждается не рационально, не в связи с последствиями его дел, но эмоционально и даже трансцендентно, а повстанчество становится страшнейшим преступлением. Разумеется, возможны и иные трактовки фигуры повстанца в имперской мифологии, однако даже частичная реабилитация повстанца в их рамках часто идет через смягчение собственно повстанческой роли, объяснение восстания не коварным умыслом, но глупостью или ошибкой. Так, тот же П. Н. Краснов в 1909 г. указывал в качестве смягчающего обстоятельства для С. Т. Разина на то, что последний якобы учинил бунт, когда «стал пьянствовать», а до этого совершил множество славных для России и казачества дел (Краснов 1909: 123–124). Казачий миф о Свободе предполагает диаметрально противоположную аксиологическую систему. В его рамках главной ценностью оказывается казачья вольность, а любая Империя, соответственно, выступает в роли разрушителя этой вольности. Подобный миф имеет много общего с той распространенной во многих национальных историографиях Восточной Европы концепцией, которую М. фон Хаген остроумно назвал «лакритоге́незисом»: в рамках этой концепции историк позиционирует «нации региона невинными жертвами других народов в череде героических, но безусловно трагических схваток за национальную независимость <...>, пока свет освобождения не восстановил их давно угнетаемое достоинство» (Фон Хаген 2000: 60).

Соответственно, в рамках такого мифа повстанец, каковы бы ни были его истинные мотивы, интерпретируется как человек, поднявший оружие за свою независимость против главного мифологического зла, захватнической Империи — и становится положительным мифологическим героем. Миф о Свободе начал распространяться среди донских казаков до 1917 г., поэтому ошибочно и другое встречающееся в современных работах утверждение, о том, будто бы универсалией для дореволюционных авторов было негативное отношение к К.А. Булавину, выражавшееся в сведении его мотивации начала восстания к личным злодейству и корысти (Усенко 2022b: 75).

Здесь, вероятно, лучшей иллюстрацией будет предание, которое основоположник донского национализма Е.П. Савельев приводит в своей главной книге «Древняя история казачества», ссылаясь на некую «неизданную старую рукопись» (Савельев 1991: 407). Это заведомая выдумка, которую не рискнул признать достоверной даже автор, весьма далекий от науки, но выдумка красивая и хорошо показывающая отношение донских казаков-носителей мифа о Свободе к донским казакам-носителям мифа о Империи: «С Булавиным была переодетая в казацкое платье его дочь Галя. Она вместе рубилась с отцом и, раненая, падая, вскричала: “Отец, спасенья нет”. Потом, видя, что отец взвел курок, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь, воскликнув, обращаясь к изменникам: “Рабы, рабы, презренные и жалкие рабы! Смотрите, как умирает свободная казачка”» (Там же). Обратим внимание на терминологию автора.

Предателями, дословно «изменниками», оказываются уже верные Империи казаки, убивающие К.А. Булавина и тем самым предающие казачью свободу. Но при этом сражающаяся с ними девушка в качестве главного обвинения указывает врагам не на их предательство, но на их рабство. Таким образом, система оценок снова смещается в область иррационального: независимо от реальных результатов, служба Империи позиционируется как добровольное рабство, и, соответственно, добродетелью становится протест против него.

С научной точки зрения основоположник украинской историографии М.С. Грушевский является фигурой совершенно иного масштаба, чем Е.П. Савельев. Однако заслуживает внимания, что их моральные оценки повстанчества хотя и не идентичны, но близки. В «Очерке истории украинского народа» М.С. Грушевский отказывается считать действия И.С. Мазепы изменой, доказывая, что «изменой» (в кавычках) действия украинского гетмана выставляли только представители имперской власти, а «в действительности эта “измена” дискредитировала только централистическую политику правительства, без конца испытывавшую терпение даже самых невзыскательных представителей украинской старшины и украинского населения вообще» (Грушевский 1990: 244). И у М.С. Грушевского, и у Е.П. Савельева вина за «измену» снималась с повстанцев, которых обвиняли в ней носители имперского мифа, к этому времени уже подробно разработанного, а виновными в восстании объявлялись сами имперские власти, грубо нарушавшие права местных жителей.

Любопытно, что М.С. Грушевский, как и Е.П. Савельев, счел нужным в контексте восстания казаков против Петра I привести заведомое предание, считая, что это предание важно для понимания отношения местных жителей к Империи: «В позднейшей легенде он (П.Л. Полуботок — А.П.) произносит перед Петром смелую обличительную речь, упрекая в утеснении Украины, и за это грозный царь обрекает его на муки и смерть; но узнав о тяжелой болезни Полуботка, Петр навещает его в крепости, ищет примирения; Полуботок отказывает в нем, говоря, что Петра (императора) и Павла (Полуботка) рассудит Бог; и действительно — вслед за гетманом Павлом пред лицо предвечного судии последовал и царь Петр» (Там же: 254). При всем различии донского предания о Гале Булавиной и украинского предания о П.Л. Полуботке, их роднит одно: погибшие защитники традиций казачества от притеснений центральной власти (независимо от использовавшихся ими методов) объявляются бесспорными героями, а сторонники империи — злодеями. При этом украинское предание интересно еще и как альтернативная интерпретация вмешательства Бога в противостояние Петра I и украинских гетманов. Если в русской историографии еще И.И. Голиков пытался доказать, что власть Петра I была благословлена Богом, и поэтому пошедший против нее И.С. Мазепа стал «вторым Иудой», то в украинской народной памяти Бог становится на сторону П.Л. Полуботка, призывая императора Российского на высший суд после того, как он фактически незаконно замучил гетмана. «В интеллигентских домах Украины XVIII и первой половины XIX в. был очень

распространен портрет Полуботка с подписью “из речи, говоренной Полуботком имп. Петру”: “Вступаючись за отчизну, я не боюсь ни кандалов, ни тюрьмы, и для меня лучше найгиршою смертю умерти, як дивитись на повсехну гибель моих землякив”. Портрет, впрочем, неверный (как думают — вместо Павла Полуботка взято изображение его отца)», — так закончил М.С. Грушевский раздел этой своей книги о И.С. Мазепе (Там же).

Итак, в рамках казачьего мифа об Империи главный повстанец донской истории, К.А. Булавин, неоднократно интерпретировался как предатель, причем образцом для подобной трактовки могли быть те модели, которые использовала российская имперская историография для описания выступления И.С. Мазепы (сам К.А. Булавин иногда рассматривался как ставленник И.С. Мазепы на Дону). В рамках же казачьего мифа о Свободе К.А. Булавин презентовался как герой, причем интерпретация его восстания все равно имеет определенное сходство с интерпретацией восстания И.С. Мазепы, но уже в украинской национальной, а не в российской имперской историографии. Однако нам представляется интересным проанализировать то, как именно реализовывались эти интерпретации в конкретных текстах, какие они приобретали дополнительные смыслы.

Мы решили выбрать для анализа три нарратива: первые обобщающие работы донских казаков о своей истории, выполненные в рамках мифа об Империи, амбивалентного мифа и мифа о Свободе. Это «История о Донском войске» А.Г. Попова,

«Историческое описание Земли Войска Донского» В.Д. Сухорукова и «История казачества» Е.П. Савельева. Последнюю работу мы уже частично рассматривали, но повторное обращение к ней связано с тем, что это фактически единственная обобщающая дореволюционная работа по истории донского казачества, основанная на мифе о Свободе. Выбор всего трех текстов может показаться недостаточным для обобщающих выводов. Однако, как мы помним, системы казачьих мифов предлагают совершенно разные системы ценностей. В результате та или иная оценка К.А. Булавина в каждом из разобранных нами текстов не случайна, но является проявлением основанного на соответствующей системе мифов мировоззрения. В других текстах носителей схожего мировоззрения К.А. Булавин рассматривается с аналогичных позиций. Кроме того, работы В.Д. Сухорукова и Е.П. Савельева сами стали основой для исторической памяти определенной части казачества в XIX в. и XXI в. соответственно, и значительно повлияли на мировоззрение и системы ценностей казаков. Поэтому, хотя всех вариантов отношения к К.А. Булавину различных донских авторов из анализа трех нарративов мы не уясним, данного анализа достаточно для понимания логики отношения к фигуре повстанца в трех системах казачьих мифов.

АПОФЕОЗ ИМПЕРИИ В «ИСТОРИИ О ДОНСКОМ ВОЙСКЕ» А.Г. ПОПОВА

Итак, К.А. Булавин поднял восстание и погиб за исторические права и вольности донского казачества. Но

это не помешало тем донским авторам, которые являлись носителями мифа о Империи, отрешившись от всякой исторической связи с ним. В 1860 г. И.С. Ульянов, кстати, «казакман», сторонник сохранения казачьих привилегий, в одном из своих текстов вовсе отказывал К.А. Булавину и его сторонникам в праве быть донскими казаками: «Много сходило на Дон всякого народа, и даже вольница эта иногда участвовала в набеггах и битвах как на прим. с Булавиным, но она жила особою от казаков жизнью. За нею-то Петр 1-й посылал на Дон Князей Долгоруких» (ГАРО: 238об-239). Подобная интерпретация восстания К.А. Булавина, исключаящая булавинцев из числа настоящих казаков, встречается в нарративах донских дореволюционных авторов неоднократно и восходит к первому тексту, написанному донским казаком об истории донского казачества, к «Истории о Донском войске» А.Г. Попова (1814–1816 гг.).

Первый том книги А.Г. Попова был издан, когда донские казаки поили коней из Сены после победы над Наполеоном, и был посвящен донскому атаману, легендарному М.И. Платову, который позднее сам стал ключевой фигурой казачьего мифа о Империи (Попов 1814: Б. с.). Служение Империи на рубеже XVIII–XIX вв. принесло всеевропейскую славу казакам и материальные выгоды донской элите: она получила дворянство (Сапожников 2017: 62–84), легализовала свое владение крепостными крестьянами и присвоила обширные необрабатываемые земли Юга России (Номикосов 1884: 38). Сам А.Г. Попов в полной мере получил выгоды от интеграции донского ка-

зачества в имперское пространство: он оказался в числе первых казаков, отправленных для получения образования в Московский университет, в двадцать два года был награжден Екатериной II «жалованной саблей в серебряном окладе», а затем сделал блестящую карьеру, став руководителем одной из войсковых «экспедиций» (отделов управления Войском), не достигнув и тридцатилетия (*Л.Б.* 1906: 50–53). Поэтому вполне закономерно, что в «Истории о Донском войске» в качестве настоящих казаков рассматриваются только преданные слуги Империи. Нет никаких оснований считать, что А.Г. Попов подстраивал свои взгляды под цензуру или пытался угодить властям: для человека его поколения с таким послужным списком, человека, который сам был лояльным чиновником, как раз логично рассматривать Империю в качестве благодетельной силы, давшей казакам славу и материальный достаток, принесшей на Дон просвещение и первые законы. А к К.А. Булавину (точнее, Буловину — такое написание в рассматриваемом нами тексте) А.Г. Попов имел еще и личные счеты: бунташный атаман казнил Никиту Саламатина, его прапрадеда (*Попов* 1816: 276).

Следует также отметить, что с научной точки зрения текст А.Г. Попова не выдерживает никакой критики. Научной историографии донского казачества к началу XIX в. не существовало, и создать систематический текст о прошлом Донского Войска можно было только на основе первоисточников. Но А.Г. Попов, ссылаясь на то, что большая часть материалов по донской истории погибла во время пожара войскового архива в 1744 г.,

предпочел обратиться к «словесным преданиям почтенных старожил» (и, как нам представляется, к своей фантазии) (Там же: V–X). В результате он обладал уникальной для донских авторов свободой в написании текста: «История о Донском войске» на момент публикации оказалась единственной напечатанной книгой по истории донского казачества, и ее автор не был скован никакими укоренившимися в исторической памяти или историографии представлениями о казачьем прошлом. В итоге, хотя первый том разбираемой нами книги разгромил П.М. Строев, назвав его «самым полным собранием всех нелепостей и сказок, какие только встречаются в древних и новых историках» (*Строев* 1814: 228–241), у современников на Дону во многом фантастический нарратив А.Г. Попова возражений не вызвал, и за первым томом последовал второй, включавший описание Булавиного восстания.

Предлагаемая донским автором интерпретация восстания имела мало общего с реальностью, зато идеально соответствовала казачьему мифу о Империи. К.А. Булавин трактовался не как защитник казачьих свобод, но как предатель, причем фактически предатель тройной. Он представлялся перед читателем как предатель России, желавший «идти совокупно с ордою и Запорожцами войною в Москву и Польшу» (*Попов* 1816: 268). Но одновременно он был и предателем казачества, втайне жаждущим уничтожить его свободы для «достижения самовластия в войске Донском» (Там же: 289–290). Таким образом, мотивацией К.А. Булавина объявлялась исключительно жажда

власти, ради которой он готов предать кого угодно — и вступить в союз с кем угодно. Публичная же риторика К. А. Булавина о защите казачьих прав и привилегий интерпретировалась А. Г. Поповым исключительно как «коварство, которое, употребленное им с воинской силой, могло поколебать и крепких», откровенная ложь, третье предательство, на сей раз уже собственных сторонников (Там же: 290).

В то же время К. А. Булавин у А. Г. Попова является фигурой не вполне самостоятельной, направляемой схожим персонажем, И. С. Мазепой. Украинскому гетману приписываются те же предательство и жажда власти, что и донскому атаману: он действует «по своему во всю жизнь лукавству, по приверженности к своей родине Польше и в надежде быть независимым владетелем» (Там же: 267). Именно И. С. Мазепа якобы «своим коварством проложил путь и к войску Донскому», склонив на свою сторону «способного к измене» Кондрата Булавина (Там же: 268).

Открытый вооруженный конфликт с Империей в ходе Булавиного восстания начался с уничтожения правительственного отряда Ю. В. Долгокурова, вопреки казачьим традициям занимавшегося поиском в станицах беглых крестьян. Полностью обойти этого сюжета А. Г. Попов не мог, однако он утверждал, что К. А. Булавин просто «хватился за сей случай», т. е. воспользовался нарушением Империей казачьих традиций, чтобы оправдать свое прежде замышленное предательство (Там же: 269). А далее мы сталкиваемся с тем сюжетом, который видели чуть выше, в цитате из

И. С. Ульянова. А. Г. Попов позиционирует в качестве настоящих казаков только противников булавиных, а последних фактически лишает права считаться казаками: К. А. Булавин якобы «одних только слабых из черни и запутавшихся с ним в одни сети возмущения пришлецов и раскольников успел уловить» (Там же: 290–291). Соответственно, в трактовке А. Г. Попова главными силами бунтовщиков предстают беглые крестьяне, местная вольница и запорожцы (Там же: 272–274). Напротив, настоящие казаки пошли за законным атаманом Л. М. Максимовым, героем и верным слугой Империи: «Атаман Максимов, влекомый одним усердием к верности, презирая его (Булавина — А. П.) многочисленность <...> напал на него с своим малым войском. Междуусобное кровопролитие было упорное и жестокое; но Булавин, наконец, многолюдством со всех сторон сбежавшимся, одержал победу» (Там же: 273).

Соответственно, А. Г. Попов рассматривает атаманство К. А. Булавина как нелегитимное, акцентируя внимание на том, что избрали его на круге в захваченном Черкасске преданные сторонники (Там же: 277). Логическим развитием этой концепции служит то, что правление К. А. Булавина в Донском Войске подается как оккупация региона захватчиками: новую власть поддерживают преимущественно живущие в станицах беглые крестьяне, а «верные своему Государю» казаки «гонимы»: их топчут в Дону, их дома грабят, а жен и дочерей насилуют (Там же: 274–276). Сам К. А. Булавин держит при себе турок с калмыками, с помощью которых имеет сношения с татарами

(Там же: 279). Но оккупационный режим оказывается непрочен и рушится при первых поражениях в результате народного восстания: неудачи бунташных отрядов «ободряют всех сынов Отечества», и оказывается, что в Черкасске есть всего один местный казак-булавинец, остальное же население бунтовщикам не сочувствует (Там же: 283). И вот «все благонамеренные», воспользовавшись моментом, нападают на атамана в его собственном доме, и он, видя бесполезность сопротивления, совершает самоубийство (Там же: 283–284). Кстати, А. Г. Попов откровенно сопоставляет гибель К. А. Булавина со смертью И. С. Мазепы: бунташный атаман «сам себя самоубийством погубил, подобно соблазнителью своему Мазепе, прекратившему свою жизнь отравой» (Там же: 291).

История Булавицкого бунта у А. Г. Попова заканчивается самым благополучным образом: Петр I награждает верных казаков за участие в его подавлении (Там же: 285). А если часть восставших, не желая смириться с растущим гнетом Империи, и уходит к туркам, то состоит она только из «раскольников в войске и пришлецов, зараженных грубым суеверием» (Там же: 287). Тема организованных властями после подавления восстания жестоких репрессий А. Г. Поповым не поднималась вовсе: он упомянул, что ряд городков были уничтожены, но понять из его текста, было ли это уничтожение чисто административным шагом, переселением их жителей на новое место, или сопровождалось казнями, совершенно невозможно (Там же: 288–289). И заканчивалось описание Булавицкого восстания

прославлением верных Империи казаков и Л. М. Максимова: «Сражение между Миускими и Крымскими отвертками под предводительством войскового Атамана Максимова, Старшин и наличных казаков войска Донского и непоколебимость их даже до смерти, запечатленной кровью, а, наконец, погибель Буловина и поражение всех сообщников его совершенно оправдали верность войска Донского к Богу, Государю и Отечеству, признанную и награжденную Самодержцем» (Там же: 290–291).

Нарратив А. Г. Попова сравнительно малоизвестен, и в современной историографии он анализировался всего однажды, известным специалистом по истории казачества Н. А. Мининковым. Впрочем, Н. А. Мининков ограничился самой общей его оценкой, указав лишь, что «сочинение Попова было признано неудачным и подвергалось в донской историографии более позднего времени острой и вполне справедливой критике, а отчасти стало для некоторых историков объектом иронии и сарказма» (Мининков 2010: 266–285). В то же время известен как минимум один положительный отзыв современника-казака на имперский нарратив А. Г. Попова, причем он принадлежит самому М. И. Платову (Артинский 1907: 57). Как бы ни была слаба «История о Донском войске» в научном отношении, это первое описание донским казаком своей истории, причем реализованное с опорой «на предания почтенных старожил» и, возможно, фантазию автора, т. е. историческую память, а не исторические документы. И именно поэтому оценка А. Г. Поповым Булавицкого восстания достаточно важна: она

показывает, как приверженные мифу о Империи казаки, составлявшие значительную часть донской элиты до 1917 г., ненавидели и презирали повстанца, восставшего за казачью свободу, считая его предателем-властолюбцем.

АМБИВАЛЕНТНЫЙ БУЛАВИНСКИЙ БУНТ «ИСТОРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКОГО»

Эталонным для донской дореволюционной историографии стало сочинение «Историческое описание Земли Войска Донского». Еще до его публикации, в 1863 г., крупнейший донской статистик Н. И. Краснов позиционировал данную рукопись как лучшее исследование донской истории (Краснов 1863: 1–3). Позднее — уникальный случай для донской региональной историографии — «Историческое описание» переиздавалось дважды, в 1867–1872 гг. (Описание 1867; Описание 1872) и в 1903 г. (Сухоруков 1903). Даже в начале XX в. в первой любительской специализированной работе по донской историографии, выполненной местным историком-любителем А. А. Кирилловым, именно данный текст позиционировался как «основа Донской истории» (Кириллов 1909: 18).

Итак, в течение долгого времени именно на «Историческое описание Земли Войска Донского» опиралась консенсусная и общепринятая среди образованных донских казаков версия донской истории. Это не значило, что данный труд их полностью удовлетворял, но предложенные в нем трактовки казачьего прошлого были обоснованы на уникальном для

донской любительской историографии уровне (по ходу работ над текстом архивные исследования проводились в Донском Войске, Астрахани, Царицыне и столицах (Коршиков, Королев 2001: 8–9), а оценки исторических событий не вызывали резкого неприятия ни у одной из действовавших на Дону общественных групп. Вот только консенсусным нарратив «Исторического описания» сделала его крайняя амбивалентность, соответствующая амбивалентности современных русских казачьих мифов, а возможно и породившая ее.

Амбивалентно само авторство «Исторического описания». Данное исследование выполнялось в 1820 гг. по правительственному заказу группой донских казаков-чиновников под руководством молодого выпускника Харьковского императорского университета В. Д. Сухорукова, однако затем В. Д. Сухоруков попал в опалу и был отстранен от работ, а текст подвергнут некой цензурной правке по настоянию имперских властей (Там же: 13). В результате сложилась уникальная для национальных и региональных историографий ситуация: донские казаки XIX в. имели основополагающий и общепризнанный нарратив о своем прошлом, но при этом любой читатель и интерпретатор мог исключить из этого нарратива не нравящуюся ему часть, ссылаясь на то, что именно она была написана не В. Д. Сухоруковым (Краснов 1881: 35; Сухоруков 1903: 5).

А до совершенства эту ситуацию доводила амбивалентность фигуры самого В. Д. Сухорукова. Его опала интерпретировалась многими дореволюционными донскими авторами

как мученичество, ставшее следствием борьбы В. Д. Сухорукова за права казаков с бюрократией имперского правительства в рамках законной служебной деятельности (*Краснов* 1881: 32–40). В других текстах акцент делался на лояльность В. Д. Сухорукова Империи, то, что он ограждал донских казаков от участия в обществах декабристов (*Донцы* 2003: 512). А у советских авторов В. Д. Сухоруков сам предстает убежденным декабристом (*Ленин* 1941: 94–152). В любом случае, у В. Д. Сухорукова был конфликт с Империей, порожденный то ли его желанием защитить от нее казачьи права, то ли излишне либеральными взглядами, то ли вообще оговором — и его читатели XIX в. знали, что перед ними текст не лояльного слуги Империи, за службу награжденного, но казачьего мученика, Империей наказанного.

В тексте «Исторического описания» фигура К. А. Булавина соотносится с эмоциональной и оценочной лексикой — но эта лексика внутренне противоречива. Впервые перед читателем будущий бунташный атаман предстает в качестве храброго и гордого воина: «отважный Кондратий Булавин, он не упускал удобных случаев к отмщению за претерпеваемые от Изюмских полчан обиды» (Описание 1872: 551). Однако затем К. А. Булавин начинает свое восстание — и эмоциональная тональность его описания меняется на прямо противоположную. Выясняется, что этот храбрый и гордый воин «исполнил давно скрывавшееся в душе его ужасное намерение» (Там же: 554). А раздел о гибели К. А. Булавина называется уже в полном соответствии с интерпретацией повстанчества

в мифе о Империи, «Убийство сего изменника» (Там же: 565).

О причинах, породивших в душе бунташного атамана «ужасное намерение» к измене, а также о том, чему именно он изменил, Империи или Дону, в разбираемом нами нарративе вообще не говорится. В нем подробно описаны причины Булавинского восстания, но мотивация его предводителя не прописана. Можно, разумеется, считать, что это сделано осознанно, и в трактовке «Исторического описания» у К. А. Булавина не было особенных личных причин для выступления против Империи, и он начал восстание по тем же причинам, по которым значительная часть казаков пошла за ним.

И здесь мы переходим к самому важному. Причины Булавинского восстания в «Историческом описании Земли Войска Донского» описаны подробно, но при этом амбивалентность тут достигает пика. С одной стороны, в тексте восставшие явно и очевидно осуждаются. Присутствует, в частности, знакомый нам сюжет о том, что настоящие казаки не поддерживали бунта: «В это время, так сказать, коренных казаков лучшего и отборного воинства не было на Дону с самого открытия войны с Швецией. <...> Отсутствие этих верных государю воинов всего более благоприятствовало Булавину» (Там же: 553–554). Правительственные меры, возмутившие казаков, в целом подаются с положительной лексической коннотацией, как «обуздание своевольства на Дону» (Там же: 553). В результате текст «Исторического описания» можно прочесть в рамках мифа о Империи, следующим

образом реконструировав авторскую позицию: Империя пытается обуздать беззаконие в крае, настоящие казаки уходят защищать эту Империю на войне, и в этот момент изменники поднимают восстание в тылу. Проблема, однако, в том, что причины восстания описаны крайне подробно, и при внимательном чтении этого описания становится ясно, что «обуздание своевольтва на Дону» сопровождалось целым рядом случаев жестокого произвола имперских властей. Так, имели место «насильственные поступки чиновников, присланных из Адмиралтейского приказа на Дон почти в то же время для описи корабельного леса, которые самопроизвольно высылали казаков из городков в Россию без всякого различия, причиняя им обиды» (Там же: 548). Так был полностью уничтожен Бугучарский казачий городок — а уничтоживший его чиновник даже не поставил в известность Донское Войско (Там же: 549). Соответственно, текст «Исторического описания» может быть прочитан и в рамках мифа о свободе, и тогда позиция его автора реконструируется так: Империя творила беззаконие, жестоко угнетала казаков, и тогда смелый К.А. Булавин с оружием в руках встал на защиту народных прав. А теперь вспомним, что текст «Исторического описания» изначально рассматривался современниками как конструкт, какие-то части которого были вставлены в нарратив постфактум в рамках проимперского цензурирования. Мы получаем идеально амбивалентную версию Булавинского восстания, равно позволяющую представить К.А. Булавина и как героя, и как предателя, и в промежутке между этими крайними оценками.

Аналогичным образом амбивалентна и интерпретация в «Историческом описании» тех посланий, которые рассылал К.А. Булавин. С одной стороны, они помещаются в контекст, дискредитирующий их автора: так, в абзаце о отправке послания запорожским казакам булавинцы названы «убийцами, обагрившимися кровью сограждан своих», причем вполне обоснованно, с отсылкой к жестоким убийствам ими верных Империи казаков (Там же: 559). Однако далее безо всяких комментариев и опровержений пересказывается это послание, в котором доказывалось, что донские казаки поднялись, чтобы сохранить «прежние обыкновения, как у дедов, у отцов наших и у нас бывали», а принудил их к этому князь Ю.В. Долгоруков тем, что «разорил и пожег многие наши городки, пытал казаков, бил кнутом, резал им носы и губы без всякой причины, наругался над женами нашими и вешал детей наших младенцев по деревьям» (Там же: 560). Подобные описания жестокости Империи в контексте нарратива «Исторического описания» вполне правдоподобны: буквально несколькими страницами ниже уже от самого автора как безусловная правда описываются меры, которые Петр I приказал принять против бунтовщиков, и в их числе оказывается приказ целый ряд казачьих городков «сжечь и разорить до основания, людей рубить, а заводчиков сажать на кол и колесовать» (правда, с оговоркой, что со сдавшимися добровольно следует поступать ласково) (Там же: 563).

И в итоге, если воспринимать «Историческое описание Земли Войска Донского» полностью, без попыток

редуцировать проимперскую или проповстанческую часть нарратива, то предложенная в нем интерпретация Булавинского восстания окажется лишенной положительных персонажей первого плана. К. А. Булавин и его соратники — это не настоящие казаки, а изменники, развязавшие гражданскую войну в Войске Донском. Но и имперские власти оказываются не лучше — несмотря на лексически положительное описание, фактически они начали произвол, спровоцировавший бунт, а затем отметились крайней жестокостью при его подавлении. В разделе о последствиях восстания в разобранном нами тексте говорится о более чем 7 000 казненных и убитых казаков и множестве уничтоженных городков (Там же: 569). Это уже не нарратив А. Г. Попова — Империя здесь из благодетельной сущности превращается в сущность если не злую, то амбивалентную и опасную, способную в определенных ситуациях на угнетение казаков и жестокую месть за их нелояльность. Но при этом и восстание против Империи остается изменной, ведущей к братоубийственной войне.

Именно подобный подход, как нам кажется, соответствовал достаточно сложной самоидентификации донских казаков в XIX в. Лояльность Империи — и страх перед ней; знание о потенциальной несправедливости власти — и стратегия на сохранение исторических привилегий не путем их защиты с оружием в руках, но путем верной службы. И самыми симпатичными персонажами в булавинском эпизоде «Исторического описания» оказываются герои второго плана, верные власти казаки:

они не героизируются, о них вообще написано мало, но они, по крайней мере, не совершают преступлений, в отличие от повстанцев и Империи. А в конце именно им достаются награды от Петра I (Там же: 568). Итак, в рамках подобной логики казакам следовало служить Империи не потому, что она абсолютное благо, но потому, что восстание против нее — безусловное зло.

Кстати, В. Д. Сухоруков, хотя и не сумел из-за опалы реализовать себя на служебном поприще, а его тексты при жизни не были опубликованы, но по крайней мере избежал юридического преследования со стороны властей и сделал себе состояние на торговле хлебом (*Краснов* 1881: 34).

ТРАГЕДИЯ СВОБОДЫ В «ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА» Е. П. САВЕЛЬЕВА

К концу XIX в. отношения Империи и донских казаков все очевиднее вступали в кризисный период. Стратегия верной службы взамен на привилегии в глазах все большего числа донских общественных деятелей не оправдывала себя — медленно, но неуклонно Империя ограничивала казачьи права и увеличивала повинности казаков. Подобные настроения хорошо иллюстрирует высказывание члена одной из выборных комиссий при донской администрации, В. Я. Бирюкова: «Там (в остальной Империи — *А. П.*) постепенное освобождение личности во всех ее проявлениях; у нас все большее подчинение ее и учреждение все новых штатов, главная обязанность которых заключается в наблюдении и в понуждении казаков к исполнению ими

повинностей денежных и натуральных. Там все прогрессирует и продолжает прогрессировать, наш же прогресс сводился, главным образом, только к одному — совершенствовалась административная машина, улучшалась организация чиновничества» (Протоколы 1899: 124).

Имперские власти и донские проимперские авторы реагировали на изменения усиленной пропагандой мифа о Империи, навязыванием казакам аксиологической системы, в рамках которой Империи следует служить безвозмездно, независимо от даваемых взамен прав и привилегий. В 1900 г. на Дон приезжал военный министр А.Н. Куропаткин, описавший в отчете императору с положительными коннотациями только тех казаков, которые демонстрировали лояльность безусловную, говорили о готовности идти воевать по первому слову государя, а не рассказывали о проблемах в местной экономике и системе самоуправления, которые вообще-то военный министр должен был исследовать в ходе своей поездки: «Один из стариков в станице Котовской, отставной вахмистр Мальяров, имеющий 7 сыновей и внука, говорил, что “пойдет помогать Царю поголовно всей семьей”» (РГИА: 49об). Строились зримые воплощения казачьей славы, порожденной якобы исключительно верным служением Империи. Так, в огромном Вознесенском соборе в Новочеркасске целая зала была отделана не религиозными фресками, а фресками, изображающими славные моменты донской истории, причем открывалась эта зала изображением того, как атаманские регалии вручались наследнику престола.

На фоне все усиливающихся социально-экономических проблем пропаганда мифа о Империи давала скорее обратный эффект. Так к 1899 г. долги казаков станичным обществам достигли рекордной суммы в 1 141 249 руб. и продолжали расти (*Маслаковец* 1899: 43) — а местные власти расходовали по 169 620 руб. в год на строительство роскошного собора (*Сборник* 1895: 490–491). При призыве 1899 г. каждый четвертый казак имел право на льготу, преимущественно по бедности (*Маслаковец* 1899: 11) — зато в Новочеркасске открыли Донской музей (*Бойко* 2010: 98–101). В итоге после введения выборов в Государственную Думу казачьи регионы начали электорально поддерживать не консервативно-монархические силы, а либеральную оппозицию. В IV Государственной думе Российской империи казачью группу составили 9 кадетов, 3 прогрессистов, беспартийный и «монархист-демократ» (*Корниенко* 2013: 70). Вполне естественно, что именно в это время у донских казаков появился первый текст, переосмысливавший всю их историю с позиций мифа о Свободе, в аксиологической системе которого Империя сделалась злом, последовательно наступающим на казачью свободу.

Е.П. Савельев был человеком без высшего образования, окончившим только учительскую семинарию и служившим сперва приходским учителем, а потом мелким чиновником (Там же: 132). Возможно, именно в силу отсутствия научной подготовки и происхождения из-за пределов донской образованной элиты он мало ценил не только российских историков, но и эталонное

для XIX в. «Историческое описание Земли Войска Донского». В 1911 г. Е. П. Савельев так отзывался о всех существующих текстах по истории донского казачества: «Труды эти вообще страдали недостаточной разработанностью исторического материала, и неудачными заимствованиями, и подражанием другим историкам, мнения и выводы которых, иногда заведомо неверные, принимались как положительные данные и целиком вносились в эти труды» (Савельев 1911: 3). В итоге Е. П. Савельев создал собственную «Историю казачества» — книгу популярную и скандальную, единственную из крупных дореволюционных работ донских авторов, кроме «Исторического описания Земли Войска Донского», переиздававшуюся в XXI в. (Савельев 2010). В ней он не только доказывал, что казаки являются особым народом, но и приписывал их предкам, гетам-руссам, основание Рима (Савельев 1991: 74), связывал с гетами-руссами Атлантиду (Там же: 89) и вообще приписывал предкам донских казаков множество героических деяний древней истории.

В результате именно Е. С. Савельев де-факто стал основоположником казачьей национальной историографии. Специалист по этнографии Юга России М. А. Рыблова даже посвятила статью нарративу Е. П. Савельева как основе современного казачьего национального исторического мифа (еще раз повторим, что мы пишем о мифе не в смысле выдумки, но в смысле национальной мифологии, ключевых и легендаризированных элементов исторической памяти) (Рыблова 2010: 274–284). При этом М. А. Рыблова интерпретирует нар-

ратив Е. П. Савельева как логическое завершение донской дореволюционной историографии (Там же: 274). В действительности, однако, идеи Е. П. Савельева противоречили как предшествующей донской историографии, так и исторической памяти казаков его эпохи. Его критиковали не только публицисты-сторонники мифа о Империи, но и серьезные исследователи Х. И. Попов (директор Донского музея) и П. П. Сахаров (один из первых казаков, получивших специальное историческое образование), защищавшие наиболее распространенный на тот момент амбивалентный казачий миф, представление о том, что «неразрывная связь казаков с Россией выгодна для обеих сторон» (Корниенко 2013: 162). Даже другие донские дореволюционные казачьи националисты, союзники Е. П. Савельева по политической деятельности, не были готовы противопоставить Свободе казаков их служению Империи: главный лидер казачьих националистов начала 1910 г., С. А. Холмский, писал о «добровольном присоединении казачества к родственному Русскому народу» (Там же).

Выше мы сопоставляли Е. П. Савельева с М. С. Грушевским. Их объединяет общность концепций, трансляция казачьего мифа о Свободе и идей о «лакримогенезисе» своих народов, казачьего и украинского соответственно. Однако М. С. Грушевский сумел стать не только важнейшим идеологом украинского национализма, но и основоположником национальной научной историографии. Многие же важнейшие для Е. П. Савельева идеи принципиально несовместимы с любой научной

историографией. Трансляция в одном тексте нарративов о том, что казаки есть отдельный народ, и о том, что их предки жили в Атлантиде и основали Рим, дискредитирует этот текст в целом для любого читателя, минимально знающего историю: между попытками удревить национальную историю и откровенной фантастикой все-таки есть некоторая разница. Против Е.П. Савельева работала и вся предшествующая ему донская историография, позиционирующая себя как имперская региональная, а не антиимперская национальная. Главным препятствием для интерпретации донской казачьей истории как национальной были не труды имперских историков, но «Историческое описание Земли Войска Донского», являвшееся общепринятым несколько десятилетий и повлиявшее на формирование поколений казачьих авторов. Отметим, что донские авторы до Е.П. Савельева неоднократно полемизировали с авторами имперскими, но с противоположных позиций, обвиняя их в желании отделить казаков от русских. Так, в 1850 г. один из «казакоманов», А.А. Леонов, обвинял самого Н.М. Карамзина в том, что он пытался выдумать первым донским казакам «какую-то независимую республику, подобную римской», в то время как в действительности «все действия донцов поправляемы были рукой русского правительства» (*Артинский* 1907: 387–388).

К сожалению для Е.П. Савельева, как раз его описание Булавино-го восстания показывает, почему предпринимавшийся им попытки опровергнуть концепции «Исторического описания Земли Войска

Донского» были обречены на провал. В соответствующей главе своего труда Е.П. Савельев не высказывает никаких фантастических гипотез и версий, но только пересказывает «Историческое описание», убирая его амбивалентность простым исключением элементов, связанных с мифом о Империи. Даже композиционно Е.П. Савельев повторяет более раннее сочинение, да и лексически следы предыдущего текста проступают сквозь его повествование. Приведем самый яркий пример. И в «Историческом описании», и у Е.П. Савельева К.А. Булавин появляется в повествовании при описании дошедшего до боев конфликта за Бахмут с жителями Слободской Украины, изюмскими казаками. Вот как описывались дальнейшие события в более раннем тексте: «Булавин с своей стороны этот поступок наказного полковника Шуста не оставил без отмщения: он в то же время перешел с казаками речку Бахмут и разорил до основания все солеваренные заводы; несколько человек убил до смерти; побрал всю казенную соль и продал там же на месте; мщение его простиралось даже и на домашних животных, коих он приказал без надобности убивать» (Описание 1872: 551). А вот как преподносит эти события Е.П. Савельев: «Но Булавин не оставил этот поступок без отмщения: он перешел р. Бахмут и уничтожил все бывшие там варницы, забрал соль и продал ее на месте» (*Савельев* 1991: 401). Интересно не только то, что вторая из приведенных цитат это пересказ первой, но и то, что было сокращено Е.П. Савельевым.

Подобный пересказ с сокращением неудобных реинтерпретатору мест

крайне наивен с научной точки зрения и дискредитирует результат в глазах человека, знающего первоисточник. Тем не менее, он позволил Е. П. Савельеву последовательно описать Булавинское восстание в рамках мифа о Свободе. Если в рамках прежнего, амбивалентного мифа, злом выступали и угнетающая казаков Империя, и повстанцы, своевольцы и убийцы своих соплеменников, то в рамках нового мифа о Свободе негативная характеристика была сохранена только для Империи. Эта характеристика полностью вторична и повторяет «Историческое описание»: Е. П. Савельев тоже пишет о произволе и жестокости имперских властей по отношению к казакам, приводя те же случаи, что и в служившем ему основой тексте, например уничтожение Бугучарского городка (Там же: 399). А вот повстанцы теперь интерпретируются не как зло, но как добро. Даже лексика Е. П. Савельева в местах, прославляющих повстанцев, становится почти художественной: «Вздрогнул Дон. Чаша терпения в свободолобивом казачестве переполнилась. “То-то мы заслужили у царя-батюшки”, — грустно кивали седыми головами закаленные в боях старики. Молодые точили дедовские шашки и лили пули. Хопер и Медведица от гнева дрожали», — писал Е. П. Савельев (Там же: 402). Так и выглядит донской казачий «лакримогенезис» — восстание, пусть неудачное, предстает актом высшего героизма и борьбы против властного произвола. А К. А. Булавин из изменника превращается в осознанного и убежденного борца за казачьи традиции и Свободу: он позиционируется Е. П. Савельевым

как «поборник старого казачьего права» (Там же: 401).

Соответственно, вина за гражданскую войну в войске, за убийство казаков казаками теперь оказывается лежащей не на повстанцах, а на тех казаках, которые предпочли верность тираническому правительству верности своей исторической Свободе. Более того, знакомый нам сюжет о настоящих казаках инвертируется — теперь булавицы предстают перед читателем как настоящие казаки («за Булавина встал почти весь Дон»), а его противники — как люди, недостойные казачьего имени («прикормленники центральной власти») (Там же: 403).

В то же время у Е. П. Савельева есть любопытный аксиологический элемент, связанный, вероятно, с предшествующей донской историографической традицией. Он безоговорочно осуждает верных правительству казаков, называя их «изменниками» и «московскими шпионами» (Там же: 406). Однако при этом сам Е. П. Савельев не верит в возможность успешного бунта, оправдывая тех казаков, которые вместо конфронтации с Империей пытались убедить ее пойти на переговоры, предчувствуя «кровавый пожар и гибель родины» (т. е. фактически изменили К. А. Булавинову, но не ради награды, а ради спасения казачества от разгрома мятежа) (Там же). Ключевой момент в этой аксиологической системе заключается в том, что Империя все еще продолжает позиционироваться как зло, а ее первоначальное согласие на переговоры обозначено как из ряда вон выходящий факт: «Удивительно, что по получении этих посланий царь

действительно приказал Долгорукову остановиться» (Там же). Впрочем, в любом случае в итоге Империя отказывается от поиска компромиссов, а ее войскам дается полная свобода действий (Там же).

Картина Булавиного восстания, рисуемая Е.П. Савельевым, оказывается с моральной точки зрения куда безрадостнее, чем у его предшественников. Империя уже не амбивалентная сущность, а абсолютное зло: ее солдаты вешают и сажают на кол пленных, отправляют казаков в Москву «на мясо», а молившихся за повстанцев священников четвертуют (Там же: 407–408). Верность ей — это предательство казачьей Свободы и своих товарищей. Но и борьба с ней ведет к катастрофе: восстание К.А. Булавина оборачивается «последней страницей из истории свободного Дона», и после него «Дон, обессиленный и залитый кровью своих сынов, стонал» (Там же). Позитивного выхода из аксиологической ситуации восстания больше нет: даже правильному казаку остается только героическая смерть или соглашение с заведомым злом.

К чести Е.П. Савельева, его личные действия соответствовали его нарративу. Он попытался протестовать против Империи и был наказан: в 1911 г. донского автора привлекли к уголовной ответственности за публикацию «Донского литературного сборника», в котором было два рассказа про дискриминацию женщин и стихотворение о тяжелой казачьей доле («казачков в дугу согнули и законом пристегнули и снесенной войсковой наделили головой», «всюду царствует закон, вне закона только Дон») (Дело б/д).

ОБРЕЧЕННОСТЬ ПОВСТАНЧЕСТВА

Попытки реабилитировать К.А. Булавина перед судом истории с конца XIX в. предпринимались не только Е.П. Савельевым, но и некоторыми другими донскими авторами. Первым, еще в 1880 г., в защиту донского повстанца выступил Н.И. Краснов, являвшийся — что иронично — генерал-лейтенантом и высокопоставленный чиновником даже не на Дону, а в Санкт-Петербурге, в Военном Министерстве. Оставаясь в рамках амбивалентного казачьего мифа, он довел его до логического завершения. «Булавин же берет на себя тяжелую обязанность — отстоять против правительства права, нравы, обычаи и самоуправление казачьих городков, и отстоять от произвола администрации до конца обездоленный русский народ. <...>. Нравственной ответственности за содеянное зло Булавин перед лицом беспристрастной истории нести не должен», — писал генерал (Краснов 1882: 139). Здесь восстание К.А. Булавина все еще зло — но повстанцы уже не злодеи и тем более не изменники.

Несколько позже этюд о Булавином бунте написал известный донской писатель Ф.Д. Крюков (Крюков 2004). Его интерпретация событий близка к версии Е.П. Савельева. К.А. Булавин предстает перед читателем одним из рыцарей свободы («казачество поднимало боевое знамя против сытых, богатых, народных угнетателей, за чернь, за голодных, нагих, босых, обиженных, и если на этом знамени не торжественно и ярко были начертаны бессмертные слова: свобода, равенство и братство — то в сознании простых серых, зипунных

рыцарей они жили прочно и постоянно» (Там же: 72). Над казачьим мифом о Империи, над «выдуман-ными рассказами патриотического свойства, изображающими исконную казацкую преданность престолу самодержцев и неудержимое стремление биться за блеск самодержавия, так много благодетельствовавшего казакам» Ф.Д. Крюков откровенно смеется (Там же: 184). Но и в возможность успешного восстания казаков против Империи писатель не верил: «Борьба с царем-исполином была непосильным делом для одного казачества и с первых шагов обрекалось на неудачу» (Там же: 71).

Однако все подобные известные нам нарративы начинают возникать не ранее 1880 г., времени, когда отношения Империи и донских казаков вступают в кризисный период. И даже в это время реабилитировавшие К.А. Булавина донские авторы считали его восстание заведомо обреченным предприятием. И эта деталь кажется нам очень важной.

Позволим себе в последний раз сравнить донской казачий национальный нарратив Е.П. Савельева и украинский национальный нарратив М.С. Грушевского. Основоположник украинской историографии в 1904–1911 гг. трижды издал «Очерк истории украинского народа», содержащий краткое изложение всей украинской истории для массового читателя (*Грушевский* 1990: 354–355). Хотя данная книга была создана в период, когда независимой Украины не существовало, она завершается на небезнадежной ноте: второй и третий с конца разделы посвящены «украинскому возро-

ждению» XIX в. (Там же: 306–331). А в самом последнем абзаце книги автор, хотя и пишет о репрессивном направлении российской политики по отношению к украинцам, но противопоставляет ему «ту организацию общественной самодеятельности, которая дала выход галицкой Украине из тупика политических отношений» (Там же: 344). Таким образом, ситуация для украинцев оказывается хотя и сложной, но не беспросветной, а ролевая модель правильного украинца связывается с определенными успехами: украинцы, несмотря на противодействие двух Империй (Российской и Австро-Венгерской), смогли начать «украинское возрождение» и добиться успехов в Галиции. Напротив, в «Истории казачества» Е.П. Савельева, доведенной до конца XVIII в., в последних главах описывается непрерывная деградация казачьих свобод под все возрастающим контролем имперской власти, а последние слова в книге констатируют, что, несмотря на свои заслуги перед Империей, в этом столетии казачество «еще больше потерпело от самовластия и несправедливости ее неблагодарных и недальновидных венценосцев» (*Савельев* 1991: 442).

Мы приходим к крайне любопытному выводу. Донские казачьи мифы о Империи, о Свободе и промежуточный между ними амбивалентный миф в их дореволюционных версиях совершенно по-разному оценивают Империю и повстанцев, причем на самом глубинном, аксиологическом уровне. Но при этом мы видим определенное сходство у всех важнейших дореволюционных донских авторов в оценке того, что они считали единственным в истории восстанием собственно

Донского Войска за свои права и привилегии. Повстанчество может интерпретироваться как предательство или героизм, но остается заведомо обреченным делом. Империя может быть добром или злом, но представляется непобедимой. Уже созданное в 1820 г. «Историческое описание Земли Войска Донского» разоблачает преступления Империи, как приведшие к Булавиному восстанию, так и совершенные при его подавлении, но правильной ролевой моделью для настоящего казака остается лояльность Империи. И даже самый последовательный дореволюционный донской носитель мифа о Свободе, убежденный казачий националист Е. П. Савельев, оправдывал тех соратников К. А. Булавина, которые пытались договориться с Империей за спиной лидера повстанцев не ради наград от Петра I, но ради спасения своей родины от грядущих репрессий при подавлении мятежа.

Описанный нами феномен является одной из причин амбивалентности русской системы казачьих мифов. С одной стороны, с начала XIX в. не только внешние, но и казачьи авторы создавали и пропагандировали систему казачьих мифов, ориентированных на служение Империи. Элементы этой системы представлены и в историографии, и в исторической памяти донского казачества, однако в целостном виде данная система слишком очевидно противоречит хорошо известным фактам прошлого и настоящего казаков. Империя не могла быть абсолютной ценностью для казаков XIX в., регулярно сталкивавшихся с тем, что их исторические привилегии постепенно сокращаются. Едва ли она способна

стать абсолютной ценностью и для современных казаков, центральным сюжетом исторической памяти которых является расказачивание. С другой стороны, не позднее начала XX в. донскими авторами начинает пропагандироваться система казачьих мифов, ориентированных на свободулюбие. Элементы этой системы тоже представлены и в историографии, и в исторической памяти донского казачества, но ее слабым местом является своеобразный «имперский фатализм». Нам представляется, что историография и история российской общественной мысли в принципе остро нуждается в термине, обозначающем крайне распространенное представление о беззащитности человека перед Империей и безнадежности открытого противостояния с ней. Подобное представление было характерно и для дореволюционных сторонников системы казачьих мифов, ориентированных на свободулюбие: Империя в их нарративах предстает абсолютным злом, но злом настолько могущественным, что любое открытое восстание против него обречено. Остается только личное ненасильственное сопротивление, попытки сохранить от наступления Империи остатки исторических свобод, причем путем договоров с этой Империей, которые она все равно может нарушить. Отметим, что в рамках системы казачьих мифов, ориентированных на служение Империи, Империя столь же всемогуща — но в ее рамках это, напротив, делает восприятие мира более оптимистическим, означая непобедимость добра.

Итак, одна система казачьих мифов явно противоречила известным фактам, но позволяла интерпрети-

ровать историю донского казачества как серию славных побед на службе высшему благу. Вторая система, равно тенденциозная, объясняла очевидные проблемы донских казаков в их взаимодействии с Империей, но превращала историю донского казачества в историю падения, историю превращения свободолюбивых степных воинов в рабов, добровольных слуг позиционируемой в качестве зла Империи. В результате наиболее популярной у донских казаков еще в XIX в. стала третья система казачьих мифов, система промежуточная, возникшая независимо от двух первых, но легко вбирающая в себя их элементы. Эта система тоже предполагала «имперский фатализм», но менее радикальный и безнадешный — в ее рамках Империя оказывалась всемогущей, но хотя бы морально амбивалентной сущностью, что одновременно и объясняло ее наступление на права казачества, и делало служение ей морально допустимым, и, наконец, разрешало отстаивание своих прав перед ней. В конце концов, эта система мифов была очень удобной: она позволяла интерпретировать внешние войны Империи и подвиги в них казаков как аксиологически положительные явления, одновременно критикуя ту же Империю, если ее действия не отвечали интересам казачества. Стоит отметить и то, что подобная система смягчала личную ответственность донских казаков за то, что происходило в их крае: несмотря на наличие оружия почти у всех взрослых мужчин-казаков и теоретическую возможность их восстания, путь насильственного сопротивления Империи донской общественной мыслью XIX — начала XX вв. отвергся,

как бесперспективный, и оставался только путь переговоров с властями с требованиями уважать пожелания казаков. Нужно сказать, во второй половине XIX в. на Дону неоднократно были случаи, когда казаки мирными способами демонстрировали свое недовольство и имперская власть шла на диалог с ними — вот только в полной мере требования недовольных выполнены не были ни разу (как, впрочем, ни разу не были и полностью проигнорированы) (*Петрятько* 2020: 121–139).

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ГАРО — Государственный архив Ростовской области.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов, Майзульс 2013 — *Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Цена крови, или Проклятые деньги Иуды Искариота // Антропологический форум online. 2013. № 18. С. 191–213.

Артинский 1907 — *Артинский И. П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907.

Бойко 2010 — *Бойко А. Л.* Комиссия по устройству Донского музея: документы о создании и кадровом составе // Рубикон. 2010. № 55. С. 98–101.

Голиков 1838 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 4. М., 1838.

Грушевский 1990 — *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1990.

Дело б/д — Дело донских литераторов // Старые дороги Евграфа Савельева. URL: <https://passion-don.org/writer/dov-1911-245.html> (дата обращения: 09.07.2023).

Донцы 2003 — Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003.

Капелер 2014 — *Капелер А.* Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону, 2014.

Кириллов 1909 — *Кириллов А.А.* Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909.

Комаров 2017 — *Комаров А.П.* Базовые ценности российского казачества // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия».

2017. № 4. С. 72–80.

Корниенко 2013 — *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013.

Коршиков, Королев 2001 — *Коршиков Н.С., Королев В.Н.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7–18.

Краснов 1863 — *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.

Краснов 1864 — *Краснов Н.И.* Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864.

Краснов 1881 — *Краснов Н.И.* Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // Русская речь. 1881. № 8. С. 32–64.

Краснов 1882 — *Краснов Н.И.* Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. № 4. С. 118–147.

Краснов 1909 — *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909.

Л.Б. 1906 — *Л.Б. Алексей Григорьевич Попов, первый директор войсковой гимназии* // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 49–59.

Крюков 2004 — *Крюков Ф.Д.* Булавинский бунт (1707–1708): Этюд из истории

отношений Петра Великого к Донским казакам. М., 2004.

Линин 1941 — *Линин А.М.* Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин // *Линин А.М. А.С. Пушкин на Дону.* Ростов-на-Дону, 1941. С. 94–152.

Маслаковец 1899 — *Маслаковец Н.А.* О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899.

Мининков 2010 — *Мининков Н.А.* Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266–285.

Номикосов 1884 — *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.

Описание 1867 — Историческое описание Земли Войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867.

Описание 1872 — Историческое описание Земли Войска Донского. Т. II. Новочеркасск, 1872.

Перетяцько 2020 — *Перетяцько А.Ю.* Собрания казачьих депутатов как элемент политической автономии Войска Донского в позднимперский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 1. С. 121–139.

Попов 1814 — *Попов А.Г.* История о Донском войске. Ч. 1. Харьков, 1814.

Попов 1816 — *Попов А.Г.* История о Донском войске. Ч. 2. Харьков, 1816.

Протоколы 1899 — Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899.

Пудавов 1895 — *Пудавов В.М.* Взгляд на основные начала Донского края. Новочеркасск, 1895.

Рыблова 2010 — Рыблова М.А. «Казачи возвращаются»: история и судьба одной научной теории // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов-на-Дону, 2010. С. 274–284.

Савельев 1911 — Савельев Е.П. К истории казачества (Как нужно писать историю) // Донские Областные Ведомости. 1911. № 65. С. 3–4.

Савельев 1991 — Савельев Е.П. Казаки. История. Ростов-на-Дону, 1991.

Савельев 2010 — Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2010.

Салтыков-Щедрин 1864 — Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // Сапожников 2017 — Сапожников А.И. Из предыстории Дворянской родословной книги Войска Донского 1826–1835 // Донской временник. Вып. 26. Ростов-на-Дону, 2017. С. 62–84.

Симонова 2016 — Симонова М.В. К. А. Булавины в отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. Серия "История". 2016. № 3 (41). С. 121–128.

Современник. 1864. № 5. С. 1–26.

Сборник 1895 — Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXX. СПб., 1895.

Строев 1814 — Строев П.М. История о Донском войске, Харьков. 1814 года. Часть I // Сын отечества. 1814. № 38. С. 228–241.

Сухоруков 1903 — Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Усенко 2022a — Усенко О.Г. Русскоязычная историография Булавины: опыт системного анализа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2 (62). С. 138–157.

Усенко 2022b — Усенко О.Г. Русскоязычная историография Булавины: опыт системного анализа (часть 2) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 3 (63). С. 75–91.

Фон Хаген 2000 — Фон Хаген М. Имеет ли Украина историю? // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 51–72.

REFERENCES

Antonov D. I., Maizul's M. R. Tsena krovi, ili Proklyatye den'gi Iudy Iskariota // *Antropologicheskii forum online*. 2013. no. 18. S. 191–213.

Artinskii I. P. *Ocherk istorii Novocherkasskoi voiskovoi gimnazii*. Novocherkassk, 1907.

Boiko A. L. Komissiya po ustroistvu Don-skogo muzeya: dokumenty o sozdanii i kadrovom sostave // *Rubikon*. 2010. no. 55. S. 98–101.

Grushevskii M. S. *Ocherk istorii ukrainskogo naroda*. Kyiv, 1990.

Dontsy XIX veka. Rostov-na-Donu, 2003.

Kappeler A. *Kazachestvo. Istoriya i legendy*. Rostov-on-Don, 2014.

Kirillov A. A. *Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh*. Novocherkassk, 1909.

Komarov A. P. Bazovye tsennosti rossiiskogo kazachestva. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"*. 2017. no. 4. p. 72–80.

Kornienko B. S. *Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)*. St. Petersburg, 2013.

Korshikov N. S., Korolev V. N. Istorik Dona V. D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» // *Sukhorukov V. D. Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo*. Rostov-on-Don, 2001. S. 7–18.

Krasnov N. I. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo*. St. Petersburg, 1863.

Krasnov N. I. *Voennoe obozrenie Zemli Voiska Donskogo*. St. Petersburg, 1864.

Krasnov N. I. Istoricheskie ocherki Dona. Bor'ba Chernysheva s voiskovymi atamanami // *Russkaya rech'*. 1881. no. 8. S. 32–64.

Krasnov N. I. Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinsko-

- go bunta // *Russkaya rech'*. 1882. no. 4. S. 118–147.
- Krasnov P.N. *Kartiny bylogo Tikhogo Dona*. St. Petersburg, 1909.
- L.B. Aleksei Grigor'evich Popov, pervyi direktor voiskovoi gimnazii // *Sbornik oblastnogo Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Vol. 6. Novocherkassk, 1906. S. 49–59.
- Linin A.M. Istorik Voiska Donskogo V.D. Sukhorukov i A.S. Pushkin // Linin A.M.A.S. *Pushkin na Donu*. Rostov-on-Don, 1941. S. 94–152.
- Mininkov N.A. Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka // *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie*. Moscow, 2010. S. 266–285.
- Nomiksov S.F. *Statisticheskoe opisaniye Oblasti Voiska Donskogo*. Novocherkassk, 1884.
- Istoricheskoe opisaniye Zemli Voiska Donskogo*. Vol. I. Novocherkassk, 1867.
- Istoricheskoe opisaniye Zemli Voiska Donskogo*. Vol. II. Novocherkassk, 1872.
- Peretyat'ko A.Yu. Sobraniya kazach'ikh deputatov kak element politicheskoi avtonomii Voiska Donskogo v pozdneimperskii period // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2020. Vol. 65. no. 1. S. 121–139.
- Ryblova M.A. «Kazaki vozvrashchayut-sya»: istoriya i sud'ba odnoi nauchnoi teorii // *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee*. Rostov-on-Don, 2010. S. 274–284.
- Sapozhnikov A.I. Iz predystorii Dvoryanskoi rodoslovnoi knigi Voiska Donskogo 1826–1835 // *Donskoi vremennik*. Vol. 26. Rostov-on-Don, 2017. S. 62–84.
- Simonova M.V.K.A. Bulavin v otechestvennoi istoriografii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*. 2016. no. 3 (41). S. 121–128.
- Sukhorukov V.D. *Istoricheskoe opisaniye Zemli Voiska Donskogo*. Novocherkassk, 1903.
- Usenko O.G. Russkoyazychnaya istoriografiya Bulavinshchiny: opyt sistemnogo analiza // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2022. no. 2 (62). S. 138–157.
- Usenko O.G. Russkoyazychnaya istoriografiya Bulavinshchiny: opyt sistemnogo analiza (chast' 2) // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2022. no. 3 (63). S. 75–91.
- Von Hagen M. Imeet li Ukraina istoriyu? // *Ab Imperio*. 2000. no. 1. S. 51–72.

В. В. Максаков

«СУДЬЯ И ИСТОРИК» КАРЛО ГИНЗБУРГА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ О ТЕОРИИ, МЕТОДЕ И ЦЕНЕ ОШИБКИ

Рец.: Гинзбург, Карло. Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри / Пер. с итал. М. Б. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 208 с.

Аннотация: Рецензируется книга, которая посвящена актуальным методологическим проблемам истории как науки: сближению роли судьи и историка, их социальной ответственности, судящей историографии. В книге прослежены основные этапы формирования историко-судебного дискурса, проанализированы риски влияния юридической науки на историографию, представлена и альтернатива юриспруденции для современной исторической науки.

Ключевые слова: история, историография, юридическая наука, юридический дискурс, Новое время, судебный процесс.

Сведения об авторе: Максаков Владимир Валерьевич, учитель истории, независимый исследователь. Email: houston1836@gmail.com

V. V. Maksakov

“THE JUDGE AND THE HISTORIAN” BY CARLO GINZBURG: NOTES IN THE MARGINS
ON HISTORY, METHOD AND PRICE OF MISTAKE

Rev.: Gizburg C. Sudja i istorik. Razmyshlenia na polyah prozessa Sofri. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 208 s.

Abstract: The reviewed book is dedicated to actual methodological problems of history as a science: the convergence of the role of judge and historian, their social responsibility, judging historiography. The book traces the main stages

© В. В. Максаков, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-4-165-179

Посвящается Михаилу Велижеву — с благодарностью за возможность читать тексты Карло Гинзбурга по-русски.

of the formation of historical and judicial discourse, analyzes the risks of the influence of legal science on historiography, and presents an alternative to jurisprudence for modern historical science.

Keywords: history, historiography, judicial process, legal discourse, legal science, Modern era

Corresponding author: Maksakov Vladimir Valerievich, history teacher, independent researcher. Email: houston1836@gmail.com

В 2021 году в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел в свет русский перевод книги выдающегося итальянского историка Карло Гинзбурга «Судья и историк». С одной стороны, это увлекательное детективное повествование об одном из самых громких политических процессов в Италии девяностых годов прошлого века, где Гинзбург выступал и как свидетель, и как включённый зритель. С другой стороны, это одно из самых вдумчивых размышлений о профессиях историка и судьи, о точках пересечения между ними, о том, за что они несут ответственность, и какова цена их ошибки. Предваряя ключевой авторский вывод, скажу, что, по мнению Гинзбурга, выход из очередного историографического тупика и реформы судебной системы имеют много общего. Через два года после издания по-русски ценность этой книги стала ещё более очевидной¹.

ПРЕАМБУЛА

Вот как сам Карло Гинзбург описывает то самое судебное дело, которое вновь сделало его профессией историка связанной с реальностью: «Летом 1988 г.

Адриано Соффри обвинили в том, что он подстрекал одного человека убить другого. Я абсолютно уверен в необоснованности этого обвинения. Суд Милана пришел к иному выводу. 2 мая 1990 г. он осудил Адриано Соффри (вместе с Джорджо Пьетростефани и Овидио Бомпрессе) на двадцать два года тюрьмы...» (С. 11). «Документы миланского процесса и предшествовавшего ему следствия регулярно наводили меня на мысль о запутанных и неоднозначных связях между судьей и историком. Уже много лет я размышляю на эту тему. В ряде статей я попытался исследовать методологические и (в широком плане) политические смыслы целой серии общих для обеих профессий элементов: улик, доказательств, свидетельств. Более глубокое сопоставление казалось мне в тот момент неизбежным... Впрочем, всегда непростой диалог между историками и судьями сегодня обрел принципиальную значимость и для первых, и для вторых» (С. 12–13).

МЕДИЦИНА И ИСТОРИОГРАФИЯ

Как пишет автор, «отношения истории и права всегда оставались самыми тесными — с тех пор, как две с по-

¹ Для удобства чтения мой текст разбит на небольшие тематические блоки, которые, смею надеяться, помогают лучше понять авторский замысел Карло Гинзбурга. Я приношу глубокую благодарность своим друзьям Анатолию Корчинскому и Юрию Тронцкому за прояснение смыслов.

ловиной тысячи лет назад в Древней Греции возник литературный жанр, который мы сегодня называем "историей". Если слово "история" (*historia*) обязано своим появлением языку врачей, то заложенная в нем сила аргументации, напротив, восходит к юридической сфере» (С. 22). (Отмечу, что в строгом смысле Гинзбург не совсем точен: само слово «История» (*ιστορία* — собирание сведений) есть уже у Гераклита, причем в любопытном контексте (DK35: «*χρη γαρ εν μάλα πολλων ιστορας φιλοσόφους ανδρας ειναι*» — «очень много сведений должны знать (хорошо осведомлены должны быть) мужи философы»)).

С языком врачей история связана тroyко. С одной стороны, она есть припоминание (анамнезис), с другой — исследуют причины «болезни», с третьей — должна предложить «лекарство» от общественных недугов, основываясь, как правило, на предшествующем опыте. А вот связь с юриспруденцией, с искусством, опирающимся на «объективную» логику аргументации, вроде бы говорит о том, что истории недостаточно просто выявить (естественные) законы «болезни» (даже если она и способна это сделать): она «лечит» людей как существ, прежде всего, социальных, и только потом — биологических.

Интересно отметить, что сами античные авторы также размышляли на эту тему — вот что писал Синезий Киренский, епископ Птолемаидский, уже в эпоху неоплатонизма: «и если в дальнейшем то, что незаметно возникло из правдивого рассказа, оказалось достоверным, и если, как бывает в таких случаях, из достоверности

выросло доказательство, или если это произошло по какой-то другой причине, то это будет даром искусства и природы» (Виллер 2017: 209). Сложно отделаться от впечатления, что в этом отрывке перед нами изложена своеобразная теория аргументации. Проверкой для правдивости рассказа служит именно достоверность следующих из него выводов, а вслед за тем и доказательств (правдивый рассказ — новое знание, которое может быть и не истинно, но достоверно с точки зрения построения доказательств). В конечном итоге, рассказанная история здесь предстаёт даром искусства и природы, то есть соединением риторики и медицины.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МИМЕСИС: «ПОУЧАЮЩАЯ ИСТОРИЯ»

Золотая середина, определившая историописание Античности, Средних веков и Возрождения, была найдена в своеобразном историческом мимесисе: «В классической традиции от исторического повествования (как, впрочем, и от поэзии) требовалось в первую очередь качество, которое греки называли *enargheia*, а римляне — *evidentia in narratione*: способность живо изображать героев и обстоятельства» (С. 22).

Позволю себе ещё одно небольшое отступление для контекста. Аврелий Августин, епископ Гиппонский, пишет в своей великой «Исповеди»: «И правдиво рассказывая о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события — они прошли, — а слова, подсказанные образами их: прошлые события, затронув наши

чувства, запечатлели в душе слов-но следы свои». Прошедшие события не откладываются даже в памяти, где вместо них остаются слова, описывающие образы: перед нами своего рода «третий уровень», на котором только и возможен рассказ о прошлом (события-образы-слова). Событийная история отражается в образах, которые пересказываются словами.

Однако такая история Августина несёт в себе ещё и прогностическую функцию: «По образам, уже существующим, предчувствуют то, чего еще нет?» В историческом времени Августина образы играют роль знаков, по которым опознаётся прошлое и даже отчасти предсказывается будущее. Образы-знаки выстраиваются в некую величественную цепь, которая даёт хотя бы некоторые основания для предположения о том, что будет: «И когда о будущем говорят, что его “видят”, то видят не его — будущего еще нет, — а его причины или признаки, которые уже налицо. Не будущее, следовательно, а настоящее предстает видящим, и по нему предсказывается будущее, представляющееся душе. Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них: они живут в их уме... Я вижу зарю и уже заранее объявляю, что взойдет солнце. То, что я вижу, это настоящее; то, о чем я объявляю, это будущее; в будущем не солнце — оно уже есть, — а восход его, которого еще нет. Если бы я не представлял себе в душе этот восход, как представляю сейчас, когда о нем говорю, я не смог бы его предсказать». Августин обращается к естественнонаучному примеру, к тому же основанному на повторении, но для

его объяснения прибегает к истории-припоминанию, опознающей знаки.

Сами историки уже XIX века размышляли о миметической историографии:

«Гранвелла... Полностью отдался работе, не обращая внимания на время суток, и, как рассказывают, иногда одновременно диктовал пяти секретарям на разных языках. То же самое рассказывают о других замечательных людях древних и новых времён...». Однако в данном случае историк не прослеживает прямой связи между действиями своего героя и его миметическим желанием подражать древним. Более того, он ставит под сомнение целесообразность такого поведения: «мы уверены, что надиктованные таким образом бумаги не заслуживали печати, и история не на них основывает свои заключения о событиях того времени» (*Прескотт* 2023: 46).

История должна была подражать реальности в прошлом, делая упор на то, как герои преодолевали обстоятельства. Изменяясь и развиваясь, эта схема существовала без малого две тысячи лет. Что же случилось на пороге Нового времени?

Экскурс

Прекрасный пример миметической историографии (или экземпликативной истории) приводит Конрад Бурдах в своём очерке о деятельности Кола ди Риенцо:

«Непрерывное обращение к древним великим историческим воспо-

минаниям, восторженно страстное изучение античных авторов, Ливия, Вергилия и других, а также изучение античных руин и надписей, служили импульсом ко всему этому. После отречения Риенцо, пребывая пленником короля Карла IV, пишет тому (Briefw. 50, 184 ff. S. 204), что он сразу после вступления в должность городского нотариуса, забыв о всех других интересах, посвятил все свое время чтению работ о делах императоров и жизнеописаний выдающихся деятелей... Следует очень внимательно относиться к тому, с каким историческим сознанием Риенцо сам вводил свое восстание в великую связь мировой истории. Он постоянно подчеркивает в письмах Карлу IV и его должностным лицам, что за 500 лет или более он впервые вновь защитил свободу Рима...» (*Бурдах* 2004: 22, 25).

Здесь перед нами не только подражание древним — через героическую историографию, которая и описывает собственно «деяния», — но и вписывание в историческое время: Кола ди Риенцо впервые определяет период, относительно которого должно начаться Возрождение. В одном «историческом событии» соединяются дискретность (чтобы что-то началось, что-то должно закончиться), и континуальность, так как история всё-таки продолжается. Кола ди Риенцо измеряет время относительно свершений великих людей, к которым миметически приписывает и себя. Метафора с пятьюстами годами также очень важна: 500 лет отделяют Кола ди Риенцо от Карла Великого (и папы Льва Великого), но также напоминают и воскрешающем раз в 500 лет фениксе. Таким образом,

через историописание проступает учение об историческом периоде, цикле в контексте линейного движения истории. В качестве наглядного представления этого образа можно привести пример спирали или веретена. По спирали построен ад у Данте, по серпантину он поднимается и на райскую гору. Веретено (как предмет скручивания) появляется в наполненной тревожными размышлениями об истории работе Мартина Хайдеггера «Событие». Участнику движения по спирали важно понять, в каких «где» и «когда» он находится. Отсылка же к предсказаниям всегда позволяет обратиться напрямую ко времени, к непреложным законам темпоральности, минуя историю как хронологию (ибо история неповторима, между тем как миметическая историография приводит описание «деяний» предков так, как если бы их можно было повторить — в качестве примеров-экземплов).

ЯЗЫК ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

К эпохе Августина не только сложился специфический дискурс юридической науки, но и римское право оформилось в стройную систему. Опиравшийся на него судья мог подводить факты процесса, который он вёл, под мощную юридическую теорию, обладавшую способностью объяснять и убеждать. Эта модель поведения стала переходить и на историка. Если переносить классическое деление нормы права на три элемента (гипотезу, диспозицию и санкцию) в историографию Нового времени, то мы увидим, *mutatis mutandis*, примерно следующее. Гипотеза будет соотноситься с описанием исторической

ситуации в целом, диспозиция — с историческим событием, процессом или деятелем (темой историописания), а санкция — с судом историка, предстающим как вывод и обобщение. Опередив в своём формировании язык истории как науки, юриспруденция послужила тем костылём, на который с таким ущербом для себя опиралась историография Нового времени.

Кроме того, именно юриспруденция во многом создала актовый материал — колоссальный массив исторических источников, на основе которых историки XVIII–XIX веков будут создавать «монументальные истории», посвящённые прежде всего политике. Во многих национальных историографиях возникают влиятельные юридические школы.

Интересно, что при этом современники, кажется, промахнулись мимо противоречия, над которым размышляли ещё в Античности: логическое не просто не равно историческому, но иногда ему и противоположно. Словно чтобы доказать обратное, логическая аргументация юридического языка начинает наступление на историописание. Историки вслед за судьями начинают ценить логичность своих нарративов (напомню, что в античной историографии не было привычной логической связи: история находилась под властью судьбы, как и трагедия), юриспруденция и история совпадают в аргументах, опросах свидетелей и источников. Механизмы и процедуры быстро набравшей популярность юридической науки (воспринимавшейся после Возрождения как один из столпов гуманизма и доказавшей свою полезность: «Судьи инквизи-

ции, ведущие процессы на периферии, получали предупреждение: им надлежало “со всем судебным тщанием и хитроумием” держать под контролем все высказывания обвиняемых; по возможности разыскивать орудия преступления; доказывать, что исцеления или болезни нельзя свести к естественным причинам») (С.19), проецируются и на историю.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Гинзбург справедливо указывает, что в Новое время стирается важная языковая граница между предметом и способом его описания (вслед за Сергеем Хоружим это можно было бы назвать «миметическим письмом» историографии: исторический нарратив каждый раз выбирает особый язык для своего объекта — также, разумеется, сконструированного историком). Так, Французская революция, о которой много пишет Гинзбург, не только создала язык для своего описания, но составила политический словарь, с помощью которого до сих пор описывают любую революцию вообще: «В конце XIX и в первые десятилетия XX в. историография, прежде всего политическая, и в особенности историография Великой французской революции, обрела отчетливо судебный характер» (С. 24). В этом смысле историки, описывавшие, к примеру, политические процессы Дантона или Робеспьера, оказывались во власти своего предмета и не могли уйти от навязанного им самими историческими событиями языка, так что они «время от времени любили облачаться в одежды прокурора Республики или адвоката, дабы обос-

новать с помощью подробных досье преступность Робеспьера или корумпированность Дантона. Традиция обвинительных речей, одновременно политических и моральных, за которыми следовали приговор или оправдание, сохранялась долгое время...» (С. 25). Развивая мысль Гинзбурга, можно предположить, что эта установка на сближение предмета и способа его описания вообще характерна для эпистемологии эпохи модерна, когда каждая наука получает свой собственный язык.

Здесь и случается ключевой парадокс, который имеет в виду Гинзбург, когда говорит о новых амбициях историографии. Став подлинно научной (разумеется, в том смысле, какой вкладывался в это слово начиная с XVII столетия), она стала притязать и на окончательное суждение о том, что было — а вслед за тем и на возможность беспристрастного суждения, и тем самым быстро вышла за рамки научности вообще: «Акцент делался именно на решении суда... однако историк должен был судить людей и события, руководствуясь принципом “интересы государства прежде всего” — по большей части внеположным как праву, так и нравственности» (С. 24). Это сблизило язык историографии с языком юридической науки: обе они претендовали на то, что, имея дело с прошлым (своя «история» есть у любого судебного дела), могут высказать о нём истину в последней инстанции. Нетрудно догадаться, что ущерб от этого понесла в первую очередь историческая наука, вдруг взявшая на себя ответственность за поиск исторической истины («истории, какой она была на самом деле»).

Один из первых периодов политики в историографии относится к семнадцатому веку, когда к услугам исторической науки стали прибегать в том числе для обоснования экспансионистской политики, причём именно с помощью языка юриспруденции. Сомнительная пальма первенства принадлежит здесь Франции эпохи Людовика XIV, который обосновывал войны за мелкие германские государства через сложное наследственное право. Разумеется, при этом нужна была помощь историков, которые обращались к актовому материалу официальных завещаний. Менее чем век спустя была написана работа «История волнений в Нижних землях», в которой, в частности, обосновывались права австрийских Габсбургов на Нидерланды — и которая прямо предназначалась для чтения в императорской фамилии.

Таким образом, история оказалась связана с юриспруденцией гораздо теснее, чем это может показаться. Изжив в себе морализаторский тон и желание судить (то есть стремиться к правде в юридическом смысле), историография попала в ловушку (псевдо)научного объективизма, объявив своей ценностью беспристрастность, но продолжая при этом использовать риторика из юриспруденции (вплоть до влиятельной в своё время «юридической школы», которая постулировала, что история как предмет невозможна без законодательного материала).

Реконструируя идею Гинзбурга, можно сказать, что современный проект юриспруденции с опорой на объективное и доказательное знание

потерпел неудачу, что вынудило судей апеллировать не только к морали (изначально субъективной категории), но и к исключительному положению и не подвергаемому сомнениям характеру всей юридической инстанции, которая долгое время (а во многом и сейчас) остаётся неподконтрольной обществу. «Судебная ошибка, даже если она обратима, всегда оборачивается безусловным поражением юстиции» (С. 102). Отсюда следует, что юстиции невыгодно признавать свои ошибки, а сама её теория основана на представлении об изначальной непогрешимости. Историк же в последнее время всё чаще занимает относительно нейтральную позицию: он тоже задаёт вопросы, тоже ждёт ответов, но его поиск истины даже близко не напоминает о той степени ответственности, которая есть у судьбы. (Хотя отмечу ещё раз: юридическая «процедура» претендует на место исторической логики).

ПЕРВЫЙ «КОНЕЦ ИСТОРИИ»

Следующий «истинностный» поворот историографии произойдёт только в середине XIX века, когда история откажется от поиска «истины» в пользу установления непреложных исторических законов (и тем самым, отметим, совершив причудливое движение вспять, вернётся к своему «медицинскому» истоку): «основанная на документах историография способна вознестись над раздорами и сделаться “признанным трибуналом, единым для всех”. Эти слова напоминали о быстро распространявшейся тенденции, которую подпитывала господствовавшая в то время позитивистская атмосфера»

(С. 24). По мере развития позитивизма, опиравшегося на объективные эмпирические факты, и марксизма, притязавшего на установление научных законов исторического процесса, возникает иллюзия возможности окончательного объяснения истории.

МОРАЛИЗУЮЩАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Что же произошло с историей? Дело в том, что морализующая историография выводит свою мораль из справедливого суда, который в свою очередь основан на юридическом методе работы с историей (обе науки имеют дело с прошлым, следовательно, юриспруденция может претендовать на свой статус истинности по аналогии с историей). Морально то, что находится в области права — именно к такой общепринятой морали и апеллировала историческая наука.

Где же здесь подмена, ведущая к отклонению от науки? По идее, морализующая историография должна писать об истории как раз не в контексте юридической категории морали — что же происходит? Ответ на этот вопрос находится в том же хронологическом горизонте, который Гинзбург считает ответственным за слияние дискурсов юриспруденции и историографии: в XVII столетии, в Новом времени, в режиме Модерна складывается особый язык морали, которая вдруг переносится из философии в область права и суда — а вслед за тем на неё начинает претендовать и история. Мы, наследники проекта Просвещения, являемся в то же время и его заложниками.

СУДЬЯ И ИСТОРИК

Обратимся к главной концептуальной метафоре книги — судья и историк. Если в XVII столетии произошло сближение этих двух фигур благодаря языку их областей знания, то логично предположить, что со временем судья и историк начнут отдаляться друг от друга — по мере того, как будет расти понимание, что юриспруденция в своём дискурсе должна быть гораздо более чистой «наукой», чем историография. Однако этого не происходит. Почему?

По мнению Гинзбурга, юридическое дело судьи представляет собой такой же интеллектуальный конструкт, как и глобальный метанарратив историка — стремящийся к доказательности и установлению истины. Единая и неделимая цельность, подобно «величию замысла», оправдывает все мелкие недочёты и недостатки. Таким образом возникает своеобразная презумпция виновности: если есть обвинитель, то должен быть и обвиняемый (Хейден Уайт предъявил подобное обвинение и историографии — исторический текст в силу самого своего языка «обслуживает» идеологию). Здесь мысль Гинзбурга пересекается с ключевыми теоретическими построениями Мишеля Фуко.

Важно понять, что именно осталось неизменным в эпоху модерна с Нового времени до наших дней — и что существенно увеличивает опасность судебной ошибки: теория права, юридические практики или наши идеи о судопроизводстве. Итог этих размышлений Гинзбурга печален: наша вера в основанное на демократиче-

ских институтах право подорвана. Мы по-прежнему относимся к праву как в чём-то сверхъестественному, наделённому не человеческой, а даже божественной санкцией (не случаен пример Гинзбурга с колдовскими процессами: «опыт... показывает, что до сих пор дела о колдовстве почти никогда не велись на основе приемлемых правовых критериев» (С. 19); на «одном из процессов о колдовстве... инквизитору постепенно удавалось убедить подсудимую, что явившаяся ей Богоматерь — это на самом деле дьявол, что ночные "сходки", на которые отправлялась душа подсудимого, на самом деле являлись сатанинским шабашем, и т.д.» (С. 88)). В действительности юриспруденция не так далеко ушла от архаических представлений о справедливости в суде просто потому, что основополагающая категория права трудно изменяема.

С моралью во главе судопроизводства соотносится и главный мотив признания, на основе которого строился весь процесс Софри: моральное раскаяние. Столь же важна и хронологическая дистанция в двадцать лет, прошедшие между преступлением и явкой с повинной ключевого участника преступления (выступившего в роли свидетеля), Леонардо Марино. С точки зрения суда оказывается, что это и есть время, которое требуется для раскаяния. Но Гинзбург совершенно справедливо замечает, что Марино в таком случае сам выступает как историк, рассказывающий о своём прошлом.

Итак, что общего в подходе к работе с документами судьи и историка? По мнению Гинзбурга, одно из

существенных совпадений кроется в том, что судья вольно или невольно, прочитывая документы с юридической точки зрения, подводит их под свою рабочую гипотезу, соответствующим образом задавая к ним вопросы. При этом все искажения или двусмысленности перетолковываются в пользу изначальной концепции.

В постановлении приговора судья Ломбарди также говорит об «огромной массе объективных доказательств, найденных во время следствия», позволяющих «с ясным осознанием судить о полной достоверности заявлений Марино». Впрочем, подобная «достоверность» (в этом-то все и дело) необходимо распространяется, продолжает судья, и на «ту часть показаний, где он [Марино] сообщает сведения, которые не подлежат проверке внешними свидетельствами» (С. 104). Перед нами не что иное, как прекрасно известный всем историкам метод экстраполяции. Только на этот раз переносятся не отдельные наблюдения (как правило, меньшее на большее), а «достоверность» (пока что ничем не доказанная!) одних показаний на другие. Тем паче, что «вероятность (включая психологическую вероятность абсурда) — это не истина» (С. 101).

Каков следующий шаг? В этом месте определение приговора предусматривает возможность возражения: «Конечно, это верно и повсеместно распространено в правовой сфере в связи с проблемой так называемых „ложных обобщений“, согласно которой достоверность отдельных, частично проверенных утверждений автоматически не распространяет-

ся на все содержание показаний» (С. 105). Здесь мы опять встречаемся с хорошо известным всем профессиональным историкам требованием к выводам и обобщениям. Вроде бы установленная достоверность частично проверенных утверждений не может быть перенесена на другие, однако из этого вовсе не следует проверка фальсифицируемостью (с последующими уточнениями) уже доказанных положений. Таким образом, они могут иметь иногда решающее значение для формулировки вывода (сделанного через обобщение только релевантных для историка фактов), а всё, что не согласуется с ними, просто не принимается во внимание. Что это — сознательная (или нет?) ошибка судьи (и историка) или же принципиальный методологический изъян юридического (и историографического) дискурса, который вплоть до последнего времени выпадал из поля зрения исследователей? Удивительным образом ещё в середине XX столетия о самоограничении выводов писал Анри Берр, ключевой философ школы «Анналов» (цитируя при этом Шарля Пти-Дютайи): «Если „история сложнее и включает в себе много больше того, что может понять и выразить историк“, то, по счастью, историку нет необходимости всё познать и тем более всё выразить, чтобы сделать ценные обобщения» (*Пти-Дютайи* 2019: 6).

ИСТОЧНИК И СВИДЕТЕЛЬ

Близка и герменевтическая процедура «опроса» историком источника, а судьёй — свидетеля. Может показаться, что Гинзбург возвраща-

ется к устарелому представлению о вопросах, которые надо задать источнику (как будто он может что-то «ответить» на них), однако этот подход у него выглядит вполне современным. Критический момент не в том, что историк опрашивает источник, а в том, как он это делает. Частичная ложь не опровергает общую «правду» на суде: «Марино не знает, не помнит, путается в ответах на, казалось бы, безобидные вопросы... Председатель, по-видимому, хотел предупредить ответы Марино, который в одном из случаев просто повторял автоматически его слова; было заметно, что он выбит из колеи (“Я плохо понимаю вопрос”). Оглядываясь назад, несложно заметить подспудное напряжение, прорывающееся на поверхность диалога» (С. 64). Несмотря на вызывающее сомнения поведение свидетеля, судья продолжает ему доверять, что приводит в итоге к обвинительному приговору. Презумпция историка также состоит в изначальном доверии к источнику. Разница, в частности, в том, что живого человека можно продолжать опрашивать, имея в голове нуждающуюся в проверке гипотезу. Здесь происходит ещё одна подмена (и на этот раз историография оказывает ответную услугу юриспруденции): Марино не просто пересказывает свои первые показания, то есть вспоминает и дополняет свой изначальный рассказ, но и получает заведомую возможность уточнить его (ведь стенограмма процесса «уже представляет собой интерпретацию, обуславливающую трактовки, которые появятся в ближайшем (например, мою собственную) или далеком будущем») (С. 31), — в том числе для облегчения работы след-

ствия. Результат предсказуем: «Чем больше вы уклоняетесь от возможности опровержения, тем больше оказываетесь подвержены ошибкам» (С. 103).

ЛАКУНАРНАЯ ТЕОРИЯ

Историк в классической научной парадигме действует примерно так же: «И там и там работает один и тот же принцип: заполнение лакун, связанных со скудостью материалов, с помощью заимствованных из контекста элементов...» (С. 115). Здесь можно вспомнить метафору истории как пространства (а не времени), которая требует от историка своего заполнения — и самое главное, ликвидации лакун, которые неизбежно остаются даже при самом глубоком и широком историописании. Иными словами, историк возвращается к своему тексту по крайней мере один раз, чтобы заполнить пропуски, оставшиеся после изложения его рабочей гипотезы: «Контекст, понятый как пространство исторически обусловленных возможностей, выполняет здесь определенную задачу — реконструировать фрагменты человеческой жизни, о которых не осталось документальных свидетельств» (С. 117). В итоге, чем более насыщенной фактами и чем с меньшим количеством пропусков получится история, тем лучше — можно сказать, что классическая парадигма историографии стремилась к своему предельному фактическому наполнению («контекстом элементов», по выражению Гинзбурга). И вот уже историку (как и судье) надо восстановить полную картину происшедшего: источник начинает как бы сам себя дополнять,

при этом предполагается, что доверие к нему распространяется и на другие данные: «Мы хорошо знаем, что всякое свидетельство устроено особым образом: по определению невозможно почерпнуть из него непосредственные данные об исторической реальности (или реальности как таковой)» (С. 28). (Отмечу, что при этом сам Гинзбург последовательно избегает термина реконструкция, свойственного всё-таки ремеслу историка: его интересует сближение, а не расхождение юридического и историографического дискурсов). Сам Гинзбург честно признаёт недостаточность источника, чтобы историку повторить логику судьи: «Я никогда не думал о возможности оттаивать от этого документального материала, стремясь с исторической точки зрения реконструировать обстоятельства, ставшие предметом приговора» (С. 31).

Однако здесь же возникает и ключевой парадокс этой метафоры и парадигмы: вдруг оказывается, что у любого факта (или даже аргумента) есть своё собственное место, локус, в рабочей гипотезе историка, куда он и должен его вставить — но разумеется, перед нами здесь только интеллектуальная конструкция самого учёного, который и придумывает эти места: «такое заполнение лакун сигнализирует о возможности, а не о необходимом следствии; о догадках, а не установленных фактах. Если вы сделаете иной вывод, то вам придется отказаться от идеи случайности и отсутствия предопределенности, составляющей важную (хотя и не уникальную) черту человеческой жизни» (С. 117). Кроме того, историк часто исходит из того,

что факт что-то «репрезентирует», и в таком случае его задачей является установление «режима репрезентации»: «в источниках (письменных, визуальных и т. д.) принято усматривать прежде всего сведения о социальных «репрезентациях»; одновременно сама возможность интерпретировать связи между этими сведениями и фрагментами реальности, которые они описывают или репрезентируют, отвергается как непростительная позитивистская наивность...» (С. 28). Это герменевтический круг на новом витке спирали: факты что-то «репрезентируют», но понять эту репрезентацию возможно не из суммы фактов, а только благодаря «непростительной позитивистской наивности», притязавшей на выявление исторических закономерностей.

Итак, дерзкая претензия к ликвидации лакун (и в судебном деле, и в историографии) отменяет случайность в истории, между тем допущение её — один из ключевых принципов методологии гуманитарных наук в целом (Анри Берр в своём предисловии к книге Шарля Пти-Дютайи писал о «двойственной, согласно её природе, роли случайности» даже в строгом научном исследовании по исторической социологии: «Есть поведение сообществ — со своими этническими характерами; есть поведение индивидов со своими достоинствами и изъянами, апатией или амбициями, следствием чего в эти импульсивные времена становятся интриги, манипуляции, торг, подкуп, измены, отречения. Есть игра браков и разводов, вступления на трон в качестве соправителя или наследника» (Пти-Дютайи 2019: 8).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ, ИНСТИТУЦИЯ И КОНСПИРОЛОГИЯ

«Здесь на сцене появляется судья и свидетель, а не судья и подсудимый: однако сегодня, как и прежде, тот, кто обладает большей властью и знаниями, стремится (разумеется, с совершенно чистыми намерениями) убедить другого в необходимости разделить собственную точку зрения» (С. 88). Таким образом, мы вновь подпадаем власти того, кто обладает (историческим) знанием — и кто может навязать свою точку зрения в толковании событий другим людям. После выяснения первичных обстоятельств дела в голове у судьи возникает уже готовая картина происшедшего, подобная рабочей гипотезе историка, и отказаться от неё или даже внести в неё существенные поправки крайне трудно. Многочисленные юридические процедуры могут только немного скорректировать изначальную концепцию, но не меняют её в принципе (точно так же, как упрямые факты в чём-то противоречат гипотезе историка). Но лучше владея языком права и имея гораздо больше знаний и опыта, судья может таким образом провести допрос свидетеля, что тот в итоге скажет то, что ему надо. Трудно отделаться от впечатления, что иногда точно так же ведёт себя историк по отношению к источнику.

С юридической точки зрения установление истины важно для оправдания или осуждения (в последнем случае особенно — для вынесения наказания). У историка вроде бы такой компетенции уже давно нет, ведь морализующая историография ушла

в прошлое (а где есть «истина», там должно быть и её «доказательство»): «По мнению многих специалистов, понятие “доказательство” вышло из моды, равно как и понятие “истина”, с которым оно сильно связано исторически (и, следовательно, без необходимости). Причин подобной девальвации множество, и не все они принадлежат к интеллектуальной сфере» (С. 28). Однако кое-что остаётся неизменным, на что Гинзбург намекает в «Судье и историке». Профессиональные корпорации историков часто владеют монополией и на само историческое знание и — что может быть ещё важнее — на наше представление об истории. Тем самым в действительности моральная ответственность историков нигде не исчезла, а потеряв (по видимости) право на исторический суд в науке, историки неявно вернули его себе в претензиях на объективность в различных неопозитивистских и структуралистских подходах. Историкам оказалось не так просто распрощаться с тем единственным проявлением власти, которое было у их науки. В связи с этим кажется символичным, что в свои размышления Гинзбург включает удивительный отрывок о теории заговора: «... Термин “заговор” уже почти десять лет используется в по большей части негативных контекстах: почти всегда речь заходит о заговорах в тот момент, когда необходимо показать, что их не существует или же что они существуют лишь в необузданном воображении “конспирологов”... Ныне нет сомнений, что о заговорах и конспирологии всегда и везде писалось огромное количество глупостей, порой имевших зловещие последствия. И все же нельзя

отрицать, что заговоры существуют. В современных государствах есть особые институты (спецслужбы), в задачу которых входит их подготовка и раскрытие. Известно, впрочем, что люди, не желающие выглядеть наивными, как правило, говорят о спецслужбах в тоне насмешливого превосходства: поистине любопытный подход, учитывая, что мы живем в мире, где до недавнего времени господствовали две супердержавы, которыми управляли соответственно бывший директор ЦРУ и протеже покойного главы КГБ. Историкам современности следует задаться вопросом, не свидетельствует ли это совпадение о новом явлении: особой, относительно независимой и растущей роли спецслужб в международной жизни... Хочу подчеркнуть здесь множественное число — «заговоров», помогающее избежать рисков упрощения, угрожающих использованию этого понятия. Почти всегда в результате одного заговора возникают другие заговоры — подлинные, стремящиеся завладеть первым заговором, фиктивные, чья функция — замаскировать его, и противоборствующие, задача которых — противостоять ему... Однако намного более важен другой факт: всякое действие, имеющее цель (и, следовательно, всякий заговор, ибо он является действием, преследующим в высшей степени рискованные цели), находится внутри системы, состоящей из разноприродных и непредсказуемых сил. В эту сложную сеть из акций и реакций вовлечены и социальные процессы, манипулировать которыми непросто; здесь появление новых целей независимо от первоначальных намерений служит правилом» (С. 68–69).

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Есть ли выход из этой драматической ситуации? Вся выдающаяся научная карьера Карло Гинзбурга доказывает: надо отказаться и от монументальной истории, и от морализирующих исторических нарративов в пользу той историографии, где ещё остался человек, которого в действительности искали все крупные историки XX века, начиная с Марка Блока. Во всех остальных случаях историк должен быть предельно внимательным к себе и к своей профессиональной корпорации, отдавая себе отчёт в том, не променял ли он рассказ о прошлом на квазиобъективные научные построения — или же на опрокинутую в прошлое политику.

Но не всё так безнадежно: Карло Гинзбург предлагает своеобразную «вероятностную» историографию, которая уклоняется как от агностицизма следования только фактам, так и от нарративов метафизического знания о «непреложных законах», «различает установленную истину и вероятность, сигнализируя о заполнении лакун в документации с помощью сослагательного наклонения (или же слов “возможно”, “вероятно”), а не скрывая их с помощью изъяснительного наклонения». Этот метод «сопоставим с современной реставрацией, при которой специалисты не стремятся устранить лакуны на изображении, накладывая новый рисунок, но подчеркивают границы неразличимой зоны, не пытаясь ее восстановить. Контекст, понятый как пространство исторически обусловленных возможностей, выполняет здесь определенную за-

дачу — реконструировать фрагменты человеческой жизни, о которых не осталось документальных свидетельств. Впрочем, такое заполнение лакун сигнализирует о возможности, а не о необходимом следствии; о догадках, а не установленных фактах. Если вы сделаете иной вывод, то вам придется отказаться от идеи случайности и отсутствия предопределенности, составляющей важную (хотя и не уникальную) черту человеческой жизни» (С. 117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бурдах* 2004 — *Бурдах К.* Реформация. Ренессанс. Гуманизм // Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: РОССПЭН, 2004.
- Виллер* 2017 — Синесий из Кирен. О технике литературной композиции. «Федр» // Виллер Э. А. Учение о Едином в античности и средневековье. Антология текстов. Пер. с норвежск., общ. ред. Н. М. Прохоровой. СПб.: Алетейя, 2017.
- Гинзбург* 2021 — *Гинзбург К.* Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри // Пер. с ит. М. Б. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Прескотт* 2023 — *Прескотт У.* История правления Филиппа II, короля Испании. Пер. с англ. Ч. II. М.: Principium, 2023.
- Пти-Дютайи* 2019 — *Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. Пер. с фр. С. П. Моравского. СПб.: Евразия, 2019.

REFERENCES

- Burdah K. *Reformacija. Renessans. Gumanizim* // Per. s nem. M. I. Levinoj. M.: ROSSPJeN, 2004.
- Ginzburg K. *Sud'ja i istorik. Razмышlenija na poljah processa Sofri* // Per. s it. M. B. Velizheva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- Prescott U. *Istorija pravlenija Filippa II, korolja Spanii*. Per. s angl. Ch. II. M.: Principium, 2023.
- Pti-Djutaji Sh. *Feodal'naja monarhija vo Francii i v Anglii X–XIII vekov*. Per. s fr. S. P. Moravskogo. SPb.: Evrazija, 2019.
- Sinesij iz Kiren. O tehnike literaturnoj kompozicii. «Fedr» // Viller Je. A. *Uchenie o Edinom v antichnosti i srednevekov'e. Antologija tekstov*. Per. s norvezhsk., obshh. red. N. M. Prohorovoj. SPb.: Aletejja, 2017.

Н. Н. Подосокорский

О БИОГРАФИИ ЛЮСЬЕНА БОНАПАРТА, ДЕПУТАТА, МИНИСТРА, ПОСЛА, АКАДЕМИКА, МЛАДШЕГО БРАТА НАПОЛЕОНА I, НАПИСАННОЙ М. СИМОНЕТТОЙ И Н. АРИХА

Рец.: Симонетта М., Ариха Н. Люсьен, мятежный брат Наполеона. Семья и власть: [биографический очерк] / Марчелло Симонетта, Нобэ Ариха; пер. с итал. Татьяны Кудрявцевой. М.: Слово/Slovo, 2023. 360 с.: ил.

Аннотация: Рецензируемая книга представляет собой научную биографию Люсьена Бонапарта (1775–1840), французского политического и государственного деятеля эпохи Великой французской революции и Первой империи, князя Канино, младшего брата императора Наполеона I. Люсьен Бонапарт сыграл ключевую роль в государственном перевороте 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.), в результате которого Наполеон пришел к власти во Франции. Однако, его отношения со старшим братом на протяжении жизни были весьма сложными и напряженными. Авторы книги — итальянские ученые Марчелло Симонетта и Нобэ Ариха — использовали в своей работе материалы архивов, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Люсьен Бонапарт, переворот 18 брюмера, Наполеон, Первая империя, Бонапарты, история Франции, Французская академия.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород). Email: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT THE BIOGRAPHY OF LUCIEN BONAPARTE, DEPUTY, MINISTER, AMBASSADOR, ACADEMICIAN, YOUNGER BROTHER OF NAPOLEON I, WRITTEN BY M. SIMONETTA AND N. ARIHA

Rev.: Simonetta 2023 — Simonetta M., Arikha N. Lyus'en, myatezhnyj brat Napoleona. Sem'ya i vlast': [biogr. ocherk] / Marchello Simonetta, Nóga Arikha; per. s ital. Tat'yany Kudryavcevoj. M.: Slovo/Slovo, 2023. 360 p.

Abstract. The reviewed book is a scientific biography of Lucien Bonaparte (1775–1840), a French politician and statesman of the era of the French Revolution and the First Empire, Prince Canino, the younger brother of Emperor Napoleon I. Lucien Bonaparte played a key role in the coup d'état of 18 Brumaire, Year VIII of the Republic (November 9, 1799), as a result of which Napoleon came to power in France. However, his relationship with his older brother throughout his life was very complicated and tense. The authors of the book — Italian scientists Marcello Simonetta and Noga Arikha — used in their work the materials of the archives, introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Lucien Bonaparte, coup of the 18th Brumaire, Napoleon, the First Empire, Bonaparte, history of France, Académie Française.

Corresponding author: Podosokorsky Nikolay Nikolayevich, PhD (candidat filologicheskikh nauk), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia). Email: n.podosokorskiy@gmail.com

О Наполеоне I написано необозримое количество научных трудов, однако другие члены семьи Бонапартов обычно, в лучшем случае, остаются на периферии подобных исследований, хотя биографии многих из них чрезвычайно важны и интересны, ведь они не просто были свидетелями больших исторических событий, но и оказывали заметное влияние на политику и моду Европы того времени, а некоторые из них, пусть и номинально, возглавляли некоторое время целые государства от Голландии до Испании.

На русском языке с учетом переводной литературы издано лишь несколько обзорных трудов о семье Наполеона Великого (*Сьюард* 1995;

Делдерфилд 2001а; *Иванов* 2006; *Стэктон* 2012 и др.) и отдельных книг о женах французского императора (*Кирхейзен*, 1991; *Кастело* 1994; *Делдерфилд* 2001б; *Нечаев* 2004; *Массон* 2007; *Флейшман* 2017 и др.) и его сыне — Наполеоне II (*Кастело* 2007). К этому можно добавить перевод биографии Иоахима Мюрата, принадлежащей перу Жана Тюлара (*Тюлар* 1993), — Мюрат породнился с Наполеоном, женившись на его сестре Каролине, и популярную биографию самой Каролины (*Нечаев* 2005).

Выход на русском языке монографии об одном из братьев Наполеона, написанной профессором истории и литературы эпохи Возрождения,

доктором философии, научным сотрудником Университета Ла Сапиенца в Риме и Проекта архива Медичи во Флоренции Марчелло Симонеттой и доктором философии, научным сотрудником Института Варбурга в Лондоне Нобой Ариха, таким образом восполняет заметный пробел. Это первая переведенная на русский книга об одном из четверых братьев Наполеона — Люсьене, причем едва ли не самом умном и способном из них, и это исследование позволяет посмотреть на историю Консульства и Первой империи с непривычного ракурса.

До сих пор русскому читателю, интересующемуся наполеоновской эпохой, о Люсьене Бонапарте (1775–1840) было известно главным образом то, что он, будучи председателем Совета пятисот, активно содействовал приходу Наполеона к власти в ноябре 1799 года, затем недолгое время побыл министром внутренних дел Французской республики, но, потом, рассорившись с братом, отдалился от политики и жил частной жизнью. В книге «Наполеон» академика Е. В. Тарле Люсьену посвящено всего несколько строк, как раз в связи с событиями 18 брюмера (Тарле 2010: 75–76).

В монографии «Наполеон Бонапарт» А. З. Манфреда Люсьен занимает гораздо больше места (сообщается о его службе у Паскуале Паоли на Корсике, и о ключевой роли в событиях 18 брюмера, и о нарастающих трудностях в отношениях с Наполеоном после того, как тот стал первым консулом). Но при этом историк не скрывает своего крайне негативного восприятия фигуры Люсьена. По его

словам, тот еще в юности был «взбалмошным» (Манфред 1998: 55); затем уже как министр интриговал против старшего брата (Манфред 1998: 286); наконец, в 1807 году, когда Наполеон искал с ним примирения и предлагал ему «королевский престол на выбор — во Флоренции, в Лиссабоне или в Мадриде», то последний «отверг все предложения», потому что «предпочел остаться со своей обидой» (Манфред 1998: 440). Версии событий, изложенной в мемуарах самого Люсьена, Манфред определенно не доверяет (Манфред 1998: 596).

Автор двухтомной биографии Наполеона Н. А. Троицкий гораздо более внимателен и справедлив к Люсьену, называя его из всех братьев Наполеона самым талантливым (Троицкий 2020, 1: 34). Исследователь довольно объективно описывает канву отношений двух братьев: «Он серьезно помог Наполеону в критических ситуациях 18 брюмера 1799 г. и “Ста дней” 1815 г., но между этими двумя датами почти все время, единственный из братьев, был с ним в разрыве на личной почве. Дело в том, что осенью 1803 г. Люсьен женился на Александрине Блешам, вдове обанкротившегося и бежавшего из Франции спекулянта Жубертонна. Наполеон не признал этот брак, а Люсьен не захотел оставить Александрину, от которой нажил 10 детей. В результате он один из всех братьев и сестер не получил от Наполеона никакого титула» (Троицкий 2020, 1: 34–35).

Здесь нет никакой возможности и необходимости делать более подробный обзор отношения к Люсьену в отечественной историографии — я лишь выделил оценки его

личности, присутствующие в наиболее авторитетных биографиях Наполеона, созданных российскими учеными. В последние годы также появились исследования о роли Люсьена Бонапарта как собирателя, популяризатора и открывателя произведений искусства, но пока что они носят узкоспециальный характер (Петракова 2019). Можно сказать, что только появление специальной работы, всецело посвященной жизни Люсьена, князя Канино, по-настоящему открывает его уникальную личность для русской мысли.

Монография Симонетты и Ариха имеет много достоинств. Во-первых, книга написана чрезвычайно увлекательно и читается как захватывающий роман эпохи романтизма. Симонетта и Ариха признаются, что историю Люсьена и его красавиц-жены Александрины их подвигла изучать посвященная им эротическая картина Гийома Гийьона-Летьера «Сон Венеры» (1802), на которой изображена чувственная обнаженная женщина, томно возлежащая на кушетке (Александрина), и пристально смотрящий на нее видный мужчина (Люсьен). Картина эта, действительно, поражает воображение и напоминает о созданной несколькими годами ранее «Обнаженной махе» Франсиско Гойи (Люсьен Бонапарт в период своей службы послом Франции при испанском дворе видел эту картину в доме Мануэля Годоя).

Во-вторых, книга великолепно издана и проиллюстрирована. Последнее подчеркивает и особую значимость роли искусства в жизни Люсьена, тем более что его коллекция была поистине выдающейся: в ней были

картины Веласкеса, Тициана, Рубенса и др.

В-третьих, в ней фигура Люсьена отнюдь не сводится к функции неудачливого и обиженного брата великого императора: эпитет «мятежный брат», вынесенный в название книги, на самом деле больше говорит о силе духа и воли Люсьена, превратившего свою частную жизнь в политический манифест, чем о его реальном стремлении бунтовать против Наполеона, в чем его обвиняли агенты министра полиции Жозефа Фуше.

В-четвертых, взгляд на происходящее вокруг Наполеона и в его империи как бы глазами одного из его братьев сам по себе полезен и интересен. Этот труд можно отнести к тем, которые служат высокой миссии очеловечивания истории, ибо «непримиримый» конфликт между Наполеоном и Люсьеном был в своей основе конфликтом между деспотизмом авторитарного правителя и свободолобием дорожающего своими достоинством и честью гражданина, не пожелавшего пожертвовать своей женой ради короны, богатства и политического влияния.

Источниковедческой базой исследования послужили, помимо многочисленных опубликованных мемуаров и научных трудов, материалы ряда архивов (архива семьи Фаина в Перудже, архива братьев-миноритов Ломбардии в Милане, архива Фонда Примоли и др.), включая никогда ранее не публиковавшиеся фрагменты воспоминаний героя книги. Авторы заявляют, что полковник в отставке Теодор Юнг, опубликовавший в 1883 году мемуары Люсьена

Бонапарта в трех томах, опустил примерно половину текста (*Симонетта* 2023: 8). По их словам, в издании Юнга «были опущены длинные описания из отрочества, юности и зрелого периода жизни Люсьена, в которых рассказывается о тех, кого он любил и ненавидел. Бесцеремонный издатель убрал многочисленные анекдоты об отношениях Люсьена с Наполеоном, тремя остальными братьями и тремя сестрами, матерью, иными родственниками и собственными детьми. В неизданных воспоминаниях мы видим Люсьена, который размышляет, волнуется, любит, шутит, сомневается, открывает новое, строит планы и высказывает неожиданные и резкие суждения о своей семье, самых циничных политиках Франции — Талейране и Фуше, графах и князьях, встреченных в Испании и Италии, и о своих многочисленных друзьях — художниках и писателях» (С. 9).

Уже в раннем возрасте Люсьен проявил выдающиеся ораторские способности, став в 15 лет секретарем корсиканского лидера Паскуале Паоли, вернувшегося на родину с началом Великой Французской революции после многолетней эмиграции. Эту же должность за двадцать лет до Люсьена занимал при Паоли его отец, Карло Буонапарте. Люсьен вспоминал, что Паоли как-то сказал ему: «Твой отец был моим лучшим другом. Он был моложе меня, но читал много книг, пока я учился читать в сердцах людей. Если бы он прожил дольше, то стал бы продолжателем моего дела» (С. 30).

Одним из самых счастливых дней своей жизни Люсьен считал спасе-

ние им от гильотины около тридцати заключенных в Сен-Максимене в разгар якобинского террора, причем, если верить авторам, он дал тогда отпор людям Поля Барраса, который вскоре станет главой французского правительства. В 1795 году сам Люсьен на некоторое время оказался в тюрьме, но судьба оказалась к нему милостива, и его помиловали и освободили. С началом Египетского похода Наполеона Люсьен, поддавшись охватившей страну египтомании, дал своей дочери Кристине второе имя — Египта.

К сожалению, в книге никак не объясняются причины избрания 24-летнего Люсьена председателем одной из палат французского парламента — Совета пятисот — всего за две недели до госпереворота 18 брюмера. А. Тьер считал, что так собрание пыталось выказать почтение к внезапно вернувшемуся из Египта генералу Бонапарту (*Тьер* 2015–2016, 3: 760). Н. А. Троицкий объясняет это приступом радости, охватившей депутатов от этой новости (*Троицкий* 2020, 1: 296). А. З. Манфред, приводя ту же версию, вместе с тем не исключает, что выбор депутатов мог объясняться и личными достоинствами самого Люсьена (*Манфред* 1998: 202), являвшегося членом Совета пятисот от Корсики с апреля 1798 года.

О характере Люсьена хорошо говорится в следующем месте:

Люсьен был мечтателем, амбициозным идеалистом, Наполеон же — рациональным реалистом, стремившимся подчинить всех и вся своей воле. Однако Люсьен совсем не жил в “царстве безумных”: он всего лишь

был наделен чрезвычайной чувствительностью и творческой искрой, подпитываемыми обширным гуманистическим образованием. Он умел блеснуть остроумием в обществе. Однажды на приеме у богатого торговца оружием Уврара, тогдашнего любовника мадам Тальен, Люсьен сидел напротив Жюли [Рекамь]. Один из гостей предложил тост за присутствующих красавиц, за ним последовали тосты за отсутствующих. Вдруг неожиданно для всех Люсьен поднял бокал шампанского — а он вообще никогда не пил — и предложил выпить за красивейшую из женщин. Все взгляды устремились к скромно зардевшейся мадам Рекамье. Люсьен сделал эффектную паузу. Комнату заполнило напряженное молчание. Все ожидали, что сейчас он зачитает хвалебное двустипшие, но вместо этого он произнес: «Выпьем за мир (французское слово “paix” — женского рода. — *Примеч. ред.*)! Разве не его мы все желаем?» (С. 90–91).

Возвышенный идеализм Люсьена отмечала в своих мемуарах и герцогиня д’Абрантес: «Что до ума и таланта, Люсьену было всегда не занимать ни того, ни другого. В юности, находя интересной какую-либо тему, он полностью погружался в нее и словно жил в своем метафизическом мире, разительно отличавшемся от нашего интеллектуального мира» (С. 90).

Разлад Люсьена с Наполеоном начался почти сразу же после того как последний захватил верховную власть во Франции. Симонетта и Ариха полагают, что обвинения Люсьена в коррупции и финансовой нечистоплотности в бытность его министром внутренних дел Французской рес-

публики были сильно преувеличены Фуше и другими недоброжелателями, к стану которых принадлежала и жена первого консула Жозефина, затаившая обиду на Люсьена, пытавшегося ранее развести ее с Наполеоном за демонстративные измены. Однако сам Наполеон искал лишь повод, чтобы избавиться в своем правительстве от такого строптивого и независимого подчиненного, коим был его брат, оставшийся верным республиканским идеалам юности и не желавший безропотно выполнять любые указания брата.

Назначенный послом Франции в Испании Люсьен также не смог проявить свои дипломатические способности в полной мере, поскольку внешняя политика Наполеона становилась все более агрессивной, а доверие между братьями лишь уменьшалось. Как отмечают авторы, «чем пышнее расцветал деспотизм Наполеона, тем ярче разгорался огонь республиканских идеалов в душе Люсьена» (С. 138). Несмотря на это Люсьену удалось наладить, насколько это было возможно, отношения с королевской семьей и влиятельнейшим временщиком Годоем.

Одна из самых интересных линий в книге — описания «вещих» снов и кошмаров главных героев. К примеру, накануне знакомства со своей второй женой — Александриной Жубертон — Люсьен, который прежде никогда ее не видел, созерцал ее во сне в виде обворожительной незнакомки, а на следующее утро, встретившись с реальной Александриной в парке, он тотчас признал в ней столь восхитивший его образ из недавнего сна. Совсем иного рода сны

посещали Наполеона: Жозефина рассказывала, что ему «часто снился один и тот же кошмарный сон, в котором Люсьен шел на Тюильри во главе разъяренной толпы санкюлотов, чтобы прогнать первого консула из королевского дворца» (С. 178). Даже если последний сон был выдуман Жозефиной, отношение Наполеона к Люсьену на самом деле было весьма подозрительным — он даже как-то приказал матери «предупредить Люсьена, что ему не позволялось быть популярнее у народа, чем он сам» (С. 200).

Упорное стремление Наполеона развести Люсьена с его любимой и любящей женой, глубоко отравлявшее отношения между братьями, было продиктовано целым комплексом причин. Наполеон, безусловно, пытался подражать другим императорам и даже велел принять закон, запрещающий членам его семьи заключать браки без его одобрения. Это было важно и для поддержания иерархии внутри семьи, и для установления и укрепления династических связей, обеспечивающих, как тогда казалось, рост политического влияния и устойчивости молодой наполеоновской империи. В случае же Люсьена необходимо было подавить явную фронду, так как его личная свобода на фоне низжайшей покорности остальных воспринималась как все более вызывающая и опасная. Кроме того, Наполеону, все чаще задумывающемуся о вынужденном разводе с бесплодной Жозефиной ради появления прямого наследника престола, хотелось предварительно создать прецедент с разводом, и Люсьен, учитывая его известность и выдающуюся карьеру, идеально

подходил для задачи сместить фокус общественного внимания на себя.

Однако сам Люсьен вовсе не жаждал променять, подобно другим братьям, свое личное счастье на изменчивое и гнетущее покровительство Наполеона, который привык отдавать приказы, ломающие чужие судьбы, ради преследования своих собственных интересов. Были моменты, когда Люсьен подвергался колоссальному давлению практически всех родственников, убеждающих его в письмах не расстраивать и не злить императора; он мог ожидать похищения своей жены и собственного ареста, не говоря уже о планомерном выдавливании его из наполеоновской империи и подконтрольных ей территорий как изгоя. В 1810 году давление стало столь невыносимым, что ему все же пришлось эмигрировать в Америку, до которой, впрочем, он так и не доплыл, ибо его корабль был перехвачен англичанами.

Вынужденно прожив несколько лет в Британии на положении почетного узника, Люсьен смог вернуться в Италию лишь после первого отречения Наполеона в 1814 году. Тем удивительнее, что он оказался одним из тех, кто сразу же поддержал возвращение императора к власти на период т. н. *Ста дней*, приехав к нему в Париж. Позднее, уже когда Наполеон находился в ссылке на острове Святой Елены, Люсьен написал: «Когда я заглядываю в глубины моей души, то вижу, что возмущение молодого государственного деятеля, уязвленного в своем самолюбии чиновника, оскорбленного в своих политических убеждениях, и, самое важное, в своих чувствах мужа и от-

ца, изгнанного и преследуемого столь долгие годы, — что все эти чувства сегодня сменило сострадание при виде скорбной картины моего брата, нового Прометея, в оковах... с сердцем, истерзанным... тяжестью воспоминаний о славе и сожалениями о злоупотреблении властью» (С. 90).

К сожалению, в книге не обошлось и без неточностей. Так, архидьякон Аяччо — Люсьен (Луциано) (1718–1791) назван авторами «братом» рано умершего мужа Летиции Рамолино, Карло Буонапарте (С. 21), отца Наполеона, хотя на самом деле архидьякон приходился Карло дядей. Также утверждается, что к началу осады Тулона в конце августа — начале сентября 1793 года Наполеон стал майором артиллерии (С. 47), хотя он на тот момент был всего-навсего капитаном (*Троцкий* 2020, 1: 87), а звание майора получил лишь уже в ходе осады, 18 октября (*Чандлер* 1999: 36). Авторы отмечают, что Конкордат Наполеона от 15 июля 1801 года, был подписан между первым консулом и римским папой Пием VII «при активном посредничестве Люсьена как министра внутренних дел» (С. 154), хотя с поста министра Люсьен был уволен еще 7 ноября 1800 года.

Не раскрыта в книге и тема принадлежности Люсьена к братству вольных каменщиков. Авторы лишь отмечают, что Люсьен был масоном и установил «довольно тесные отношения» с масонами Италии (С. 336).

Подытоживая, отмечу, что Люсьен Бонапарт был не только выдающимся оратором и политиком, но и талантливым прозаиком и поэтом. Среди его произведений: роман «Индийское

племя, или Эдуард и Стеллина», поэмы «Карл Великий, или спасенная церковь», «Америка» и др. Последняя восхваляла доблести великого американского военачальника, генерала Джорджа Вашингтона, устоявшего перед искушением установить в стране личную диктатуру и править пожизненно. В 1803 году Люсьен стал членом знаменитой Французской академии, откуда его исключили 1816 году как представителя прежнего режима, нарушив тем самым устав о пожизненном членстве. В течение тринадцати лет он занимал кресло одного из *сорока бессмертных* под номером 32, которое до него, еще в XVII веке занимал поэт и драматург Жорж де Скюдери, а впоследствии, в 1845 году, оно перешло к писателю Альфреду де Виньи. В 1823 году, когда от бывшего влияния Люсьена осталось не так уж много, его избрали членом Американского философского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Делдерфилд 2001a — *Делдерфилд Р. Ф.* Братья и сестры Наполеона: Исторические портреты. Пер. с англ. А. И. Коршунова. М.: Центрполиграф, 2001. 395 с.

Делдерфилд 2001b — *Делдерфилд Р. Ф.* Жены и любовницы Наполеона: Исторические портреты / Пер. с англ. Л. В. Романова. М.: Центрполиграф, 2001. 397 с.

Иванов 2006 — *Иванов А. Ю.* Двенадцать Бонапартов. М.: Вече, 2006. 320 с.

Кастело 1994 — *Кастело А.* Жозефина: Историческое эссе. В 2 кн. / Пер. с франц. Ю. Корнеева. СПб.: Северо-Запад, 1994.

Кастело 2007 — *Кастело А.* Сын Наполеона: биография / Пер. И. Кастальской. М.: Захаров, 2007. 672 с.

Кирхейзен 1991 — *Кирхейзен Г.* Женщины вокруг Наполеона. М.: Вся Москва, 1991. 430 с.

Манфред 1998 — Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1998. 624 с.

Массон 2007 — Массон Ф. Наполеон и женщины / Пер. с франц. И. Г. Гольденберга. М.: Гелеос, 2007. 288 с.

Нечаев 2004 — Нечаев С. Жозефина Бонапарт. Тайна любви и смерти. М.: АСТ-Пресс книга, 2004. 256 с.

Нечаев 2005 — Нечаев С. Каролина Бонапарт. Раба любви. М.: АСТ, 2005. 256 с.

Петракова 2019 — Петракова А. Е. Вазы из ранних раскопок Люсьена Бонапарта в Канино в собрании Государственного Эрмитажа // Боспорские исследования. 2019. № 38. С. 299–329.

Симонетта 2023 — Симонетта М., Ариха Н. Люсьен, мятежный брат Наполеона. Семья и власть: [биограф. очерк] / Марчелло Симонетта, Нόга Ариха; пер. с итал. Татьяны Кудрявцевой. М.: Слово/Slovo, 2023. 360 с.: ил.

Стэктон 2012 — Стэктон Д. Бонапарты: от императора до наших дней / Пер. с англ. И. Кастальской. М.: Захаров, 2012. 416 с.

Сьюард 1995 — Сьюард Д. Семья Наполеона. / Пер. с англ. Т. С. Бушуевой. Под общ. ред. И. П. Щерова. Смоленск: Русич, 1995. 416 с.

Тарле 2010 — Тарле Е. В. Наполеон. М.: АСТ: Астрель, 2010. 413 с.

Троицкий 2020 — Троицкий Н. А. Наполеон Великий: в 2 т. / Подг. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Тьер 2015–2016 — Тьер Л.-А. История Французской революции: в 3 т. М.: Захаров, 2015–2016.

Тюлар 1993 — Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации / Пер. с фр. М.: ТЕРРА, 1993. 382 с.

Флейшман 2017 — Флейшман Г. Жозефина; Письма Наполеона к Жозефине. М.: Захаров, 2017. 448 с.

Чандлер 1999 — Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия

завоевателя: Монография / Пер. с англ. Н. Б. Черных-Кедровой. М.: Центрполиграф, 1999. 693 с.

REFERENCES

Chandler D. *Voennye kampanii Napoleona. Triumf i tragediya zavoevatel'ya: Monografiya* / Per. s angl. N. B. Chernykh-Kedrovoy. M.: Centrpoligraf, 1999.

Delderfeld R. F. *Brat'ya i sestry Napoleona: Istoricheskie portrety*. Per. s angl. A. I. Korshunova. M.: Centrpoligraf, 2001.

Delderfeld R. F. *Zheny i lyubovnicy Napoleona: Istoricheskie portrety* / Per. s angl. L. V. Romanova. M.: Centrpoligraf, 2001.

Fleishman G. *Zhozefina; Pis'ma Napoleona k Zhozefine*. M.: Zakharov, 2017.

Ivanov A. Yu. *Dvenadcat' Bonapartov*. M.: Veche, 2006.

Kastelo A. *Zhozefina: Istoricheskoe ehsshe*. V 2 kn. / Per. s franc. YU. Korneeva. SPb.: Severo-Zapad, 1994.

Kastelo A. *Syn Napoleona: biografiya* / Per. I. Kastal'skoj. M.: Zakharov, 2007.

Kirkhejzen G. *Zhenshchiny vokrug Napoleona*. M.: Vsy Moskv, 1991.

Manfred A. Z. *Napoleon Bonapart*. M.: Mysl', 1998.

Masson F. *Napoleon i zhenshchiny* / Per. s franc. I. G. Gol'denberga. M.: Geleos, 2007.

Nechaev S. *Zhozefina Bonapart. Tajna lyubvi i smerti*. M.: AST-Press kniga, 2004.

Nechaev S. *Karolina Bonapart. Raba lyubvi*. M.: AST, 2005. 256 s.

Petrakova A. E. *Vazy iz rannikh raskopok Lyus'ena Bonaparta v Kanino v sobranii Gosudarstvennogo Ehrmitazha* // *Bosporskie issledovaniya*. 2019. № 38. S. 299–329.

Simonetta M., Arikha N. *Lyus'en, myatezhnyj brat Napoleona. Sem'ya i vlast'*: [biogr. ocherk] / Marchello Simonetta, Nόga Arikha; per. s ital. Tat'yany Kudryavcevoj. M.: Slovo/Slovo, 2023.

Stehkton D. *Bonaparty: ot imperatora do nashikh dnei* / Per. s angl. I. Kastal'skoj. M.: Zakharov, 2012.

S'yuard D. *Sem'ya Napoleona.* / Per. s angl. T.S. Bushuevoj. Pod obshch. red. I. P. Shcherova. Smolensk: Rusich, 1995.

Tarle E. V. *Napoleon.* M.: AST: Astrel', 2010.

Troickij N.A. *Napoleon Velikij:* v 2 t. / Podg. k publ., vstup. st. M.V. Kovaleva, YU.G. Stepanova. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2020.

T'er L.-A. *Istoriya Francuzskoj revolyucii:* v 3 t. M.: Zakharov, 2015–2016.

Tyular ZH. *Myurat, ili Probuzhdenie nacji* / Per. s fr. M.: TERRA, 1993.

П. А. Пучков

ЗАМЕТКИ О «НАНКИНСКОЙ РЕЗНЕ» АЙРИС ЧАН

Рец.: Чан А. Нанкинская резня. СПб.: Питер, 2024. 352 с.

Аннотация: Рецензируемая книга посвящена одному из самых страшных эпизодов Второй мировой войны в Восточной Азии — массовому убийству солдатами японской императорской армии китайских военнопленных и мирных граждан в Нанкине зимой 1937/1938 гг. Книга Айрис Чан «Изнасилование Нанкина» (в русском переводе — «Нанкинская резня»), изданная в 60-ю годовщину трагических событий, привлекла к ним внимание западной публики. В рецензии рассматриваются обстоятельства, способствовавшие успеху издания, а также приемы сторителлинга, позволившие автору книги добиться сочувственной реакции аудитории.

Ключевые слова: Айрис Чан, Нанкинская резня, Вторая мировая война в Восточной Азии, memory studies.

Сведения об авторе: Пучков Павел Андреевич — кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Email: ra.puchkov@hse.ru

P. A. Puchkov

REMARKS ON “THE RAPE OF NANKING” BY IRIS CHANG

Rev.: Chan A. Nankinskaja reznja. SPb.: Piter, 2024. 352 p.

Abstract. The reviewed book is dedicated to one of the most horrible episodes of World War II in East Asia — the massacre of Chinese prisoners of war and civilians by soldiers of the Imperial Japanese Army in Nanjing in the winter of 1937/1938. Iris Chang’s book “The Rape of Nanking. The Forgotten Holocaust of World War II” (in Russian translation — “Nanjing Massacre”), published on the 60th anniversary of the tragic events, attracted the attention of the Western public to them. The review examines the circumstances that contributed to the success of the publication, as well as storytelling techniques that allowed the author of the book to achieve the empathetic reaction from the audience.

© П. А. Пучков, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-4-190-000

Keywords: Iris Chang, Nanjing Massacre, World War II in East Asia, memory studies.

Corresponding author: Puchkov Pavel Andreevich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), The School of History of the National Research University Higher School of Economics. Email: pa.puchkov@hse.ru

Перевод знаменитой книги Айрис Чан «Нанкинская резня» — нередкое событие для общества, мемориальная культура которого отводит Второй мировой войне столь значимую роль (Гудков 2022: 732; *Историческое сознание россиян* 2022: 57), а «поворот на Восток» числится среди главных целей государственной политики. Официальная риторика последних месяцев не оставляет сомнений, что этот поворот должен носить не только инфраструктурный, торговый и военно-стратегический характер. Претензии на корректировку (или даже полное переформатирование) мирового порядка с учетом интересов «глобального Юга», предполагают нечто большее: готовность признать ценность чужого исторического опыта и сочувствие чужим трагедиям. В противном случае этот новый извод антиколониальной риторики лишится важной эмоциональной составляющей и будет носить отчетливо «антизападный», а не «провосточный» характер. Восприятие Нанкинской резни в этом плане — отличный тест для самого российского общества. Общественные симпатии к КНР находятся на высоком уровне и демонстрируют положительную динамику (*Россия и Китай* 2023), трагедия произошла в контексте Второй мировой войны, которая занимает центральное место в историческом воображении россиян, а само событие поддается вполне однозначным оценкам.

Стимулом к написанию книги стал остро переживаемый автором диссонанс: внучка китайских эмигрантов, чудом выбравшихся из Нанкина накануне японской оккупации, Айрис знала про трагедию с самого детства, но не обнаружила должного внимания к ней ни в американской системе образования, ни в публичной сфере. Посчитав, что забвение равносильно предательству, она взялась самостоятельно восстанавливать справедливость. Если критерием успешности работы непрофессионального историка с сюжетом может служить публичный резонанс, то опыт можно признать успешным. Конечно, невозможно утверждать, что Нанкинская резня стала таким же определяющим для восприятия Второй мировой войны в Восточной Азии событием, как битвы за Иводзиму и Окинаву, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки или Батаанский марш смерти, но из тьмы забвения она, безусловно, извлечена. Момент для публикации книги оказался удачным: мультикультуралистские установки в 1997 г. способствовали большей открытости и еще не вызвали столь явного скептицизма, а американо-китайские отношения развивались, в целом, довольно позитивно (в 1997–1998 гг. президент США и председатель КНР обменялись государственными визитами, впервые с 1970-х гг.). Момент для перевода книги на русский язык представляется не менее благоприятным.

Наиболее сильная сторона сочинения Айрис Чан — сторителлинг. Отсутствие профессиональной подготовки, конечно, снижает научную ценность её труда, некоторые умозаключения вызвали обоснованную критику, но для произведения, цель которого — привлечь внимание к основательно забытому сюжету, резонно применять более мягкие требования. Автор умело использует эмпатический потенциал исторического материала, в частности — фигуры, которые могут послужить для читателей своеобразными посредниками в освоении «чужой» трагедии. Такими фигурами становятся немец Иоганн Рабе, американцы Роберт Уилсон и Вильгельмина Вотрин. Для американских читателей книги двое из этой троицы были соотечественниками, которые уже сумели сделать то, к чему призывал автор, — проявить сочувствие китайцам, ставших жертвами резни, доказав принципиальную возможность такого подхода и, вероятно, облегчив эмоциональное вовлечение. Особняком стоит фигура Иоганна Рабе — лидера местной ячейки национал-социалистической партии Германии. Ассоциация с таким персонажем, конечно, должна представлять проблему для нормального читателя, но здесь на помощь пришел Голливуд, сделавший популярной историю Оскара Шиндлера. Айрис Чан эксплицирует эту очевидную параллель, прямо называя Иоганна Рабе «китайским Оскаром Шиндлером» (С. 143).

Любопытными, пусть и не всегда убедительными, выглядят попытки автора вписать Нанкинскую резню в контекст японской культуры. Поиски корней японских злодеяний

в синтоизме, пожалуй, натянуты или вовсе ошибочны, но прививаемый японской нации десятилетиями милитаризм действительно дал обильные всходы к 1930-м гг. Джон Мюллер считает, что Япония была редким примером страны, сохранявшей энтузиазм по поводу большой войны в межвоенный период, причем не только на уровне правительства, но и общества в целом (Мюллер 2023: 124–126). Айрис Чан показывает, как именно школьное образование и пропаганда поддерживали милитаристский энтузиазм подданных императора. Но одно обстоятельство особенно обращает на себя внимание: несоответствие между словами и делами, риторикой официального Токио и образом действий японских военных на оккупированной территории. Сложно утверждать, что японский дискурс о природе собственного империализма был абсолютно последовательным и согласованным, но пропаганда довольно настойчиво повторяла, что японская экспансия носит антиколониальный характер, а японский солдат освобождает народы Востока от Западного колониального ига. В этом дискурсе особое внимание уделялось принципиальной расовой близости японцев, корейцев, китайцев и других народов Восточной Азии. Если нацистская пропаганда проводила мысль о неполноценности славян, оправдывая таким образом войну против Польши и СССР, то японская пропаганда, напротив, твердила о совместимости покорителей и покоряемых. Тем не менее, столь благозвучная риторика не удержала японских солдат от преступлений, сопоставимых с теми, что творили их нацистские союзники. Айрис Чан приводит высказывание

генерала Мацуи Иванэ, одного из виновников Нанкинской резни:

Борьба между Китаем и Японией всегда была схваткой между братьями в «азиатской семье». Все эти дни я верил, что нам следует рассматривать эту борьбу как способ заставить китайцев всерьез задуматься. Мы поступаем так не потому, что ненавидим их, — напротив, мы очень их любим. Примерно так же, как в семье, где старший брат больше не в состоянии терпеть проказы непослушного младшего и вынужден его выпороть, чтобы тот вел себя как следует (С. 271).

Похоже, что на страшные преступления может толкать не только идеология иерархии народов по принципу полноценности, как в случае Третьего рейха, но и подобные «семейные» иерархии, основанные на хорошо знакомом конфуцианским культурам принципе старшинства.

«Мемориальный бум» на Западе начался раньше, чем в России (если не считать краткого всплеска интереса к истории в период горбачевской Перестройки), так что нет ничего удивительного в том, что автора книги интересовал вопрос о памяти и забвении (личные мотивы, как было отмечено выше, также сыграли в этом немалую роль). Профессор А. Н. Мещеряков полагает, что после Второй мировой войны японское общество нашло убежище от трудных вопросов

истории в тихой гавани этнографии (Мещеряков 2008; Мещеряков 2020). Китайские и корейские претензии (Daqing 2001: 50–86) не позволяют полностью избавиться от необходимости извиняться за преступления военных лет, но германской культуры *Vergangenheitsbewältigung* в Японии нет и близко¹. Похоже, японское общество переживает сложный процесс конструирования такого нарратива о Второй мировой войне, который не исключает полностью признание ответственности за совершенные злодеяния, но и не предполагает перманентного покаяния. Силы самообороны Японии, технически являющиеся преемником Императорской армии, предпочитают держать дистанцию по отношению к предшественнице, но сохраняют память о ней². Айрис Чан уделяет много внимания послевоенным японским дискуссиям о школьных учебниках и местному «спору историков», происходившему параллельно более известному западногерманскому.

Спектр тем и набор приемов сторителлинга в книге Айрис Чан очень широк. И это делает её работу достойной внимания если не историков-востоковедов и специалистов по Второй мировой войне, то уж точно всех тех, кто интересуется *memory studies* и *public history*. Социальные представления о прошлом все еще редко выходят за пределы того круга тем, который определяется

¹ Об актуальном состоянии вопроса см.: (Память о Второй мировой войне 2022: 28–56).

² Антрополог Сабина Фрюштюк описывает посещение небольшого музея («зала исторических материалов») на одной из японских военных баз; зал, посвященный императорскому периоду истории полка, носит название «История бывшей армии», при этом экспозиции обычно носят подчеркнуто локальный характер и не предполагают вписывание местной истории в широкий контекст (Фрюштюк 2023: 66–73).

национальной историей. Поэтому важно изучать сравнительно редкие успешные попытки ввести в публичное пространство исторические сюжеты, которые не имеют однозначных национальных коннотаций. Айрис Чан это удалось. Оригинальное издание появилось в очень подходящий момент, но и русскоязычный перевод, кажется, тоже появился вовремя. С конца 1980-х гг. предпринимались попытки расширить представления россиян о Второй мировой за пределы Великой Отечественной войны. Видимо, политическая конъюнктура не позволит в ближайшее время дополнить давно сформировавшийся образ сюжетами, связанными с периодом 1939–1941 гг. на Западе. Но как насчет Востока? Предполагают ли новый извод российско-китайской дружбы сочувствие китайским трагедиям? Означает ли отказ от европоцентризма в преподавании школьной истории готовность уделить должное внимание войне в Восточной Азии, которая также унесла жизни миллионов? Судьба книги Айрис Чан в России даст нам какие-то ответы на эти вопросы, пусть и не окончательные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гудков 2022 — Гудков Л.Д. Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 816 с.

Историческое сознание россиян 2022 — Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь мир, 2022. 248 с.

Мещеряков 2008 — Мещеряков А.Н. Послевоенная Япония: этнологическое уни-

чтожение истории // История и современность. 2008. № 1. С. 175–188.

Мещеряков 2020 — Мещеряков А.Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика. 352 с.

Мюллер 2023 — Мюллер Дж. Пережитки большой войны. Пер с англ. Е. Захаровой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 416 с.

Память о Второй мировой войне 2022 — Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 264 с.

Россия и Китай 2023 — Россия и Китай: мониторинг // ВЦИОМ. 30 марта 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitai-monitoring> (дата обращения: 09.10.2023)

Фрюштюк 2023 — Фрюштюк С. Тревожные войны. Гендер, память и поп-культура в японской армии / Пер. с англ. О. Чумичевой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 359 с.

Чан 2024 — Чан А. Нанкинская резня. СПб.: Питер, 2024. 352 с.

Daqing 2001 — Daqing Y. The Malleable and the Contested: The Nanjing Massacre in Postwar China and Japan // *Perilous Memories. The Asia-Pacific War(s)*. Ed. by T. Fijitani, G.M. White, L. Yoneyama. Durham; L.: Duke University Press, 2001. P. 50–86.

REFERENCES

Chan A. *Nankinskaja reznja*. SPb.: Piter, 2024.

Daqing Y. The Malleable and the Contested: The Nanjing Massacre in Postwar China and Japan // *Perilous Memories. The Asia-Pacific War(s)*. Ed. by T. Fijitani,

G. M. White, L. Yoneyama. Durham; L.: Duke University Press, 2001. P. 50–86.

Frjushhtjuk S. *Trevozhnye voiny. Gender, pamjat' i pop-kul'tura v japonskoj armii* / Per. s angl. O. Chumichevoj. SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossika, 2023.

Gudkov L. D. *Vozvratnyj totalitarizm*. V 2-h t. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022.

Istoricheskoe soznanie rossijan: ocenki proshlogo, pamjat', simvoly (opyt sociologicheskogo izmerenija) / FNISC RAN, Institut sociologii. Pod red. M. K. Gorshkova. M.: Ves' mir, 2022.

Meshherjakov A. N. Poslevoennaja Japonija: jetnologicheskoe unichtozhenie istorii // *Istorija i sovremennost'*. 2008. № 1. P. 175–188.

Meshherjakov A. N. *Ostat'sja japoncem: Janagita Kumio i ego komanda. Jetnologija kak forma sushhestvovaniya japonskogo naroda*. M.: Lingvistika.

Mjuller Dzh. *Perezhitki bol'shoj vojny*. Per s angl. E. Zaharovoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

Pamjat' o Vtoroj mirovoj vojne za predelami Evropy: kollektivnaja monografija / pod red. A. I. Millera i A. V. Solov'eva. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022.

Rossija i Kitaj: monitoring // *VCIOM*. 30 marta 2023 g. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-i-kitaj-monitoring> (data obrashhenija: 09.10.2023)

А. С. Стыкалин

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рец.: Csaba Békés, Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022. 400 p.

Аннотация: Живущий долгие годы в США историк венгерского происхождения Чаба Бекеш, известный своими работами по истории международных отношений в условиях биполярной Ялтинско-Потсдамской системы, рассматривает в своей новой монографии ключевые проблемы Холодной войны, проецируя их на историю своей родины во второй половине XX в.
Ключевые слова: Холодная война, Организация Варшавского договора, Ялтинско-Потсдамская система, отношения между военно-политическими блоками, кризисы Холодной войны, советская сфера влияния, Венгрия.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный

сотрудник Института славяноведения РАН. Email: zhurslav@gmail.com

A. S. Stykalin

NEW RESEARCH ON THE HISTORY OF EASTERN EUROPE IN THE CONTEXT OF THE COLD WAR

Рец.: Csaba Békés, Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022. 400 p.

Abstract: A historian of Hungarian origin Csaba Békés, who has lived for many years in the United States and is known for his work on the history of international relations under the conditions of the bipolar Yalta-Potsdam system, examines in his new monograph paper the key problems of the Cold War, projecting them onto the history of his homeland in the second half of the 20th century.

© А. С. Стыкалин, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-4-196-223

Keywords: Cold War, Warsaw Pact Organization, Yalta-Potsdam system, relations between military-political blocs, Cold War crises, Soviet sphere of influence, Hungary.

Corresponding author: Stykalin Alexandr Sergueevich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Coordinating Researcher, Institute of Slavic Studies, RAS. Email: zhurslav@gmail.com

Чаба Бекеш, венгерский историк, долгие годы работающий в США, известен как автор многих работ по истории Холодной войны, ее влияния на международные отношения в Восточной Европе и взаимоотношения СССР с союзниками по блоку, особенно в кризисные моменты развития. Он по праву считается одним из лучших знатоков международных аспектов венгерского кризиса 1956 г. В новой работе Бекеша показано, как общие проблемы и закономерности Холодной войны сказались на развитии его родной страны, находящейся в поле действия как западных, так и восточных влияний.

Вопрос о послевоенных границах, которые легли бы в основу новой системы международных отношений, приобрел, что вполне понятно, актуальность еще на завершающем этапе войны. Хотя формальные договоренности о разграничении сфер влияния между союзниками не заключались, уже к весне-лету 1944 г. было ясно, у какой армии больше шансов первой достичь центра Европы. В силу этого с позицией Москвы пришлось бы в полной мере считаться, а это означало, что границы СССР, существовавшие на момент нападения

Германии в июне 1941 г. (включавшие в себя обширные территории, приобретенные в 1939–1940 гг.), предстоит признать, а кроме того, пойти и на другие уступки (в частности, касающиеся послевоенных судеб Восточной Пруссии).

Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. особенно явно показала, что Гитлер стремился всячески ограничить притязания СССР на более западные земли, которые, по его представлению, всецело относились к германскому «жизненному пространству» (*Lebensraum im Osten*)¹. Он подталкивал СССР к экспансии в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, т.е. в отношении территорий, находившихся прежде всего в британской сфере влияния. С нападением Германии на СССР приоритеты с точки зрения Москвы неизбежно должны были сместиться, а к 1944 г. стало совершенно очевидным, что после победы над Третьим рейхом расширение сферы влияния Советского Союза (с учетом обеспечения его безопасности) будет происходить прежде всего в западном направлении. На контроль над Средиземноморьем (сверх традиционных для российской внешней

¹ Из территорий Восточной Европы, находившихся за пределами границ бывшей Российской империи, Москве достались в результате территориальных переделов 1939–1940 гг. только Галиция и Северная Буковина, при их присоединении к СССР ссылались на преобладание на них украинского населения. Причем аннексия в 1940 г. у Румынии Северной Буковины не была в отличие от Бессарабии согласована с Третьим рейхом и вызвала в Берлине недовольство.

политики притязаний контролировать черноморские проливы²) Москва не претендовала, как и на британские колониальные владения на Ближнем Востоке³. Осторожностью отличалась и советская политика в Китае в условиях развернувшейся там с 1946 г. гражданской войны. Нежелание вторгаться в сферу интересов западных держав особенно проявилось в фактическом невмешательстве (в отличие от югославских коммунистов!) в события гражданской войны в Греции. Москва воздерживалась и от подстрекательства коммунистов к борьбе за власть в Италии и Франции, где их позиции в первые послевоенные годы были достаточно сильны. Сдержанность амбиций в отношении Западной Европы и Средиземноморья в полной мере компенсировалась стремлением закрепить за собой решающее влияние на востоке Центральной Европы и на Балканах (за исключением Греции, вопрос о сохранении которой под контролем Запада был крайне принципиален, в частности, для Лондона).

Лидеры западных держав принимали во внимание роль Советского Союза в победе над нацизмом, с пониманием подходили и к интересам СССР с точки зрения обеспечения его послевоенной безопасности. Размышляя о том, был ли шанс сохранения ряда стран Центральной Европы вне советской сферы влияния, Ч. Бекеш показывает, как непредвиденные обстоятельства вносили свои

коррективы в развитие событий. Так, промедление Хорти с заключением перемирия с СССР сыграло для его страны роковую роль, открыв дорогу путчу сторонников Салаша в октябре 1944 г. Это примерно совпало по времени с приездом У. Черчилля в Москву. Когда за несколько дней до будапештского путча, 9 октября, британский премьер неформально излагал Сталину свои представления о процентном соотношении советского и западного влияния в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, он рассчитывал, что Венгрия в самом скором времени порвет с нацистской Германией, но этого не случилось. Наступление Красной Армии замедлилось, цена овладения ею Венгрией резко возросла (при освобождении страны погибло до 140 тыс. советских солдат), но по большому счету суть дела не изменилась: советское военное присутствие предопределило вектор развития страны.

Ч. Бекеш по сути признает, что главной целью политики СССР на восточноевропейском направлении было обеспечение собственной безопасности на обозримую перспективу. Это предполагало, однако, установление контроля над соседними странами в форме, во многом предопределенной характером советского режима. После занятия Красной Армией огромных территорий вплоть до Эльбы, включая Берлин и Вену, у западных держав не было должного противовеса советскому влиянию

² Наличие подобных притязаний показало давление на Турцию, вызвавшее в 1946 г. международный политический кризис.

³ Правда, в 1945–1946 гг. была предпринята попытка удержать контроль над находившимся с 1941 г. под советской оккупацией Иранским Азербайджаном, очевидно в целях его последующей аннексии, но и здесь Москва, как известно, пошла на уступки.

на востоке Средней Европы, затевать новую войну было совершенно немыслимо, приходилось выстраивать политику на компромиссной основе. Согласие Сталина на проведение в Венгрии свободных выборов в ноябре 1945 г. было подано западной публике как дипломатический успех, однако на этих выборах 57% голосов было отдано за прозападную партию мелких хозяев. Сталин получил урок и потом уже больше не склонен был рисковать с проведением свободных выборов в подконтрольной СССР части Европы.

Венгерские парламентские выборы ноября 1945 г. были в то время единственными в Восточной Европе, где результат отражал реальное волеизъявление общества. Но далеко идущих последствий они не возымели и вектор дальнейшего развития страны переломить не могли. В условиях советской оккупации и ограниченного суверенитета, который воплощала Союзная контрольная комиссия (где тон задавали представители СССР), победившая партия не решилась поставить вопрос об однопартийном правлении, сохранилось коалиционное правительство с участием коммунистов, оказавшихся на выборах в меньшинстве. Западные союзники не настаивали, не желая провоцировать преждевременного обострения. Также и с точки зрения интересов внутренней экономической политики не было целесообразным держать партию рабочего класса (коммунистов и социал-демократов) в оппозиции.

Ч. Бекеш обращает внимание и еще на один немаловажный момент: в канун Парижской мирной конференции, призванной установить послевоенные границы в Средней Европе, претензии Венгрии на частичный пересмотр довоенных границ с Румынией имели мало шансов найти поддержку даже западных держав-победительниц, не говоря уже об СССР. Венгерские коммунисты понимали это и не давали согражданам невыполнимых обещаний, что тоже снижало их популярность⁴. Однако в условиях острой внутривнутриполитической борьбы невозможно было полностью игнорировать вопрос о будущих границах. Руководство компартии всячески афишировало свою роль в организации приема Сталиным венгерской делегации во главе с премьер-министром Ференцем Надем во время ее поездки в Москву в апреле 1946 г. В ходе беседы Сталин внушил венграм некоторые надежды на небольшую корректировку границ. Очевидно, в такую возможность поверили и коммунисты. На самом же деле передача всей Трансильвании под румынскую юрисдикцию по сути была залогом сохранения в Румынии левого и просоветского правительства П. Грозы — в марте 1945 г. Москва поддержала его приход к власти, увязав смену кабинета министров со своим твердым обещанием окончательно решить в пользу Румынии вопрос о принадлежности Трансильвании: именно способность договориться с СССР по этому принципиальному вопросу ставилась

⁴ В декабре 1945 г. главный идеолог компартии Й. Ревай публично заявил о несбыточности надежд на пересмотр границ в пользу Венгрии, в этих условиях лучше поддерживать нормальные отношения с соседними странами и требовать соблюдения в этих странах прав венгерского национального меньшинства. Это вызвало бурные споры, общественное мнение не было готово к такой постановке вопроса.

общественным мнением в плюс новому правительству, обеспечив ему широкую поддержку (Три визита 1998). Как справедливо замечает в этой связи Ч. Бекеш, строго соблюдения этнический принцип при проведении в Центральной Европе новых границ державы-победительницы никак не могли, и не только в силу демографических причин, но и потому, что он был сильно скомпрометирован политикой нацистской Германии, в том числе в вопросе о судетских немцах. Помимо всего прочего, он противоречил планам массового переселения немцев — в этом вопросе между союзниками не было существенных разногласий.

Необходимость отстаивать наравне с другими партиями национальные приоритеты в вопросе о будущих границах дала коммунистам новый опыт, в интересах завоевания и сохранения общественной поддержки они должны были, отбрасывая в сторону коминтерновские традиции, однозначно позиционировать себя своим соотечественникам не как привязанные к определенным странам отряды международного движения, а как партии, ставящие во главу национальные интересы и ценности. Так, венгерским коммунистам приходилось высказываться за скорейшее возвращение на родину военнопленных из СССР и высту-

пать с критикой планов чехословацкого правительства по выселению из Словакии этнических венгров, что сильно осложняло отношения между компартиями Венгрии и Чехословакии, поскольку КПЧ в не меньшей мере, чем КПВ, должна была демонстрировать своему обществу верность национальным идеалам и поддерживать лозунги, популярные на данный момент (это было особенно важно в свете планов последующего захвата власти).

При выявлении истоков будущих острых конфликтов автор задается вопросом: сыграла ли решающую роль в их возникновении политика США, ущемлявшая интересы безопасности СССР и вызвавшая естественные контрмеры со стороны Москвы? Или же Вашингтон лишь реагировал на экспансионистские шаги Советского Союза, что неминуемо вело к конфронтации? Ч. Бекеш не дает однозначного ответа на этот вопрос. Несмотря на проявившуюся готовность Москвы идти на уступки (в Греции, Иране и т. д.) и, несмотря на определенное повышение интереса на Западе к советскому опыту на фоне вклада СССР в победу над нацизмом⁵, играл свою роль дефицит взаимного доверия между недавними союзниками: слишком велики были различия между советским и западными политическими

⁵ Весной 1947 г. корреспондент «Правды» в Париже писал в своей записке в ЦК ВКП(б): читатели французских журналов, и не только левых, «предъявляют огромный спрос на... статьи об СССР, и журналы, не получающие в достаточном количестве таких материалов из СССР, мобилизуют всё, что попадает под руку» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 57). Уважительное отношение к Советскому Союзу, по окончании новой мировой войны вышедшему на международную арену не политически отверженным, как в 1918–1920 гг., а «со значительно возросшим престижем», проявилось и в подготовленной в 1945 г. в Пентагоне инструкции для офицеров армии США в Европе «СССР — порядки, учреждения и народ»: за годы войны, отмечалось в ней, «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 391. Л. 25, 42).

режимами и их идеологиями. Наряду с монополией США (до 1949 г.) на обладание атомным оружием, недоверию способствовало, по признанию автора, и то, что поставки по лендлизу были слишком рано прекращены вопреки огромной заинтересованности СССР в помощи Запада в восстановлении экономики, кроме того, недавние союзники блокировали получение Советским Союзом репараций с западных оккупационных зон Германии, что в числе прочих факторов повлияло на возникновение острого Берлинского кризиса конца 1940-х годов. По мере обострения в странах Восточной Европы внутривластной борьбы западные державы всё более открыто поддерживали антикоммунистические силы и это вносило дополнительную напряженность в их отношения с Москвой, поскольку воспринималось как вмешательство во внутренние дела советской сферы влияния.

Признавая право СССР на создание пояса безопасности вдоль своих границ, в западных столицах в то же время стали всё более чётко обозначать свое понимание географических пределов советского влияния, выход за которые создавал бы угрозы для Запада. Это нашло выражение в доктрине «сдерживания», легшей в основу восточноевропейской политики США при президенте Г. Трумэне. Как справедливо замечает Ч. Бекеш, американская администрация, сформулировав эту доктрину, тем самым де-факто признала существующую неформальную договоренность с СССР о разделе сфер влияния, которая не нашла отражение в официальных документах.

Начало советизации Восточно-Центральной Европы автор фактически относит к 1944 г., когда началось ее освобождение от германских нацистов и их сателлитов. Она происходила постепенно, во многом зависела от степени влияния коммунистов и их союзников в отдельных странах. Незаинтересованность Сталина и его окружения в гражданской войне в странах-сателлитах с ее заведомой непредсказуемостью предопределила достаточно длительное, особенно в Чехословакии и Венгрии, сохранение демократических фасадов и реальной многопартийности. Обнародование летом 1947 г. плана Маршалла, бросившего вызов Сталину в советской сфере влияния (имея в виду Чехословакию и Восточную Германию), отнюдь не стало первопричиной советизации, а лишь ускорило процессы, к этому времени вовсю разворачивавшиеся. Показательно, что вытеснение коммунистами наиболее сильных своих оппонентов в Восточной Европе (С. Миколайчик, Ю. Маниу, Ф. Надь) предшествовало объявлению плана Маршалла. Автор описывает методы, которые использовали компартии в целях усиления своих позиций с прицелом на взятие власти (получение в свое ведение постов министра внутренних дел и шефа политической полиции; внедрение в другие партии крипто-коммунистов, работавших в пользу компартии). Фактически к лету 1947 г. в государствах будущего советского блока власть хотя и не везде пока еще контролировалась коммунистами, но были созданы необходимые предпосылки для этого. Причем в публичных выступлениях перед близкой им аудиторией некоторые

коммунистические лидеры призывали заранее готовиться к социалистическим революциям в своих странах.

Не будучи способны повлиять на положение в советской сфере интересов, западные политики, полагает Бекеш, поначалу всё же лелеяли надежды, что СССР довольствуется, условно говоря, «финляндизацией» соответствующих стран, а отнюдь не обязательно их советизирует. Однако знаем ли мы изначальные планы Сталина относительно послевоенного будущего Восточной Европы? Подготовленные на заключительных этапах войны в рамках комиссий Наркоминдела хорошо известные специалистам записки за подписями М. М. Литвинова, И. М. Майского и т. д. — это только экспертные материалы с предложениями и прогнозами, отнюдь не обязательно отражавшие официальную советскую позицию и тем более личное мнение Сталина. Независимо от того, какими виделись в конце войны из Москвы перспективы с учетом конкретных ситуаций в отдельных странах, реальных шансов на «финляндизацию» Восточной Европы, считает автор, фактически не было, а надежды некоторых политиков (в том числе и в самих государствах региона) на то, что такой путь возможен, оказались утопией. Бытующие в исторической литературе мнения о существовании в 1945–1947 гг. в некоторых странах некоего «демократического интермеццо» между двумя диктатурами⁶, если и верны, то с оговорками, ведь вектор дальнейшего развития был предопределен, и при сохранении

видимости демократического правления могли легально функционировать силы, не только нацеленные на форсированное свертывание демократии и установление режимов советского типа, но и формировавшие необходимые для этого механизмы.

Автор справедливо замечает, что модель широких политических коалиций практиковалась в первые послевоенные годы и на Западе — во Франции, Италии, где в правительствах на первых порах были представлены и коммунисты. Ее применение в странах Восточной Европы создавало иллюзию более представительного, демократического правления и там, однако в конкретных условиях советской сферы влияния коммунисты имели больше возможностей использовать эту модель для расширения своего присутствия в политической жизни за счет крипто-коммунистов в разных партиях и контролируемых организациях.

Постепенная советизация стран советской сферы влияния, снижая доверие к недавнему союзнику, настраивая общественное мнение на Западе против СССР, всё же, как пытается показать автор, не вела со всей однозначностью к возникновению Холодной войны, пока действия Москвы не выходили за пределы этой сферы, не угрожали распространением советской экспансии дальше на Запад. Неясность перспектив решения германского вопроса, а также сильные позиции левых во Франции и Италии вынуждали западных политиков задуматься о необходимости более активной политики

⁶ Показательно само название коллективного научного труда Института славяноведения РАН: (Тоталитаризм 2002).

сдерживания. Важным ее элементом и стал план Маршалла, направленный на восстановление и усиление экономического потенциала Западной Европы. Причем в числе факторов, к ней подтолкнувших, были и наступательные меры против прозападных сил, предпринятые коммунистами при содействии СССР там, где в силу географических причин советское влияние преобладало над западным. Так, события весны 1947 г. в Венгрии, связанные с фабрикацией так называемого антиреспубликанского заговора, были восприняты как вызов, требующий незамедлительной реакции. В еще большей мере это касалось захвата власти коммунистами в Чехословакии в феврале 1948 г., произошедшего в условиях дальнейшего обострения отношений СССР с западными державами.

Вполне осознавая выгоды для советской экономики сохранения определенных связей с Западом, Сталин вместе с тем видел в экономической экспансии США реальную угрозу влиянию СССР в Восточной Европе, которой не мог противопоставить ничего кроме силового давления (в частности, на Чехословакию, чье правительство всерьез рассматривало вопрос о присоединении к плану Маршалла). Поступившая из Вашингтона инициатива была также способна разрушить советские планы создания единой Германии, зависимой от Москвы благодаря присутствию в ней сильной политической левой. Ведь выделение американских средств на подъем западных зон оккупации стра-

ны со всей очевидностью вело к их подчинению США в экономическом плане. Ч. Бекеш обращает внимание на то, что Сталину предлагалось самому сделать выбор, т. е. согласиться или отвергнуть план Маршалла применительно к советской сфере влияния, и он отверг этот план из резонных опасений, что совершенно ничего не сможет ему противопоставить исходя из реального экономического потенциала СССР. Сделав свой выбор, Сталин по сути сам предпринял решающий шаг к углублению раскола Европы.

Что касается образования в сентябре 1947 г. Коминформбюро, новой централизующей организации в мировом коммунистическом движении, призванной до некоторой степени заменить в новых условиях упраздненный в 1943 г. Коминтерн, то его создание не было экспромтом, реакцией на план Маршалла. Из работ Л. Я. Гибианского, на которые ссылается и Ч. Бекеш⁷, известно, что такая перспектива обсуждалась Сталиным и Тито еще в 1946 г., за год до совещания компартий в Шклярской-Порембе, на котором этот проект был воплощен⁸. Формирование Коминформа было составной частью заранее продуманного плана, направленного не только на советизацию Восточной Европы, но и на создание блока государств под эгидой СССР. При этом в Москве прекрасно осознавали всю остроту исторически сложившихся противоречий в регионе (венгерско-румынских, венгерско-чехословацких и т. д.), только усугубившихся

⁷ Особенно известна документальная публикация: (The Cominform 1994).

⁸ Существовали задолго до их практической реализации и планы объединения рабочих партий в странах Восточной Европы в целях создания более мощной политической силы, способной к захвату власти с последующим вытеснением оппонентов.

в условиях Второй мировой войны, и намеревались использовать новую организацию в целях их смягчения. В дальнейшем, после советско-югославского разрыва 1948 г. на первый план в деятельности Коминформа выступает другая функция — инструмента в осуществлении анти-югославской кампании, развязанной Стальным, и сплочении на этой основе стран-сателлитов СССР⁹. Ч. Бекеш обращает должное внимание на роль в этой кампании венгерского коммунистического лидера М. Ракоши, инициировавшего в угоду Сталину в целях разоблачения Тито нашумевшее «дело Райка» 1949 г. Он связывает это с его претензиями на видное место в мировом коммунистическом движении, причем имело определенное значение и его «славное» революционное прошлое (два судебных процесса по делу Ракоши, организованных режимом Хорти в 1926 и 1935 гг., вызвали международный резонанс). Кроме того, на активность Ракоши, по мнению венгерского исследователя, повлияли и его непростые отношения с чехословацкими коммунистами (неотделимые от венгерско-чехословацких национально-территориальных споров), и он не преминул использовать дело Райка для сведения с ними старых счетов.

С победой китайской революции и провозглашением в 1949 г. КНР западный мир осознал возникновение новых угроз, в свете которых политика сдерживания мирового коммунизма на одном только европейском направлении казалась недостаточ-

ной. В это же время в связи с неспособностью сторон прийти к решению германского вопроса на основе взаимной договоренности разразился острый берлинский кризис, истоки которого на Западе напрямую связывали с попыткой СССР выйти за пределы своей сферы влияния. Обострение Холодной войны привело к созданию двух противостоящих друг другу блоков. Хотя в отличие от НАТО, образованного в 1949 г., Организация Варшавского договора (ОВД) конституировалась только в 1955 г., в иных исторических условиях, автор фактически признает, что система союзных договоров с восточноевропейскими странами-сателлитами, пристегивавшая их к СССР, была фактически равнозначна созданию блока, причем механизмы советского контроля делали невозможным проявление ими какой-либо внешнеполитической самостоятельности. На фоне войны в Корее, воспринятой на Западе как продолжение экспансии мирового коммунизма, происходит более активное вовлечение стран-сателлитов в гонку вооружений, санкционированное на совещании в Кремле в январе 1951 г., где Сталин навязал союзникам резкое увеличение расходов на армию и производство вооружений. Риторика борьбы за мир и создание движения сторонников мира, контролируемого Москвой, служили лишь прикрытием наступательной конфронтационной политики в условиях неготовности СССР к войне.

Если военно-политический блок фактически сложился к концу 1940-

⁹ Соответственно, и ликвидация Коминформа весной 1956 г. была неотделима от изменений в советской политике на югославском направлении: (Стыкалин 2016).

х годов, то говорить о начале создания экономического объединения восточноевропейских стран под эгидой СССР не приходится. СЭВ, хотя и был формально образован в 1949 г., при Сталине фактически не функционировал, имел, как справедливо замечает Ч. Бекеш, лишь символическое значение. С другой стороны, на закате сталинской эпохи предпринимаются попытки заинтересовать сотрудничеством с СССР часть западной экономической элиты (в 1952 г. с этой целью была проведена конференция). По мнению автора, это можно считать первым знаком будущего поворота к политике мирного сосуществования, совершенного уже после смерти Сталина, а значит и некоторого смягчения международной напряженности.

В соответствии с концепцией Ч. Бекеша, именно 1953 год ознаменовал собой водораздел между двумя этапами Холодной войны. При сохранении имманентного антагонизма между двумя сверхдержавами (и стоявшими за ними блоками), а также растущей гонке вооружений после 1953 г. формируются механизмы, позволявшие в условиях обладания каждой из сторон ядерным оружием разрешать конфликты посредством постоянного диалога и взаимных компромиссов. Автор называет такую модель взаимоотношений вынужденным (причем основанным на взаимозависимости) сосуществованием, привязанным к возможности взаимоуничтожения (это особенно стало очевидным после создания водородной бомбы). Эта модель была основана на принципе паритета и осознании обеими

сторонами своей ответственности за судьбы человечества. Таким образом, в структуру Холодной войны был имманентно включен элемент сдерживания. Холодную войну и разрядку нельзя, таким образом, рассматривать как взаимоисключающие понятия, они действовали в увязке, причем идеологическая непримиримость всё более отступала на второй план, тогда как решающую роль играло соотношение военных потенциалов.

В Европе оставался неразрешенным прежде всего германский вопрос, и источником конфликтов (наиболее острый из которых в послесталинскую эпоху произошел в 1961 г.) служил статус Западного Берлина. Москва готова была к компромиссам в интересах урегулирования некоторых проблем, не решенных по итогам Второй мировой войны (так, в 1955 г. был заключен договор о нейтралитете Австрии), а также новых, порожденных конфликтами на азиатской периферии (Корея, Вьетнам). Не подлежал пересмотру только статус стран-сателлитов СССР в Восточной Европе. На этом направлении советская политика не ограничивается стремлением сохранить и укрепить блок (в том числе на экономической основе, развивая кооперацию). Одной из приоритетных задач, так и нерешенной, становится стремление вернуть Югославию в советскую сферу влияния. Включение Западной Германии в НАТО в 1955 г., хотя и вызвало обеспокоенность, послужив новым стимулом консолидации блока¹⁰, но не переломило возобладавшей тенденции к снижению ме-

¹⁰ Автор признает, что при нерешенности берлинского вопроса и непризнании Бонном новых восточных границ Германии у СССР были все основания воспринять этот шаг как угрозу

ждународной напряженности — на Женевском саммите лета 1955 г. была предпринята попытка закрепить решения Ялты и Потсдама и договориться об определенных гарантиях европейской безопасности, в этом плане он стал первым шагом к проведению уже в иных исторических условиях Хельсинкского совещания 1975 г. Этому не противоречило и сохранявшееся в последующие годы недоверие к внешнеполитическим инициативам СССР в области разоружения, при решении германского вопроса и т. д., что вполне объяснимо непоследовательностью внешней политики СССР, расхождениями между антисталинской риторикой XX съезда КПСС и силовым разрешением кризиса в Венгрии осенью 1956 г.

Автор справедливо замечает, что после 1953 г. экспансионистские амбиции Кремля стали всё более перемещаться с Европы (где любые попытки изменения статус-кво были бы крайне рискованными) на так называемый «Третий мир», где развернувшееся антиколониальное движение создавало новое поле для конкуренции великих держав (и стоявших за ними двух систем), которая проявилась в борьбе за влияние на страны, освобождавшиеся от колониальной зависимости. При этом Ч. Бекеш признает, что при всей увлеченности Н. Хрущева идеей помощи странам «Третьего мира», в котором

он видел попутчика в деле ослабления мирового империализма, советский лидер старался не провоцировать Запад, отказавшись, в частности, напрямую поставлять оружие Египту (как в свое время и Сталин отказался от прямого вмешательства в Греции и — совсем в другой части мира — в Корее). Впрочем, в качестве поставщика выступал советский союзник, Чехословакия.

Автор последовательно проводит в своей работе концепцию, согласно которой следует отличать реальные кризисы Холодной войны, создававшие настоящую угрозу межблоковых столкновений¹¹, от «псевдокризисов», т. е. внутриблоковых кризисов, которые имели место в рамках одной из частей установленной по итогам войны биполярной системы и не затрагивали напрямую интересы противоположной стороны (Венгрия 1956, Чехословакия 1968 как наиболее очевидные примеры). Правда, общественное мнение, испытывавшее влияние пропаганды, их не всегда различало. Так, не только венгерские повстанцы осени 1956 г., но и часть симпатизировавшей им западной публики, тщетно ждали прямой военной поддержки Запада, не принимая во внимание заинтересованности США в сохранении статус-кво и предотвращении более острого конфликта, который в случае американского вмешательства был впол-

своей безопасности. Сам факт создания НАТО в 1949 г. не вызвал в Москве такого резонанса, как включение в него ФРГ. ОВД был задуман как пусть не совсем симметричный, но противовес НАТО, причем именно в форме, получавшей на Западе всё более широкое распространение — с конца 1940-х годов как в Западной Европе, так и под эгидой США на других континентах образуется целый ряд военно-политических блоков и экономических объединений.

¹¹ Автор относит к ним войну в Корее 1950–1953 гг., берлинские кризисы, Карибский кризис 1962 г., в определенной мере также конфликты, вызвавшие войну 1960-х — первой половины 1970-х гг. во Вьетнаме и вмешательство СССР в Афганистане 1979 г.

не возможен, учитывая, что Москва не отпустила бы так просто страну своей сферы влияния¹². Наиболее значительные из «псевдокризисов» также оказывали заметное влияние на состояние международных отношений, вносили в них дополнительную напряженность, а способы их разрешения были в немалой мере обусловлены ситуацией «на фронтах» Холодной войны.

Суэцкий кризис 1956 г. тоже не отнесся к числу межблоковых, более того, позиции СССР и США отчасти совпали, поскольку в Вашингтоне, как известно, не одобрили ближневосточной авантюры своих ближайших союзников¹³. Этот конфликт имел отношение к противоборству двух сверхдержав только потенциально, в плане их последующей борьбы за влияние на Ближнем Востоке. В Москве осознавали периферийный характер этого кризиса и вопреки всей своей жесткой риторике не строили, насколько известно, реальных планов вмешательства в его разрешение. С другой стороны, в условиях

реального межблокового кризиса, такого, как Карибский, руководство СССР едва ли позволило бы себе так блефовать, в своих официальных заявлениях по сути угрожая Лондону и Парижу в случае продолжения ими военных действий применить против них оружие, которым те не располагали¹⁴.

Уделяя первоочередное внимание политике СССР на восточноевропейском направлении, автор показывает, что начиная с 1956 г. ее методы стали меняться, что проявилось в отзыве советников из силовых структур в странах-сателлитах, заметном усложнении в сравнении со сталинскими временами механизмов подчинения Москве, в отказе от грубых форм экономического диктата (особенно в отношении Польши). Это не означало ослабления координации действий с сателлитами, напротив, налицо было стремление сделать их не только более активными, но и более инициативными (конечно, при сохранении лояльности Москве) проводниками генеральной внешне-

¹² Совсем иной, справедливо замечает Бекеш, была ситуация с Австрией — Советский Союз, поставив условием вывода из этой страны своих войск провозглашение ее нейтралитета, предотвратил ее вступление в НАТО, и это было геополитическим успехом, а не уступкой. О выходе страны из сложившегося военно-политического блока применительно к Австрии речи быть не могло. Ч. Бекеш обращает внимание на проявившийся уже в середине 1950-х годов в политике СССР интерес к идеям нейтралитета и неприсоединения, не только в связи с Бандунгской конференцией стран «Третьего мира», но и в Европе. Существовали разные модели нейтралитета, в том числе финская, которую Москва надеялась реализовать и в Австрии. Однако «финляндизировать» эту страну, т.е. поставить ее в значительную внешнеполитическую зависимость от себя не получилось.

¹³ Здесь стоит заметить, что решение о военной акции с участием Израиля против Египта, еще летом 1956 г. национализировавшего принадлежавший британско-французской компании Суэцкий канал, было принято представителями Великобритании и Франции на совещании в Севре 22 октября, т.е. еще до венгерского восстания, на него никак не повлиявшего.

¹⁴ В ноябре 1956 г. эти заявления были сделаны от имени премьер-министра Н. А. Булганина. Автор называет их наиболее крупным политическим блефом эпохи Холодной войны. Он был возможен лишь в условиях разногласий в западном лагере и отсутствия какой-либо реакции по линии НАТО на происходившие в те же недели события в Венгрии.

политической линии блока в целях повышения ее эффективности¹⁵. Советское руководство считало в новых условиях целесообразным заранее информировать своих формально равноправных союзников по блоку о намечаемых внешнеполитических шагах, выслушивать советы, оставляя за собой окончательное решение. Так происходило, в частности, в связи с польскими событиями, а затем и венгерским восстанием осени 1956 г. Автор называет это применением принципа коллективной ответственности стран лагеря за положение в каждой из них, наиболее наглядным проявлением которого стала осуществленная с участием армий нескольких стран августовская интервенция 1968 г. в Чехословакии. Как бы то ни было, о самом важном, о размещении ракет на Кубе в 1962 г. союзников не сочли необходимым информировать, видимо исходя из того, что эта сторона противостояния двух сверхдержав не касалась напрямую Восточной Европы. Некоторая «эмансипация» стран-сателлитов СССР в сравнении со сталинскими временами проявилась также в активизации их экономического сотрудничества с Западом¹⁶ и в расширении горизонтальных связей между странами советской сферы влияния, которые в Москве воспринимали с не-

изменным подозрением, поскольку они с трудом поддавались контролю.

Автор анализирует изменения, внесенные начиная с 1953 г. администрацией Д. Эйзенхауэра в политику США на советском и восточноевропейском направлении в сравнении с эпохой Г. Трумэна. По его версии, доктрина «освобождения» Эйзенхауэра, пришедшая на смену доктрине сдерживания Трумэна, хотя и свидетельствовала о готовности к проведению более наступательной политики, но в немалой мере сводилась к риторике, предназначенной на потребителя (не столько собственно, которому было мало дела до Восточной Европы, сколько именно для восточноевропейского). Причем это была риторика довольно запоздалая, так как со смертью Сталина создаются предпосылки для поворота к разрядке. За наступательностью риторики скрывался известный прагматизм: концепция «освобождения» учитывала не только заключенные с СССР по итогам Второй мировой войны договоренности, но и неизбежность диалога с Москвой в целях решения первоочередных международных проблем. А в 1954–1955 гг. она была откорректирована с учетом начавшейся разрядки, всё больший акцент в ней делался на мирную, плавную

¹⁵ Хрущев впервые заговорил об этом еще до XX съезда КПСС, на саммите лидеров стран-союзниц, состоявшемся в январе 1956 г. в Москве. Ссылаясь на донесения британского посольства в СССР, автор подчеркивает, что известный программный документ советского правительства от 30 октября 1956 г. о пересмотре отношений с социалистическими странами на основе большего равноправия отнюдь не явился (как это иногда утверждается в историографии) спонтанной реакцией на венгерское восстание, т. е. по сути импровизированным жестом, он готовился заранее, хотя в своей окончательной формулировке и отразил специфику конкретного момента своего принятия.

¹⁶ В том числе с Западной Германией, торговые связи с которой развивались по нарастающей при отсутствии дипломатических отношений, поскольку лежавшая в основе внешней политики ФРГ доктрина Хальштейна исключала поддержание дипотношений со странами, признававшими ГДР. Исключение делалось лишь для СССР, о чем советские лидеры договорились с канцлером К. Аденауэром во время его приезда в Москву в сентябре 1955 г.

эволюцию коммунистических режимов Восточной Европы к иному качеству, на более независимую от Москвы внешнюю политику по образцу титовской Югославии¹⁷. А после познаньских волнений конца июня 1956 г. в Польше, стоивших жизни более 70 человек, и сама риторика стала несколько более сдержанной.

Волнений такого масштаба, как те, что произошли в Венгрии в октябре 1956 г., в Вашингтоне не ожидали и проработанных планов, как надо на них реагировать, не было. А между тем, развивавшиеся события вызывали головную боль уже тем, что любое неосторожное вмешательство создало бы реальную угрозу нарушения установленного по итогам войны статус-кво, а значит дестабилизации в мировом масштабе. Ч. Бекеш напоминает о том, что уже 21 октября (т. е. за два дня до начала венгерского восстания) госсекретарь Дж.Ф. Даллес в связи с мнимой угрозой советского военного вмешательства в Польше заявил по американскому телевидению о том, что США ни при каких обстоятельствах не пошлют туда свои войска, в Вашингтоне действительно восприняли с удовлетворением тот факт, что в этой ключевой стране советской сферы влияния внутренний кризис разрешился без внешнего (т.е. советского) вмешательства. Если в Польше коммунисты во главе с В. Гомулкой сумели, сделав вовремя поворот к защите национальных ценностей, овладеть ситуацией

в стране, то в Венгрии с первых дней восстания дело шло к утрате коммунистами власти. В администрации США осознали, что неспособность к эффективному вмешательству ударит по престижу Вашингтона, доселе проповедовавшего доктрину «освобождения» Восточной Европы, но поле для маневров было весьма ограниченным. Советник президента Д. Эйзенхауэра Г. Стассен рассчитывал, что удастся договориться с Москвой на основе некоего взаимного компромисса. Можно было, в частности, поставить вопрос о сокращении американского военного присутствия в Европе при условии, если Советский Союз выведет войска из Венгрии, однако в президентской администрации оказались не готовы к такому решению. Стассен также предлагал по официальным каналам заверить Москву в том, что США не используют венгерские события в ущерб безопасности СССР. Хотя дело ограничилось заявлением Даллеса о том, что США не рассматривают Венгрию (как и другие страны Восточной Европы, находившиеся под советским контролем) как своего потенциального военного союзника, но и оно было услышано в Москве, сделавшей необходимые выводы. По оценке Бекеша, это заявление имело историческое значение. Оно санкционировало Москве свободу рук в своей сфере влияния и подтверждало устойчивость биполярной модели международных отношений¹⁸. Согласно автору, это

¹⁷ В документах Совета национальной безопасности США прямо говорилось об отсутствии планов силового вмешательства в Восточной Европе.

¹⁸ Из хорошо известных исследователям той эпохи кратких записей заседаний Президиума ЦК КПСС, которые вел зав. Общим отделом ЦК В. Малин, видно, что об опасности западного военного вмешательства в Венгрии речь не заходила, напротив, устами Хрущева была выражена уверенность в том, что «большой войны не будет» (Советский Союз 1998: 480).

заявление, находясь в видимом противоречии с доктриной «освобождения», по сути означало важный шаг к ее пересмотру. Вместе с тем отзвуки этой доктрины в полной мере проявились в те дни в пропаганде радиостанции «Свободная Европа», внушавшей венграм нереалистические ожидания, призывавшей их сопротивляться превосходящей военной силе и тем самым нести свою долю ответственности за человеческие жертвы¹⁹.

Состояние революционной эйфории, в котором пребывало венгерское общество, отражало реальное стремление большинства политически активных венгров к тому, чтобы их страна приобрела внеблоковый статус. Ведь народ жаждал вывода иностранных войск, а их пребывание связывал с Варшавским договором и требовал разрыва с ним. Идея национальной независимости в массовом сознании действительно ассоциировалась скорее с обретением нейтралитета, а не с вхождением Венгрии в какие-либо западные блоки. Но обращение в этой связи к югославской или австрийской модели (а каждая из них явилась порождением конкретной ситуации), внушая надежды на венгерский нейтралитет по тому или иному образцу, лишь уводило в сторону от анализа обновленным руководством страны реальных возможностей, предоставленных самой Венгрии. Действия Имре Нада, коммуниста, не утратившего

верности национальным ценностям, Бекеш квалифицирует как далеко не первую в мировой истории попытку стоящего во главе страны политика возглавить в интересах консолидации то движение, которое он не сумел искоренить. Возглавить, подержав его основные лозунги.

Выступление И. Нада 31 октября от имени правительства по венгерскому радио, в котором впервые была затронута тема нейтралитета Венгрии, автор ставит во взаимосвязь с вышеупомянутой декларацией советского правительства от 30 октября, в которой речь шла о корректировке отношений между социалистическими странами. Очевидно, что советское заявление подтолкнуло обновленное венгерское руководство к новому шагу. Но есть основания считать, что этот документ был неправильно истолкован, внушив необоснованные надежды. Ведь в этом заявлении была выражена готовность обсуждать с лидерами соответствующих стран вопрос о присутствии советских войск, но не было ничего сказано о нейтралитете, пересмотре Варшавского договора или возможностях выхода из ОВД кого-либо из его членов²⁰ — для Москвы это была бы совершенно неприемлемая уступка, и очевидно, что в своем стремлении умиротворить венгерское общество премьер-министр зашел слишком далеко. Причем в речи от 31 октября, не отличавшейся чрезмерным радикализмом, вопрос рассматривался

¹⁹ Именно это противоречие между реальной политикой и ее пропагандистским обеспечением сформировало не только в Венгрии, но и в западном мире широко распространившиеся представления о том, что США «предали» венгерских повстанцев, сражавшихся под лозунгами свободы и ждавших, как уже отмечалось выше, реальной помощи Запада.

²⁰ Судя по опубликованным записям заседаний Президиума ЦК КПСС от 30 октября, об этом ничего не говорилось и при обсуждении текста декларации (Советский Союз 1998: 457–461).

в плоскости будущих переговоров, но поступившая информация о вводе новых воинских соединений из СССР подтолкнула И. Надя и всё правительство на следующий день к более радикальному решению — о незамедлительном выходе страны из ОВД и апелляции к ООН. Бекеш прав, считая это знаком полного разочарования венгерских реформаторов в возможности договориться с Москвой.

Решение от 1 ноября можно воспринимать и как всплеск эмоций, и как вполне осознанную попытку надавить на руководство СССР, в любом случае оно не было лишено вполне рациональной составляющей — перед тем, как сделать обращение в ООН публичным, от вызванного советского посла Ю.В. Андропова потребовали объяснений и вопрос о дальнейших действиях ставился в зависимость от того, что предпримет советская сторона. Таким образом, даже в самой, казалось бы, безнадежной ситуации команда И. Нады не исключала решения вопроса путем переговоров. Приоритетной целью апелляции в ООН было, конечно, не осуждение действий СССР перед лицом международного общественного мнения, а побуждение советской стороны к началу переговоров о выводе войск. В реакции же Москвы проявился цинизм советской внешней политики — хотя на отвод войск и на переговоры (как по политическим, так и по су-

губо военным вопросам) было дано согласие, к этому времени уже было принято решение о применении силы и смене в Венгрии правительства. Что же касается реакции США на скоропалительное заявление о выходе Венгрии из ОВД, то для Вашингтона, как справедливо замечает Бекеш, поддержать выпадение одной из стран из советской сферы влияния, а, следовательно, нарушение послевоенного статус-кво, причем вопреки духу недавно состоявшегося Женевского совещания 1955 г., означало тем больший риск, что США не были готовы предоставить Советскому Союзу никаких компенсаций вместо утраченной Венгрии. Выжидательной позиции Вашингтона не могло не способствовать и то, что события разворачивались в самый канун президентских выборов. Нельзя упускать из виду, напоминает автор, и в принципе скептическое отношение главы американской дипломатии Дж.Ф. Даллеса к идеям нейтралитета и неприсоединения — он неизменно видел в них препятствие на пути приобщения тех или иных стран к миру западных ценностей²¹.

Пытаясь глубже понять взаимосвязь между происходившими одновременно событиями в Венгрии и на Ближнем Востоке, автор признает, что Суэцкий кризис до некоторой степени отвлек внимание Запада от Восточной Европы²² и тем самым предоставил Москве еще больше свободы рук в урегулировании кризиса

²¹ Показательно и то, что в последующих резолюциях ООН, осуждающих советское силовое вмешательство в Венгрии, нигде не говорилось о признании венгерского нейтралитета, принадлежность страны к советской сфере влияния не ставилась под сомнение.

²² Занятые своими ближневосточными делами Британия и Франция вообще с самого начала предельно осторожно реагировали на венгерское восстание, не желая лишний раз провоцировать Москву.

в собственной сфере влияния. Однако этот кризис едва ли сильно сковал Вашингтон в принятии решений по Венгрии, поскольку у него в условиях биполярной модели мироустройства независимо от событий вокруг Суэца в принципе не было средств более решительно повлиять на ситуацию в зоне советской доминации. Есть основания считать, что разногласия, проявившиеся в стане западных союзников в условиях Суэцкого кризиса, помешали озабоченной готовившимися выборами администрации США более продуманно отреагировать на венгерский вызов в момент, когда это возымело бы наибольший эффект — сразу после заявления И. Нады о нейтралитете²³. С другой стороны, стремясь оправдать в глазах международного общественного мнения неэффективность своей реакции на подавление венгерской революции, Вашингтон мог ссылаться на раскол западного мира в те дни (хотя единственным, что в Вашингтоне, по мнению автора, могли бы реально сделать, но так и не сделали в интересах смягчения конфликта в Венгрии, так это умерить свою пропаганду). Резюмируя, Бекеш опровергает мнение тех, кто полагает, что исход венгерского кризиса 1956 г. хоть в сколько-нибудь значительной

степени зависел от позиции и реальных шагов Запада. Решающее значение имело то, насколько адекватные варианты действия изберет Москва для урегулирования отношений с одной из своих союзниц. Как замечает автор, стремление сохранить единство коммунистического движения (с учетом непростого положения, в которое на фоне антисталинской риторики XX съезда КПСС были поставлены в глазах общественного мнения своих стран наиболее влиятельные из западных компартий), сохранявшаяся стратегия сближения с титовской Югославией, необходимость создания позитивного образа СССР в странах «Третьего мира», успешная консолидация власти ПОРП в Польше — всё это относилось к числу аргументов, работавших против принятия силового решения. Но перевесили опасения утраты власти коммунистами в Венгрии и нежелание показать слабость, что могло бы быть воспринято как ослабление державной мощи СССР после смерти Сталина²⁴. В советском руководстве реально смотрели на ситуацию, считая, что чётко обозначившаяся перспектива свободных выборов в Венгрии со всей неизбежностью приведет к краху коммунистического правления²⁵.

²³ Например, выступить с инициативой созыва международной конференции по Венгрии.

²⁴ Ввод советских войск в ночь на 24 октября в Будапешт в целях устрашения восставшей толпы оказался неэффективным, вызвав эскалацию конфликта. А непоследовательное комбинирование в последующие дни уступок и силовых действий лишь создавало впечатление слабости. И едва ли можно не согласиться с югославским лидером Тито, который в своем шумевшем выступлении в ноябре 1956 г. на партактиве в Пуле с оценкой венгерских событий говорил о том, что решающая силовая акция 4 ноября явилась прямым следствием непродуманного и ставшего роковым решения о первом вводе войск, против которого на заседании Президиума ЦК КПСС высказался только А. И. Микоян (Советский Союз 1998: 356–357).

²⁵ В ходе дебатов на Президиуме ЦК КПСС А. И. Микоян, в самом конце октября вернувшийся из будапештской командировки, вновь демонстрировал склонность к выжидательной тактике (Советский Союз 1998: 494–496). Если исходить из установок на сохранение однопартийной коммунистической власти, то именно ему, наибольшему «либералу» в советском партийном руководстве,

Возвращаясь на более позднем материале к неоднократно упоминавшейся советской декларации от 30 октября, автор не соглашается с историками, считающими ее мертворожденным документом, значение которого было опровергнуто всего через 4 дня после обнародования, в момент советской интервенции, приведшей к смене власти в Венгрии. Ведь в конкретном случае с правительством И. Надя принципы отношений именно между социалистическими странами, прописанные в Декларации, фактически утратили смысл, поскольку коммунисты перестали контролировать ситуацию в Венгрии. Но документ оставался в силе, ссылки на него содержались в коммюнике по итогам встреч советских руководителей с лидерами социалистических стран (как двусторонних, так и многосторонних), докладе советской делегации на большом московском совещании компартий в ноябре 1957 г. и т.д.²⁶ Автор подробнее рассматривает в этом контексте совещание лидеров ряда компартий в Будапеште в начале 1957 г., где обсуждалось положение в Венгрии²⁷.

Ч. Бекеш размышляет об уроках, извлеченных коммунистическими эли-

тами Восточной Европы из венгерских событий осени 1956 г. На основе венгерского опыта они осознали, что слишком радикальные шаги, подобные тем, что предпринял И. Надь осенью 1956 г., ничуть не гарантируют сохранение коммунистов у власти, и Москва в целях восстановления контроля над союзнической страной пойдет на силовые меры. Кроме того, правящие элиты, доселе совершенно не приученные считаться с общественным мнением, поняли, что не могут (или, точнее, могут только себе во вред) игнорировать социальные требования снизу в расчете на то, что советское руководство не даст их в обиду. Напротив, они будут восприняты в Кремле как лузеры, как лица, не справившиеся со своим делом, и соответственно их ждет судьба отодвинутых венгерских лидеров М. Ракоши (после отъезда в начале осени 1956 г. в СССР до конца жизни так и не вернувшегося на родину) и Э. Герё, а на их место будут поставлены другие. Соответственно, сколько-нибудь эффективная внутренняя политика невозможна без некоторой либерализации коммунистических режимов, тем самым, как резюмирует автор, опыт венгерской революции способствовал формированию в странах Восточной Европы иной,

не хватило, по оценке Бекеша, чувства реального. Ведь при существовавшем раскладе сил в Венгрии уже не было шансов на политические средства удержания коммунистами власти, как это произошло в Польше, где Гомулка при помощи национальных лозунгов сумел сохранить ситуацию под контролем. В Венгрии же только внешнее вмешательство могло предотвратить проведение в обозримой перспективе свободных выборов, где коммунисты не смогли бы рассчитывать даже на относительный успех.

²⁶ См. подробнее (*Стыкалин 2018*). Польским коммунистам в ходе переговоров с Москвой со ссылкой на эту декларацию удавалось добиваться заметных уступок в экономических взаимоотношениях.

²⁷ На этом совещании Москва настояла на отказе правительства Я. Кадара от легализации даже номинальной многопартийности из опасений, что эти партии (в частности, крестьянские), стихийно возродившиеся в условиях октябрьских событий, будут претендовать на слишком большой политический вес.

более умеренной постсталинской модели коммунизма²⁸.

Венгерский кризис, дав Москве основания в случае возникновения аналогичных конфликтов в советской сфере влияния считать крайне маловероятным западное вмешательство, стал своего рода «пробным камнем» ялтинско-потсдамской системы. Воспринятый в Вашингтоне как внутреннее дело советского блока, он не оказал долгосрочного влияния на состояние советско-американских отношений. На встрече Н. Хрущева и Д. Эйзенхауэра в сентябре 1959 г. об этих событиях всего лишь 3-летней давности по сути так и не вспомнили. Вместе с тем Ч. Бекеш едва ли не первым среди исследователей ставит события в Венгрии в контекст диалога СССР и США по проблемам разоружения и приходит к несколько неординарному заключению: венгерское восстание произошло, на его взгляд, несколько «несвоевременно», сорвав двум сторонам возможность договориться по основным пунктам еще до того, как Советский Союз в августе 1957 г. провел испытание межконтинентальных ракет, временно выбившись вперед в гонке вооружений и заставив США срочно принимать ответные меры, увеличивая военные расходы²⁹. Этим мерам сопутствовало пропагандистское обеспечение. Дабы не уронить собственный пре-

стиж, США должны были муссировать с трибуны Генассамблеи ООН свое неравнодушие к венгерской трагедии, однако делали это достаточно осторожно, так, чтобы не сорвать переговорный процесс с СССР, особенно важный в условиях того вызова для Вашингтона, который обозначился с достижением Советским Союзом временного превосходства в гонке вооружений. Эффект резолюций ООН по Венгрии был крайне низок (за исключением тех, что касались оказания гуманитарной помощи венграм и особенно улучшения положения беженцев), и вместе с тем венгерский вопрос не сходил с повестки дня ООН до 1963 г., имея прежде всего пропагандистское предназначение: в условиях, когда Генассамблея ООН выступала ареной борьбы сверхдержав за влияние в мире, задачи «сдерживания коммунизма» в странах «Третьего мира» включали в себя доказательства на конкретных примерах преимуществ прозападного выбора. Успех здесь далеко не всегда сопутствовал США. Не только спутник, но и твердая антиколониалистская позиция во время Суэцкого кризиса приносили очки Советскому Союзу, затмевая тот негатив, который был вызван подавлением венгерского восстания.

Что же касается политики США не в «Третьем мире», а на восточноевропейском направлении, то признание

²⁸ Причем оппоненты существующих коммунистических режимов совершали встречное движение. Убедившись на основе всё того же венгерского опыта в бесперспективности восстания, не поддержанного Западом, они сделали ставку на придание более человеческого лица уже существующей системе.

²⁹ Временным превосходством СССР в вооружении автор объясняет и его попытки оказать в 1958 г. ультимативным путем давление на Запад в берлинском вопросе, а после того, как США сумели преодолеть отставание, Москва пыталась изменить в свою пользу баланс сил, разместив ракеты на Кубе, что привело к Карибскому кризису 1962 г.

статус-кво в межблоковых отношениях отнюдь не означало отказа от содействия либерализации коммунистических режимов. Формировалась новая парадигма («наведения мостов»), предполагавшая распространение в странах Восточной Европы западных ценностей и при этом не актуализировавшая задачу присоединения этих государств к западному миру в политическом плане. Процессы либерализации с начала 1960-х годов не обходили стороной и кадаровскую Венгрию. В работе приводится ссылка на относящиеся уже к весне 1964 г. оценки американских экспертов, согласно которым к этому времени Венгрия продвинулась по пути десталинизации дальше других восточноевропейских стран.

Отсутствие жесткой реакции США на силовое подавление венгерского восстания вовсе не означало, что руководство СССР отныне считало те же свои методы применимыми к любой ситуации. Глубокое знание истории международных кризисов в эпоху Холодной войны позволяет автору проводить исторические параллели, сравнивая реакцию Москвы на различные вызовы в своей сфере влияния, которая не всегда сводилась к силовому диктату. Неотъемлемой составной частью набора средств, которыми располагало и к которым периодически обращалось советское руководство в поисках путей урегулирования конфликтов, были и средства политические. В восточноевропейской политике СССР имманентно присутствовало и то, что Бекеш условно называет «доктриной

Микояна», в основе которой лежало стремление поначалу испробовать политическое решение. По этому пути советские лидеры пошли уже осенью 1956 г., отказавшись от военного вмешательства в Польше. Хотя применительно к венгерской революции предложения Микояна воздержаться от применения силы не были поддержаны его соратниками по Президиуму ЦК КПСС, мирная альтернатива в дальнейшем не исключалась, когда возникали новые вызовы. Так, на протяжении нескольких месяцев, вплоть до второй половины августа, она оставалась в силе в 1968 г. — Москва пыталась давить на А. Дубчека в целях принятия им срочных мер по блокированию неприемлемого для нее вектора развития³⁰. Своеобразное воплощение т.н. доктрина Микояна нашла, по мысли Бекеша, в Польше декабря 1981 г., когда советское руководство предпочло решить проблему, не прибегая к собственным воинским частям, а силами самих поляков, настояв на введении генералом Ярузельским чрезвычайного положения.

Что же касается второй половины 1950-х годов, то сигналы, поступавшие миру из Москвы, носили неоднозначный характер. Задачи укрепления советского влияния на международной арене, и не в последнюю очередь в «Третьем мире», требовали от СССР (тем более на фоне бурного обсуждения в ООН венгерского вопроса) демонстрации не только державной мощи, но и миролюбия, усилий по закреплению за собой образа надежного, договороспособного

³⁰ Заметим попутно, что проведение параллелей между венгерскими событиями 1956 г. и Пражской весной всегда требует существенных оговорок, ведь к моменту ввода войск стран ОВД

партнера. Ч. Бекеш в целом признает мирные намерения СССР, присутствие в его внешней политике тенденции, нацеливавшей на разрядку, разоружение, это проявилось среди прочего в выводе советских войск из Румынии в 1958 г. Несколько позже, в начале 1960 г. Хрущев ставил на совещании Политического консультативного комитета ОВД вопрос и о выводе их из Венгрии³¹, что вызвало довольно сдержанную реакцию Я. Кадара, прежде всего из прагматических соображений: уход советских войск потребовал бы увеличения оборонных расходов (причем по настоянию Москвы), а это, несомненно, ударило бы по уровню жизни населения, замедлило бы темпы консолидации коммунистического режима. По мнению автора, не воспользовавшись предоставившимся шансом вывести из страны советские войска (причем по инициативе самого руководства СССР!), Кадар принял наиболее безответственное решение за все три десятилетия своего пребывания у власти, ведь вывод советских войск оказал бы настолько воодушевляющее воздействие на венгров, что обеспечил бы правительству на долгие годы кредит доверия. Вероятно, с этим можно согласиться лишь с немалыми оговорками: каков бы ни был кредит доверия, приобретенный

Чаушеску в глазах своих соотечественников независимой позицией, проявленной во время чехословацкого кризиса августа 1968 г., он был полностью растрочен в последующие два десятилетия крайне неэффективной, волюнтаристской политикой.

В отличие от венгерского кризиса берлинский 1961 г. нельзя сопровождать частицей «псевдо», так как в условиях неурегулированности германского вопроса и включенности ФРГ в НАТО он напрямую затрагивал интересы западного блока. По мнению автора, в условиях этого кризиса проявилась присущая Москве готовность во избежание ненужной эскалации идти на компромиссы, причем отступление от первоначальной позиции не обязательно означало возвращение к статус-кво, часть поставленных целей могла быть достигнута. Сооружение в августе 1961 г. Берлинской стены Бекеш считает оптимальным в тех условиях выходом из кризиса, учитывая масштабы исхода из ГДР трудоспособного населения, что в перспективе угрожало парализацией экономики страны. При этом Западный Берлин остался свободным анклавом и к новой ситуации, вызванной сооружением Берлинской стены, на Западе довольно быстро приспособились. Уре-

21 августа 1968 г. в Чехословакии не только не было и намека на малейшие повстанческие действия, но более того, требования нейтралитета и свободных выборов были периферийными в программах сторонников реформ, извлекивших уроки из венгерского опыта 1956 г.

³¹ До подписания в 1955 г. договора о восстановлении независимой Австрии советские воинские части находились в Венгрии законно, в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г., для поддержания коммуникации с советской оккупационной зоной в Австрии. Но с выводом советских войск из Австрии законной основы для их пребывания в Венгрии уже не было, тогда как их контингент заметно увеличился за счет соединений, выведенных с австрийской территории. Это вызывало недовольство в венгерском обществе, требование вывода советских войск было одним из ключевых, выдвигавшихся снизу в ходе событий осени 1956 г. В мае 1957 г., после подавления венгерской революции, было подписано межправительственное соглашение об условиях пребывания в Венгрии советских войск.

гулированию германского вопроса при отсутствии мирного договора способствовал интерес стран-членов СЭВ к экономическому сотрудничеству с ФРГ, правда, здесь однозначной картины не было — ввиду непризнания Бонном ГДР и восточных границ Германии для стран, которых это напрямую касалось (сама ГДР и Польша), приоритетной была проблема безопасности, тогда как для других (Румыния, первой, еще в январе 1967 г. установившая дипотношения с ФРГ, а также Венгрия и к 1968 г. Чехословакия) на первый план выходит выгода от экономических, торговых связей. Германская социал-демократия, готовившая прорыв на восточноевропейском направлении, считала первым шагом к этому оживление экономических отношений с Восточной Европой. А с торжеством к 1970 году новой восточной политики В. Брандта создаются предпосылки для заключения базовых договоров ФРГ с СССР, ПНР, ГДР и ЧССР и 4-стороннего соглашения по Западному Берлину, имевших решающее значение для переформатирования всей системы международных отношений в Европе, без которого было бы невозможно проведение в 1975 г. в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписание его итогового документа. При разрешении не только Берлинского 1961 г., но и еще более опасного Карибского кризиса 1962 г. обе стороны проявили должную ответственность

(Прокуменщиков, Стыкалин 2022) и приобретенный опыт способствовал формированию более совершенных механизмов предотвращения соскальзывания к горячей войне (включая каналы чрезвычайной телефонной связи). Автор связывает с этим достижения 1960-х годов в процессе разрядки международной напряженности (заключения договоров о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах и о нераспространении ядерного оружия).

Происходившее после 1956 г. изменение характера отношений СССР с восточноевропейскими союзниками (большая гибкость не означала, впрочем, реального равноправия) было неотделимо от осмысления опыта как польского, так и венгерского Октября, автор называет венгерскую революцию 1956 г. фактором, сильно повлиявшим на гетерогенность советского блока. Стремления национальных коммунистических элит к выработке собственных концепций социализма набрали динамику в 1960-е годы. Наиболее хрестоматийный пример дистанцирования страны-члена ОВД от консолидированной позиции советского блока связан, как известно, с Румынией, чья особая внешняя политика проявлялась с начала 1960-х годов, при сохранении немалой экономической зависимости от СССР³². Вообще, поскольку выйти из системы было невозможно, страны, в нее входящие, как резонно отмечает автор, искали

³² См. в этой связи записи бесед советских дипломатов с многолетним главой Национального банка Румынии уроженцем Бессарабии В. Малинским (*Iorga 2020*). Как справедливо замечает Бекеш, плоды этой независимости для самого румынского общества были довольно проблематичны. Более того, стремление каждый раз уклониться в том или ином вопросе от генеральной линии советского блока носило всегда довольно демонстративный характер в целях подороже продать Западу особую румынскую позицию.

способы расширения поля маневров внутри самой системы, и их партийно-государственные элиты понимали национальные приоритеты по-разному — если Румыния стремилась, насколько это было возможно, обособиться от советского влияния, то Болгария, напротив, прилагала усилия в своих претензиях на роль привилегированного партнера Москвы.

Можно согласиться с тем, что именно Карибский кризис, неожиданно для союзников СССР поставивший человечество на грань ядерной войны, способствовал формированию специфической позиции Румынии в рамках блока. Причем отсутствие предварительной информации о размещении советских ракет на Кубе шокировало не только румын, но и других союзников, стимулировав с их стороны требования реформировать механизм ОВД, а также исключить прием новых членов, поскольку включение в эту организацию Кубы и Монголии увеличило бы риск вовлечения стран-членов блока в конфликты СССР с США и соответственно с Китаем. Даже лояльный Москве (и при этом отстаивавший принцип конструктивной лояльности, базирующийся на согласовании интересов обеих сторон) Янош Кадар упрекал советских лидеров в сокрытии от союзников существенной внешнеполитической информации. «Мы не должны узнавать о ваших планах из газет», — говорил он Н. Хрущеву в июле 1963 г.

О готовящейся отставке Хрущева лидеры стран-союзниц тоже не были предупреждены, она застала их врасплох в не меньшей мере, чем Карибский кризис. Тот же Кадар,

находившийся в хороших личных отношениях с Хрущевым, позволил себе необычный демарш, вызвавший сильное раздражение в Кремле. Весть о снятии Хрущева застала его во время визита в Польшу, а вернувшись домой, он выступил на митинге на вокзале, где выразил недоумение в связи с вестью, пришедшей из Москвы, и подчеркнул заслуги Хрущева не только перед Венгрией, но и перед международным коммунистическим движением. Не прошло и месяца, и в ноябре 1964 г. Кадар в беседе с Л. Брежневым в Москве по сути сформулировал свою доктрину внутриблоковых отношений: хотя кадровые вопросы КПСС являются сугубо внутрипартийными вопросами, положение КПСС в мировом коммунистическом движении таково, что даже при вынесении решений по внутренним вопросам надо учитывать тот международный резонанс, который они могут приобрести, и то влияние, которое они могут оказать на развитие стран-союзниц. Такие решения не просто должны быть хорошо подготовлены, братские партии имеют право на свой совещательный голос при обсуждении подобных вопросов. Это значит, что и руководство КПСС в силу возложенной им на себя ответственности перед системой социализма и коммунистическим движением до известной степени ограничено в принятии решений, поскольку должно учитывать интересы союзников и не может обойтись без консультаций с ними. Сформулированная в концентрированном виде четырем годами позже в связи с чехословацкими событиями доктрина «ограниченного суверенитета» социалистических стран (известная на Западе как «доктрина

Брежнев») имела, таким образом, и эту обратную сторону: право СССР на лидерскую роль подразумевало и его ответственность перед союзниками. В той мере, в какой Москва была готова к принятию подобных правил игры, расширялось и поле маневров для ее союзников. Как показывает опыт чехословацкого кризиса 1968 г., советское руководство, хотя и оставляло за собой право на окончательное решение, все же считало целесообразным обсуждать с союзниками пути урегулирования проблемы и учитывало их мнение³³. Более того, само подключение армий ряда стран ОВД к силовой акции 21 августа 1968 г., которую Советская армия легко могла бы осуществить в одиночку, означало стремление разделить груз политической ответственности с теми, кто за годы, прошедшие после смерти Сталина, из безгласных исполнителей воли центра успел превратиться в формально равноправных младших партнеров (*Джалилов, Стыкалин 2018*). Причем издержки для международной репутации стран-союзниц, связанные с их подключением к осуществлению совместных силовых акций, заставляли их в дальнейшем более упорно отстаивать свои интересы перед Москвой. Так, в марте 1969 г. в ходе встреч с советскими руководителями лидерам европейских стран-союзниц удалось воспротивиться планам плотнее пристегнуть их страны к реализации линии Кремля на китайском направлении.

Чехословацкий кризис 1968 г. Бекеш ставит в более широкий контекст

международных, и в том числе межблочных и советско-американских отношений. Как и в случае с Венгрией 1956 г., осуждение Вашингтоном силовой акции сопровождалось невмешательством во внутренние дела советской сферы влияния и нежеланием уходящей администрации Л. Джонсона перекрывать существующие каналы взаимосвязи, необходимые для обсуждения вопросов, связанных с войной во Вьетнаме, положением на Ближнем Востоке, ограничением стратегических вооружений (но отнюдь не положения в Чехословакии).

Стремление не допустить в дальнейшем повторения ситуации августа 1968 г., сделавшей возможным столь стремительное продвижение огромного контингента Советской армии к центру Европы, стало одним из факторов, ускоривших подготовку Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, своими решениями юридически закрепившего послевоенное статус-кво. Важной предпосылкой его успешного проведения стало торжество новой восточной политики Бонна, проявившейся в подписании ряда упомянутых межгосударственных договоров и 4-стороннего соглашения по Западному Берлину. Бекеш отмечает, что хотя кадаровская Венгрия, в отличие от соседних Румынии и Югославии, никогда не претендовала на особый статус в системе международных отношений, ее дипломатия играла довольно активную роль в согласовании позиций разных сторон в преддверии совещания. При этом

³³ Первое совещание, на котором обсуждалось положение в Чехословакии, состоялось еще в марте 1968 г. в Дрездене, за ним последовали другие.

венгры делали главный акцент не на безопасности, а именно на сотрудничестве — экономическом и гуманитарном. Вопреки традиционному нежеланию Москвы касаться на международных форумах национально-территориальных споров между странами, оказавшимися в советской сфере влияния в Восточной Европе, Кадар в своей речи в Хельсинки решился прямо сказать о «трианонском синдроме» венгров (связанном с огромными территориальными утратами, понесенными вследствие Трианонского мирного договора 1920 г.)³⁴. Венгрия не имеет территориальных претензий к своим соседям, подчеркнул он, но ее утраты могут быть компенсированы лишь полноценным включением страны в систему международных экономических связей.

Закрепив статус-кво в Европе, Хельсинкское совещание вместе с тем не стало панацеей от новых серьезных вызовов, тем более за пределами европейского континента. Первым из них и довольно существенным стал афганский декабрь 1979 г. Войдя в противоречие с тенденцией к разрядке, он с озабоченностью был воспринят в стане союзников СССР. В коммюнике по итогам состоявше-

гося в феврале 1980 г. в Москве совещания лидеров социалистических стран нашло отражение предложенное венграми положение о необходимости регулярных консультаций в интересах снижения международной напряженности. Вывод, к которому приходит автор: афганская акция Кремля усилила растущее отчуждение восточноевропейских союзников от СССР как от государства, чьи геополитические интересы склоняются больше в сторону Азии, чем Европы. Это способствовало осознанию в странах советского блока своей европейской идентичности, общности с государствами, лежащими по ту сторону «железного занавеса».

После начала афганской войны со стороны европейских социалистических стран (включая Польшу, летом 1980 г. вступившую в полосу глубокого внутривосточного кризиса) наблюдается стремление сохранить в сложившихся непростых условиях на прежнем уровне выгодные экономические связи с Западом и каналы для поддержания политического диалога. При этом приходилось испытывать давление Москвы, опасавшейся усиления западного влияния на своих союзников³⁵. При этом, по мнению Бекеша, реальные интере-

³⁴ Еще за три года до этого, в феврале 1972 г., на неформальной встрече с Брежневым в Завидове, где советское руководство выразило неудовольствие в связи со слишком далеко, по его мнению, идущими планами экономических реформ, Кадар объяснял своему собеседнику, что открытость страны разным экономическим влияниям в немалой степени связана со стремлением преодолеть ущерб, нанесенный Трианоном, нарушившим вследствие пересмотра границ многие традиционные экономические связи в Дунайско-Карпатском регионе.

³⁵ Это порождало напряженность не только в отношениях с Москвой, но и внутри самих восточноевропейских элит. Я. Кадар, например, вопреки воле собственного политбюро отменил запланированную поездку венгерской парламентской делегации в США, которая могла вызвать неудовольствие в Кремле как знак нелояльности. К этому можно добавить, что Н. Чаушеску, воспринявший советское вторжение в Афганистан как проявление всё той же политики диктата в отношении соседей, вместе с тем воздержался от публичной критики СССР, опасаясь ответных экономических санкций.

сы Запада в Афганистане были достаточно ограниченными и не было оснований для серьезного межблокового конфликта. Речь шла прежде всего о новой волне недоверия к СССР, которая привела к отказу от ратификации договора об ОСВ-2 и проявилась в ужесточении пропагандистской риторики. Венцом начавшейся конфронтации явился отказ западных держав от участия в московской олимпиаде 1980 г., а внутривосточный кризис в Польше создал питательную почву для новых взаимных обвинений. Он совпал с приходом к власти в США администрации республиканца Р. Рейгана, который в сравнении со своим предшественником Дж. Картером в критике Москвы делал главный акцент не на правозащитной тематике, а пошел гораздо дальше. Его выступления, в которых Советский Союз квалифицировался как «империя зла», вызывают у Бекеша ассоциации с доктриной «освобождения» Д. Эйзенхауэра, при этом, как и в 1950-е годы, сохранялись поиски модус вивенди с СССР. При всей резкости и конфронтационности пропаганды продолжают функционировать и даже совершенствуются механизмы, позволяющие избежать соскальзывания к войне. Они надежно сработали в 1983 г., когда в силу стечения обстоятельств возникает наиболее серьезная со времен Карибского кризиса угроза ядерного столкновения. Показательно, что в этот острый момент Москва во избежание дополнительной напряженности не подстрекала своих союзников к ан-

тизападным демаршам. Вообще достигнутый к этому времени уровень автономии восточноевропейских стран от СССР вполне позволял, даже не бравидуя, как Румыния, своей независимостью, поддерживать сложившиеся экономические связи с Западом даже в условиях обострения Холодной войны. Показателен пример Венгрии, которая, оставаясь лояльным членом Варшавского пакта, вместе с тем в 1982 г. вступила в Международный валютный фонд, что было обусловлено интересами национальной экономики и стало новым шагом в ее сближении с Западом. К середине 1980-х годов в развитии как восточноевропейских, так и западноевропейских стран под влиянием итогов Хельсинки-75 возобладала логика не только разрядки, но и всевропейской гравитации поверх все еще сохранявшихся межблоковых границ. Описывая этот процесс, автор пытается выявить посредническую роль Венгрии в налаживании отношений между Западом и Востоком.

Главной причиной вступления СССР в эру Перестройки Бекеш резонно считает истощение ресурсов при неэффективности экономики³⁶. Как явствует из материалов совещаний Политического консультативного комитета ОВД июля 1988 г., Москва по сути признала свое поражение в гонке вооружений, а это только стимулировало активизацию диалога с Западом и прежде всего по проблемам разоружения. Публично отказавшись от применения

³⁶ При существовавшей внутри восточного блока системе отношений Советскому Союзу была в немалой степени отведена роль поставщика сырья и уровень жизни в СССР был ниже уровня жизни в ряде стран блока.

«доктрины Брежнева» и призывав лидеров социалистических стран к переменам, Горбачев вместе с тем продолжал твердить о сохранении социализма и не было ясно, существуют ли для Кремля границы толерантности. Все-таки навязывать странам-союзницам некие новые рецепты действий в Москве остерегались, опасаясь дестабилизации, а в случае усиления кризисных явлений лидеры этих стран уже все менее могли рассчитывать на советскую помощь, поскольку было уже не до них, с каждым годом со все большей остротой стоял вопрос о сохранении самого «имперского центра», на фоне начавшегося кризиса, а затем и распада которого вопрос о дальнейших судьбах восточноевропейской «периферии» отступает на второй план. Это хорошо показала готовность Москвы отказаться от ОВД в условиях, когда вследствие бурных событий 1989 г. происходит смена правящих элит в регионе, к власти приходят представители прежней оппозиции, отнюдь не заинтересованные в сохранении союзнических отношений с СССР. Западные державы, опасаясь дестабилизации и обвала, призывали к осторожным, постепенным переменам в Восточной Европе, настаивая на скором роспуске СЭВ и ОВД. Но к середине 1991 г. их упразднение уже вполне назрело, а в скором времени произошел коллапс СССР. С ним переформируется вся система международных отношений, а новая Россия ищет свое место на мировой и европейской арене с учетом в корне изменившихся реалий.

Новая книга видного венгерско-американского историка будет с инте-

ресом прочитана специалистами по истории Холодной войны и займет свое заметное место в литературе по проблемам международных отношений второй половины XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Джалилов, Стыкалин 2018 — «Применение военной силы это, как правило, признак слабости». Беседа Т. Джалилова и А. Стыкалина о проблемах изучения Пражской весны и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию // Историческая экспертиза, 2018. № 4. С. 71–95.

Прокуменщиков, Стыкалин 2022 — «Лидеры обеих сверхдержав проявили в той ситуации свои лучшие качества». К 60-летию Карибского кризиса. Беседа М. Ю. Прокуменщикова и А. С. Стыкалина // Историческая экспертиза, 2022. № 3. С. 30–47.

Советский Союз 1998 — Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.

Стыкалин 2016 — *Стыкалин А. С.* XX съезд КПСС и роспуск Коминформа // Вопросы истории, 2016. № 10. С. 3–19.

Стыкалин 2018 — *Стыкалин А. С.* К истории отклика партийно-государственного руководства СССР на венгерское восстание 1956 г. (Исторический контекст принятия Декларации 30 октября) // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 98–104.

Тоталитаризм 2002 — Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 / Отв. редактор В. В. Марьина. М.: Наука, 2002. 224 с.

Три визита 1998 — Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.).

Документы российских архивов / Отв. редактор Т. А. Покивайлова. М.: РОСС-ПЭН, 1998. 248 с.

Iorga 2020 — Iorga L. Regimul Ceaușescu văzut din interior. Convorbirile purtate de Vasile Malinschi, guvernatorul Băncii Naționale a RSR, cu diplomații sovietici de la București (1966–1976) // *Archiva Moldaviae*. XII. Iași, 2020. P. 339–382.

The Cominform 1994 — The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949. Milano: Feltrinelli, 1994. 1054 p.

REFERENCES

«Primenenie voennoj sily jeto, kak pravilo, priznak slabosti». Beseda T. Dzhililova i A. Stykalina o problemah izuchenija Prazhskoj vesny i avgustovskoj intervencii 1968 g. v Chehoslovakiju» // *Istoricheskaja jekspertiza*, 2018. № 4. S. 71–95.

Iorga L. Regimul Ceaușescu văzut din interior. Convorbirile purtate de Vasile Malinschi, guvernatorul Băncii Naționale a RSR, cu diplomații sovietici de la București (1966–1976) // *Archiva Moldaviae*. XII. Iași, 2020. P. 339–382.

«Lidery obeh sverhderzhav projavili v toj situacii svoi luchšie kachestva». K 60-letiju Karibskogo krizisa. Beseda M. Ju. Prozu-

menshnikova i A. S. Stykalina // *Istoricheskaja jekspertiza*, 2022. № 3. S. 30–47.

Sovetskij Sojuz i vengerskij krizis 1956 goda. Dokumenty / Redaktory-sostaviteli E. D. Orehova, V. T. Sereda, A. S. Stykalin.. M.: ROSSPJeN, 1998. 863 s.

Stykalin A. S. XX s'ezd KPSS i rospusk Kominforma // *Voprosy istorii*, 2016. № 10. S. 3–19.

Stykalin A. S. K istorii otklika partijno-gosudarstvennogo rukovodstva SSSR na vengerskoe vosstanie 1956 g. (Istoricheskij kontekst prinjatija Deklaracii 30 oktjabrja) // *Vengerskij krizis 1956 g. v kontekste hruščevskoj ottepli, mezhdunarodnyh i mezhblokovykh otnoshenij*. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2018. S. 98–104.

The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949. Milano: Feltrinelli, 1994. 1054 p.

Totalitarizm: istoricheskij opyt Vostochnoj Evropy. "Demokraticeskoe intermecco" s kommunisticheskim finalom. 1944–1948 / Отв. редактор V. V. Mar'ina. M.: Nauka, 2002. 224 s.

Tri vizita A. Ja. Vyshinskogo v Buharest (1944–1946 gg.). Dokumenty Rossijskih arhivov / Отв. редактор T. A. Pokivajlova. M.: ROSSPJeN, 1998. 248 s.

А. Р. Лагно

«ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕЧТА. ПЕРЕИЗОБРЕТЕНИЕ НАЦИИ» АЛЕЙДЫ АССМАН: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАМЯТИ, СОВЕСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рец.: Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебников. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.

Аннотация: Рецензируются две новые книги известного немецкого историка и антрополога Алейды Ассман, которые объединены под одной обложкой в русском переводе Бориса Хлебникова. В первой части автор размышляет над наследием главных катастроф XX века, над тем, какие уроки европейцы смогли из них извлечь, над успехами и промахами европейской интеграции, над европейской мемориальной культурой. Во второй части исследовательница проводит своего рода «инвентаризацию» немецкой национальной памяти, задумывается о том, какие элементы памятования оказались токсичными, и их следует отбросить, какие необходимо и далее сохранять, а какие надо обновить. Алейда Ассман с тревогой пишет о том, что во всем мире нации снова становятся националистическими и воинственными, а предположения теоретиков модернизации, что в глобализирующемся мире национальные государства уже устарели и вскоре отомрут за ненадобностью, не вполне оправдались. В этой связи она призывает интеллектуалов обратить внимание на потенциал европейской мемориальной культуры, способной, по ее мнению, переизобрести нации, сформировать у них совесть и сделать ответственными за общее будущее.

Ключевые слова: история, нация, национализм, историческая память, идентичность, Европейский союз.

Сведения об авторе: Лагно Анна Романовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН. Email: LagnoAnna@gmail.com

A. R. Lagno

“THE EUROPEAN DREAM. THE REINVENTION OF THE NATION” BY ALEIDA ASSMANN:
REFLECTIONS ON MEMORY, CONSCIENCE AND RESPONSIBILITY

Rev.: Assman A. *Evropeyskaya mechta. Pereizobreteniyе natsii* / per. s nem. B. Khlebnikov. M.:
Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 512 s.

Abstract: Two new books by the famous German historian and anthropologist Aleida Assmann are reviewed, which are combined under one cover in the Russian translation by Boris Khlebnikov. In the first part, the author reflects on the legacy of the main catastrophes of the XX century, on what lessons Europeans were able to learn from them, on the successes and failures of European integration, on European culture of remembrance. In the second part, the researcher conducts a kind of “inventory” of German national memory, thinks about which elements of remembrance turned out to be toxic, and they should be discarded, which ones need to be preserved further, and which ones need to be updated. Aleida Assmann is worried that nations all over the world are becoming nationalistic and warlike again, and the assumptions of modernization theorists that nation-states are already outdated in a globalizing world and will disappear have not been fully justified. In this regard, she calls on intellectuals to pay attention to the potential of European remembrance culture, which, in her opinion, can reinvent nations, form their conscience and make them responsible for a common future.

Keywords: history, nation, nationalism, memory studies, identity, the European Union.

Corresponding author: Lagno Anna Romanovna, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Email: Lagno-Anna@gmail.com

За последние полтора года книги, посвященные истории нацистской Германии, стали очень востребованы среди российских читателей. Особенной популярностью пользуется работа Николаса Старгардта «Мобилизованная нация. Германия 1939–1945», которая посвящена восприятию событий тех лет рядовыми немцами. На мой же взгляд, сейчас важнее осознать не то, как менялось отношение населения к войне, не погрузиться в повседневность Германии 1940-х годов, отыскивая в ней знакомые черты, а как следует задуматься над тем, что же было дальше. Как раз две новые книги Алей-

ды Ассман (Assmann 2018; Assmann 2020), объединенные в русском переводе Бориса Хлебникова, предоставляют читателям такую возможность. В первой автор делится своими размышлениями над успехами и промахами европейской интеграции, над европейской мемориальной культурой, над тем, чему история научила европейцев. Вторая книга, как определила ее Ассман, — это «инвентаризация» немецкой национальной памяти, размышление о том, какие элементы памятования оказались токсичными, и их следует отбросить, какие необходимо и далее сохранять, а какие надо обновить.

Отталкиваясь от известного выражения Поля Валери о том, что «история — самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта», который «ничему не учит, ибо содержит все и дает примеры всего», Ассман все же считает, что европейцам удалось извлечь из истории первой половины XX века некоторые важные уроки, а формирование Европейского союза является наглядным результатом их усвоения:

1-й урок: мир. Вместо милитаризованной экономики — экономическое сообщество;

2-й урок: демократия. Вместо диктатур — установление демократии;

3-й урок: диалогическая мемориальная культура. Вместо монолога — самокритичный взгляд на историю, признающий собственные преступления;

4-й урок: права человека. Защита беженцев и меньшинств.

Ассман убеждена, что благодаря этим четырем урокам немцы смогли проработать свое прошлое, изменить идентичность как воинственной, агрессивной и геноцидальной нации и стать нацией гражданской, опирающейся на принципы правового государства и демократии. Демократия, в свою очередь, «укрепляется самокритичной мемориальной культурой и, наоборот, упразднение демократии ведет к историческому ревизионизму». По мнению Ассман, именно в ЕС сложилась благоприятная обстановка для развития такого типа мемориальной культуры. Ведь, как правило, национальные мемо-

риальные нарративы монологичны, они сконструированы таким образом, чтобы служить фундаментом для национальной идентичности, возвеличивать, героизировать и прославлять себя, о неудобном же прошлом нация предпочитает забыть. В ЕС память выходит за рамки границ отдельных государств, поскольку интеграция и сохранение мира требуют диалогического памятования. Если страны взаимно признают свою вину и выражают сочувствие жертвам, не пытаются что-либо скрыть или возвеличить себя за счет другого, в таком случае возникает диалогическая память. Такой диалог имеет своего рода терапевтический эффект, поскольку травматический опыт страданий и позора нуждается в сочувствии, признании и общественном резонансе. О страданиях, причиненным себе и другим нельзя умалчивать, нельзя дальше жить так, будто ничего не произошло. Ассман подчеркивает, что это относится прежде всего к странам, переживающим фазу политического перехода от диктатуры к демократии, ибо «непроясненная история преступлений закладывает мину» на этом пути. Пожалуй, последствия этого мы можем наблюдать сегодня в России, где согласно опросам общественного мнения И. Сталин является одним из самых одобряемых политических лидеров. И это несмотря на то, что почти треть семей в Советском Союзе была напрямую затронута сталинскими репрессиями. Отсутствие рефлексии по этому поводу, блокировка самостоятельного критического анализа своего прошлого привели к печальным последствиям спустя семьдесят лет после смерти диктатора.

Ассман с тревогой пишет о том, что во всем мире нации снова становятся националистическими и воинственными, и в связи с этим задает следующие вопросы: *Что мы вообще можем противопоставить этой тенденции? Есть ли альтернатива национальной гордости, опирающейся на чеканные образы врага и забывающей о жертвах собственной истории?* Ответ ее прост: надо продолжать делать свое дело, нельзя опускать руки, нельзя останавливаться, поскольку гуманизм, любовь к человеку, толерантность, демократия — все это требует каждодневной работы, ничто не дается навсегда, мир меняется, надо принимать эти необратимые перемены, основываясь на выстраданных в XX веке общечеловеческих ценностях. Нациям необходимо помнить о жертвах собственной истории не для того, чтобы каяться и унижаться, а чтобы нация смогла наконец повзрослеть и создать собственную совесть. Единого рецепта — как этого достичь — не существует, но Ассман предлагает некоторые инструменты, позволяющие сделать сложный переход от диктатуры к демократии:

1. Судопроизводство: сбор доказательств, расследование, судебный процесс, вынесение приговора;
2. Историческое просвещение: проработка прошлого на основе архивных материалов и устных свидетельств;
3. Социальные коррективы: признание жертв и их реабилитация, реституция и примирение на основе общей исторической памяти о совершенных преступлениях.

Ассман затрагивает также очень интересную тему недовольства большими национальными нарративами. Многие считают, что они приносят только вред и разжигают ненависть. А может, пришло время для какой-то другой истории? Да, национальные нарративы обладают мощной силой воздействия, они просты и понятны, именно поэтому, подчеркивает Ассман, их нельзя недооценивать, и именно поэтому их нельзя и упразднить, лучше сосредоточиться на их критике и трансформации. По мнению автора необходимо обратить более пристальное внимание на историю беженцев и изгнанных, которая пока еще не стала популярным предметом среди историков и не нашла своих заинтересованных читателей. Возможно, полагает она, все дело в том, что это преимущественно женская история, а общественность больше интересуется жизнью государственных и военных деятелей, так называемыми великими историческими фигурами и великими событиями прошлого. История гражданских лиц, страдания и преодоления обычных людей помогут научить эмпатии, и, скорее всего, именно женщины-историки смогут написать ее тоньше, лучше, убедительнее, чем мужчины.

Во второй книге Ассман отчасти повторяет, а отчасти развивает тезисы, озвученные в «Европейской мечте». Она подчеркивает, что немцы достигли серьезных успехов в проработке своего проблемного прошлого. Автор описывает этот непростой путь от забвения до памятования: в 1946 году Уинстон Черчилль призвал «ради устойчивого мира обуздать чувство ненависти и желание мести», постараться забыть и не обвинять Германию и другие страны, выступившие

в войне на ее стороне. Такая политика позволила интегрировать бывших нацистов в демократическое общество ФРГ и ускорить модернизацию страны; на тот момент злодеяния, причиненные немцами другим народам, не стали частью общей памяти. Ситуация изменилась в конце 1960-х годов, когда новое поколение немцев стало задавать своим родителям неудобные вопросы о прошлом. Возможно, наиболее значительный и эмоциональный символ этой перемены — преклонение колен канцлером Вилли Брандтом перед памятником героям восстания в Варшавском гетто. Нарратив о страданиях, причиненных другим народам, настолько сильно проник в немецкое общество, что канцлеру Гельмуту Колю не удалось пересмотреть политику относительно неудобного немецкого прошлого, которое, как пытались все время подчеркивать его советники, составляло всего лишь двенадцать лет в истории страны. Так возник «спор историков», утвердивший ключевой постулат: Холокост — это уникальное явление в мировой истории, это прошлое, которое нельзя забывать, поскольку «время не лечит травмы, причиненные экстремальным насилием, это насилие создает для жертв прошлое, которое не проходит и которое требует своей проработки даже через десятилетия». Еще одна проблема, вышедшая тогда на повестку и над которой размышляет Ассман в своей книге: *Представляет ли национальная идея угрозу для либеральной демократии?*

Теоретики модернизации полагали, что в глобализирующемся мире национальные государства устарели и вскоре отомрут за ненадобностью, однако оказалось, что это далеко не

так. Идея нации обладает «магической силой объединять людей, но она же чревата насилием, которое стигматизирует и уничтожает людей». И вновь Ассман видит решение этой проблемы в формировании нового типа нации: «гражданской нации». Она соглашается с Херфридом и Мариной Мюнклер в том, что отказываться от понятия нации (как и от национальных нарративов) опасно. Во-первых, потому что это понятие обладает мощнейшим эмоциональным и мобилизационным потенциалом, его могут присвоить и использовать для разжигания ненависти к другим странам и народам, а также и к жителям собственной страны, если они думают иначе или не принадлежат к большинству. Во-вторых, это понятие можно использовать во благо, для того, чтобы воссоздать доверие друг другу, желание действовать вместе, оказывать взаимную помощь. Основу «гражданской нации» составляют не расплывчатые и абстрактные «ценности», а четко идентифицируемые и обязательные принципы трех уровней:

- 1) на уровне государства: правовая культура демократии с разделением властей и равными гражданскими правами (конституция);
- 2) на уровне общества: признание многообразия, защита меньшинств, отказ от этнической однородности (общественный договор);
- 3) на уровне нации: концепция культурной самобытности, включающей исторически сложившийся облик и разнообразие (культурная идентичность).

С окончанием холодной войны многие государства обрели независимость

и для них национальный суверенитет и национальная идентичность имеют огромное значение. Эти нации боятся утратить то, за что они боролись на протяжении десятилетий. На этой почве возникают разногласия с ЕС, который мыслился этими странами как гарант национального государства, однако либеральные ценности, политика в области миграции и мемориальная культура вызывают в среде элит и общества все большее раздражение, поскольку, по их мнению, ущемляют национальный суверенитет. В их памяти возникает извечный образ врага (который теперь все больше ассоциируется с ЕС) и необходимость борьбы с ним. В связи с этим возникает вопрос: *Как разговаривать с теми, кто знает лишь фразеологию борьбы, кто не готов к диалогу, кто настолько уверен в своей правоте, что нацелен лишь на полное уничтожение своего идеологического или политического противника? Как разговаривать с теми, кто размышляет в категориях игры с нулевой суммой и не готов проигрывать?* Во многом именно такой стиль аргументации сложился в обществах, переживших период социализма, когда оппонировали не политическому конкуренту, а идеологическому врагу. Здесь уместно вспомнить размышления Умберто Эко в книге «С окраин империи. Хроники нового Средневековья»: «демократия держится на согласии граждан (так как власть проистекает из голосования), а согласие получают путем аргументации в соответствии с приемами риторики». Риторика же, в свою очередь, должна основываться на «политической и нравственной позиции и на уважении к собеседнику». Как этого достичь? Может ли в этом случае помочь гибкость, серьезное отношение к оппоненту, желание понять, чем вы-

зван его гнев, на чем базируется его беспринципность? Возможно, Алейда Ассман напишет об этом следующую книгу. На сегодня приходится лишь констатировать, что весьма опасным последствием националистической и ксенофобской риторики ряда европейских (и не только европейских) политических партий является рост ненависти и агрессии в социальном взаимодействии, радикализация, снижение доверия к политическим лидерам, партиям и институтам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2022 — Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебников. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.

Эко 2021 — Эко У. С окраин империи. Хроники нового средневековья. М.: Издательство АСТ, 2021. 480 с.

Assmann 2018 — Assmann, A. Der europäische Traum. Vier Lehren aus der Geschichte. München: Verlag C. H. Beck, 2018. 224 S.

Assmann 2020 — Assmann, A. Die Wiedererfindung der Nation. Warum wir sie fürchten und warum wir sie brauchen. München: Verlag C. H. Beck, 2020. 334 S.

REFERENCES

Assmann, A. *Der europäische Traum. Vier Lehren aus der Geschichte*. München: Verlag C. H. Beck, 2018. 224 S.

Assmann, A. *Die Wiedererfindung der Nation. Warum wir sie fürchten und warum wir sie brauchen*. München: Verlag C. H. Beck, 2020. 334 S.

Assman A. *Evropejskaja mechta. Pereizobretenie nacii* / per. s nem. B. Hlebnikov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 512 s.

Eco U. *S okrain imperii. Khroniki novogo srednevekov'ia*. M.: Izdatel'stvo AST, 2021. 480 s.

С. Ю. Шокарев

ГИБЕЛЬ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ УГЛИЦКОГО: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Рец.: Хрусталёв Д. Г. Гибель царевича Дмитрия. Очерки политики и чародейства конца XVI в. Санкт-Петербург: Крива, 2022. — 352 с.

Аннотация: В рецензии рассмотрено исследование Д. Г. Хрусталёва, посвященное изучению смерти царевича Дмитрия Углицкого и появления Лжедмитрия I с мистической точки зрения, свойственной людям XVI–XVII вв. Автор выдвигает предположение, что царь Борис Годунов, знакомый с западноевропейской оккультной традицией, мог воспринимать Лжедмитрия как колдуна, завладевшего душой царевича. С концепцией Д. Г. Хрусталёва можно спорить или не соглашаться, однако книга придает новый импульс осмыслению кризиса Смутного времени.

Ключевые слова: История России XVI–XVII вв., Борис Годунов, царевич Дмитрий Углицкий, Лжедмитрий, колдовство, магия.

Сведения об авторе: Шокарев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры РАНХиГС. E-mail: shokarevs@yandex.ru.

S. Yu. Shokarev

THE DEATH OF TSAREVICH DMITRY UGLITSKY: A VIEW FROM THE INSIDE

Rev.: Khrustalev D. G. Gibel' carevicha Dmitriya. Oчерki politiki i charodejstva konca XVI v. Saint Petersburg: Kriva, 2022. — 352 p.

Abstract: The review examines the book of D. G. Khrustalev, dedicated to the study of the death of Tsarevich Dmitry Uglitsky and the appearance of False Dmitry I from the mystical point of view characteristic of people of the 16th–

17th centuries. The author suggests that Tsar Boris Godunov, familiar with the Western European occult tradition, could perceive False Dmitry as a sorcerer who took possession of the prince's soul. With the concept of D. G. Khrustalev one can argue or disagree, however, the book gives new impetus to understanding the crisis of the Time of Troubles.

Keywords: History of Russia 16th–17th centuries, Boris Godunov, Tsarevich Dmitry Uglitsky, False Dmitry, witchcraft, magic.

Corresponding author: Shokarev Serguey Yurievich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), senior researcher Laboratories of Old Russian Culture of the RANEPА. E-mail: shokarevs@yandex.ru.

Историк Денис Григорьевич Хрусталёв известен своими трудами по русской истории и культуре XI–XIII вв., изысканиями в области русско-западноевропейских взаимоотношений, исследованием восприятия России в Англии в XVIII–XIX вв. (*Хрусталёв* 2004; 2009; 2013; 2023а; *Хрусталёв, Россомахин* 2007, 2009; *Успенский, Россомахин, Хрусталёв* 2016 и др.). Его монографии, посвященные монгольскому нашествию и установлению «ига», северным крестоносцам и борьбе Руси за сферы влияния в Восточной Прибалтике выходили несколькими изданиями и получили общественное признание¹. Д. Г. Хрусталёв также является автором переводов западноевропейских источников. В 2020 г. опубликован его комментированный перевод английского отчета о колдовском процессе 1593 г. «Ведьмы из Варбойс», вызвавший полемику в научной периодике (*Ведьмы из Варбойс* 2020; *Тогоева, Серегина* 2022; *Хрусталёв* 2023б). Восприятие потустороннего мира и связей с ним в российском средневековом общественном сознании и политической практике стали предметом рассмотрения в последних работах учено-

го — «Гибель царевича Дмитрия. Очерки политики и чародейства конца XVI в.» (2022) и «Колдовство на Руси. Политическая история от Крещения до “Антихриста”» (2023).

Объектом настоящей рецензии является книга «Гибель царевича Дмитрия. Очерки политики и чародейства конца XVI в.» Данная работа необычна. Читатель, который ожидает увидеть объяснение загадочной смерти царевича Дмитрия, будет удивлен. Автор не стремится создать собственную версию в исторической криминалистике, посвященной событиям 15 мая 1591 г. Хотя смерти царевича и ее расследованию в работе Д. Г. Хрусталёва уделено значительное место, основная тема книги вынесена в подзаголовок. Историк предпринял интересное исследование, главная цель которого не реконструкция событий конца XVI в., а реконструкция синхронного восприятия этих событий.

В средневековых представлениях о мироздании мистическое занимало основное место. Автор справедливо указывает на то, что особой опасности со стороны темных сил

¹ В 2015 г. за книгу «Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.)» Д. Г. Хрусталёв был награжден золотой медалью «Хубилай Хан» Монгольской академии наук.

подвергался носитель верховной власти (с. 7). В истории царевича Дмитрия и Лжедмитрия I бесовская составляющая загадочной смерти и чудесного воскрешения была видна современникам. Царица Мария Нагая считала, что на ее сына наводили «порчу», а с появлением Лжедмитрия он был объявлен еретиком и чернокнижником (С. 175, 252–254). Д. Г. Хрусталёв рассматривает эти явления в общей связи, стремясь показать, что и как могли думать об этом современники, постоянно ощущавшие присутствие потустороннего мира. Автор раскрывает целостную картину присутствия колдовства в политической жизни Московского государства XVI–XVII вв. и демонстрирует важность этого вопроса, который пока недостаточно исследован в историографии².

Многие историки, занимавшиеся социально-политической историей рубежа XVI–XVII вв., не обращали особого внимания на сообщения источников о «ведунах», «порче» и «корешках», вероятно, списывая их на особенности русского средневеко-

вого менталитета и методы политической борьбы того времени. Автор рассматриваемой книги, напротив, поместил магию в центр повествования и рассмотрел русские события на широком фоне общеевропейских представлений о потусторонних материях и inferнальном мире.

Книга состоит из введения, одиннадцати глав, заключения, приложения, солидной библиографии на разных языках и списка сокращений. В приложении Д. Г. Хрусталёв поместил текст «Розыскного дела о гибели царевича Дмитрия Ивановича в Угличе 1591 г.» по публикации В. К. Клейна (1913 г.), с некоторыми уточнениями, рекомендованными в рецензии С. Б. Веселовского на издание Клейна. Поскольку автор регулярно обращается к Следственному делу, его текст важен для читателя.

Биографические сведения о царевиче Дмитрии Углицком крайне скудны. Даже дата его рождения вычисляется приблизительно, исходя из имянаречения. Первую главу — «Дмитрий» — автор посвятил

² Исследование магических практик русского средневековья и публикация документальных материалов об этом начались в XIX — начале XX вв. трудами И. Е. Забелина, А. Н. Зерцалова, А. Н. Труворова и Н. Я. Новомбергского. В 1964 г. в Е. Ф. Грекулов в работе «Православная инквизиция в России» посвятил главу колдовским процессам. С 1990-е гг. исследованием астрологической книжности, магического времени и других эзотерических аспектов знания в средневековой России занимался Р. А. Симонов. В конце XX — начале XXI вв. были опубликованы труды В. Ф. Райана и В. Кивельсон, посвященные магическим и гадательным практикам в России. Работа В. Ф. Райана «Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России» (1999, русский перевод: *Paiian* 2006) охватывает значительный хронологический период, начиная с Киевской Руси, и широкий круг вопросов (магия, колдовство, гадания, приметы, магические амулеты и пр.). Книга В. Кивельсон «Магия отчаяния: моральная экономика колдовства в России XVII века» (2013, русский перевод: *Кивельсон* 2020) посвящена разным аспектам изучения колдовства в России XVII столетия и базируется на обширном материале архивных следственных дел. В 2020 г. В. Кивельсон и К. Воробец опубликовали хрестоматию материалов по истории колдовства в России и Украине в XI–XIX столетия (Witchcraft in Russia and Ukraine 2020). История колдовства, магии, демонологии и еретичества в Новое время (в основном, в XVIII в.) изучена более полно, что может быть связано с лучшей сохранностью источников (Г. В. Есипов, Н. Н. Покровский и его школа, А. С. Лавров, Е. Б. Смилянская, Т. В. Михайлова и другие).

истории этого имени в династии московских Рюриковичей и ее носителям. Можно согласиться с Д. Г. Хрусталёвым в том, что носителей этого имени сопровождали несчастья (С. 17). Прославленный военный герой Дмитрий Донской в конце правления испытал тяжелые неудачи. Его внук Дмитрий Шемяка проиграл в династической войне и был отравлен. Другой внук, родной брат Шемяки, Дмитрий Красный также преждевременно скончался от тяжелой и внезапной болезни. Официальный наследник Ивана III Дмитрий Внук умер в тюрьме, а сын Ивана III Дмитрий Жилка умер бездетным. Старший и младший сыновья Ивана Грозного, носившие одинаковые имена — царевич Дмитрий Иванович, — погибли в младенчестве и детстве. Сходство между двумя царевичами добавляется тем, что, согласно традиции христианской многоименности, широко распространенной на Руси в XV–XVII вв., оба они носили и второе имя — Уар — в честь св. мученика Уара Египетского.

Исследователи христианской многоименности А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский считают, что Дмитрий Углицкий мыслился как «прямое подобие своего рано умершего брата-первенца», и Иван Грозный тем самым «хотя бы отчасти связывал с младшим сыном те династические перспективы, которые он в свое время намечал для старшего» (Литвина, Успенский 2006: 394). С ними солидарен Д. Г. Хрусталёв, который пишет: «Скорее всего, отец специально обыгрывал это сочетание Уар-Дмитрий с какой-то символической, может быть, мистической целью. Почти получилось» (С. 27).

Не отрицая данной связи и возможного смыслополагания царя, предположу, что повтор имен связан, прежде всего, с близкими датами рождения. Как установили А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский непубличное («прямое» или «молитвенное») имя давалось по дате рождения (или очень близко от нее), а публичное (династическое) по святому, имя которого соответствовало статусу и традиции, а память располагалась по календарю в ближайших окрестностях от дня рождения (Литвина, Успенский 2006: 202–207; Литвина, Успенский 2020: 54–70). Допустимо предположить, что оба царевича родились в день св. Уара (19 октября) или около того. В этом случае, исходя из срока беременности в 40 недель, даты зачатий приходятся на первую половину января 1553 и 1591 г. соответственно. А это — вторая и третья недели по окончании Рождественского (Филиппова) поста, снимавшего ограничения на сексуальную жизнь супругов.

В следующей главе («Накануне») Д. Г. Хрусталёв рассматривает положение царевича Дмитрия и бояр Нагих при царе Фёдоре Ивановиче, касается обстоятельств высылки царевича с матерью и родственниками в Углич, опалы на Нагих и борьбы за власть в 1580-е гг. В этом сравнительно хорошо исследованном материале (труды А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, А. П. Павлова и других) автору удастся подметить некоторые новые детали. В частности, он указывает на покров на гробницу св. Кирилла Белозерского с именами царя Фёдора, царицы Ирины, царицы Марии и царевича Дмитрия, изготовленный в 7095 г. (1587/1588 г.) как важное

свидетельство внешних благоприятных отношений между московским и угличским дворами (с. 49). Трудно удержаться, чтобы не привести в дополнение еще один любопытный факт, кажется, ускользнувший от внимания историков. 28 октября 1585 г. царице Марии Фёдоровне были посланы в Углич меха стоимостью 30 рублей, а 29 октября ее двоюродному дяде Андрею Александровичу Нагому пожаловали «камку добрую», ценой в 5 рублей, «за то, что приезжал он к государю из удеду, от царевича Дмитрия Ивановича, с пироги» (Дополнения к актам историческим 1846, 1: 191). Пироги, конечно, были именованным подарком царевича старшему брату (26 октября).

Не со всеми выводами Д. Г. Хрусталева можно согласиться. Например, известие о том, что князь И. П. Шуйский весной 1587 г. ездил из своего села Лопатничи в Суздаль на встречу с вдовой царевича Ивана Ивановича царицей старицей Прасковьей не может свидетельствовать о том, что Шуйский в то время не был в опале (с. 60). Князь действительно не находился под стражей (установлено А. П. Павловым), но «поехал к себе в свою вотчину» в неблагоприятное для отдыха время года вряд ли добровольно (Павлов 1992: 36). Это была ссылка, пока еще в мягкой форме. Встреча с царицей Прасковьей отнюдь не безобидное событие из жизни князя Шуйского. Скорее всего это свидание связано с усилиями князя Шуйского организовать развод царя Фёдора и царицы Ирины. Ведь Прасковья была разведенной женой царевича Ивана Ивановича, и разговоры (а их было несколько)

могли касаться опасной для царской четы темы. Иначе трудно объяснить, почему встречи князя с царицей старицей так напугали правительство, вызвали организацию следствия по этому делу и в конечном итоге привели к тайному убийству Шуйского (Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря 2019: 175, 196; Шокарев, 2023: 155, 156).

Автор возражает против принятой в историографии версии о заговоре с целью развести царя Фёдора и женить его на княжне Мстиславской, аргументируя это тем, что Мстиславские не попали в опалу (с. 61). Однако судьба княжны не случайно стала предметом особых разъяснений русских дипломатов, которым было указано рассказывать за рубежом, что Мстиславская вышла замуж за князя В. К. Черкасского (Скрынников 1981: 28). Впоследствии князь В. К. Черкасский оказал услугу Годунову, местничаясь со своим дядей Б. К. Черкасским, шурином братьев Романовых. На стр. 64, 65 автор утверждает, что Годунов, женатый с 1571 г., был долгое время бездетным, упуская сведения о детях Бориса Федоровича, умерших в детстве (см. Панова 2019). Впрочем, дискуссия по таким мелким вопросам может сделать рецензию бесконечной.

Следующая глава «Политическое колдовство» посвящена влиянию представлений о магии и потустороннем мире на политические события XVI в. Для целей, которые ставит перед собой автор, термин «политическое колдовство» представляется адекватным, хотя и предполагает применение магии как средства политической борьбы.

Страх перед чародейством широко присутствует в русской политической культуре (в книге даны многочисленные примеры), но источники не позволяют утверждать, что колдовские чары действительно применялись таким образом (во всяком случае до дела Ф.Л. Шакловитого в 1689 г.). В. Кивельсон, рассматривая вопрос о политической составляющей колдовских процессов, говорит, что термин «политический» имеет специфическое применение в московских реалиях. Поскольку все жители Российского государства состояли в определенных служебных отношениях с государством или церковью, любое событие из их жизни имело политическую окраску. При этом, по мнению В. Кивельсон, многие из колдовских судебных дел были связаны с политикой, покушением на власть и здоровье царя, его семьи или царских администраторов (Кивельсон, 2020: 379–389). Влияние колдовства на политическую культуру Западной Европы (в основном, Швейцария, Франция и Англия) рассмотрено в новой монографии О.И. Тогоевой. В заключении своей работы исследовательница отмечает слабую изученность этой темы в современной историографии (Тогоева, 2022: 282, 283).

Ввиду того, что книга Д.Г. Хрусталёва рассчитана не только на специалистов, а также на широкого читателя, автор начинает главу с разъяснений о восприятии потустороннего мира и контактов с ним в Средние века, а также об особом положении, которое принадлежало монарху. Автор

показывает, что в русском средневековом обществе постоянно присутствовал страх перед нечистой силой. Магия разных видов проникала и в царский дворец. В 1467 г. при загадочных обстоятельствах, в которых подозревали применение ворожбы, умерла первая супруга Ивана III, Мария Борисовна (с. 18). Ко второй жене великого князя, Софии Палеолог, «приходиша бабы с зелием», которых утопили в реке, а Иван III после этого начать жить с женой «в брежении» (С.74). Первая супруга Василия III, Соломонида Сабурова, была обличена в стремлении приворожить мужа чародейством, «чтоб <...> любил» (С. 74, 75). Злые языки обвиняли в колдовстве вторую жену великого князя Елену Глинскую и ее семью. Мать Елены, княгиню Анну (из знатной сербской семьи Якшичей), после страшного московского пожара 1547 г. объявили ведьмой («вынимала сердца человеческие и складывала их в воду, и той водой, разъезжая по Москве, кропила и от того Москва выгорела»). Ее старший сын Юрий был растерзан толпой на Соборной площади (С. 72). По свидетельству князя А.М. Курбского рождение Ивана Грозного стало результатом колдовства: «Ведь Василий, его отец, будучи стар, с упомянутой преступной и совсем молодой женой разыскивал повсюду злодейских колдунов <...>, чтобы помогли ему в деторождении...» (С. 75). В результате появились два сына, один — «жестокий кровопийца и губитель отечества», а другой — «безумен, без памяти, бессловесен, как будто родился диким зверем» (С. 76)³.

³ Имеется в виду младший брат Ивана Грозного, глухонемой Юрий, по-видимому, не столь отсталый умственно, как это хотел показать Курбский (см.: Шокарев, 2002; Charles J. Halperin, 2017).

Курбский неоднократно обвинял в приверженности к колдовству и самого Ивана Грозного, а тот, в свою очередь, — своих политических противников, в том числе единомышленников Курбского в правительстве т. н. Избранной рады. Д. Г. Хрусталёв показывает, что политические процессы при Иване Грозном часто сопровождались обвинениями в колдовстве (опала на Адашева и Сильвестра, преследование митрополита Филиппа, казни князя М. И. Воротынского, алхимика Е. Бомелия и новгородского архиепископа Леонида) (С. 88–95). Автор предполагает, что под влиянием астрологических предсказаний Бомелия Иван Грозный совершил загадочную «рокировку» с Семёном Бекбулатовичем, уступив ему на год московский трон с титулом «великого князя» (С. 95). Представляется правомерным вывод автора о том, что обвинения в колдовстве при Иване Грозном «были нормой — едва ли не обязательно присутствовали на фоне политической интриги» (С. 76)⁴.

Колдовство и различные виды магии доставляли большое беспокойство духовенству и ревнителям благочестия, каковым стремился показать себя Иван IV. В постановлениях Стоглавого собора 1551 г., составленных при участии царя, строжайше

запрещалось обращаться к колдунам и ведьмам, прибегать к магическим практикам, читать и держать у себя астрологические, гадательные и прочие «еретические» книги (С. 80–83). Из этих постановлений известно о некоторых «поганьских обычаях» и «еллинских бесованиях», распространенных в русском обществе XVI в. Автор отмечает, что далеко не все, что было запрещено Стоглавым собором, ранее осуждалось Церковью. В первую очередь, это касалось астрологических трактатов. «Вплоть до реформ Ивана Грозного ничего предосудительного в них официально не находили <...> Книги существовали во множестве списков и были широко распространены...» (С. 87). Это касается и медицинской литературы, включавшей описания магических свойств растений и камней, указания на дни, благоприятные для кровопускания. В 1534 г. по благословию митрополита Даниила придворным врачом и астрологом Николаем Булевым был переведен с немецкого издания 1492 г. лечебный трактат Травник, а его рукопись красиво оформлена с воспроизведением оригинальных иллюстраций. Эту книгу обнаружил в Центральной научной библиотеке Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина известный археограф и источниковед Б. Н. Морозов (*Морозов 2004*)⁵.

⁴ Историю колдовских козней против московских государей можно было бы удревить, начав с XIV в. Согласно родословной легенде XVI века, вторую жену великого князя Семена Ивановича, Евпраксию Фёдоровну (дочь смоленского князя Фёдора Святославича), «на свадьбе испортили, ляжет с великим князем, а она ся покажет великому князю мертвец». В. А. Кучкин трактовал это сообщение как указание на фригидность, что представляется похожим на истину. Оригинальную гипотезу выдвинул О. И. Хоруженко, предположив, что родословец передает легенду в искаженном виде: вместо слова «мертвец» первоначально стояло «медведь». Результатом порчи, таким образом, было ночное превращение великой княгини в медведицу, что соответствует аналогичному фольклорному сюжету (*Хоруженко 2016*).

⁵ По мнению Б. Н. Морозова, рассказ Ивана Грозного о целебных и магических свойствах камней, записанный Д. Горсеем, мог восходить к данному Травнику (*Морозов 2004*: 83).

Через медицину происходила легитимация части магических практик. Повышенный интерес к царскому здоровью, господствовавший в придворном обиходе, открывал путь для проникновения астрологии и алхимии в окружение царя. Д. Г. Хрусталёв доказывает это, описывая малоизвестный сюжет о попытке привлечь на царскую службу знаменитого английского ученого-энциклопедиста, астролога, алхимика и мага доктора Джона Ди (С. 100–117). Большой интерес представляет введение в российский научный оборот новых данных, основанных на авторских переводах дневника Ди и других источников с латыни и английского. Приглашение было сделано доктору Ди в те годы, когда московское правительство озаботилось решением проблемы бесплодия царской четы. К этому был привлечен и английский дипломат Д. Горсей, организовавший переезд в Россию доктора Якоби и акушерки и доставку полезных снадобий. Обсуждением этих деликатных вопросов занимался «лорд-протектор» Борис Годунов.

Опираясь на свидетельства Горсея, Д. Г. Хрусталёв предполагает, что интересы правителя не ограничивались сферой медицины. Обратившись к оригиналу записок Горсея, Д. Г. Хрусталёв вносит правку в перевод этого текста А. А. Севастьяновой. Вместо указания на то, что Годунов был «склонен к черной магии», Д. Г. Хрусталёв предлагает переводить более точно: «сильно увлечен некромантией». Для дальнейших рассуждений автора этот момент является принципиальным (С. 106). Интересы доктора Ди простирались также и на морские путешествия,

он был консультантом Ф. Дрейка и У. Рэли. Поэтому еще современники полагали, что знаменитый ученый-мистик мог быть интересен московскому правительству советами по освоению Северо-Восточного морского пути. Впрочем, доктор Ди отклонил предложение, и замысел московского правительства остается неизвестным. О том, что приглашение Ди не было каким-то своеобразным эксцессом свидетельствует то, что при дворе царя Бориса Годунова служили не менее 10 докторов и аптекарей, получавших огромное жалование в 1000 рублей в год, а придворным врачом царя Михаила Фёдоровича был Артур Ди, сын знаменитого мистика (С. 121, 246–248).

Далее автор обращается к угличской тематике. В главе «Углич» Д. Г. Хрусталёв показывает специфику Угличского удела при царевиче Дмитрие, характеризует роль дьяка М. М. Битяговского и состав угличского удельного двора.

Эта небольшая глава является прологом к обстоятельному разбору событий 15 мая 1591 г. (глава «Гибель царевича»). Как и для других исследователей, для Д. Г. Хрусталёва основным источником является Следственное дело 1591 г. Исследование этого документального комплекса осуществил В. К. Клейн, который восстановил порядок расположения листов и пришел к выводу о том, что Следственное дело представляет собой цельный документ (с утратой нескольких начальных листов) и достоверно отражает ход следствия (1913 г.). С критикой этой позиции выступил в конце XX в. А. П. Богданов, который

провел новое исследование бумаги, филиграней и почерков и заключил, что дело (исследователь называет его «Обыскным») было сфальсифицировано делопроизводителями следственной комиссии в Угличе. Основными аргументами в пользу этого является перестановка листов, реконструированная А. П. Богдановым, трафаретность в показаниях свидетелей и нестандартные формы следственных действий (Богданов 1999: 233–250). Изложив эти данные, Д. Г. Хрусталёв приводит результаты нового исследования Л. В. Столяровой, которая в целом возвращается к выводам В. К. Клейна («последовательность листов в этом экземпляре в основном отражала порядок и ход следствия в Угличе, несмотря на то, что и внешний его вид, и содержание говорят о его неполноте за счет утрат...»). При этом Л. В. Столярова считает, что сохранившийся до нашего времени экземпляр Следственного дела никогда не имел законченного вида столбца, о чем свидетельствует отсутствие дьяческих скреп на обороте листов (Столярова 2020: 63; см. также Каштанов, Столярова 2020). В итоге автор признает, что ход следствия документы отражают «только предположительно», а заявлять о беспристрастности или ангажированности комиссии на основании Следственного дела невозможно (с. 141). В то же время Д. Г. Хрусталёв склоняется к признанию достоверности тех фактов, которые изложены в Следственном деле, и указывает на слабые места в концепции А. П. Богданова (С. 159–161).

Что нового вносит книга Д. Г. Хрусталёва в рассмотрение угличской трагедии 15 мая 1591 г.?

Представляют интерес размышления над природой болезни царевича Дмитрия. Автор справедливо указывает на размытость медицинской терминологии конца XVI в. «Падучая болезнь», «падучий недуг», «черный недуг» не соотносились с эпилепсией в Травнике Н. Булева и англо-русских словарях XVI–XVII вв. (С. 179). Едва ли первое сопоставление «падучей немочи» и «эпилепсии» содержится в Лечебнике 1672 г. (Словарь русского языка XI–XVII вв. 1986, 11: 176). Автор готов признать, что симптомы болезни царевича похожи на эпилепсию, но отмечает и странности, не укладывающиеся в классическое описание болезни. «Под падучей понимался самый широкий спектр психических и психоневрологических недугов», — заключает Д. Г. Хрусталёв (С. 179). Материалы Следственного дела дали основание историку заключить, что до мая 1591 г. о болезни царевича в Москве ничего не знали. Сама болезнь, по мнению, Д. Г. Хрусталёва, началась не ранее февраля 1591 г. (в Великий пост). «Была ли это эпилепсия — остается только гадать» (С. 182). В то же время, отрицая наследственный характер болезни царевича (С. 176) автор игнорирует обнаруженные М. Е. Бычковой сведения о «черном недуге» двоюродного дяди царевича князя И. М. Глинского (Бычкова 1977: 123).

Мнение Д. Г. Хрусталёва расходится с итогами исследования Л. В. Столяровой и П. В. Белоусова, которые проанализировали обстоятельства смерти царевича с исторической и медицинской точек зрения. Согласно их выводу, смерть царевича наступила в результате «развивше-

гося у него наиболее драматического состояния в эпилептологии — эпилептического статуса». Рана в горле, если она и была нанесена в результате припадка, не носила фатального характера (Столярова, Белоусов 2012: 192).

Возвращаясь к неопределенности в вопросе о причине смерти царевича, Д. Г. Хрусталёв обращает внимание на другой аспект проблемы — «падушый недуг» и «черная болезнь» могли восприниматься как свидетельство «порчи», воздействия вредоносных сил (С. 174–176). Основания для этого были. Царица Мария Нагая вспомнила «жоночку уродивую», которая жила у Битяговского и ходила во дворец «для потехи». После смерти царевича Дмитрия «царица <...> два дни спустя, велела добыть, велела ее убить ж, что будтось та жонка царевича портила» (Следственное дело 1591 г.) (С. 175). Д. Г. Хрусталёв полемизирует со Л. В. Столяровой и П. В. Белоусовым, предположившими, что об этой «жоночке» сообщается в показаниях на первой склейке дела: «жоночку Михайлову, розстреляв, в воду посадили». По его мнению так поступили с женой М. М. Битяговского, Авдотьей, впоследствии, жаловавшейся на то, что ее «взяв <...>, ободрав, нагу и просто-волосу поволокли на двор» (С. 175). Но, во-первых, вдова Битяговского ничего не говорит о том, что ее пытались утопить; во-вторых, Л. В. Столярова и П. В. Белоусов справедливо указывают на утопление как способ расправы с ведьмами (см. С. 20 рецензируемой книги), и, в-третьих, если бы Евдокию Битяговскую действительно расстреляли, вряд ли она затем смогла бы жаловаться. О том,

что термин «розстрелять» в XVI в. означал убийство из огнестрельного оружия свидетельствует рассказ Курбского о смерти княгини Евдокии Старицкой: «Тогда же разстреляти с ручниц повелел жену брата своего Евдокию, княжну Одоевскую, тако же воистину святую и зело кроткую» (Курбский 2015: 146).

Впрочем, это детали. Важнее предположение автора о том, что угличское следствие первоначально готовилось как «колдовской процесс», в ходе которого рассматривались причина смерти царевича (не порча ли?), а затем странная манипуляция с оружием, которое мазали куриной кровью и клали на тела Битяговского и других жертв мятежа (С. 210). Д. Г. Хрусталёв справедливо отмечает, что эти действия, известные из Следственного дела, носили абсурдный характер (С. 168). «Исключительное внимание следователей к сюжету с ножами, кажется, вообще первоначально не было связано с выяснением подробностей фальсификации улики. Их должна была удивить странность произошедшего, — отмечает историк. — За сухими текстами допросов проступает интерес не только к преступной, сколько к магической составляющей. Ночью <...> собирается группа пестрого социального состава — от городских чиновников до соборных попов <...> В чулане разгромленной Дьячьей избы — центре местной администрации, — они режут курицу, кровь которой собирают в специальную емкость. Потом макают в эту кровь опасные предметы и раскладывают их на освежаванные трупы незахороненных, сваленных где-то в канаве “заложных покойников”»

(С. 170). Д. Г. Хрусталёв осторожно подводит читателей к идее о магическом ритуале, отнюдь не утверждая, что городской приказчик Русин Раков и прочие угличане, действительно творили колдовские чары при помощи убитой курицы. Исследователь прав в том, что так могли полагать люди XVI в. Действительно, для того, чтобы изобразить Битяговского, Третьякова, Качалова и Волохова убийцами царевича не было необходимости класть на трупы окровавленные ножи и даже палицу. Однако мы не знаем, каков был замысел Михаила Нагого, организовавшего эту фальсификацию улик. Возможно, окровавленное оружие должно было показать, что злодеи погибли «на бою», а не были растерзаны безоружными. Следовательно, именно Битяговский с товарищами, а не Нагие начали мятеж. Столь же аккуратно автор подводит читателей к мысли, что вопрос следователей: «Которым образом царевича не стало, и что его болезнь была?», — подразумевал интерес к возможной «порче», колдовскую подоплеку событий (С. 210).

В отличие от Западной Европы, в Средневековой России классических «колдовских процессов» известно гораздо меньше. В. Кивельсон обнаружила 227 судебных дел, связанных с колдовством, по которым обвинялись примерно 500 человек, что не идет ни в какое сравнение с масштабами преследований за колдовство в Западной Европе, где количество казненных исчислялось десятками тысяч (Кивельсон 2020: 15, 72–75). Эта ситуация, вероятно, связана с двумя факторами — с худшей сохранностью судебных документов

и относительно либеральным подходом властей к ведьмам и ведунам. Печальная сохранность отечественного архивного материала общеизвестна, но есть ли основания говорить о том, что колдовство в Средневековой России преследовалось менее жестоко, чем в Западной Европе? Косвенно об этом может свидетельствовать факт, на который обращает внимание Д. Г. Хрусталёв: ведьмы (а также «бляди») находились под защитой закона и получали за «бесчестье» компенсацию в 2 денги, «против их промыслов» (С. 248, 249). Также необходимо учитывать, что отношение к ведьмам в России менялось со временем, очевидно, к середине XVII в. оно ужесточилось по отношению к концу XVI в.

Д. Г. Хрусталёв убедительно показывает, что многие (хотя и не все) политические процессы сопровождались обвинениями в колдовстве (С. 90–94, 244, 245). Вредоносная магия иногда приписывалась тем, кого обвиняли в еретичестве, например, Максиму Греку. Однако трудно согласиться с тем, что угличское следственное дело начиналось как колдовской процесс. Вопрос — «Которым образом царевича не стало, и что его болезнь была?» — демонстрирует стремление следователей разобраться в причинах смерти царевича. Обычно розыск по колдовским делам начинался с доноса о странных манипуляциях или обнаружения магических атрибутов. Нет оснований полагать, что следователи действительно считали деятельность Р. Ракова по фальсификации улик магическим обрядом, хотя, безусловно, они должны были быть удивлены. При этом нельзя исключить, что колдовской процесс

случился после угличского дела. Во время следствия, по сообщению Авдотьи Битяговской, было установлено, что у Нагих жил ведун Андрюшка Мочалов, вороживший о сроках жизни царя Фёдора Ивановича и царицы Ирины Фёдоровны. Ведуна было велено доставить в Москву, но что с ним случилось далее — неизвестно (С. 210, 211).

Глава «Заговор» посвящена странным событиям в Ярославле и Москве, последовавшим за смертью царевича Дмитрия. Ночной визит некоего Афанасия Нагого (в нем предположительно можно видеть родного дядю царицы Афанасия Фёдоровича или двоюродного дядю Афанасия Александровича) к англичанину Д. Горсею в Ярославль был предметом специального рассмотрения в историографии (Л. В. Столярова, П. В. Белоусов) (Столярова, Белоусов 2013). Ранее возможную «измену» Нагих, которых обвиняли в поджогах Москвы в мае 1591 г., исследовал И. А. Голубцов (Голубцов 1929). Из разысканий Д. Г. Хрусталёва, посвященных этим вопросам, представляет интерес новое прочтение текстов Горсея и гипотеза о том, какое средство англичанин предлагал Нагому в качестве противоядия для якобы отравленной царицы Марии Фёдоровны. Автор приходит к заключению, что это мог быть бальзам, состоявший из смолы и табака, привезенный Ф. Дрейком с Малых Антильских островов (С. 187, 188). Другим средством, отправленным Горсеем в Углич, был венецианский териак, использовавшийся как универсальное противоядие (подробнее см.: Столярова, Белоусов 2013: 471–473).

В вопросе о «заговоре» Нагих Д. Г. Хрусталёв принимает точку зрения И. А. Голубцова и Р. Г. Скрынникова, которые считали, что Нагие предприняли отчаянную попытку поднять бунт, чтобы сместить Годунова (с. 200, 201). Однако вполне возможно, что эта версия восходит к официальному сообщению о «зажигальниках», которых будто бы разослал по городам Афанасий Нагой. Царская грамота утверждала, что злодеи пробирались даже в строгановские владения на Чусовой, что вызывает определенные сомнения (С. 196, 197). О каком Афанасии Нагом идет речь также неясно. Знаменитый дипломат грозненской эпохи, дядя царицы, А. Ф. Нагой последний раз упоминается в источниках в 1588 г., а А. А. Нагой сравнительно легко отделался: после угличского дела он попал в опалу вместе с другими представителями рода, а с 1599 г. упоминается в разрядах на службе на восточной окраине Московского государства (С. 217).

Окончанию следствия и судьбе опальных (семья Нагих и жители Углича) посвящена следующая глава книги — «Виновники и жертвы». Автором проведена большая работа по выявлению и уточнению биографических данных о разных участниках угличских событий и следствия (Нагие, А. П. Клешнин, Е. Д. Вылузгин, Р. Раков, Качаловы, Волоховы и другие) (С. 205, 206, 216–218, 221–225, 239). В ходе этих изысканий Д. Г. Хрусталёв показывает, что в удельном Угличе сформировались два противостоявших друг другу родственных клана — Нагие и Битяговские. Племянник дьяка, Никита Качалов, женился на дочери

мамки царевича Василисы Волоховой (С. 222–224). Вероятно, Волохова стала агентом Битяговского во дворце, в то время как сам Битяговский был агентом Годунова в Угличе. Это объясняет ненависть царицы Марии к мамке Василисе Волоховой и расправу над ее сыном, Осипом (С. 225, 226).

Д.Г. Хрусталёв рассматривает также судьбы потомков упомянутых лиц, обнаружив, например, такой любопытный факт, что возможный сын Никиты Качалова, Тимофей Никитич, в 1620-е гг. занимал высокое положение в Угличе. Он являлся выборным дворянином, владел крупными поместьями, а в 1626–1629 гг. был угличским губным старостой. «Когда в Угличе возводили храм на месте смерти Дмитрия — “на крови”, освященный в 1630 г., местную общину возглавлял сын того, кто официально считался убийцей царевича» (С. 224).

Автор справедливо задается вопросом: почему царевича погребли в угличском Спасо-Преображенском соборе, а не в царской усыпальнице — Архангельском соборе в Москве? По-видимому, Д.Г. Хрусталёв прав, предполагая, что странная смерть царевича (по словам «Нового летописца», «небрежением Нагих заклался сам») вызывала ассоциации с самоубийством (С. 208). И хотя официальной версией стало, что «царевичу Дмитрею смерть учинилась Божьим судом», сомнения оставались. Несмотря на это, культ святого царевича начал формироваться в Угличе еще до его канонизации в 1606 г. В ходе археологических раскопок, проведенных С.В. Томсин-

ским у южной стены церкви св. мученика царевича Димитрия на Крови, было обнаружено кладбище на месте гибели царевича, функционировавшее с 1591 г. по 1610 г., а, возможно, и позже. Его особенностью являлось погребение здесь отроков (один из них был убит ударом ножа в голову), а также молодой женщины с младенцем. Проанализировав этот материал, С.В. Томсинский делает вывод, что «традиция погребений умерших до срока на месте гибели царевича Димитрия Ивановича стала реализацией православного канона и древних, восходящих к языческим временам, представлений об особом статусе умерших насильственной смертью, или до достижения того возраста, в котором смерть полагалась уже естественной» (Томсинский 2020: 50). Представляется, что появление такого уникального кладбища в Угличе связано не только с печальной участью царевича, но также с его двуименностью. Житие св. Уара свидетельствует, что благочестивая женщина по имени Клеопатра похоронила тело мученика в семейной гробнице вместе со своими предками. Когда умер сын Клеопатры, отрок Иоанн, она обратилась с упреками к святому, требуя вернуть сына к жизни. Св. Уар явился матери вместе с Иоанном и рассказал, что ее сын будет предстать перед Богом вместе с ангелами, а ее предкам-язычникам даровано прощение (Великие Четьи Минеи 1880: 1534–1536). Отсюда берет начало почитание св. Уара как покровителя умерших преждевременной смертью и даже некрещеных.

В главе «Лжедмитрий» автор подходит к основной идее своей концепции: для Бориса Годунова само-

званец являлся, в первую очередь, колдуном. Д. Г. Хрусталёв обращает внимание на значительный интерес к магии самого Годунова. Об этом, по мнению автора, свидетельствуют присяга царю Борису Фёдоровичу, избилующая запретом на ведовство и волшебство, колдовские составляющие опал на Бельского и Романовых, влиятельное положение докторов и аптекарей (одновременно с этим — алхимиков и астрологов) при дворе, контакты самого царя с юродивыми и ведуньями (С. 242–249). Автор возвращается к утверждению Горсея, что Годунова особо интересовала некромантия — наука о призвании духов, и подтверждает это свидетельством записок англичанина доктора Т. Виллиса. Д. Г. Хрусталёв утверждает: «Правитель был поглощен поиском контактов с душами умерших, среди которых был царевич Дмитрий, который вскоре и воплотился» (С. 247). Д. Г. Хрусталёв утверждает, что интерес к потустороннему миру и магическим практикам — привычное свойство европейских монархов XVI в., и Годунов здесь не исключение (С. 245, 246).

Вывод исследователя представляется неожиданным. Для православной традиции некромантия — невозможная ересь, а Годунов был знаменит как ревнитель, храмоздатель и активный жертвовател в монастыри. Общеизвестна его важнейшая роль в утверждении патриаршества в России. Впрочем, если отбросить предубеждение, вполне можно допустить интерес Годунова к оккультным практикам. Иван Грозный в юности участвовал в магическом обряде, призванном обеспечить плодородие

и играл в «покойника» (народную игру с эротическим подтекстом) (Мазуров 2018). Вероятно, что опричные ритуалы и казни имели магическую подоплеку, а массовое поминовение опальных, учрежденное Иваном Грозным, связано со стремлением царя спасти сына Ивана от участи нечистого мертвеца (Бульчев 2005). Василий Шуйский держал при себе «чародеев и кореньщиков», которыми заведовал его ближний человек, спальник И. В. Измайлов («ближе ево и не было») (Тюменцев 1994: 318). «Прилежание» царя Василия к волхвам отметил и автор «Летописной книги» (князь И. М. Катырев-Ростовский или князь С. И. Шаховской) (Русская историческая библиотека 1892, 13: 622). Особый смысл приобретают слова той же «Летописной книги» о Борисе Годунове: «Едино же имея неисправление и от Бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание; и на преждебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же возмездие прият» (Русская историческая библиотека 1892, 13: 621). «Прилежание» к врачам названо столь же опасным грехом, что и властолюбие и убийство членов царской династии. Если согласиться с тем, что врачи — это астрологи, алхимики и маги, то их козни могли представляться как орудие властолюбивого Бориса для убиения «преждебывших ему царей».

Добавим, что Борис Годунов благоволил иностранцам, особенно, «немцам». Он отправил русских людей учиться за границу, собирался выдать дочь за датского королевича Иоганна и искренне горевал, когда тот неожиданно скончался в Москве.

При Годунове началось составление дайджестов иностранной прессы, из которых затем выросла первая русская рукописная газета «Куранты». Интересовавшийся западноевропейской культурой, царь мог быть открыт и для оккультной науки.

Исходя из вышесказанного, Д. Г. Хрусталёв трактует ужас Бориса перед самозванцем, описанный современниками, как мистический. Автор обращает внимание на риторику церковных обличений самозванца. Патриарх Иов, излагая историю Григория Отрепьева, неоднократно обвинял его в ереси, чернокнижии, ведовстве, призвании нечистых духов (С. 252–254). По мнению Д. Г. Хрусталёва, восклицание патриарха Иова о возможности воскресения царевича, отнюдь не риторический оборот. «Статочное то ли дело, что князю Дмитрию из мертвых воскреснути прежде общего воскресенья и Страшнаго суда владыки Христа Бога нашего воскресения?» А если бы и воскрес, говорит патриарх в другой грамоте, «и он не от законное, семое жоны». Это, по мнению автора, может свидетельствовать о том, что возможность такого воскресения при помощи нечистой силы глава Русской Церкви вполне допускал (С. 253, 254). Получается, что в некромантию верил не только Борис Годунов, но даже патриарх Иов? Вывод автора таков: «Соответственно, явление Дмитрия через 13 лет — волшебство. Если это действительно он, то не царевич — а дух его, вызванный, извлеченный и воплощенный. Перед нами продукт магии — нечистой, сатанинской, еретической, порочной. Но это реальность, а не фантазия» (С. 256).

Важно отметить, что Д. Г. Хрусталёв отнюдь не высказывает своего мнения или гипотезы относительно происходивших в начале XVII в., а реконструирует ход мысли людей того времени. Эта реконструкция придает новый импульс осмыслению кризиса Смуты, хотя и не со всеми рассуждениями автора можно согласиться.

Механизм присвоения чужой души был известен из апокрифического трактата «Признания св. Климента», написанного от имени «апостола от семидесяти» Климента. В тексте рассказ ведется от имени Симона Волхва, который утверждает, что он взял «душу ребенка, непорочного и жестоко убитого, и заставил невыразимым закланием подчиняться мне» (С. 259). По мнению Д. Г. Хрусталёва, «библейский герой Симон Волхв, конечно, был хорошо известен Борису Годунову» (С. 266). Вряд ли царь читал апокрифические Климентины, однако в его окружении было немало тех, кто хорошо знал подобную литературу, прежде всего, доктора с лучшим европейским образованием (С. 266) (глава «Климентины»).

Другие метаморфозы, связанные с переселением или вселением душ, созданием неодушевленных существ, происками демонов, границах дозволенного и познания рассмотрены автором в главе «Голем». Предания о мистических экспериментах евреев и попытках алхимиков сотворить искусственного человека (гомункула) концентрируются вокруг императора-мистика Рудольфа II, создавшего в своей резиденции в Праге «настоящий заповедник для знатоков эзотерических знаний» (С. 276). В российской внешней политике Священная

Римская империя занимала важнейшее место, а контакты с Рудольфом II и другими Габсбургами осуществлялись постоянно. Д.Г. Хрусталёв демонстрирует, что этот высокочтимый в русском дипломатическом обиходе монарх в своих оккультных поисках доходил до крайних пределов. «Император не просто думал о возможности вселения нечистого, но переживал это на себе. Был убежден в реальности происходящего — вплоть до идеи зомби — блуждающих мертвецов» (С. 280). Несомненно, как справедливо отмечает автор, «эта ренессансная универсалия могла только в кошмарном сне явиться москвиту конца XVI в.», однако, об увлечении Рудольфа II разного рода «диковинами» в России знали. Не случайно Борис Годунов отправил ему в подарок камень безоар, «считавшийся универсальным антидотом, затвердевший сгусток, извлекаемый из желудка жвачных животных» (С. 279).

По мнению Д.Г. Хрусталёва, московский двор и эзотерическая Прага «существовали не так далеко друг от друга». Об этом свидетельствует попытка приглашения на русскую службу доктора Ди, а также приезд в Россию шведского принца Густава, некоторое время подвизавшегося в Праге под защитой императора (глава «Густав»). Сын безумного короля Эрика XIV от морганатического брака, выпускник Падуанского университета, алхимик и парацельсианец Густав был глубоко увлечен науками и, казалось, не думал о шведском и польском престолах, на которые имел некоторые права. Однако ученый аристократ все же попался в руки политиков.

Возможно, в поисках острых ощущений либо безбедной жизни, Густав в 1599 г. приехал в Россию, где ему был обещан Калужский удел. В отечественной историографии о Густаве обычно вспоминали как о неудачном женихе для царевны Ксении, скомпрометировавшем себя аморальным поведением. Однако Д.Г. Хрусталёв указывает, что первое приглашение принцу приехать в Россию поступило еще в 1593 г. (С. 284). Следовательно, Густав был интересен для Годунова, прежде всего, как наследник шведского трона. Интрига не удалась, и принца удалили от двора в опустевший Углич. По иронии судьбы, он стал следующим после царевича правителем Угличского удела и последним удельным правителем на Руси вообще. При Годунове Густав тихо сидел в Угличе и, возможно, нашел способ заниматься там оккультными науками. Лжедмитрий I по просьбе короля Сигизмунда наложил на Густава опалу, у него конфисковали имущество и сослали в Ярославль. При Шуйском королевича перевели в Кашин, где он и умер (С. 283–290).

История Густава, подробно изложенная Д.Г. Хрусталёвым, призвана показать связь между эзотерическими экспериментами Рудольфа II и вероятным интересом к оккультным наукам Бориса Годунова. Автор пишет: «Связи Густава с другими медиками при годуновском дворе пока установить не удалось. Но понятно, что деятельная группа знатоков трансмутаций в Москве (или Угличе) точно находилась в поле зрения царя, который если не сам участвовал в опытах, подобно “брату Рудольфу Цесарю”, то знал и допускал

мероприятия, версии, гипотезы, новые открытия в сфере естественной магии» (С. 288). И далее: «В 1600–1605 гг. он (Густав. — С. III.) бродил по дворцу убиенного царевича, который вот-вот должен был воскреснуть, согласно воле неведомых польских чернокнижников. Что он знал об этом? Может, ничего. Но близость к пражскому кружку, где активно обсуждались сюжеты с переселением душ и их воплощением, склоняет к мыслям, что образы эти были ему понятны. Как и Борису Годунову» (С. 291).

Мог ли Густав осуществлять какие-то коммуникации с докторами царского двора? Находились ли их рассуждения о перемещении душ в одном предметном поле? Какова была погруженность Годунова в мистические материи? Ответить на эти вопросы можно лишь гадательно, в форме гипотезы, что автор и делает.

В «Заключении» Д. Г. Хрусталёв обращает внимание на то, что конец XVI в. в Западной Европе ознаменовался всплеском охоты на ведьм, что связано наступлением природных катаклизмов в начале малого ледникового периода, результатами чего были голодные годы, волнения и войны. «Социальные, экономические и, наконец, династические неурядицы подогревали экзистенциальные фобии, которые нередко выплескивались в публичную сферу, политику и социальную среду» (С. 294). Страх колдовства «захватил царей». По мнению Д. Г. Хрусталёва колдовскую подоплеку имело и появление первого русского самозванца, Лжедмитрия I. «Дмитрий стал мистической травмой Годунова,

признававшего, судя по всему, свою экзистенциальную вину. В явлении Лжедмитрия он распознал дьявольскую напасть. Перед ним был маг, воскресивший дух убиенного — воплощенный грех, бес с личиной заложного покойника». Эту модель автор распространяет не только на царя Бориса, но и на его противника. «А сам Лжедмитрий сохраняет загадку до сих пор <...> Перед нами человек, убежденный в своей миссии, а также, кажется, происхождения. Дух истинного царевича блуждал с ним где-то рядом. Или он так чувствовал, или так думали вокруг. Возможно, что так думал Годунов» (С. 295, 296).

Таковы, основные положения интересной книги Д. Г. Хрусталёва. Безусловно, они могут быть оспорены. Возможно представить, что ужас Годунова был не мистическим, а рациональным — перед ним открылась перспектива серьезной угрозы его положению. Легитимность царевича Дмитрия Углицкого, прирожденного государя, значительно превышала его собственную, выборного царя. Особый акцент на колдовстве и чернокнижии, который делал патриарх Иов, может быть связан с представлением о том, что без дьявольской помощи никто не способен покуситься на присвоение царского имени. Впрочем, книга Д. Г. Хрусталёва не исключает разных трактовок событий, а автор не настаивает на абсолютной правоте своей версии. Реконструированный автором ход мыслей Бориса Годунова и его современников возможен. В пользу этого говорят параллели и свидетельства источников. Однако все могло быть иначе.

С концепцией Д. Г. Хрусталёва можно не соглашаться в целом или частично, но следует признать, что димитриада пополнилась еще одним высококвалифицированным исследованием, основанном на богатом источниковом материале (некоторые из свидетельств современников и документов автор впервые вводит в научный оборот). Особо следует отметить прекрасный язык и манеру изложения автора. Книга обладает всеми слагающими читательского успеха — увлекательная тематика, динамичный сюжет, хороший слог, прекрасное оформление⁶. В то же время она открывает значительные возможности для осмысления изложенных фактов и полемики среди специалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря 2019 — Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М., 2019. — 464 с.

Богданов 1999 — *Богданов А. П.* Филиграноведение в современном исследовании: загадка дела о смерти царевича Дмитрия // *Богданов А. П.* Основы филиграноведения: история, теория, практика. М., 1999. С. 199–272.

Бульчев 2005 — *Бульчев А. А.* Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. — 304 с.

Бычкова 1977 — *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. Вып. 38. М., 1977. С. 104–125.

Ведьмы из Варбойс 2020 — *Ведьмы из Варбойс /* Перевод, послесловие и комментарии Д. Г. Хрусталёва. СПб., 2020. — 288 с.

Великие Четы Миней 1880 — Великие Четы Миней, собранные митрополитом всероссийским Макарием. Октябрь. Дни 19–30. СПб., 1880.

Голубцов 1929 — *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих // Ученые записки Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН). 1929. Т. 4. С. 55–70.

Дополнения к актам историческим 1846, 1 — Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. — 435 с.

Каштанов, Столярова 2020 — *Каштанов С. М., Столярова Л. В.* К вопросу о целостности Углицкого следственного дела // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М., 2020. С. 202–206.

Кивельсон 2020 — *Кивельсон В.* Магия отчаяния: моральная экономика колдовства в России XVII века / Пер. с англ. В. А. Петрова. М., 2020. — 480 с.

Курбский 2015 — *Курбский А.* История о делах великого князя московского / Издание подготовил К. Ю. Ерусалимский, перевод А. А. Алексеев. М., 2015. — 944 с.

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у рус-

⁶ Художественное оформление книги заслуживает особых похвал — цветная вклейка с интересным подбором иллюстраций, рисованные виньетки внутри глав и в конце каждой главы, но, к сожалению, приходится вложить ложку дегтя в эту бочку комплиментов. Почему-то на обложке воспроизведена картина К. Б. Венига «Последние минуты самозванца» (1879), на которой изображен боярин П. Ф. Басманов, указывающий Лжедмитрию I на мятежную толпу через дворцовое окно. Этот сюжет никак не рассмотрен в книге, тождество царевича Дмитрия и Лжедмитрия I не постулируется. Можно предположить, что идея состояла в том, что перед нами Лжедмитрий I — колдун, присвоивший душу царевича, но такой ход мыслей слишком сложен. Представляется, что обложка не соответствует содержанию книги.

ских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. — 904 с.

Литвина, Успенский 2020 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб., 2020. — 128 с.

Мазуров 2018 — *Мазуров А. Б.* Коломенские «потехи» Ивана Грозного в 1546 г.: новые штрихи к портрету юного великого князя // *Российская история*. 2018. № 1. С. 22–31.

Морозов 2002 — *Морозов Б. Н.* Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // *Археографический ежегодник за 2002 г.* / Гл. ред. С. О. Шмидт. М., 2004. С. 73–85.

Павлов 1992 — *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992.

Панова 2019 — *Панова Т. Д.* Состав семьи царя Бориса Годунова. По письменным источникам и археологическим данным // *Московский Кремль в XVII в. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей в 2 кн. Кн 1.* М., 2019. С. 47–54.

Райан 2006 — *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М., 2006. — 720 с.

Русская историческая библиотека 1892 — *Русская историческая библиотека*. СПб., 1892. Т. 13. — 530 с.

Скрябинников 1981 — *Скрябинников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. — 205 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. 1986 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Выпуск 11 (Не–Ненятый) / Ред. выпуска А. Н. Шаламова. М., 1986. — 456 с.

Столярова 2020 — *Столярова Л. В.* Реконструкция первоначальной структуры

и состава Следственного дела о гибели царевича Дмитрия Угличского 15 мая 1591 г. (Предварительные заметки. Ч. 1) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 6 (92). URL: <https://history.jes.su/s207987840010087-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840010087-4 [дата обращения 3.10.2023]

Столярова, Белоусов 2012 — *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Материалы Угличского Следственного дела о гибели царевича Дмитрия в 1591 г.: новый опыт исторической реконструкции // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2012. № 2. С. 171–243.

Столярова, Белоусов 2013 — *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Джером Горсей о событиях мая–июня 1591 г. в Угличе и в Москве // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2011. М., 2013. С. 461–496.

Тогоева 2022 — *Тогоева О. И.* Короли и ведьмы: колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб., 2022. — 322 с.

Тогоева, Серегина 2022 — *Тогоева О. И., Серегина А. Ю.* «Бег на колени», «кивки пальцами» и прочие «ненастыя», или О том, каким не должен быть научный перевод // *Средние века*. 2022. Вып. 83 (4). С. 258–273.

Томсинский 2020 — *Томсинский С. В.* Чудо 1654 г. в Угличе в агиографической традиции и материалах раскопок угличского кремля // *Исторический формат*. 2020. № 3 (23). С. 45–52.

Тюменцев 1994 — *Тюменцев И. О.* Список сторонников Василия Шуйского (новая находка в Шведском государственном архиве) // *Археографический ежегодник за 1992 г.* / Гл. ред. С. О. Шмидт. М., 1994. С. 317–319.

Успенский, Россомахин, Хрусталёв 2016 — *Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталёв Д. Г.* Медведи, казаки и русский мороз. Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб., 2016. — 252 с.

Хоруженко 2016 — Хоруженко О.И. Опыт нового прочтения родословной легенды князей Фоминских-Травиных: сюжет свадебной порчи // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 175–189.

Хрусталёв 2002 — Хрусталёв Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. — 448 с.

Хрусталёв 2004 — Хрусталёв Д.Г. Русь: от нашествия до “ига”. 30–40 гг. XIII в. СПб., 2004. — 320 с. (изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2008. — 384 с.).

Хрусталёв 2009 — Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т.1 — 416 с.; Т. 2. — 464 с. (изд. 2-е, испр. СПб., 2012. — 624 с.; 3-е изд., испр. СПб., 2018. — 622 с.; 4-е изд., испр. СПб., 2019. — 624 с.).

Хрусталёв 2013 — Хрусталёв Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. — 412 с. (2-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. — 416 с.; 3-е изд., СПб., 2020. — 414 с.).

Хрусталёв 2023а — Хрусталёв Д.Г. Монгольское нашествие на Русь. 1223–1253 гг. М., 2023. — 384 с.

Хрусталёв 2023б — Хрусталёв Д.Г. Об искусстве читать и писать рецензии. Отклик на рецензию О.И. Тогоевой и А.Ю. Серegiной «“Бег на коленях”, “кивки пальцами” и прочие “ненастья”, или о том, каким не должен быть научный перевод», опубликованную в «Средние века». 2022. 83 (4). С. 258–273 // Историческая экспертиза. № 3 (36). 2023б. С. 279–294.

Хрусталёв, Россомахин 2007 — Хрусталёв Д.Г., Россомахин А.А. Русская Медведица, или Политика и похабство. СПб., 2007. — 72 с.

Хрусталёв, Россомахин 2009 — Хрусталёв Д.Г., Россомахин А.А. Польская диета Русского Медведя. СПб., 2009. — 107 с.

Шокарев 2002 — Шокарев С.Ю. Князь Юрий Васильевич Углицкий, брат Ивана IV Грозного (к вопросу об отражении

личных качеств в источниках официального происхождения) // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: доклады и тезисы XIV научной конференции* (Москва, 18–19 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 527–529.

Шокарев 2023 — Шокарев С.Ю. Новоселье, похороны и двор царицы старицы Прасковьи // Шмидтовские чтения. Вып. 1. К 100-летию со дня рождения Сигурд Оттович Шмидт Педагог. Ученый. Просветитель. Сборник статей по материалам Международной научной конференции Москва, 15–16 апреля 2022 г. М., 2023. С. 155, 156.

Charles J. Halperin 2017 — Charles J. Halperin. Ivan the Terrible's Younger Brother: Prince Yury Vasil'evich (1533–63), *The Court Historian*, 2017, 22:1, 1–16.

Witchcraft in Russia and Ukraine 2020 — *Witchcraft in Russia and Ukraine. 1000–1900* / By Valerie A. Kivelson, Christine D. Worobec, Cornell University Press 2020. — 540 p.

REFERENCES

Akty Pokrovskogo Suzdal'skogo devich'ego monastyrya XVI — nachala XVII veka / Sost. A.V. Antonov, A.V. Mashtafarov. Moscow, 2019. — 464 p.

Bogdanov A.P. *Filigranovedenie v sovremennom issledovanii: zagadka dela o smerti carevicha Dmitriya* // Bogdanov A.P. *Osnovy filigranovedeniya: istoriya, teoriya, praktika*. Moscow, 1999. P. 199–272.

Bulychev A.A. *Mezhdu svyatyimi i demonami: Zametki o posmertnoj sud'be opal'nyh caryna Ivana Groznogo*. Moscow, 2005. — 304 p.

Bychkova M.E. *Rodoslovie Glinских iz Rumjancevskogo sobraniya* // *Zapiski Otdela rukopisej*. Iss. 38. Moscow, 1977. P. 104–125.

Charles J. Halperin. Ivan the Terrible's Younger Brother: Prince Yury Vasil'evich (1533–63), *The Court Historian*, 2017, 22:1, 1–16.

Dopolneniya k aktam istoricheskim. Vol. 1. Saint Petersburg, 1846. — 435 s.

- Golubcov I.A. «Izmena» Nagih // *Uchenye zapiski Instituta istorii Rossijskoj associacii nauchno-issledovatel'skih institutov obshchestvennyh nauk* (RANIION). 1929. Vol. 4. P. 55–70.
- Horuzhenko O. I. Opyt novogo prochteniya rodoslovnoj legendy knyazej Fominskih-Travinyh: syuzhet svadebnoj porchi // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 175–189.
- Kashtanov S. M., Stolyarova L. V. K voprosu o celostnosti Uglichskogo sledstvennogo dela // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXXIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow, 2020. P. 202–206.
- Khrustalev D.G. *Razyskaniya o Efreme Pereyaslavskom*. Saint Petersburg, 2002. — 448 p.
- Khrustalev D.G. *Rus': ot nashestviya do "iga". 30–40 gg. XIII v.* Saint Petersburg, 2004. — 320 p. (2nd ed., Saint Petersburg, 2008. — 384 p.).
- Khrustalev D.G. *Severnye krestonoscy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostochnoj Pribaltike XII–XIII vv.* Saint Peterburg, 2009. Vol. 1 — 416 p.; Vol. 2 — 464 p. (2nd ed., Saint Peterburg, 2012. — 624 s.; 3rd ed., Saint Peterburg, 2018. — 622 s.; 3rd ed., Saint Peterburg, 2019. — 624 s.).
- Khrustalev D.G. *Rus' i mongol'skoe nashestvie (20–50-e gg. XIII v.)*. Saint Peterburg, 2013. — 412 p. (2nd ed., Saint Peterburg., 2015. — 416 p.; 3rd ed., Saint Peterburg, 2020. — 414 p.).
- Khrustalev D.G. *Mongol'skoe nashestvie na Rus'. 1223–1253 gg.* Moscow, 2023. — 384 p.
- Khrustalev D.G. Ob iskusstve chitat' i pisat' recenzii. Otklik na recenziju O. I. Togo-voj i A.Yu. Sereginov «“Beg na kolenyah”, “kivki pal'cami” i prochie “nenast'ya”, ili o tom, kakim ne dolzhen byt' nauchnyj perevod», opublikovannuyu v «Srednie veka». 2022. 83 (4). S. 258–273 // *Istoricheskaya ekspertiza*. № 3 (36). 2023. P. 279–294.
- Khrustalev D.G., Rossomahin A.A. *Russkaya Medvedica, ili Politika i pohabstvo*. Saint Peterburg, 2007. — 72 p.
- Khrustalev D.G., Rossomahin A.A. *Pol'skaya dieta Russkogo Medvedya*. Saint-Peterburg, 2009. — 107 p.
- Kivel'son V. *Magiya otchayaniya: moral'naya ekonomika koldovstva v Rossii XVII veka* / Per. s angl. V.A. Petrova. Moscow, 2020. — 480 s.
- Kurbckij A. *Istoriya o delah velikogo knyazya moskovskogo* / Izdanie podgotovil K.Yu. Erusalimskij, perevod A.A. Alekseev. Moscow, 2015. — 944 p.
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. *Vybor imeni u russkih knyazej v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki*. Moscow, 2006. — 904 p.
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. «Se yaz rab Bozhij...» *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoj kul'tury*. Saint Petersburg, 2020. — 128 p.
- Mazurov A.B. Kolomenskie «potekhi» Ivana Groznogo v 1546 g.: novye shtrihi k portretu yunogo velikogo knyazya // *Rossijskaya istoriya*. 2018. № 1. P. 22–31.
- Morozov B.N. Travnik iz postel'noj kazny Ivana Groznogo? Har'kovskaya rukopis' 1534 g. — novyj pamyatnik knizhnoj masterskoj mitropolita Daniila (Pervye itogi izucheniya) // *Arheograficheskij ezhegodnik za 2002 g.* / Ed. S. O. Shmidt. Moscow, 2004. P. 73–85.
- Panova T.D. Sostav sem'i carya Borisa Godunova. Po pis'mennym istochnikam i arheologicheskim dannym // *Moskovskij Kreml' v XVII v. Drevnie svyatyini i istoricheskie pamyatniki*: Sbornik statej v 2 kn. Book 1. Moscow, 2019. P. 47–54.
- Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605)*. Saint Petersburg, 1992.
- Rajan V.F. *Banya v polnoch': Istoricheskij obzor magii i gadanij v Rossii* / Per. s angl. Moscow, 2006. — 720 p.
- Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Saint Petersburg, 1892. Vol. 13. — 530 p.
- Shokarev S.Yu. Knyaz' Yuriy Vasil'evich Uglickij, brat Ivana IV Groznogo (k voprosu ob otrazhenii lichnyh kachestv v istochn-

- nikah oficial'nogo proiskhozhdeniya) // *Istochnikovovedenie i istoriografiya v mire gumanitarnogo znaniya: doklady i teziy XIV nauchnoj konferencii* (Moskva, 18–19 aprelya 2002 g.). Moscow, 2002. P. 527–529.
- Shokarev S. Yu. Novosel'e, pohorony i dvor caricy staricy Praskov'i // *Shmidtovskie chteniya. Iss. 1. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Sigurd Ottovich Shmidt. Pedagog. Uchenij. Prosvetitel'. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moskva, 15–16 aprelya 2022 g. Moscow, 2023. P. 155, 156.
- Skrynnikov R. G. *Rossiya nakanune «smutnogo vremeni»*. Moscow, 1981. — 205 p.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vypusk 11 (Ne–Nenyatij)* / Red. vypuska A. N. Shalamova. Moscow, 1986. — 456 p.
- Stolyarova L. V. Rekonstrukcija pervonachal'noj struktury i sostava Sledstvennogo dela o gibeli carevicha Dmitriya Uglicskogo 15 maya 1591 g. (Predvaritel'nye zametki. Ch. 1) // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 2020. Vol. 11. Iss. 6 (92). URL: <https://history.jes.ru/s207987840010087-4-1/>. DOI: 10.18254/S207987840010087-4 [data obrashcheniya 3.10.2023].
- Stolyarova L. V., Belousov P. V. Materialy Ugliceskogo Sledstvennogo dela o gibeli carevicha Dmitriya v 1591 g.: novyj opyt istoricheskoj rekonstrukcii // *Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah*. 2012. № 2. P. 171–243.
- Stolyarova L. V., Belousov P. V. Dzherom Gorsey o sobytijah maya–iyunya 1591 g. v Ugliche i v Moskve // *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2011. Moscow, 2013. P. 461–496.
- Togoeva O. I. *Koroli i ved'my: koldovstvo v politicheskoj kul'ture Zapadnoj Evropy XII–XVII vv.* Moscow–Saint Petersburg, 2022. — 322 p.
- Togoeva O. I., Seregina A. Yu. «Beg na kolenyah», «kivki pal'cami» i prochie «nenast'ya», ili O tom, kakim ne dolzhen byt' nauchnyj perevod // *Srednie veka*. 2022. Iss. 83 (4). P. 258–273.
- Tomsinskij S. V. Chudo 1654 g. v Ugliche v agiograficheskoj tradicii i materialah raskopok uglicskogo kremlya // *Istoricheskij format*. 2020. № 3 (23). P. 45–52.
- Tyumencev I. O. Spisok storonnikov Vasilija Shujskogo (novaya nahodka v Shvedskom gosudarstvennom arhive) // *Arheograficheskij ezhegodnik za 1992 g.* / Ed. S. O. Shmidt. Moscow, 1994. P. 317–319.
- Uspenskij V. M., Rossomahin A. A., Hrustalev D. G. *Medvedi, kazaki i russkij moroz. Rossiya v anglijskoj karikature pervoj treti XIX veka*. Saint Petersburg, 2016. — 252 p.
- Ved'my iz Varbojs* / Perevod, posleslovie i kommentarii D. G. Hrustalyova. Saint Petersburg, 2020. — 288 p.
- Velikie CHet'i Minei*, sobrannye mitropolitom vsrossijskim Makariem. Oktyabr'. Dni 19–30. Saint Petersburg, 1880.
- Witchcraft in Russia and Ukraine. 1000–1900* / By Valerie A. Kivelson, Christine D. Worobec, Cornell University Press 2020. — 540 p.

М. М. Сафонов

Рец.: Шипов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб.: Росток, 2021. 760 с.

Аннотация: В рецензии анализируется впервые появившаяся в печати публикация сочинений одного из военных деятелей России XIX в. С. П. Шипова. У читателя невольно возникает вопрос о целесообразности современной публикации сочинений этого забытого автора, ведь опусы его не отличаются оригинальностью мысли и местами более напоминают отчеты завхоза об управлении вверенного ему склада. Однако было бы неправильно совершенно сбрасывать со счетов все труды Шипова. Среди них есть один, который сегодня не может не привлечь самого пристального внимания исследователей. Речь идет о мемуарах «Воспоминания о главных событиях моей жизни». Эти мемуары представляют собой воспоминания декабриста-ренегата. И именно в этом и заключается их главная ценность. Стараясь скрыть собственную причастность к декабристскому движению, С. П. Шипов своими «откровениями» представил в руки исследователей ценнейший материал, позволяющий понять механизм воздействия тайного общества на государственную власть и прежде всего на самого императора Александра I. Не будь этого, декабристоведа едва ли обратились бы сегодня к забытым шиповским текстам. «Воскресшие» мемуары ренегата, никогда не публиковавшиеся в сборниках декабристских воспоминаний, дают возможность по-новому взглянуть на характер отношений декабристской конспирации и государственной власти в России в первой половине XIX в.

Ключевые слова: С. П. Шипов, И. В. Васильчиков, мемуары, декабризм, П. В. Ильин, С. В. Куликов, К. Г. Боленко, Б. Н. Щедринский

Сведения об авторе: Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Email: m.safonov@list.ru

М. М. Safonov

Shipov S. P. Political and economic works. Memories. SPb.: Rostock, 2021. 760 p.

Abstract: In the review, the volume publication of the works of S. P. Shipov one of the military figures of Russia of the XIX century that first appeared in the press will be analyzed. An unbiased reader involuntarily arises the question of the appropriateness of the modern publication of the works of this forgotten author, because his opuses more recall the reports of the manager to manage the warehouse. However, it would be wrong to completely throw off the scriptures

of Shipov from the accounts. Among them there is one, which cannot but attract the most close attention of researchers. We are talking about memoirs "Memories of the main events of my life." These memories are the memoirs of the Decembrist-Ranegat. And this is precisely what is their main value. Trying to hide his involvement in the Decembrist movement, S. P. Shipov with his "revelations" presented in the hands of researchers the most valuable material that allows you to understand the mechanism of the impact of a secret society on state power and, above all, on Emperor Alexander I. Do not be it, the Decembrists, would hardly have turned to forgotten Shipov texts today. But the "resurrected" memoirs of the renegade, which have never been published in the collections of Decembrist memoirs, give an opportunity to take a fresh look at the nature of the relationship between the Decembrist conspiracy and state power in Russia in the

Keywords: S. P. Shipov, I. V. Vasilchikov, Meuars, Decembrism, P. V. Ilyin. S. V. Kulikov, K. G. Bolenko, B. N. Shchedrinsky

Corresponding author: Safonov Mikhail Mikhailovich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Email: m.safonov@list.ru

Через краткое предисловие к этому изданию красной нитью проходит рефрен о не востребованности до настоящего времени всего того, что написал С. П. Шипов. В одном случае публикаторы говорят, что его сочинения долгое время находились «вне исследовательского внимания» (С. 3). В другом — они пытаются убедить читателя в том, что вводят в «полноценный (? — М. С.) научный оборот труды практически забытого писателя» (С. 4). Подчеркивают, что знакомят читателя с «сочинениями, не привлекавшими к себе заинтересованного внимания исследователей» (С. 4). сетуют на то, что труды издаваемого теперь автора до сих пор «находились на периферии исследовательского и читательского внимания» (С. 5).

При чтении возникает вполне естественный вопрос: представляют ли историческую ценность сочинения генерала, пытавшегося вновь привлечь к себе внимание верхов после

того, как он утратил расположение Николая I, или вновь вскарабкаться на политический Олимп, когда со смертью палача декабристов бывшие члены тайных обществ были амнистированы и наступила новая либеральная эпоха?

Забвение опусов Шипова, он «пек» их как блины, по вопросам, в которых даже не всегда был достаточно компетентен, вполне объяснимо. Ничего нового автор не внес в развитие российского общественно-политического движения. Подавляющее большинство его сочинений второстепенны; мысли, в них высказанные, не отличаются оригинальностью, они не содержат ничего, что могло бы вызвать живой интерес у современного читателя, желающего составить себе ясное представление о всех оттенках общественно-политического развития этого периода. Как стилист Шипов совершенно зауряден. Более того местами его опусы, которые могут паразитить читателя лишь свои

количеством и объемом, отдают графоманством, а в ряде случаев напоят отчет завхоза о предметах, хранящихся на его складе, а также о проделанной им работе на этой важной должности. Особенно это хорошо видно на примере его воспоминаний. Достаточно перечислить заголовки заключительной части мемуаров Шипова: «Управление Комиссариатом», «Состояние денежных сумм Комиссариата», «Довольствие войск вещами», «Усовершенствование комиссариатского управления. Правила делопроизводства», «Правила счетоводства», «Узаконение накладки», «Правила транспортировки Комиссариатских вещей», «Расширение власти комиссариатских комиссий» (С. 636, 641, 646, 647, 648, 649, 650, 651).

Однако мемуары Шипова — самая интересная часть его «творческого» наследия. Именно они могут вызвать наибольший интерес у историков общественного движения.

У публикации четыре составителя: П. В. Ильин, С. В. Куликов, К. Г. Боленко и Б. Н. Щедринский. Вводную статью написали петербургские историки П. В. Ильин и С. В. Куликов «при участии» К. Г. Боленко. Воспоминания же С. П. Шипова подготовили к печати и прокомментировали московские исследователи К. Г. Боленко и Б. Н. Щедринский. Они же подготовили вступительную статью к воспоминаниям.

С. П. Шипов в прошлом декабрист, но тщательно скрывает это, точнее говоря, старается скрыть. Его воспо-

минания — это мемуары отступника. Опубликованные П. И. Бартевым в «Русском архиве» еще в XIX в.¹ они никогда не воспроизводились в советское время в сборниках мемуаров декабристов. Это и понятно: ведь Сергей Шипов, родной брат декабриста Ивана Шипова, того самого на квартире которого обсуждался вопрос о принципиальной необходимости царевубийства, всеми возможными способами открещивается от своего декабристского прошлого. Но это не лишает мемуары исторического интереса, наоборот, пытаюсь отмыться от декабристкой «скверны», Шипов проявляет удивительную осведомленность и рассказывает много такого, о чем ему бы не следовало бы говорить, стараясь во что бы то ни стало отстоять свою верноподданническую «чистоту». Это-то и делает их интересными сегодня.

Мемуары С. П. Шипова называются «Воспоминания о главных событиях моей жизни». Однако, несмотря на такое название, о самом главном событии своей жизни мемуарист как раз и не рассказал. Сергей Шипов был в числе основателей «Союза спасения», а потом отошел от конспиративной деятельности, хотя его брат Иван, так же вступивший в союз, долгое время оставался его членом и даже организовал на своей квартире обсуждение вопроса о целесообразности царевубийства. Вопросы, одно обсуждение которого по существующему тогда законодательству влекло за собой смертную казнь. Накануне 14 декабря, когда С. П. Шипов возглавлял Семеновский полк и гвардейскую бригаду, в которую входили

¹ Русский архив. 1878. Кн. 2. № 7. С. 144–202. Составители неверно указали: с. 153–185.

и Гренадерский полк и Гвардейский экипаж, главные действующие силы на Сенатской площади, «диктатор» С. П. Трубецкой имел беседу с Шиповым. Он старался по старой памяти склонить его к выступлению на стороне инсургентов. Но Шипов отказался, сославшись на то, что цесаревич Константин «варвар», а великий князь Николай — человек «просвещенный» и, став императором, может сделать много полезного для страны. При этом будущий мемуарист предложил Трубецкому встретиться еще раз в присутствии своего брата Ивана и обсудить вопрос более обстоятельно. Важно подчеркнуть: между прочим он заявил: «Трубецкой, у тебя много знакомых; ты многих знаешь в Совете, в Сенате. Если есть что, если о чем поговаривают в Совете, то, пожалуйста, уведоь меня». Но «диктатор», к чести его, вовремя понял, «что Шипов передался совсем на сторону вел. кн. Николая и не с тем требует сведений, чтобы действовать в наших видах». Поэтому Трубецкой от вторичной встречи отказался и свои планы открывать не стал. Он понял, для чего Шипову нужны конкретные сведения о подготовке выступления и планах инсургентов (Трубецкой 1983: 269–270). И оказался прав. В более ранней редакции своих «Записок» «диктатор» поместил такую реплику: «...должно полагать, что Шипов передал Великому князю разговор свой с Трубецким. Кроме того, адъютант Вел[икового] К[нязя] Михаила письменно уведомил Николая о намерениях тайного общества, которого он сам был членом» (Трубецкой 2011: 75).

В итоге 14 декабря С. П. Шипов со своим полком оказался в числе тех,

кто обеспечил победу Николая. На следующий день после трагедии на Сенатской площади мемуарист стал генерал-адъютантом и любимцем нового царя. «Декабристская» страница его жизни была перевернута и предана забвению. Он не только не привлекался к декабристскому следствию, но и семимильными шагами пошел в гору по карьерной лестнице. Но, пожалуй, самая главная страница его жизни заключалась в том, что после разговора с Трубецким, Шипов пересказал то, что узнал от руководителя выступления великому князю Николаю. Тем самым облегчил победу претендента на престол в его противостоянии с тайным обществом не в меньшей степени, чем своими действиями против инсургентов с вверенной ему военной частью в день 14 декабря.

К сожалению, авторы вступительной статьи «умолчали» об этом важнейшем обстоятельстве. Остается только гадать о причине такой забывчивости. То же следует сказать и о комментаторах. А между тем мемуары Трубецкого зафиксировали важнейший факт: Шипов уведомил Николая о готовящемся выступлении против него и его «осведомительство» послужило одним из важнейших факторов, хотя далеко не единственным, предопределивших поражение восставших. Стоит отметить еще одно «умолчание», опять же из «Записок» Трубецкого. Вот еще один «подвиг» героя публикации во время экзекуции в Петропавловской крепости по оглашению приговора: «После барабанного боя нам прочли вновь сентенцию, и профос начал ломать над моею головою шпагу (мне прежде велено было стать

на колени). Во весь опор прискакал генерал и кричал: «Что делаете?» С меня забыли сорвать мундир. Подскакавший был Шипов. Я обратил голову к нему, и вид мой произвел на него действие Медузиной головы» (*Трубецкой* 1983: 281).

Есть еще один загадочный эпизод из «жития» нашего декабриста. Об этом опять же поведал Трубецкой в своих «Записках». Во время следствия к нему в камеру пришел А.Х. Бенкендорф и стал сугубо секретно допрашивать Трубецкого. При этом следователь сказал несостоявшемуся «диктатору», что он должен иметь в виду, что все, о чем он расскажет, должно воспринимать так, как если бы с ним беседовал сам Государь. Пришедший же в каземат к подследственному Бенкендорф не более, чем передаточное звено. Речь шла о каком-то чрезвычайно важном разговоре «диктатора» с М.М. Сперанским, разговоре, о котором донес «некто». Бенкендорф упорно отказывался называть его имя. Но Трубецкой понял, что под этим «некто» подразумевался не кто иной, как наш «забывчивой» мемуарист (*Трубецкой* 1983: 266–269).

Стоит ли удивляться тому, что следствие обошло стороной все данные, довольно обильные, об участии С.П. Шипова в деятельности декабристкой конспирации. Николай приказал оставить эти сведения «без внимания», и карьерный рост бывшего декабриста не замедлился. Публикаторы объяснили этот факт, тем, что следователи интересовались главным образом радикальными действиями тайного общества, которые имели место, когда С.П. Шипов

совершенно отошел от конспирации. А также тем, что в дело вмешались влиятельные родственники Шиповых и тем самым спасли его от приговора (С. 41). Думается, что во время следствия Сергей Шипов находился под особой защитой нового императора вследствие особых «заслуг» бывшего декабриста.

Назвав С.П. Шипова «ренегатом», я выразился не совсем точно. Дело в том, что в деятельности декабристской конспирации у него, видимо, была особая историческая роль, с которой он успешно справлялся и которая, в силу своей двойственности, позволила ему не только выйти «сухим из воды» после 14 декабря, но и сделать успешную карьеру.

Декабристская конспирация была создана, прежде всего, для того, чтобы противодействовать стремлению Александра I восстановить Речь Посполитую в прежних ее пределах, возвратив ей отошедшие к России в ходе разделов Польши земли, создать из нее форпост против стран Запада, защитить западную границу страны цепью протянувшихся с севера на юг военных поселений, во главе которых стоял их «крестный отец», всеильный временщик А.А. Аракчеев. Декабристская конспирация стала инструментом, с помощью которого дворянство стремилось воздействовать на императора в условиях, когда отсутствовал легальный механизм разрешения возникающих противоречий между государственной властью и дворянским сословием. При этом просматривается некая синхронная связь между попытками Александра I восстановить Речь Посполитую и появлением проектов

цареубийства, от совершения которого рядовых членов удерживали руководители конспирации. Эта схема прослеживается на протяжении всего существования декабристской конспирации. Причем эти, весьма эмоциональные, проекты возникали с удивительной регулярностью накануне поездок царя на Сеймы Царства Польского или европейские конгрессы Священного союза. В XVIII в. конфликт между интересами всего дворянства и личными взглядами царя разрешался дворянской расправой над помазанником. Но более просвещенный XIX век породил и более гуманную форму решения этого вопроса: мушкетирование слухов о цареубийственных планах, которые рано или поздно становились известными царю и удерживали его у роковой черты (Сафонов 2012: 491–503). Первый проект цареубийства, так называемый «Московский заговор» 1817 г., возник, когда существовала реальная угроза присоединения к Польше отторгнутых от нее в ходе разделов областей. Последний проект обсуждался 12 декабря 1825 г. накануне вступления Николая I на престол. Как в самом начале деятельности декабристской конспирации, так и за два дня до ее краха, поднимался вопрос о том, чтобы принести царя «на жертву», а цареубийцу должен был определить жребий. В обоих случаях «провокатором» был руководитель конспирации С. П. Трубецкой. Только в первом случае, узнав о потенциальном жертвоприношении, Александр I отказался от своего намерения объявить о восстановлении Речи Посполитой на открытии I Сейма Царства Польского в марте 1818 г. А во втором — великий князь Николай, предупрежден-

ный А. И. Ростовцевым и С. П. Шиповым о потенциальной опасности, решил идти до конца по принципу: «Государь или мертв». Очевидно, что руководителям конспирации важнее всего было провозгласить на тайном собрании заговорщиков, «что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование» Александра I, предложить во всеуслышание бросить жребий, кому достанется «нанести удар царю», но ни в коем случае удара не наносить, но чтобы об этом в конце концов стало известно самому императору, как это было в случае с «покушением» Якушкина. Это и была та тактика, о которой Трубецкой был вынужден рассказать на следствии, «ибо, сколько замечено было то... император обыкновенно не приводил в действие того, о чем много говорили, и о чем предполагали, что будет сделано его величеством».

Но эта схема могла бы успешно работать только в том случае, если бы существовал механизм, благодаря которому театрализованные постановки тайного общества доводились бы до сведения царя, как реальная угроза для него самого и его семьи. До сих пор такой механизм не был обнаружен. Однако новая публикация мемуаров С. П. Шипова (и в этом, на мой взгляд, заключается ее главная ценность) позволяет несколько прояснить то, что до настоящего времени оставалось неясным.

В своих воспоминаниях мемуарист убеждает читателя: при образовании «Союза спасения» П. И. Пестель предлагал ему вступить в это тайное общество. Но Сергей Павлович категорически отказался, будучи

уверенным в том, что оно не достигнет своих целей, но при этом погубит карьеры его членов (С. 582). Рассказывая о событиях 14 декабря, Шипов умалчивает не только о разговоре с Трубецким, но и о том, что после этого разговора последовало. Вместо этого без пяти минут генерал-адъютант будущего царя на редкость неправдоподобно старается убедить читателя: когда он прибыл в Гвардейский экипаж и столкнулся с отказом офицеров присягать Николаю, мемуарист только тогда понял, «что тут существует какой-либо преднамеренный замысел» (С. 621). Мы же понимаем, насколько лжив автор воспоминаний. Но далее следует самое интересное. Мемуарист начинает размышлять, почему же произошло 14 декабря? Объяснение крайне интересное и выдает в нем очень осведомленного человека, не заметившего, что он проговорился. И тут почти сенсационно всплывает фигура командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова.

Рассказав о том, как он отказался от предложения Пестеля вступить в тайное общество, мемуарист пишет, что еще в 1817 г., то есть тогда, когда имел место «вызов» Якушкина на цареубийство, «существование сего общества сделалось действительно скоро известным командиру Гвардейского корпуса генерал-адъютанту Васильчикову, который представил тогда же государю подробную записку о членах общества, о бывших у них собраниях и предположениях. Сожалеть должно, что записка эта осталась без последствий: ибо тогда в действиях членов общества ничего не было особенно преступного; справедливое наказание их за необ-

думанное и законом недозволенное предприятие предотвратило бы следующие вредные действия и отклонило бы погибель многих пострадавших потом отлично даровитых молодых людей, которые могли бы Отечеству быть полезны» (С. 582–583).

К. Г. Боленко и Б. Н. Шедринский так прокомментировали этот пассаж: «И. В. Васильчиков действительно в мае 1821 г. докладывал императору о раскрытом обществе, однако он не был автором доклада. Доклад был составлен на основе записки, поданной в марте начальнику Главного штаба Гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорфу бывшим членом коренного совета Союза благоденствия М. К. Грибовским, который в это время возглавлял в корпусе тайную полицию. Доклад остался без решительных последствий, в том числе потому, что запоздал: в январе 1821 г. формально общество было распущено» (С. 681).

Однако С. П. Шипов говорит о совсем другом докладе Васильчикова, представленном императору вскоре после образования Союза спасения. Некоторое время спустя после того, как Пестель уверял Шипова вступить в недавно образовавшееся тайное общество. А оно было создано 9 февраля 1816 г. О том, что Шипов имеет в виду вовсе не хорошо известный в литературе донос М. К. Грибовского 1821 г. после Московского съезда, а гораздо более ранний документ, свидетельствует другой пассаж из воспоминаний Шипова. Рассказав о событиях 14 декабря и о своем участии в них на стороне Николая I, мемуарист вновь вернулся к уже заявленной ранее теме: причина про-

изошедшего заключается в том, что вовремя не приняли надлежащих мер, хотя были прекрасно осведомлены о том, что делалось в тайном обществе. Шипов опять упомянул о том, что И. В. Васильчиков «в 1817 году представил государю основательную о существовании этого общества записку, но ...записка эта осталась без последствий» (С. 623). В первоначальном тексте воспоминаний Шипов выразился более точно: «...и хотя по воле государя оставалось тогда без преследования, но не без тщательного за ним наблюдения». Далее мемуарист сообщает еще об одной записке Васильчикова. «Вскоре после этого Илларион Васильевич предоставил государю дополнительные о сем обществе сведения с именами членов, в оное вступивших. Даже о начертанном ими уставе общества и цели, в нем выраженной; но государь не согласился на преследование онаго, произнеся при сем следующие слова: «Il ne faut pas donner de coup d'épée dans l'eau». То есть: «Не следует ударять шпагой по воде».

«Васильчиков, продолжает мемуарист, не оставлял, однако ж, тщательного над тем обществом наблюдения и по временам представлял государю записки о продолжающихся заседаниях и действиях общества. Далее следует сообщение о Московском съезде Союза Благоденствия и о его решении закрыть общество. Мемуарист упоминает хорошо известные исследователям данные о том, что Васильчиков уведомил своего родственника московского военного губернатора Д. В. Голицына о готовящемся съезде и тот «учредил тайный надзор за действиями сего съезда» и его результатах. «Обо всем этом

представлена была государю от Васильчикова также записка» (С. 623). Общество было закрыто потому, что его члены узнали, что существование их конспирации известно правительству. Кроме того они поступили так потому, что были люди «благонамеренные», желавшие способствовать правительству в его благих начинаниях, но часть членов хотели действовать вразрез с этими целями. Они образовали новое общество с преступными целями.

«К сожалению, — пишет Шипов, — в 1822 г. И. В. Васильчиков был уволен от командования Гвардейским корпусом. Тогда прерваны были и все нити к получению сведений о действиях общества» (С. 625). Это-то и привело к событиям 14 декабря. Хотя мемуарист неточно датирует письмо Васильчикова Голицыну о подготовляемом в Москве съезде 1819 г., ошибаясь ровно на год (его готовили в конце 1820 г., а провели в начале 1821 г.), не подлежит сомнению, что мемуарист, говоря о записках государю, первую определяет как сочинение, представленное императору в еще в 1817 г., когда имел место так называемый «вызов» Якушкина на цареубийство. «Вопрос об осведомленности правительства в существовании декабристских тайных обществ, — писали комментаторы, — их составе, целях, программных документах до конца неясен. Однако, скорее всего, до середины 1825 г. он был невысоким, что делало сомнительным успех репрессивных мер... Результаты доносов и секретных следственных действий...не давали полной картины заговора и, главное, не содержали информацию о непосредственной угрозе государю

и всему государственному порядку, скорее подтверждая необходимость продолжать тайное расследование, чем производить массовые аресты».

К сожалению, комментаторы, стоявшие на позициях традиционного советского декабристоведения, не разглядели механизм воздействия тайного общества на внутреннюю и внешнюю политику Александра I. Между тем, по моему мнению, именно И. В. Васильчиков служил тем каналом, посредством которого тайное общество осуществляло свое воздействие на носителя верховной власти и влияло на его решения.

Самое сильное сопротивление польские планы Александра встретили среди генералитета. Первую скрипку здесь играл генерал-адъютант царя генерал-майор М. Ф. Орлов, любимец императора, ввавший в немилость из-за противодействия польским планам самодержца. Вот как сам Орлов рассказал об этом в записке, поданной 29 декабря 1825 г. на имя Николая I, когда был привлечен к следствию по делу декабристов. «Государь изволил отправиться в Вену, и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастьем для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем dokonченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться» (ВД, XX 2001: 161, 165, 167–168). А вот как об этом эпизоде Орлов по-

ведал И. Д. Якушкину, а тот воспроизвел его рассказ в своих «Записках»: «Когда сделалось известным намерение императора Александра образовать отдельный литовский корпус (1 июля 1817 об этом было объявлено, а 14 октября во время пребывания Александра в Москве был определен состав этого корпуса — М. С.)...это возмутило многих наших генералов, и они согласились между собой подать письменное представление императору, в котором они излагали весь вред, могущий произойти от образования отдельного литовского корпуса, и умоляли императора не приводить в исполнение своего намерения, столь пагубного для России. В числе генералов, согласившихся подписать это представление, был генерал-адъютант Васильчиков, впоследствии начальник гвардейского корпуса. Он испугался собственной своей смелости и, пришедши к императору, с раскаянием просил у него прощения в том, что задумал против него недоброе, назвал своих сообщников и рассказал все дело, в котором главным побудителем был Орлов, написавший самое представление. Государь потребовал к себе Орлова, напомнил прежнее к нему благоволение и спросил, как мог он решиться действовать против него. Орлов стал уверять императора в своей к нему преданности. Тут император рассказал подробно все дело, замышляемое генералами, и приказал Орлову принести к нему представление, писанное им от имени генералов. Орлов от всего отрезка, после чего император расстался навсегда с прежним своим любимцем» (Якушкин 1951: 38).

Нетрудно заметить, что в обоих вариантах этого рассказа И. В. Василь-

чиков сам выступает в роли транслятора неприятных для царя сведений, оглашение которых предназначено повлиять на дальнейшие шаги императора. Но при этом, как в том, так и в другом случае, сообщаемые царю сведения неадекватно отражают действительное положение вещей. С одной стороны он участник некоего коллективного действия, с другой стороны он как бы не при чем. Он только ретранслятор сведений о нем, сам вроде бы отделяет себя от общего замысла, не одобряя его.

В показании Орлова его письмо не было закончено и куда-то пропало. В рассказе же Якушкина опять же составляемое Орловым коллективное представление генералов, подписанное ими, не было доставлено царю. Ему были сообщены сведения о том, что таковое подготавливается. А вот что о Васильчикове рассказывает С. П. Трубецкой в своих «Записках» осенью 1817 г., когда ожидали приезда Александра I в Москву, «...члены общества собрали подписку на освобождение крестьян. Из числа известных лиц, подписавших согласие свое, и обещание исполнить на правилах, какие будут составлены и утверждены Правительством, были граф Кочубей и П. А. Строганов, князь Меншиков и Илларион Васильевич Васильчиков. Последний, подписав, доложил тотчас о том Государю, который изъявил свое неудовольствие и приказал уничтожить подписку, сделав строгий выговор собравшему ее Мих[аилу] Фед[оровичу] Орлову» (Трубецкой 2011: 54–55).

Нетрудно заметить во все эти действия Васильчикова тот же самый прием, который описал С. П. Шипов,

не раскрывая истинных мотивов поступков командира Гвардейского корпуса. Остается пока неясным, сам ли Васильчиков получал информацию непосредственно от руководителей декабристской конспирации, либо же ее доставлял кто-то из рядовых членов этой организации. Но подозрение падает на самого Шипова. Обращает на себя внимание близкие, чуть ли не конфиденциальные отношения члена тайного общества и командира Гвардейского корпуса. Желая подчеркнуть свою значимость, Шипов сам рассказал, каким доверием он пользовался у своего непосредственного начальника. При первом знакомстве он был принят начальником наедине. Они говорили о войне, о военном хозяйстве, об администрации. А потом перешли «к некоторым другим предметам». «Его умная и время от времени более приветливая речь, — писал мемуарист, — меня пленили; и я говорил ему с полной откровенностью и высказывал, что было за душою (курсив мой. — М. С.). Он мог из одной такой беседы хорошо меня понять. Такой дар узнавать подчиненных есть великое в начальнике достоинство» (С. 586). Еще раз напомним, что это пишет член декабристской конспирации, наивно надеясь, что читатель не узнает о его декабристском прошлом. В другом месте мемуаров Шипов вновь отмечает: «...начальники мои сделались ко мне весьма благосклонны. Особенно Илларион Васильевич Васильчиков, который, впрочем, и всегда был со мною приветлив и мне покровительствовал» (С. 590). Не удивительно, что он объявил своему доверенному лицу благодарность (С. 592). Еще один фрагмент мемуаров содержит и такое признание:

«Корпусной командир нередко принимал меня наедине и выказывал мне свои мысли и суждения с такой откровенностью и приветливостью, что и я передавал ему то, что у меня было за душой (курсив мой. — М.С.). Я не мог не прилепиться всем сердцем к этому по уму, образованию и особенно по высокой душе истинно превосходному человеку, сохранил искреннюю к нему преданность до конца его жизни и ныне глубоко чту его память» (С. 595). Не забудем, что Шипов открывал «душу» своему непосредственному начальнику в то время (1818–1821 гг.), когда Илларион Васильевич доставлял Александру I конфиденциальные записки о положении дел в тайном обществе! Что же касается «высокой души истинно превосходного человека», то Якушкин довольно ярко изобразил несколько ее черт.

Когда же Васильчиков «сломал себе шею» на «Семеновской истории» и вынужден был удалиться от дел, а Шипов возглавил новый состав этого «провинившегося» полка (какая высокая степень доверия к нашему мемуаристу со стороны высшей власти!), с Сергеем Павловичем в своем кабинете в Аничковом дворце стал вести душевные беседы великий князь Николай Павлович (С. 613–615).

Стоит ли удивляться тому, как, памятуя свои прежние привычки, поступил Шипов накануне 14 декабря, когда его покровителем был уже не Васильчиков, а великий князь Николай?

В воспоминаниях сына Васильчикова В.И. Васильчикова о происхо-

ждении доноса Грибовского упомянут человек, который неоднократно приватно сообщал командиру гвардейского корпуса конфиденциальные сведения. Имя его не названо, но на полях записки есть карандашная пометка: «Якушкин» (Равдин, Рогинский 1978: 91–100). Дальнейшие исследования, возможно, позволят прояснить этот вопрос.

Приближается очередной декабристский юбилей. В 2025 г. исполнится ровно 200 лет со дня выступления декабристов. Думается, что отечественным декабристоведом следует во многом пересмотреть парадигмы советского декабристоведения и попытаться дать более взвешенную объективную оценку этому движению как таковому. Вновь опубликованные воспоминания С.П. Шипова, тщательно проанализированные и серьезным образом прокомментированные, могут сыграть немаловажную роль в этом процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ВД, XX 2001 — Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001.

Равдин, Рогинский 1978 — Равдин Б.А., Рогинский А.Б. Вокруг доноса Грибовского // Общественное движение в России. Вып. 7. 1978. С. 91–100.

Сафонов 2012 — Сафонов М.М. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 г. // Россия и Польша: Два аспекта европейской культуры. СПб., 2012. С. 491–503.

Трубецкой 1983 — Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск. 1983.

Трубецкой 2011 — Трубецкой С.П. Записки. Письма И.Н. Толстому. 1818–1823 гг. СПб., 2011.

Якушкин 1951 — Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.

REFERENCES

Vosstaniye dekabristov. Т. XX. М., 2001.

Ravdin B. A., Roginskiy A. B. Vokrug donosa Gribovskogo // *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii*. Вып. 7. 1978. S. 91–100.

Safonov M. M. Rech' Pospolitaya i «Moskovskiy zagovor» 1817 g. // *Rossiya i Pol'sha: Dva aspekta yevropeyskoy kul'tury*. SPb., 2012. S. 491–503.

Trubetskoy S. P. *Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatelnosti*. Т. I. Irkutsk. 1983.

Trubetskoy S. P. *Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu. 1818–1823 gg.* SPb., 2011.

Yakushkin I. D. *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina*. М., 1951.

М. Е. Сорока

ЖИТИЯ АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЕГО: «ДА И НЕТ НЕ ГОВОРИТЕ, ЧЕРНЫЙ С БЕЛЫМ НЕ БЕРИТЕ...». АЛЕКСАНДР III В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация: Биографии Александра III, за единственным исключением, существуют только в России, отражая давно бытующее в остальном мире мнение о незначительности личности предпоследнего самодержца. Российские биографии в подавляющем большинстве писали и пишут по шаблону, существующему с XIX века, когда жизнеописания усопших монархов публиковали, чтобы укрепить преданность правящей династии. Основные зарубежные источники для сведений о нем документальны: это современная пресса, мемуары и донесения дипломатов, в глазах которых император был политической, а никак не сакральной фигурой. В результате российская и зарубежная репутации Александра III по сей день сильно расходятся и даже противоречат друг другу.

Статья рассматривает общие характеристики мемуаров и биографий царя, изданных в России в 1903–1916 и 1993–2020 гг. Можно сделать вывод, что образ царя в русскоязычном биографическом жанре не претерпел существенных изменений за прошедшие сто с лишним лет. Чтобы создать более реалистическое представление о правителе, которого одни современники провозгласили воплощением самодержавия, а другие называли человеком до-современной эпохи, было бы полезно сравнить апологетические источники с материалами, вышедшими из-под пера авторов других направлений, включая и зарубежных.

Ключевые слова: Романовы, Александр III, придворные мемуары, канонический образ, биографии монархов, С. С. Татищев, граф С. Д. Шереметев, В. О. Ключевский, А. Леруа-Болье, лорд Ф. Дафферин, граф А. Волькенштейн.

© М. Е. Сорока, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-4-264-290

Приношу благодарность Ю. А. Сафроновой, Ф. И. Мелентьеву и А. П. Шевыреву за рецензии, которые очень помогли в работе над статьей. М. С.

Сведения об авторе: Сорока Марина Евгеньевна, PhD, специализируется в истории международных отношений великих держав второй половины XIX века и до начала Первой мировой войны. Независимый исследователь. Канада. Email: annaaltag@gmail.com.

M. E. Soroka

LIVES OF ALEXANDER III. NEITHER BLACK NOR WHITE...
ALEXANDER III IN RUSSIAN AND FOREIGN SOURCES

Abstract: With a single exception, there are no biographies of Alexander III in the West, reflecting the established opinion about his personal insignificance. Most Russian-language lives of the emperor have been crafted according to the XIXth century formula when monarchs' biographies had one purpose, that of fostering devotion and loyalty to the ruling dynasty. Non-Russian sources of information about the emperor are documentary: contemporary press, diplomats' dispatches and reminiscences. These depict the tsars a political figure and by no means as a sacred symbol. As a result, Russian- and non-Russian images of the emperor widely diverge and even contradict each other. The article reviews the common characteristics of the memoirs and tsar's biographies published in 1903–1916 and 1993–2020s and concludes that the tsar's image has undergone no reappraisal in the Russian biographical genre since over a century ago. To portray more realistically a ruler who even in his lifetime was qualified by some as a symbol of autocracy and by others as pre-modern, it would help to set the apologetic sources against the testimonies of those who viewed the subject from a different perspective, including the foreign sources.

Keywords: the Romanov dynasty, Alexander III, reputation, courtier memoirs, biographical canon, tsars' biographies, S. S. Tatishchev, Count S. D. Sheremetev, V. O. Kluchevsky, A. Leroy-Beaulieu, Lord F. Dufferin, Count A. Wolkenstein.

Corresponding author: Soroka Marina Evgenievna, PhD, specializes in great powers' relations of the second half of the XIXth c. to the First World War. Email: annaaltag@gmail.com.

*Итак, каждого принца можно
рассматривать двояко: как чело-
века и как правителя.*

Фадрике Фурио Сериоль (1559)

*Сказка бродит по всей нашей ис-
тории...*

В. О. Ключевский

Тот, кто читает описания внешности Александра III, вынужден выбирать между двумя крайностями: или «некрасивость его грубого, открытого лица и толщина огромной фигуры» (*Sunliffe-Owen* 1892: 245),

или «Он величествен. Он заслоняет собой все окружающее. Он до такой степени исполнен нечеловеческой мощи... Спокойная, великая радость, как густой золотой поток, льется из его глаз» (*Куприн* 1958:196–7). То есть, либо грубость и толщина, либо золото–мощь–величие. Третьего не дано. И, как легко угадать, первая, крайне прозаическая, цитата из книги американской журналистки, а вторая — из ностальгической повести А. И. Куприна, написанной в его горькой эмигрантской старости.

Вопрос была ли внешность Александра III величественной или грубой и некрасивой, самый нетрудный: есть любительские снимки царя и его официальные изображения. Сопоставив их, мы можем оценить вкус ретушеров: лысину тактично преобразовали в высокий лоб мыслителя, маленькие глазки увеличены, становясь двумя чистой голубой воды озерами; серо-желтый цвет лица хронического курильщика с больными почками преобразен в зефирный бело-розовый. Толстый живот, распирающий застегнутый пиджак, превратился в широкую богатырскую грудь под мундиром. О стараниях портретистов напоминает двусмысленное высказывание в журнале «Родина» за февраль 2015 г.: «То, что в юном великом князе казалось недостатками, в облике императора стало выглядеть большими достоинствами» (*О чем могут рассказать 2015*). Эти слова на первый взгляд напоминают ситуацию, описанную Чеховым в рассказе «Хамелеон», но в статье говорится, что замечательной удачей для самодержавия оказалась неказистая внешность Александра, потому что это должно было импонировать массе его подданных, похожих на него. Таково мнение сегодняшнего поколения, а что импонировало «массам» в те времена мы видим на официальных портретах царя, где все привели в соответствие с господствовавшим идеалом красоты.

Куда сложнее разобраться в публикациях о предпоследнем самодержце¹, зная, как часто мемуарист или

биограф совершает тот же фокус, пользуясь словами вместо кисти. Произведения, в которых император — главное лицо, предлагают читателю все тот же радикальный выбор, уже своей радикальностью внушающий сомнения: Зевс-громовержец или Собакевич. А ведь с детства знаем правило: «Черный с белым не берите». Но историография, по большей части, в последние сто с лишним лет предлагала или-или: или царь был бегемот, который придавил Россию своим чудовищным весом, как в эпиграмме на памятник П. Трубецкого, или он был васнецовским богатырем. И в обоих случаях хочется попросить дополнительных разъяснений.

Последняя позиция, официально занятая в царствование его сына и регулярно встречающаяся в жанре царских биографий, прямо выводит из роста и веса царя его замечательные свойства как правителя и провозглашает, со всей присущей жанру детской доверчивостью, что «богатырь на троне» — явное свидетельство благословения свыше, почившего на Российской империи во время его правления. Также подразумевается, что поскольку царь регулярно посещал церковь и в разговоре пользовался фразой «С божьей помощью», то и в государственной деятельности, особенно во внешней политике, он следовал заветам Христа. То есть, как утверждал в своем труде победитель конкурса Общества ревнителей русского исторического просвещения в память об императоре

¹ Цель статьи — не анализ всех доступных биографий императора, а взгляд на то, что, по мнению автора, объединяет некоторые публикации (*Корольков 1901; Татищев 2002 [1904]; Шереметев 2001; Grand Duke Alexander of Russia 1932; Боханов А.Н.1998; Толмачев 2007; Майорова 2012; Мясников 2016; Дронов 2016*).

Александр III, о. Константин Корольков, в отношениях с другими государствами император руководствовался всегда принципом: «Россия — для Русских» и «защищал всегда только правое дело» (*Корольков* 1901:200). Последнее — такая редкость в политической истории, что решительно нуждается в развернутых доказательствах, которых до сих пор не получило. Во всяком случае, не в труде о. Королькова, аргументация которого построена на неверных сведениях о распаде Союза Трех Императоров.

В. Розанов когда-то советовал не искать святых в области политики, потому что это не их поле деятельности. Однако, именно этим и занимались сначала дореволюционные мемуаристы, потом ностальгирующие эмигранты и, наконец, поверившие предыдущим пост-советские биографы. Приемы и цели политики в понимании Александра III, во всяком случае, не отличались от остальных монархов. Когда при свидании в 1884 г. Бисмарк объяснил царю, что единственная цель германской колониальной активности в том, чтобы вбить клин между германским наследником (англофилом) и Англией, царь с восхищением сказал: «Voilà [ce] qui est intelligent!» (*Rich & Fisher* 1955: 161) [Вот умно!]

Образ Александра III как васнецовского богатыря и борца за правое (т. е. наше) дело насаждался целеустремленно и систематически с 1895 до 1918 г. усилиями Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, основанного несколькими высшими сановниками империи

ультра-националистических и популистских убеждений. Такие фигуры, как глава канцелярии вдовствующей императрицы Марии Феодоровны гр. А. А. Голенищев-Кутузов, бывший адъютант Александра III гр. С. Д. Шереметев, московский журналист Л. А. Тихомиров, заведующий царской охотой Л. А. Майков, объединились для борьбы с растущим влиянием либеральной идеологии. Как видно из названия, они намеревались распространять знание об историческом значении правления усопшего императора и держать его преемника на предначертанном отцом пути. Из их «Записки», формулирующей главные идеи общества, следует, что русский народ уже усвоил нужные ему принципы западного просвещения; Александр III, поняв это, закрыл петровский период русской истории, чтобы Россия следовала своим независимым самобытным путем. Это было заявление о намерении оторвать русскую монархию от ее «европейского» контекста, подтверждающееся словами, что новое общество будет бороться со «стремлением к западно-европейским, а следовательно анти-русским идеалам» у молодежи (*Корольков* 1901: 268). Поэтому, например, в «Записке» ревнители настойчиво именуют Александра «царем», хотя его императорский титул стоял выше царского (*Kaplan* 2017: 188–190).

Говоря о своей верности прошлому, ревнители русского исторического просвещения, тем не менее, ввели новые элементы в нарратив национального мифа: уваровская триада только приукрасила его фольклорными мотивами, а национальный миф, сложившийся в 1880-е–1890-е годы,

более решительно отказывался от наследия восемнадцатого и девятнадцатого веков, вычеркивая из российской истории за ненадобностью законодательные установления, реформы и продолжение реформ, пик которых пришелся на правление Александра II (Wortman 2000: 264). Именно то, что Александр III поставил (или попытался поставить) точку на реформах отца, ревнители его памяти считали его величайшей заслугой: он покончил со «смутой».

Выполняя поставленные задачи, Общество ревнителей активно издавало серии книг, брошюры и журнал «Старина и новизна», где публиковались воспоминания об императоре и выдавало награды за лучшую работу об императоре. Эту награду в 1901 г. получил киевский священник отец К. Корольков.

Если вспомнить слова Фадрике Фурио, что о монархе можно говорить как о человеке и как о правителе, то об Александре как о человеке первые биографы не говорили. Это было и понятно, учитывая обстоятельства: частная жизнь императорской семьи охранялась всеми доступными государству средствами, включая цензуру; близость с членами императорской семьи была возможна только для придворных и военных, занимавших соответствующие посты. Мемуаристы из этих кругов едва начинали писать свои воспоминания. Что мог знать об Александре-человеке, например, киевский священник? Он мог писать только о властителе, уже представлявшемся идеологам ультранационализма как чудесный спаситель России от «смуты», наи-

высшее воплощение самодержавия, то есть как идеальный правитель. Такого и описывали, вкладывая в описание все, что пишущий желал бы видеть в правителе России.

Итак, о. Корольков представил земной путь Александра III как серию чудес, вещей гласов народных, предзнаменований и исполнившихся «почти пророчеств»: «Всевышнему, провидевшему грядущую судьбу Младенца, угодно было обставить его развитие с самых ранних лет наилучшими условиями», т. к. «редкому Монарху была дана такая всесторонняя подготовка к самодержавному престолу» (Корольков 1901: 8). И мемуары, и документы, цитируемые в научных монографиях, сегодня говорят обратное, но источники Королькова тут не в последний раз его подвели. Упомяну только как пример, что о малограмотной няньке будущего императора Кэти Страттон (см. ее записки к питомцам) он говорит, что младенца «вверили англичанке лэди Струттон, женщине весьма образованной» (Корольков 1901: 9). Ни титула, ни образования у нее не было, но те, кто о. Королькова наградили за изящество стиля и доступность изложения, хотя и обрелись в придворных сферах, не обратили на эту ошибку внимания.

И далее, по мнению о. Королькова, жизненная дорога монарха была прямой и ровной. Высокообразованные воспитатели, почтенные духовники, профессора, отличавшиеся чистотой нравов и честностью, непосредственное знакомство с русским народом (во время трех коротких путешествий) дали ему замечательное понимание народных нужд и заронили

сомнения в необходимости реформ его отца. За руководящее начало русской государственной жизни он взял православие, самодержавие и народность, которые при его отце были ослаблены действиями людей злонамеренных. Но твердая воля, проявленная им в манифесте о вступлении на престол, ободрила народ и придала правлению «истинно-русский характер». «Престол Царя был утвержден на правде и более всего был крепок ею» (Корольков 1901: 48). Наступила эпоха благоденствия на Руси, когда, согласно пожеланию митрополита Исидора, высказанному во время коронации, народы под сенью его скипетра «проводили тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и молитве» (Корольков 1901: 52). Царь считал своей задачей «укрепить православие и дать первое место русской народности» (Корольков 1901: 67). Последовательно проводилось обрусение окраин, возникла тесная связь церкви и школы, укрепились армия и флот; православная церковь, чувствуя поддержку императора, успешно боролась с вредными влияниями иноверцев. Большой знаток в различных областях искусства, царь под руководством художника Боголюбова создал свою коллекцию. В 1888 г. чудесным действием Промысла Божия произошло «чудесное спасение Царя и Царской Семьи от неожиданной и неминуемой гибели» (Корольков 1901: 86). Был недород в 1891 г., а потом азиатская холера, во время которой царская чета посетила холерный барак, выказав родительскую заботу о больных. Освободившись от двуличного Бисмарка, который рвался продлить договор трех императоров, государь вздохнул полной грудью

и вступил в союз с Францией. А потом он заболел и скончался, причастившись.

Есть в книге подробное и снабженное статистическими данными описание, как расцвела и окрепла православная церковь в это правление; упомянуто, какой редкий семьянин был покойный император и как «обвораживал всех в узком кругу своим русским добродушием». И даже есть один психологический штрих: «Император Александр III был чужд каких-либо оптимистических взглядов на жизнь» (Корольков 1901: 206). Это, конечно, странно, учитывая, что благоволение господне столь явно почило на нем и всех его начинаниях. Однако, запомнить стоит, потому что эти слова получают неожиданное подтверждение из другого источника.

Со времени публикации корольковского жития в 1901 г. по сей день ничего другого об Александре III биографами не сказано, хотя книг вышло немало. Разве что к новым книгам добавили иллюстрации и цитаты из его дневников. Но они иллюстрируют все те же основные аксиоматические утверждения: истинно русский, православный, спаситель от смуты, «Россия — для Русских», знаток искусств и редкий семьянин, а также «ангел-хранитель европейского мира» (Корольков 1901: 40). Однако, книга о Королькова — для людей средней и малой образованности, а Общество ревнителей хотело опубликовать что-то с той же направленностью, но на более требовательный вкус, полное и окончательное.

Потребовалось три года, чтобы найти человека, которому доверили

писать фундаментальный труд о жизни и правлении Александра III. Им стал Сергей Спиридонович Татищев. Изгнанный за темные делишки с дипломатической службы еще при Александре II, он нашел второе призвание в журнализме и писал для катковских «Московских Ведомостей». Написав много и гневно о преступлениях «космополитической» русской дипломатии против интересов России, Татищев одновременно пытался вернуться в МИД, но дорогу туда закрыл себе сам: Александр III, во-первых, имел личные претензии к историографу еще с 1877 г.; во-вторых, видимо, думал, что Татищев не стоит того, чтобы терять чиновников МИД, которые собирались подать в отставку, если тот вернется в министерство. Император даже счел кандидатуру Татищева неприемлемой для Императорского русского исторического общества, как сообщается во вступительной статье к первой части татищевского труда (Малеванов 2002:9).

Татищев, уже после смерти царя получивший доступ к историческим документам царствований Александра I и Николая I, а также Александра II, имевшимся в библиотеке Зимнего дворца и в архивах многих министерств и официальных учреждений империи, писал сначала о российской внешней политике начала века, а в 1903 г. опубликовал двухтомную биографию Александра II. Его взгляды гармонировали с позицией Общества, и ему предложили написать биографию царя при условии, что перед напечатанием он отдаст рукопись на рецензию С. Д. Шереметеву. Татищев согласился и получил субсидию

от правящего императора. В статье говорится, что «... к исполнению поставленной перед собой задачи историк-биограф приступил как к совершению верноподданнического долга» (Малеванов 2002: 7). Сорок девять лет жизни Александра III, включая его четырнадцатилетнее правление, он собирался описать в четырех томах, в то время как значительно более долгая жизнь и плодотворное правление его предшественника удостоились всего двух. Он явно рассчитывал на милости Николая II.

Этим объясняется как напыщенность и ходульность повествования, которые критиковал Шереметев (Малеванов 2002: 21), так и умолчание всего, что могло бы несколько омрачить образ покойного царя. Он, например, игнорировал все места из дневника Н. П. Литвинова, помощника воспитателя великого князя Александра, где тот пишет о юноше вполне нелицеприятно, при щедром цитировании комплиментарных строк того же дневника.

Первый том был готов в 1904 г., но к тому времени отношения Татищева и Шереметева испортились, и Татищев через голову Общества обратился к царю с просьбой самому оценить его труд. С. Д. Шереметев и К. П. Победоносцев, которым царь все-таки поручил рецензировать рукопись, нашли в ней много недочетов. Работа замедлилась, а в 1906 г. Татищев умер, не доведя ее до конца.

Шереметев, главным образом, настаивал, что «Самый предмет требует особой осторожности, выдержанности и чистоплотности. Тут не может быть туманных намеков

и тенденциозных освещений.» (Малеванов 2002: 23). К такой позиции современников подталкивали либо собственные монархические чувства, либо ожидания общества. От мемуаристов и биографов ожидали, чтобы они обращали внимание на наиболее блестящие и достойные восхищения качества монарха, что привело к созданию образов, лишенных сходства не просто с оригиналом, а и с кем-либо из смертных, ступавших на эту грешную землю.

Были и искренние поклонники императора, которые не приукрашивали его в воспоминаниях, потому что не видели в нем ничего дурного, разделяя с царем предубеждения и взгляды своего времени. Побуждения бывшего царского министра графа С. Ю. Витте объяснил его знакомый А. П. Извольский: «К памяти Александра III, к примеру, он питал почти страстное почтение и сохранил глубокую благодарность к государю, который заметил его и поднял к власти» (Izwolsky 1922: 713).

Извольский написал это до того, как прочел мемуары Витте. Он не успел узнать, что при всей благодарности Витте остался реалистом. Обожаемого государя его министр описал тепло, но несуществующих качеств ему не приписывал. Он всего лишь представил недостатки своего благодетеля достоинствами. Отсюда многократные горячие заверения Витте, что хотя царь был туп и невежествен, но его «ум сердца», чутье даже возвышало его над людьми обычного интеллекта и образования.

Эти утверждения были, по-моему, плохо прочитаны многими совре-

менными биографами, которые сочли это за полновесный комплимент царю, некое торжество тугодумия над умом и невежества над образованием. Ведь Витте сравнивал Александра III отнюдь не с самим собой, умницей и образованным профессионалом, а с его, царя, наследником, который, по мнению мемуариста, проигрывал, хотя был и лучше образован, и смысленнее отца. И примеры здравого смысла его покровителя, приводимые Витте, сводятся к тому, что тот принимал мнения автора и поддерживал его политику.

Витте не забредал в область этических или религиозных воззрений царя и нигде не обмолвился о его христианских добродетелях. Довод, которым С. Ю. Витте убедил православного самодержца не усугублять дискриминацию евреев в Российской империи, сразу объясняет его мнение о чувстве справедливости и государственном мышлении Александра III: если бы было возможно утопить всех российских евреев в море, то еврейский вопрос был бы решен раз и навсегда. Но поскольку это невозможно, то придется упорядочить еврейское законодательство.

Анекдоты, которые он приводит, свидетельствуют как раз о грубости и черствости Александра III, причем Витте, человек не добрый и не высокоморальный, вовсе царя не осуждал и сочувственно увековечил его грубые отзывы о родственниках и неугодных ему государственных деятелях.

Но осторожные придворные мемуаристы следовали правилу, продиктованному обер-гофмейстером

императрицы Марии Феодоровны ее же фрейлине, обиженной на свою господа: хранить в благодарной памяти только пиршества, на которых она подносит своим слугам полный кубок вина (*Шервашидзе* 1901). Они-то тщательно отделяли то, что можно представить читателю, от того, что нужно замолчать. Так от века поступали придворные, заставляя себя забывать то, что произошло у них на глазах, если оно не соответствовало каноническому образу русского самодержца. Сенатор К. Фишер записал анекдот об Александре I, который показывает освободителя Европы как невротического истерического деспота и объяснил, что российское общество не знало об этой стороне его личности, потому что верное окружение императора неустанно оберегало его репутацию (*Фишер* 2008: 299–301). Так же поступали окружающие и с Александром III. Возьмем, к примеру, дневниковую запись дяди юного Александра Александровича, в.к. Константина Николаевича, от 1861 г., что «Сашка» учит младших детей «дурным привычкам», когда они остаются одни без присмотра в комнатах императрицы Марии Александровны, и что об этом он уже поговорил и с императрицей, и с императором, и с адмиралом К. Посыетом, одним из воспитателей юных Романовых (*Дневник* 1994: 286). Тут интересно не обвинение в.к. Константина, а то, что подобной записи, насколько мы знаем, не оставил ни Посыет, ни Мария Александровна. Можно предположить, что много другого заурядно человеческого в царской семье было, чего мы уже не узнаем. Да и не нужно, просто нужно учитывать, что неблагоприятные свидетельства о венценосцах

игнорировались или систематически уничтожались и потому благостной картине в мемуарах верить нельзя.

С.С. Татищев именно бестактностью, граничащей в глазах придворных с изменой, вторично погубил свою карьеру в 1877 г. Будучи добровольцем в русской армии во время балканской кампании, он получил приказ написать письмо от имени наследника к союзнику России румынскому правителю князю Карлу (Гогенцоллерну-Зигмаринен). Когда придворные начали хвалить блестящий французский язык послания, присутствовавший Татищев не выдержал и похвастался, что это его работа. Это оказалось непростительным напоминанием, что наследник плохо пишет по-французски и не умеет написать гладкое официальное письмо. Видимо, Александру это сильно досадило, т.к. уже его сын Николай II припомнил эту бестактность через двадцать лет в разговоре с С.Д. Шереметевым и назвал Татищева «ненадежным» (*Малеванов* 2002:7). «Надежность» верноподданного заключалась в том, чтобы вычеркнуть из памяти все, кроме достойного восхищения. Так выковывалась коллективная память общества.

Но даже неустанных ревнителей памяти самодержца подводила то жажда представить для общего восхищения доподлинный облик своего идола, то не менее сильная жажда приукрасить его, замолчав некоторые поступки, то просто разноречивые их же свидетельств. К примеру, грезы престарелого Шереметева напоминают о характеристике, которую дала ему более близкая к нам по вре-

мени родственница: у графа «благородная внешность и музыкальность возмещали некоторую примитивность мышления» (Аксакова-Сиверс 2001:63). Шереметев, ненавистник всего «космополитического», включая Петербург, пишет, что его император «любил Москву [воплощение России], как не любил ее никто из Царей XIX века!» и утверждает, что его желание «спокойно» пожить в Москве осталось неисполненным по вине окружения: оно сопротивлялось этому, влияя на его жену-иностранку, которая была, поясняет Шереметев, более благодарной для них почвой (Шереметев 2001: 457). Однако, близкий к царю кн. В.П. Мещерский еще в молодости упрекал того в предпочтении Петербурга, который Александр не желал покидать (Черникова 2011: 435–442). А матери сам Александр писал, что любит отдыхать в Дании, потому что только там ему спокойно живется. Он и доказал это регулярными и длительными поездками на протяжении всей жизни.

Тот же часто цитируемый Шереметев, лирически описывая жизнь царя «запросто, по-домашнему» «в самой сердцевине Польши», в Спале, говорит, что там он жил «в постоянных сношениях с населением» и охотился с каким-то ксендзом — «разве это не мирное разрешение многих замысловатых вопросов» (Шереметев 2001: 460–461). Конечно, никаких замысловатых польско-русских вопросов царь на отдыхе не разрешал, да и охрана не допускала население близко к Александру: не один мемуарист сочувствовал изоляции царя. Ксендза Жмудовского заведующий царской охотой несколько раз при-

глашал как лучшего знатока местных лесов, но никаких перемен к лучшему в жизни польских католиков после этих охот не было. Вот и верь Шереметеву, бывшему адъютанту царя, считавшему себя знатоком его жизни и убедившему в том биографов 2000-х годов.

Заметно, что мемуаристы делали выводы из каких-то мимолетно брошенных слов царя, а то и додумывали, десятилетия спустя, слова и желания, никогда им не высказанные, но которые соответствовали взглядам пишущего. Иногда они сами себе противоречили. Опять-таки это видно у Шереметева. Он писал, видимо, с перерывами и не в виде связного повествования, а как отдельные эссе и зарисовки и не замечал собственных неувязок. Так он объявляет, что Александр был поведения «неизменно ровного, утонченно вежливого» (Шереметев 2001:405). А некоторое время спустя он уже умиленно вспоминает, как наследником во время путешествия в Вену тот «держал ... [принца Мекленбургского] в черном теле и не стеснялся при нас [свите] в своих отзывах о нем». Не вызывал уважения у неизменно ровного наследника и его собственный зять герцог Эрнст-Август Камберлендский, которого он в беседах с приближенными называл дураком (Шереметев 2001: 461–462). А дальше Шереметев, растрогавшись от воспоминаний, признается: «Вообще, он не стеснялся и выражался определенно, метко, своеобразно, не стесняясь чьим-либо присутствием. Крепкое словцо было присуще его натуре...» (Шереметев 2001: 464–465). Так что миф об утонченной вежливости императора разваливается на глазах еще прежде, чем

узнаешь из воспоминаний Н. Фирсова, что у Александра была манера поворачиваться спиной к собеседнику и уходить, не дожидаясь, чтобы тот кончил говорить и не прощаясь. (Фирсов 1909: 75).

Смесь ностальгии, желания поучать молодежь и рвения историка-дилетанта заводили Шереметева в область бестактности: нужно ли монархистам знать, что император любил мочиться в живописных уголках природы (Шереметев 2001: 455)? Это создает диссонанс с шереметевским же патетическим описанием царя: «Здесь высокий и смиренный ум, горячее великодушное сердце, здесь душа, недоступная брэнной человеческой славе» (Шереметев 2001: 575).

Но вероятно нельзя быть слишком строгими к верному паладину, ибо для него царь после смерти стал символом, который граф противопоставлял как его «космополитическому» отцу, так и слабому, «англизированному» сыну. Да и не знал граф многого о предмете поклонения — того, например, что знают современные историки, читающие переписку будущего императора с женой и отцом, где злорадство, зависть, а то и ябедничество проглядывают, как у самого обыкновенного человека. Представьте себе человека, который, отказавшись участвовать в осаде Плевны, просидел полгода в сравнительно тихом месте, у Руцука, почти ежедневно жалуясь жене на скуку, а отцу — на главнокомандующего. Когда же война закончилась, он начал возмущаться, что М. Скобелева и И. Гурко, принесших России победу, не по заслугам чествуют, потому

что они самые подлые и мерзкие из генералов (Кудрина 2000).

Менее популярная нынче школа противников самодержавия исходила из такой же спорной противоположной посылки: роскошь, привилегии и неограниченная власть только портили уже от природы посредственный человеческий материал. Не нуждаясь в том, чтобы отвечать на вызовы времени, бороться за власть или переносить превратности судьбы, Романовы не могли приобрести умственные или духовные качества, которые сделали бы их достойными унаследованного положения. Такое отношение к царской семье заметно в мемуарах знаменитого революционера князя П. Кропоткина (Kropotkin 1899). Он наблюдал семью Александра II, будучи придворным пажом и отзывался о Романовых довольно прохладно, а о преемнике царя-освободителя — резко отрицательно. (Однако, из приводимых им двух ужасных историй про Александра III одна — ложный слух, а вторая остается неясной.) Можно понять, почему негодование Кропоткина сосредоточилось именно на Александре III из всех Романовых: для Кропоткина, как и для Шереметева, он был олицетворением самодержавия, но только не древнерусским витязем, а бегемотом на комодe из эпиграммы.

Поскольку жанр царских биографий отсутствовал в СССР, то отрицательное мнение о царе прямо или косвенно присутствует в советских публикациях по различным аспектам истории Российской империи. В советской историографии он был реакционером, душителем свободы, тупым, трусливым, невежественным

и мстительным. Александр правил всего тринадцать с половиной лет, а кроме того, в обществе избегал бывать, мало откровенничал с посторонними, жил изолированно, оттого и его «черная легенда», над которой до 1917 г. главным образом в заграничных изданиях трудились противники самодержавия, беднее, чем, скажем, у Николая I. Тем не менее, она достаточно укоренилась, чтобы единственный зарубежный биограф царя, французский специалист по аграрной истории Африки, Средней Азии и Российской империи Сильвен Бенсидун (*Bensidoun* 1990) счел нужным сразу опротестовать ее, заявив, что царь не был ни таким тупым, ни таким бездарным правителем, как о нем было принято писать на Западе. Он не стал, однако, опровергать антисемитизм Александра, который занимает видное место в его «черной легенде» и сделал вывод, что, упорно игнорируя чаяния своих подданных, император подготовил условия для революции, произошедшей в правление его сына. В статье об Александре III Бенсидун приводит несколько фактов, которые заставляют подумать, что «черной» в его глазах была не столько личность царя, сколько конец его правления. Из-за мирового экономического спада 1873–1894 гг. цены на сельскохозяйственную продукцию, главный экспорт России, непрерывно падали в течение всего правления Александра. Это тяжело отражалось на положении крестьянства. В 1891 г., пишет Бенсидун, случился самый страшный за историю России голод, унесший около 400 000 жизней, а в 1892 за ним последовала холера, от которой умерли 295 000 человек. Вслед за этим вспыхнули холерные бунты в Туркестане, на

Волге, в Черноземье и т.д., жестоко подавленные (*Bensidoun* 1993: 429).

После всего этого в 1894 г. царь передал наследнику «державу полностью успокоенной и восходившей в период своего расцвета, устремленной в будущее» пишет автор предисловия к книге А.Л. Мясникова (*Мясников* 2016: 1). Но более полумиллиона умерших и массовые экзекуции остаются на счету самодержца. Вот об этом и многом другом напоминали советские учебники истории, подпитывая «черную легенду». Советская историография за немногими исключениями (*Готье* 1928; *Фирсов* 1925; *Зайончковский* 1966) занималась историческими процессами, а не царями, и в противоположность монархическим биографам смотрела на реакционный курс царствования Александра как на ключ к его личности. Так, связывали число политических узников в Шлиссельбургской крепости с уже упоминаемым алкоголизмом царя и его невежеством. Этому находили подтверждение, например, в воспоминаниях физика П.Н. Лебедева, которому генерал-адъютант П.А. Черевин рассказывал о совместном распивании горячительных напитков с царем тайком от императрицы Марии Феодоровны (*Зайончковский* 1970). Слабое место истории — обстоятельства первой публикации: ее напечатал в своей эмигрантской газете революционер и публицист В.Л. Бурцев. Опубликовал после смерти как Черевина, так и Лебедева — когда они уже не могли бы опровергнуть (или когда это не могло повредить Лебедеву?). Хотя ни Черевин, ни Лебедев не были известны как лжецы, но все-таки свидетельство «из третьих рук». Но для

советских времен, когда Романовы служили примером пагубности самодержавия, большего не требовалось. Анекдот кочевал из книги в книгу пока не сменился нарратив в 1990-х годах. Теперь без доказательств принимать стали только комплименты императору, а про пьянство А. Н. Боханов, утверждает, не приводя источник, что царь «иногда выпивал рюмку-другую водки, настойки или наливки, но ни разу в жизни не был пьян» (Боханов 1998: 321)².

И в первом, и во втором случае, по-моему, есть некоторая путаница между веком нынешним и веком минувшим. В прошлом веке пьянство, если не доводило до публичного скандала, считалось пороком разве что среди старообрядцев. Это было дело частное, а не общественное. Так относился к этому сам Черевин, всем известный алкоголик. Видимо, так же считал и сам Александр III, который этого алкоголика не только приблизил, а даже поручил ему свою безопасность. Для правителя вопрос был маловажен: «Пей да дело разумей!» — гласит русская народная мудрость. В истории правления Александра никаких последствий его предполагаемого алкоголизма не видно, а значит, можно было бы просто не трогать этого вопроса в биографиях, как это делали придворные мемуаристы. Но слух, распушенный в начале двадцатого века, в двадцать первом веке всенепременно и ожесточенно отрицают, потому что канонической фигуре склонность к спиртному не к лицу, и когда Александра III превращают в идеального

русского человека, то с него стирают малейшее пятнышко, даже воображаемое.

Судя по цитатам и сноскам в книгах об Александре III, все, кто берется за этот труд, читают апологетические материалы, опубликованные в царствование его сына, читают один и тот же набор мемуаров придворных и военных — Н. А. Епанчина, баронессы М. П. Фредерикс, А. Ф. Тютчевой-Аксаковой и А. А. Толстой — и некоторые материалы из фонда Александра III, Александра II, императрицы Марии Александровны и Марии Федоровны в ГАРФ. Иногда цитируют архивные источники обильно, за что земной поклон, например, В. А. Астанкову, автору кандидатской диссертации о наследнике Александре Александровиче. Но выводов избегают или делают крайне дипломатичные, идущие даже вразрез с процитированными ими самими словами Александра. Характеристика, которую доктор ист. наук Е. Толмачев дал подростку Александру, странно напоминает школьные сочинения о положительном образе русской литературы. Приведя пространный цитату из дневников Александра, он еще раз, для непонятливых, пересказывает ее содержание: «Приведённые здесь дневниковые записи 1861 г. прежде всего говорят о том, что писал их наивный ещё подросток с доброй и чистой душой. Он старается подробно описывать проведение каждого дня, указывает многие имена и фамилии, названия посещаемых исторических мест и храмов».

² Характерно для жанра, что А. Н. Боханов сам стал по этому вопросу «первоисточником», который цитируют современные книги, где упоминается Александр III (Девятов 2014; Зимин 2014)

Затем он делает крайне лестные для подростка выводы: «Уже в этих записях проявляется воспитанность и дисциплинированность великого князя Александра Александровича, его достоинство, любовь к родине, её истории, глубокая религиозность, осознание высокой роли и значимости династии Романовых в судьбах России. Чувствуется, что взаимоотношения между членами семьи и окружающими их лицами вполне уважительные и доброжелательные, ни о ком царевич не отзывается резко или осуждающе. Я думаю, что мы не должны здесь строго судить грамматические и орфографические ошибки великого князя, ведь он писал дневник в спешке, обычно поздно вечером, для себя. Посмотрите на свои записи в блокнотах, мы также пишем с сокращениями, не всегда проставляя знаки препинания. Хотя, конечно, от 16-летнего князя можно было ожидать большего» (Толмачев 2007).

Короче говоря, вопреки мнению его воспитателей, учителей и родителей, в 16 лет великий князь был зрелым мужем: дисциплинирован, любит родину, понимает высокую роль своей семьи, глубоко религиозен. После такой высокой оценки заключительное предложение даже удивляет: чего же больше? К сожалению, автор забыл, что детские и подростковые дневники Романовых были написаны не «для себя», а служили упражнением вроде школьного сочинения-отчета «Как я провел лето». Дневниковые записи, согласно педагогике девятнадцатого века, приучали детей связно и последовательно излагать события и формулировать соответствующую ожиданиям старших оценку. Александр ничего, кроме заученных фраз,

к перечислению событий дня не добавлял.

Но в двадцать первом веке большинство биографов царей и родовитых русских семей, кажется, продолжают разделять старое убеждение, что обычные смертные, родившиеся для высокого удела (огромное богатство, абсолютная власть, неподвластность законам) тем самым приобретают исключительные умственные и душевные качества. Создается впечатление, что в их глазах принадлежность к высшему сословию старой России сама по себе ставит мотивы поведения героя вне критики, а его душевные и умственные качества — выше всяких похвал. Но если авторов, живших в правление Романовых, можно извинить тем, что они по старинке верили в наследование аристократами высоких добродетелей своих чтимых и известных предков, — так, кн. В. П. Мещерский постоянно всем напоминал, что он внук великого Н. Карамзина — то у современных историков, учитывая их широкий кругозор и знакомство с разнообразными человеческими типами, такое априорное принятие на веру старых панегириков удивляет.

Переход от критического взгляда на императорскую семью и на самодержавие к позиции апологетической в 1990-е годы начался не с Александра III, а с первого среди Романовых признанного «лидера продаж» на книжном рынке Николая II, его супруги и ее сестры великой княгини Елизаветы Феодоровны. И, насколько можно судить со стороны, переход от советского осуждения или скепсиса к постсоветскому умилению, начался не среди историков, а среди журналистов,

публицистов и литераторов, вдохновленных с одной стороны потоком переводных книг про последних Романовых, а с другой, когда непонятно было, к какому будущему стремиться России, появилось желание заменить это непонятное будущее прошлым, т.е. найти в прошлом России золотой век процветания и стабильности, разрушенный вчерашними героями советской истории. После нескольких лет исканий нашли его в конце XIX века, потому что царствование Николая II было уж слишком неблагоприятным, хотя, как поторопились заверить постсоветские публикации, вовсе не по его вине. Тогда вышел на сцену «забытый монарх» — Александр III. А тут подошла и эпоха реставрации великодержавного шовинизма, и образ «богатыря» стал расти, как чайный гриб в питательной среде.

Естественно, историков тоже захватила эта волна, но вначале даже А.Н. Боханов, называвший себя православным монархистом, обещал, например, в предисловии к книге о Николае II беспристрастно рассмотреть, кем тот был: кровавым деспотом или святым страстотерпцем. Он резонно предупреждал: «Все, что было написано о последнем коронованном правителе России, почти всегда ангажировано политическими интересами, идеологическими и политическими пристрастиями авторов. Тема эта до настоящего времени еще не освобождена от предубеждений прошлого, от клише и ярлыков длительной социально-идеологической конфронтации» (Боханов 1997:1).

Но на той же странице он, забыв о своем намерении оставаться неан-

гажированным, предупредил о том, как видит фигуру и роль последнего царя: «Когда пал царь, не стало и царства, исчезла неповторимая русская цивилизация, а культура и духовно-нравственная среда были искорежены и деформированы до неузнаваемости. На земле России не стали почитать и Бога. Самое недопустимое стало дозволенным. Темное, дикое, звериное вылезло наружу и мир приобрел те очертания, тот характер, который только и мог приобрести» (Боханов 1997: 1).

Вот с такой позиции, новой для постсоветской России, но давно привычной для эмигрантской литературы, и стали трактовать все более символические фигуры российских императоров: пока были цари, была русская цивилизация. Следовательно, кто за русскую цивилизацию, тот за царя. Сбылась мечта охранителей престола дореволюционной России: скептический или критический взгляд на самодержцев стали трактовать как враждебность к России.

Книгу об Александре III Боханов опубликовал в 1998 г., после биографии Николая II, подтверждая этим, что в поиске «России, которую мы потеряли» двигался от марта 1917 г. назад. О ее духе дает представление аннотация: «При нем Россия вернула престиж великой мировой державы, значение и влияние которой стали очевидны и общепризнанны. Александр III не восхищался Западом, не поклонялся либеральным идеям, считая, что буквальное насаждение иноземных порядков не станет благом для России. Он был русским человеком, русским не по

“составу крови”, а по образу своих мыслей, представлений и чувств. Это был православный Царь-Патриот, для которого все русское всегда было дорогим и бесценным, потому что это — завет предков, дар Всевышнего. Он ни минуту не сомневался, что неполадки и несуразности в русской жизни следует преодолевать, опираясь на собственное чувство понимания долга и ответственности, на собственные интересы» (www.labyrinth.ru/reviews/goods/148549/).

Это манифест, которым автор объявил, что Россия на верном пути, если она отвернет светлый лик от Запада и повернет вспять, во времена Александра III, где ее, видимо, ждут с распростертыми объятиями все те же православие, самодержавие и народность. Тогда она опять обретет «покой и уверенность» (Боханов 1998: 248) и, вероятно, нового царя, который, как Александр, будет править «для блага простых людей» (Боханов 1998: 280). Короче говоря, преемственность от Ревнителей русского исторического просвещения очевидна.

Кстати, удивляет изобилие ветхозаветных казенных эпитетов в современных биографиях: тут и «венценосный сын венценосной матери», и «порфиородный» (не об Александре), и «титанический образ» (об Александре), и «Августейшее Семейство», и «ступени трона», и «величайшая империя мира», и «Государь», и «Его Тезоименитство» и «Ее Величество». Я бы хотела предложить, чтобы византийские словесные кружева, вроде «наш Государь» и «по повелению Ее августейшего супруга» использовали только те ав-

торы, которые официально присягнули престолу на верность до февраля 1917 г. и вот уже 106 лет верны присяге.

Предполагаю, что не только заученные советские правила написания биографий, но и первоначальное преобладание на российском книжном рынке масскультовых переводных книг о Романовых, сыграло роль в упрощенной трактовке фигур последних царей в новых биографиях: в книгах для массовой западной публики Романовых представляли сегодняшними европейцами, которые самоотверженно трудились на благо отсталой страны, а страна ответила неблагодарностью, лишив двух из них жизни. Тандем «Николай и Александра» в западной массовой культуре XX века был заведомо положительным символом порядка и модерна. Их предшественники, Александр II и Александр III, упоминались вскользь, но в том же положительном тоне: царя-освободителя хвалили за реформы, а его сына — за то, что жене не изменял. Когда Александр III вышел на первый план в российском романовском буме, то сохранил свое изначальное амплу примерного супруга и любящего отца, взятое из англоязычных книг. Драматическая тема противостояния, присутствовавшая в житиях Николая II, осталась и в книгах о его отце, но суть изменилась: теперь самодержец боролся не только против врага внутреннего, но и против внешнего. Русский народ сплотился вокруг своего монарха, и только отдельные отщепенцы под влиянием западных идей (Боханов 1998: 252) несли рознь и смуту в благополучную Россию, а вокруг России

щелкали зубами хищные соседи, от которых оберегал ее царь.

По мере того, как менялись политические ориентиры современной России, тема европеизированности российских монархов из российских биографий уходила. В сравнительно недавней биографии Александра III, вышедшей из-под пера И.Е. Дронова, по словам рецензента, уже противопоставлены святая Русь и тлетворный Запад, соответственно в лице православного государя Александра III и его отца, космополита Александра II (*Пронина* 2018: 253).

Дмитрий Калугин пишет, что русская биография традиционно покоилась на трех китах: германском идеализме, славянофильской традиции и православном богословии (*Kalugin* 2015: 345). В случае жизнеописаний Александра III связь с двумя последними традициями, во всяком случае, очевидна. Графарет его биографической легенды в послесоветское время напоминает жития святых, но в то же время, вдохновляясь бородой, ростом и весом императора, копирует былинку об Илье Муромце: тридцать лет и три года тот пролежал на печи, а потом слез с нее и пошел побивать Змея Горыныча и басурманов.

Скрепя сердце, биографы признают, что Александр до 20 лет был некрасивым и не самым любимым у родителей мальчиком, с трудом одолевшим облегченную для него школьную программу; потом рассказывается история болезни и смерти его старшего брата-наследника и объявления Александра новым наследником. И тут он является на сцене героем, окруженным всеобщей любовью,

сияющим красотой, величием, государственной мудростью и христианскими добродетелями!

Легенда об Александре III как васнецовском богатыре удобна тем, что позволяет отмахнуться от неоднократно упоминаемого невысокого умственного уровня самодержца, тем более от посредственных успехов в учебе, от нескрываемой лени, многожды отмеченных шовинизма и ксенофобии. Вместо этого можно бесконечно умиляться его истинно русскости, набожности, а также любви к родине, которую нередко путают с нелюбовью к чужим народам.

Некоторые биографы и вовсе переключаются на описание Ильи Муромца по былинам в переложении для младших школьников: и еду он предпочитал простую русскую, и жил скромно, и дрова колот («размахнись, рука, и раззудись, плечо»), был врагом лжи и лицемерия. Это можно было бы пункт за пунктом опровергать, а где-то умерять от сказочных до реалистических размеров аргументами, вроде того, что русскими кушаньями, может, и баловался, но повар у него был француз и даже в балканскую кампанию взял он с собой этого Реймона Ингано с запасом французских консервов, вина и кофе, потому что из одного котла с солдатами не питался. И т.д. Но это скучно.

А интересно, по-моему, то, что набор характеристик, которые неизменно перечисляют его биографы, совпадает с каноническими описаниями советского «пламенного революционера». А тот в свою очередь был списан со средневекового православного

святого: оба отличаются аскетизмом, духом тверды, неустрашимы и терпят муки — один ради православной веры, а другой из любви к простому народу. И детство царя описывается в тех же умильных тонах, что некогда детство «маленького Володи» Ульянова. (Монархист генерал Н.К. Шильдер сумел написать о детстве Николая I без сюсюканья, но со времен Королькова это остается непреодолимой трудностью для биографов российских правителей.) Это прекрасно встает в пандан к аннотации современной книги Е. Майоровой «Богатырь на русском троне»: «...прямолинейный, честный, простой в быту и твердый в убеждениях человек, безмерно любящий семью, тонкий ценитель искусства — русский царь Александр III» (Майорова 2012).

«Аскетизм» в случае Александра III, в основном, подвешен, как на крюк, на единственный рассказ Витте о том, что камердинер царя латал его брюки, т.к. царь не хотел их выбрасывать. Под сенью этих латаных брюк биографы не замечают его огромного личного богатства (а он постоянно скупал имения для своих детей и стал самым крупным землевладельцем в Царстве Польском) и легендарной коллекции драгоценностей его супруги. И собственного поезда с роскошно отделанными вагонами для царской семьи. И яхт. И сотканых на заказ персидских и обюссоновских ковров в Аничковом дворце. В свете всего этого латание брюк и личная проверка самодержцем счетов у дворцовой прислуги выглядят скорее как скупость и мелочность. А уж когда прочтешь в каталоге архива министерства

двора название дела №618: «По ходатайству председателя Общества Красного Креста о предоставлении для нужд сего общества старого негодного белья, предназначенного к исключению из употребления при Высочайшем дворе» (РГИА ф. 472)... Вероятно, старье превращали в корпию, но все же неприятно.

Царь действительно собирал произведения искусства, но самостоятельность «тонкого ценителя искусства», судя по доступным источникам, простиралась недалеко: он смолоду, в основном, покупал то, что ему рекомендовал его любимец художник А. Боголюбов. В Париже и Вене Боголюбов ездил с Александром по галереям и лавкам антикваров. Живя в Париже, художник отбирал для него работы русских и французских художников и даже покупал предметы интерьера для Аничкова дворца. Это было разумно, т.к. сам царь не раз покупал подделки или вещи посредственного качества.

Что до жертвенности, кое-где еще приводят миф о том, как он держал на плечах крышу вагона во время железнодорожной катастрофы в Борках и тем спас всю свою семью, но миф уже развеян свидетельствами о том, что крышу держали сошедшие две стены вагона. О патриотизме есть анекдот времен Первой мировой войны о том, как, порезавшись, царь сказал якобы, что рад видеть, как вытекает из него немецкая кровь. Но этот анекдот благополучно прослежен (и документирован) к аналогичному и много более раннему высказыванию молодого кайзера Вильгельма II по поводу его английской крови.

Твердость и чувство собственного достоинства царя не совсем удачно иллюстрируют мифическим отказом принять «европейского посла»: «Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу». Это апокриф, конечно: ведь послы не являлись ко двору без приглашения и без заранее назначенного времени. Назначить аудиенцию человеку, а потом отказаться выйти к нему — такое хамство «тонкий ценитель искусства» Александр действительно позволил себе с русским художником В. Верещагиным в 1879 г., но не с представителем иностранной державы. Небылица взята из воспоминаний в. к. Александра Михайловича (*Alexander Grand Duke of Russia* 1932), который писал исключительно по коммерческим соображениям для американского читателя. Он приехал в США, чтобы читать платные лекции о спиритизме, которым сильно увлекся, но публика на каждой лекции просила рассказать не об общении с духами, а «из царской жизни». Великий князь, как он писал во второй своей книге, несколько огорчился такой приземленности интересов, но не пренебрег открывшейся возможностью заработать. Опираясь на бесценный для мемуариста статус члена царской семьи, он сплел немало небылиц, призванных сделать облик Романовых симпатичным американскому обывателю, отсюда и анекдот о том, как царь ставил на место и пугал «европейских послов».

Очень хотелось бы поверить публикациям последних трех десятилетий, которые преимущественно твердят, что все российские правители как один, а Александр III в особенности, заслуживают любви и восхищения.

Но после чтения повторяющихся голословных утверждений уже во всем сомневаешься: и в том, что Александр III был врагом интриг, и в том, что на сталинский манер работал за полночь и так далее.

Но так тоже не годится. Остается действовать на манер интервьюеров. Они избегают задавать вопросы, к которым собеседник, скорее всего, заранее подготовился, а стараются задать неожиданные вопросы, чтобы получить более откровенный ответ. Можно перейти от придворных и военных александропевцев к источникам, которые не специально посвящены царю, а просто о нем упоминают к слову: Д. А. Милютин, профессор В. И. Вернадский, профессор Б. А. Чичерин, Е. М. Феоктистов, А. А. Блок, а также члены иностранных королевских семейств и дипломаты, аккредитованные при петербургском дворе. От последних требовалось сообщать не желаемое, а действительное, потому что на их сообщениях строились межгосударственные отношения. Донесения написаны не с пропагандистской целью и не на потребу публике. Они адресованы государственным деятелям, «решателям» и содержат факты, а если приводится заслуживающий внимания слух, то указан источник. В то же время члены европейских королевских семей видели царя совсем иначе, чем его подданные, на равных. Это не означало, что они были душевно близки с ним, но они состояли в одном профсоюзе, как выразился английский король Эдуард VII, и разбирались в механизмах и правилах, управлявших поведением монархов, лучше, чем подданные или потомки.

Взгляд людей из этой категории на личность и правление царя после канонических описаний удивляет прозаичностью. К тому же многие из них высказывались откровеннее, чем внуки Фамусова и полковника Скалозуба, и писали они отнюдь не о воплощении народного самодержавия, а о человеке. О тридцатичетырехлетнем Александре военный министр его отца, уважаемый историками гр. Д. А. Милютин пишет: «Я был предельно изумлен слышать от него дельные и разумные суждения» (Милютин 2009:138). Об александровской России В. И. Вернадский писал с отвращением в 1892 г.: «У нас завязан рот, заткнуты уши, мы не имеем почти возможности влиять на поступки того государства, гражданами которого являемся, не можем исповедовать веры, какая нам дорога...» (Вернадский 2007: 50). Действительно, припоминается, что при васнецовском богатыре и в Сибирь ссылали, и в Шлиссельбурге были заключенные чуть ли не навечно (см. «Одеты камнем»), и евреям, и католикам жилось не то чтобы привольно.

Даже не все, кто написал прочувствованные некрологи после кончины императора, были безусловными его поклонниками. В. О. Ключевский, например, преподававший второму сыну императора Георгию, имел возможность наблюдать членов царской семьи. Как член-корреспондент императорской Академии наук Ключевский сказал в речи на заседании императорского Исторического общества, что покойный император «увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую

историческую мысль и русское национальное сознание» (Ключевский 1894: 7). А в записной книжке историк Ключевский мрачно заключил: «С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим» (Ключевский 2003: 195).

Пользуясь банальной фразой, «не все однозначно» за пределами мира сказок. Об этом свидетельствуют дневники Д. А. Милютина, А. А. Половцова, П. А. Валуева, которых крайне мало цитируют современные авторы. И не припомню книги про Александра III, в которой бы использовались дневники графа В. Н. Ламздорфа. Между тем в них мы видим императора глазами его министра иностранных дел (Ламздорф был его доверенным сотрудником) и придворной семьи князей Оболенских, близких друзей Ламздорфа. Зрелище он представляет неутешительное: «Достаточно подлой интриги мерзкого Победоносцева или одного из ему подобных, чтобы сбить государя с правильного пути и заставить броситься внезапно в какое-нибудь рискованное предприятие. Министр говорит, что ответственность в значительной мере падает и на государыню. Она ненавидит Германию и систематически восстанавливает против нее государя. Бедная Россия: на троне вместо коронованных голов ныне лишь коронованные дураки!» (Ламздорф 2003: 42).

За пределами России особого пиекета к царю не было. Вот оценка Александра III по вступлении на престол, предназначенная для глаз британского министра иностранных дел: «Он совершенно точно не

отличается ни сообразительностью, ни интеллектом; в отличие от покойного императора [Александра II] он не имеет заметных деловых качеств... Он не солдат... Он не очень хороший спортсмен... он большой домосед, предан жене и детям, любит музыку и до сих пор жил в маленьком кружке, состоящем из полных посредственностей» (*Dufferin* 1881).

Итак, с точки зрения британского посла у Александра были две положительные черты, не имевшие особой ценности для военного или государственного деятеля: хороший семьянин и любитель музыки.

Есть и более резкие отзывы: «Бедный император кажется вторым Людовиком XVI со всеми его недостатками и добродетелями — его двор и почти все вокруг считают его очень слабовольным и глупым, и Сандро [Баттенберг] говорит, что они отзываются о нем крайне неуважительно» (*Victoria of Hesse* 1882).

Это писала в 1882 г. старшая сестра будущей императрицы Александры Федоровны бабушке, королеве Виктории. Конечно, она передает мнение князя Александра Болгарского в преддверии конфликта со своим российским кузеном. Его надо принимать осторожно, но не стоит и отвергать без внимательного рассмотрения.

Еще через шесть лет министр иностранных дел Британии лорд Солсбери объяснял королеве: «Он вспыльчивый, но тупой человек: в спокойные моменты он начинает колебаться

и впадает в растерянность. Он очень боится политических последствий войны для собственной страны» (*Солсбери* 1887).

Министр иностранных дел Дании наблюдал Александра почти тридцать лет и пришел к схожему выводу, которым поделился с британским посланником: «Царь всегда способен на внезапные неосторожные поступки, хотя и не может не знать, что это противоречит его собственным интересам...» (*Монсон* 1886). То есть склонен рубить сук, на котором сидит.

В свете вышесказанного иначе воспринимаешь похвалу царю от чиновника его министерства двора В.С. Кривенко: «Не стесняясь никакими дипломатическими хитросплетениями, он громко, на весь мир заявил в своем знаменитом тосте, что у России существует единственный друг и союзник — Черногория, иначе говоря, никого... Своим прямотушием, своей определенностью он импонировал иностранные дворы...» (*Александр III* 2013: 696).

Такое эмоциональное восприятие публичного жеста естественно для придворного мемуариста, но не для политиков или историков. Когда биографы с полным доверием цитируют эти слова, то забывают себя спросить, откуда у придворного чиновника среднего ранга, не имевшего отношения к внешней политике, могло взяться компетентное суждение о ценности царева жеста и сведения о том, что о нем думали иностранные дворы. Все было как раз наоборот: австро-венгерский посол, например, сообщил из Петербурга,

что царский гост вызвал раздражение у русских военных и государственных деятелей. Они сочли постыдным для России объявлять, что ее единственный друг в Европе — это властитель, живущий на ее содержании (*Brein* 2010:48). По мнению чиновников российского МИД это заявление было напрасным плевком в адрес каких-никаких союзников России (Австро-Венгрии и Германии) и в то же время признанием провала российской внешней политики. Второе излюбленное бульварной прессой высказывание, что единственные союзники России это армия и флот — апокриф. На деле Александр опроверг мысль о мифической «самодостаточности» своей империи, сначала преследуя продление русско-германского договора, а после неудачи заключив франко-русскую военную конвенцию, приводящую к союзу.

Австрийский посол граф Антон Волькенштейн, пробывший в Петербурге почти все царствование Александра, услышал от российского министра иностранных дел о причине враждебных выпадов царя в адрес европейских государств: по мнению Александра III отдалением от Европы и поддержкой ультра-националистов он оберегает себя от покушений и обеспечивает их поддержку своей внутренней политике (*Brein* 2010 : 65).

Далее из сообщений иностранных дипломатов и журналистов начинают выплывать детали о слабостях императора, которые в российских первоисточниках не упоминаются, или упоминаются намеками. Начинаешь обращать внимание на них только после того, как прочтешь открытым

текстом написанные иностранные сообщения. Тут упоминания о склонности монарха заложить за галстук, яростно отрицаемой биографами царя, но вполне снисходительно принимаемой менее пуританскими его современниками. Так в безукоризненно документированной биографии Вильгельма II Джон Рёль пишет, что, хлопоча о встрече с царем в полвосьмого утра, Вильгельм забыл, что «монарх, который любил крепко выпить, мог быть не в очень общительном настроении в ранний утренний час» (*Röhl* 1998: 743). Поскольку этой фразой завершается пересказ конфиденциального доклада статс-секретаря Герберта фон Бисмарка канцлеру Отто фон Бисмарку в 1887 г., то, видимо, утверждение исходит от младшего Бисмарка. Герберт фон Бисмарк и сам пил немало, так что оговора в его словах быть не могло. Что знал, то сказал. А вот слова знаменитого в свое время юмориста О. Лейкина, которые приводит журналист Иероним Ясинский. Лейкин мечтал, чтобы его позвали в Аничков дворец увеселять царя своими рассказами и поделился с Ясинским: «Он наше русское направление любит, а я хоть и маленький Щедрин, но русский с головы до пят. Да жаль, сейчас... говорят, запил. Ведь, вот, что значит русская-то душа в нем сидит — требует!» (*Ясинский* 1926: 208). Слова Лейкина подтверждают два факта: во-первых, разговоры о пьянстве Александра III велись еще при его жизни, а во-вторых, предполагаемое пьянство царя в то время прекрасно вписывалось в образ русского богатыря.

Есть упоминания его боязни ездить в каретах — боялся, как бы лошади

не понесли. Есть свидетельства его злопамятности и склонности переносить личную ненависть к человеку в область политическую. Есть примеры его неспособности понять причины политических перестановок: пришлось ему объяснять, как ребенку, что Бисмарк подал в отставку, потому что у императора Вильгельма нарыв в среднем ухе вызвал большую раздражительность, а канцлер обиделся. Многократно и русскими мемуаристами, и зарубежными репортерами упоминался его постоянный страх за свою безопасность: император пугался, когда видел незнакомых людей вблизи.

Вот так, изредка, за «титаническим образом», предлагаемым позолоченными биографиями, можно увидеть Александра-человека. Он подозрителен, невежествен, груб, живет в страхе, да еще с грузом комплексов на плечах: посол Австро-Венгрии сочувственно докладывал в 1883 г., что Александр нервен и даже подавлен «из-за недостатка уверенности в себе» (Brein 2010: 24). Итак, не только анонимный русский источник о Королькова заметил подавленное настроение царя.

В заключение приведу мнение об императоре, которое принадлежит автору очень известной в свое время книги о Российской империи, французскому ученому и журналисту Анатолю Леруа-Болье. Александра III как человека он не знал вовсе, но присмотрелся к Александру-властителю. В 1891 г. он написал в предисловии к английскому изданию своей книги: «Вообразить, поглядев в календари, что Россия и император Александр III, как они есть, пребы-

вают в конце девятнадцатого века, вопреки всем хронологическим таблицам будет грубым анахронизмом. Царь Александр Александрович, коронованный в московском Кремле — не столько современник королевы Виктории, сколько королевы Изабеллы Кастильской... ни он, ни его народ не пребывают умственно в одном с нами мире. Он способен с чистой совестью подписывать указы, которые наша совесть осуждает. Если четыре века спустя русский царь принимает против своих еврейских подданных меры, которые напоминают эдикты, изданные в 1492 г. католическими королями, то это потому, что православная Русь имеет много общего с католической Испанией пятнадцатого века» (Leroy-Beaulieu 1891: VIII).

Это мнение диаметрально противоположно российскому. Мнения — товар недорогой, их полно у всякого из нас. Именно поэтому, я думаю, чтобы лучше представить и своего персонажа, и то, насколько он соответствовал своей эпохе, стоит посмотреть на предпоследнего царя не только с позиции Шереметева, но и Леруа-Болье, Н.Н. Фирсова. Не только в. к. Александра Михайловича, но и лорда Солсбери. Иначе выходит, что мы упорно остаемся в той параллельной реальности, которую Александр III делил с Изабеллой Католической.

После падения самодержавия истории в течение 70 лет представляли Александра III в черном свете; начиная с 1990-х годов, его биографы вслед за придворными мемуаристами и дореволюционными идеологами шовинистского толка из всех

возможных цветов выбрали белый. Не допуская в своем «историческом полотне» иных оттенков, они лишают себя возможности создать более или менее убедительную фигуру. Кто знает, к каким прозрениям может привести сопоставление противоположных взглядов на популярного нынче самодержца тех, кто не откажется, подобно средневековому монаху, смотреть в телескоп, дабы не усомниться в своей вере.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

РГИА ф. 472 — Канцелярия Министерства Императорского Двора // РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 618.

Шервашидзе 1901 — Г. Д. Шервашидзе — Е. П. Озеровой, 29.11.1901 // ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 2. Д. 366. Л. 27–28.

Victoria of Hesse 1882 — Princess Victoria of Hesse to Queen Victoria. 01.06.1882 // Royal Archives Windsor. RA VIC/MAIN/D/11/194.

Dufferin 1881 — Lord Dufferin to Lord Granville. March 1881 // Royal Archives Windsor. RA VIC/MAIN/H/43/84.

Monson 1886 — Sir Edmund Monson to Lord Iddlesleigh. 16.09.1886 // The National Archives UK. FO 425/502. No 5315.

Salisbury 1887 — Lord Salisbury to Queen Victoria. 30.01.1887 // Royal Archive Windsor. RA VIC/MAIN/I/55/54.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксакова-Сиверс 2001 — *Аксакова-Сиверс Т.* Семейная хроника. Т. 1. М., 2001.

Александр III 2013 — Александр III. Pro et Contra. М., 2013.

Астанков 2014 — *Астанков В. А.* Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

Боханов 1997 — *Боханов А. Н.* Николай II. М., 1997.

Боханов 1998 — *Боханов А. Н.* Александр III. М., 1998.

Вернадский 2007 — *Вернадский В. И.* Пережитое и передуманное. М., 2007.

Готье Ю. В. 1928 — *Готье Ю. В.* К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 2. С. 107–134.

Девятков 2014 — *Девятков С.* Двор российских императоров. Энциклопедия жизни и быта. Т. 2. М., 2014.

Дневник 1994 — Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994.

Дронов 2016 — *Дронов И. Е.* Император Александр III и его эпоха. М., 2016.

Зайончковский 1966 — *Зайончковский П. А.* Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 130–146.

Зайончковский 1970 — *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

Зимин 2014 — *Зимин И.* Императорская кухня. XIX — начало XX века. М., 2014.

Ключевский 1894 — *Ключевский В. О.* Памяти в бозе почившего государя императора Александра III. М., 1894.

Ключевский 2003 — *Ключевский В. О.* Записные книжки. М., 2003.

Корольков 1901 — *Корольков К.* Жизнь и правление Императора Александра III (1881–1894). Киев, 1901.

Кривенко 2013 — *Кривенко В. С.* В министерстве двора. Александр III. Pro et Contra. М., 2013.

Кудрина 2000 — *Кудрина Ю.* Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 111–135.

Куприн 1958 — *Куприн А.И.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 1958.

Ламздорф 2003 — *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886–1890. Минск, 2003.

Майорова 2012 — *Майорова Е.И.* Богатырь на русском троне. М., 2012.

Малеванов 2002 — *Малеванов Н.А.* Предисловие // Великий князь Александр Александрович. М., 2002.

Милютин 2009 — *Милютин Д.А.* Дневник 1879–1881. М., 2009.

Мясников 2016 — *Мясников А.Л.* Александр III. М., 2016.

О чем могут рассказать 2015 — О чем могут рассказать парадные портреты Александра III // Родина. 2015. № 2. С. 132–138.

Пронина 2018 — *Пронина И.А.* Рец.: Дронов И.Е. Александр III и его эпоха // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 253–265.

Татищев 2002 — *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича [1904] // Великий князь Александр Александрович. М., 2002. С. 5–442.

Толмачев 2007 — *Толмачев Е.* Александр III и его время. М., 2007.

Фирсов 1925 — *Фирсов Н.Н.* Александр III // Былое. 1925. № 1. С. 85–108.

Фирсов, 1909 — *Фирсов Н.Н.* Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре II в юности // Исторический вестник. 1909. Т. 115. С. 44–75.

Фишер 2008 — *Фишер К.* Записки сенатора. М., 2008.

Черникова 2011 — *Черникова Н.В.* (сост.). В. П. Мецкерский. Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868. М., 2011.

Шереметев 2001 — *Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

Ясинский 1926 — *Ясинский И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926.

Alexander Grand Duke of Russia 1932 — *Alexander Grand Duke of Russia. Once a Grand Duke.* New York, 1932.

Bensidoun 1990 — *Bensidoun S.* Alexandre III. 1881–1894. Paris, 1990.

Bensidoun 1993 — *Bensidoun S.* Un Tsar méconnu. Alexandre III (1881–1894) // Revue Historique. 1993. Т. 288, Fasc. 2 (584) (oct.–dec.). P. 429–441.

Brein 2010 — *Brein J.* Anton Graf Wolkenstein-Trostburg. Sein Wirken als österreichisch-ungarischer Botschafter in St. Petersburg von 1882 bis 1894. Wien, 2010.

Cunliffe-Owen 1892 — *Cunliffe-Owen M.* Within Royal Palaces. Boston, 1892.

Iswolsky 1922 — *Iswolsky A.P.* Le Comte Witte // La Revue de Paris. 1922. 01.11.

Kalugin 2015 — *Kalugin D.* Soviet Theories of Biography and the Aesthetics of Personality // Biography. 2015. Vol. 38, no. 3 (Summer). P. 343–362.

Kaplan 2017 — *Kaplan V.* Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. Bloomington, 2017.

Kropotkin 1899 — *Kropotkin P.* Memoirs of a Revolutionist. Boston, 1899.

Leroy-Beaulieu 1893 — *Leroy-Beaulieu A.* The Empire of the Tsars and the Russians. Vol. 1. New York, 1893.

Rich & Fisher 1955 — *Rich N., Fisher M.H.* The Holstein Papers. Vol. 1. Memoirs and political observations. Cambridge, 1955.

Röhl 1998 — *Röhl J.* Young Wilhelm. Cambridge, 1998.

Wortman 2000 — *Wortman R.* Scenarios of Power. Princeton, 2000.

REFERENCES

Aksakova-Sievers T. *Semeinaia khronika*. Vol. 1. Moscow, 2001.

Alexander Grand Duke of Russia. Once a Grand Duke. New York, 1932.

Aleksandr III. Pro et Contra. Moscow, 2013.

- Astankov V.A. *Gosudarstvennaia deiatel'nost' tsesarevicha Aleksandra Aleksandrovicha i ego vospriatie pravitel'stvennoi politiki v 1865–1881 gg.* Ph.D. Diss. Moscow, 2014.
- Bensidoun S. *Alexandre III. 1881–1894.* Paris, 1990.
- Bensidoun S. Un Tsar méconnu. Alexandre III (1881–1894) // *Revue Historique.* 1993. T. 288, Fasc. 2 (584) (oct.–dec.). P. 429–441.
- Bokhanov A.N. *Aleksandr III.* Moscow, 1998.
- Bokhanov A.N. *Nikolai II.* Moscow, 1997.
- Brein J. *Anton Graf Wolkenstein-Trostburg. Sein Wirken als österreichisch-ungarischer Botschafter in St. Petersburg von 1882 bis 1894.* Wien, 2010.
- Chernikova N.V. (ed.). *V.P. Meshchersky. Pisma k velikomu kniazii Aleksandru Aleksandrovichu 1863–1868.* Moscow, 2011.
- Cunliffe-Owen M. *Within Royal Palaces.* Boston, 1892.
- Devyatov S. *Dvor rossiiskikh imperatorov. Enzyklopediia zhizni i byta.* Vol. 2. Moscow, 2014.
- Dronov I.E. *Imperator Aleksandr III I ego epokha.* Moscow, 2016.
- Firsov N.N. *Aleksandr III // Byloe.* 1925. No. 1. P. 85–108.
- Firsov N.N. Vospominaniia o tsesareviche Nikolae Aleksandroviche i imperatore Aleksandre III v yunosti // *Istoricheskii vestnik.* 1909. Vol. 115. P. 44–75.
- Fischer K. *Zapiski senatora.* Moscow, 2008.
- Gotye Yu. V.K.P. Pobedonostsev i naslednik Aleksandr Aleksandrovich 1865–1881 // *Trudy. Gos. Biblioteka SSSR im. V.I. Lenina.* Vol. 2. Moscow, 1928. P. 107–134.
- Iswolsky A.P. *Le Comte Witte // La Revue de Paris.* 1922. 11.01.
- Kalugin D. Soviet theories of biography and the aesthetics of personality // *Biography.* 2015. Vol. 38, no. 3 (Summer). P. 343–362.
- Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia.* Bloomington, 2017.
- Kliuchevskii V.O. *Pamiati v boze pochivshogo gosudaria imperatora Aleksandra III.* Moscow, 1894.
- Kliuchevskii V.O. *Zapisnye knizhki.* Moscow, 2003.
- Korolkov K. *Zhizn I pravlenie Imperatora Aleksandra III (1881–1894).* Kiev, 1901.
- Kropotkin P. *Memoirs of a Revolutionist.* Boston, 1899.
- Kudrina Yu. Iz perepiski Aleksandra Aleksandrovicha Romanova i ego suprugii Marii Fedorovny // *Voprosy istorii.* 2000. No. 4–5. P. 111–135.
- Kuprin A.I. *Sobranie sochinenii:* in 6 vols. Vol. 6. Moscow, 1958.
- Lamsdorff V.N. *Dnevnik 1886–1890.* Minsk, 2003.
- Leroy-Beaulieu A. *The Empire of the Tsars and the Russians.* Vol. 1. New York, 1893.
- Maiorova E.I. *Bogatyr na russkom trone.* Moscow, 2012.
- Miasnikov A.L. *Aleksandr III.* Moscow, 2016.
- Miliutin D.A. *Dnevnik 1879–1881.* Moscow, 2009.
- O chem mogut rasskazat paradnye portrety Aleksandra III // *Rodina.* 2015. No. 2. P. 132–138
- Perepiska imperatora Aleksandra II s velikim kniazem Konstantinom Nikolaevichem. Dnevnik velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha. 1857–1861.* Moscow, 1994.
- Pronina I.A. Review of: Dronov I.E. Aleksandr III I ego epokha // *Istoricheskaiia expertiza.* 2018. No. 1. P. 253–265.
- Rich N., Fisher M.H. *The Holstein Papers.* Vol. 1. Memoirs and political observations. Cambridge, 1955.
- Röhl J. *Young Wilhelm.* Cambridge, 1998.
- Sheremetev S.D. *Memuary grafa S.D. Sheremeteva.* Moscow, 2001.
- Tatishchev S.S. *Detstvo i yunost velikogo kniazia Aleksandra Aleksandrovicha // Velikii kniaz Aleksandr Aleksandrovich.* Moscow, 2002 [1904].

Tolmachev E. P. *Aleksandr III i ego vremya*. Moscow, 2007.

Velikii kniaz Aleksandr Aleksandrovich. Moscow, 2002.

Vernadsky V.I. *Perezhitoe i peredumannoe*. Moscow, 2007.

Wortman R. *Scenarios of Power*. Princeton, 2000.

Yasinskii Jer. *Roman moei zhizni*. Moscow; Leningrad, 1926.

Zaionchkovskii P. A. *Rossiiskoe samoderzhanie v kontse XIX stoletia*. Moscow, 1970.

Zaionchkovskii P. A. Aleksandr III ego blizhaishee okruzhenie // *Voprosy istorii*. 1966. No. 8. P. 130–146.

Zimin I. *Imperatorskaia kukhnia. XIX — nachalo XX veka*. Moscow, 2014.

ДАВИД РАСКИН: «ДУМАЮ, ЧТО ТВЕРДОЕ РЕШЕНИЕ [ПОСТУПАТЬ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ] Я ПРИНЯЛ ЛЕТ В 8–9»

Беседовал Филипп Никитин

Аннотация: Интервью с историком, поэтом и общественным деятелем Д. И. Раскиным. В нем, в частности, говорится о детстве и юности, научном становлении и развитии Д. И. Раскина, его работе в Российском государственном историческом архиве и Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета. Уделяется место научной, общественной и поэтической деятельности интервьюируемого, Петербургской исторической школе, а также проблемам в современной исторической науке.

Ключевые слова: Петербургская историческая школа, Д. И. Раскин, Санкт-Петербургский государственный университет, государственные учреждения, общественная деятельность, стихи, историческая наука, семья, биография, Российский государственный исторический архив.

Сведения об авторе: Раскин Давид Иосифович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Email: d.raskin@mail.ru

"I ASSUME THAT I MADE THE DECISION [TO ENTER THE HISTORY DEPARTMENT] WHEN I WAS 8 OR 9 YEARS OLD": AN INTERVIEW WITH D. I. RASKIN

Abstract: the interview with historian, poet, and public figure D. I. Raskin. It tells, in particular, about childhood and youth, the scientific formation and development of D. I. Raskin, his work at the Russian State Historical Archive, and

the Institute of History of St. Petersburg State University. The place of scientific, public, and poetic activity of the interviewee, the St. Petersburg School of History, as well as problems in contemporary historical science is given. David I. Raskin is a Doctor of History, Professor at the Department of Source Studies for the History of Russia at St. Petersburg State University.

Keywords: St. Petersburg Historical School, D. Raskin, St. Petersburg State University, government department, public activity, poetry, historical studies, family, biography, Russian State Historical Archive.

Corresponding author: Raskin David Iosifovich, PhD (doctor istoricheskikh nauk) Professor, Department of Source Studies of Russian History, St. Petersburg State University. Email: d.raskin@mail.ru

Давид Иосифович Раскин, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Член Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии РАН, диссертационного совета Д. 002.200.01 при Санкт-Петербургском институте истории РАН, Научного совета Российского государственного исторического архива. Эксперт РАН. Председатель Ревизионной комиссии Санкт-Петербургского отделения Российской ассоциации содействия науке. Зам. председателя Правления, ученый секретарь Научного совета Санкт-Петербургского союза ученых. Член Euroscience (Европейской ассоциации продвижения науки и технологий), Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза Российских писателей, Санкт-Петербургского ПЕН-клуба. Лауреат премии им. Н. А. Заболоцкого (2005 г.), журнала «Звезда» по номинации «Поэзия» (2018). Ветеран труда. Награжден знаком «Почетный архивист РФ», медалью к 300-летию Санкт-Петербурга, грамотой Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга «За большой вклад в развитие исторической науки» (2009 г.).

Основные научные труды. Монографии: Раскин Д. И. Российская империя XIX — начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. 467 с.; Раскин Д. И. Архив Российской империи: Судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. 665 с. **Коллективные монографии:** Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., Изд-во СПбГУ, 2001. 452 с. Научн. ред. (совместно с Д. И. Луковской). Предисловие (с. 3–5), гл. 3 (с. 65–92), заключение (с. 283–284), гл. 1 (совместно с В. Г. Афанасьевым и А. Р. Соколовым, с. 6–34), гл. 2 (совместно с В. Г. Афанасьевым и А. Р. Соколовым, с. 35–64), гл. 4 (совместно с С. М. Казанцевым, с. 93 — 142); гл. 6 (совместно с Т. А. Алексеевой, С. В. Волковой, М. А. Капустиной, Н. М. Корневой, с. 186–245). 2-е изд. СПб., «Юридический центр Пресс», 2003. 576 с. Т. 2. СПб., «Юридический центр Пресс», 2003. 430 с. Отв. составитель. Отв. редактор (совместно с А. Р. Соколовым); Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с. Гл. 10, 14. **Справочники, документальные публикации:** Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В четырех томах. Т. 1–4. СПб.: Наука, 1998–2004. 302, 260, 227, 313 с. Отв. ред., отв. сост.; Министерская система в Российской империи: К двухсотлетию министерств в России. М.: РОССПЭН, 2007. 920 с. Отв. сост.; Российский государственный исторический архив: Путеводитель в четырех томах. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Т. 1–4. СПб.: Лики России, 2012–2014. 240, 223, 559, 256 с. Отв. ред. (совместно с А. Р. Соко-

ловым), отв. сост. **Статьи:** Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1979. №4. С. 179–192; Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке. // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., «Языки русской культуры», 1996. С. 662–830; Раскин Д. И. Несостоявшаяся реформа управления здравоохранением в России // Вопросы истории. 2006. №4. С. 149–154; Днепров Э. Д., Раскин Д. И. Законодательная деятельность в сфере образования в дореволюционной России // Вопросы образования. 2015. №2. С. 244–278; Морозова Е. Н., Раскин Д. И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // Новейшая история России. 2017. №3. С. 7–23.

Ф.Н.: Давид Иосифович, здравствуйте! Благодарю Вас за готовность дать интервью! Расскажите, пожалуйста, о Вашей семье, детстве и юности.

Д.Р.: Происхожу из низовой (или, если угодно, средней) ленинградской (именно ленинградской) интеллигенции. Коренным ленинградцем могу считать себя с большой натяжкой. Родители (оба) приехали в Ленинград в детстве, родители моих родителей, соответственно, в молодости. И отец, и мать окончили философский факультет ЛГУ, а бабушка (по материнской линии) на этом факультете преподавала (до 1948 г.). С детства воспитывался в семье матери. Семье и друзьям семьи я обязан очень многим, почти всем лучшим в себе.

Благодаря семье (а затем и счастливым сложившимся жизненным обстоятельствам), в жизни мне пришлось так или иначе общаться со многими выдающимися и даже великими людьми, но поскольку сам я отнюдь не великий, этот перечень был бы с моей стороны попыткой укрупнить собственную личность, что едва ли уместно.

Ограничусь одним отроческим воспоминанием. Учителем моей бабуш-

ки был Борис Михайлович Эйхенбаум, с которым в отрочестве и мне посчастливилось пообщаться. При первой же встрече (на даче в тогдашней Усть-Нарве) я огорошил его вопросом: в Вашей биографии Лермонтова (а я ее знал почти наизусть) сказано, что на дуэли с Барантом Лермонтов был легко ранен в руку, а в письме вел. кн. Михаилу Павловичу сам Лермонтов пишет, что Барант слегка поцарапал ему грудь, так как же было на самом деле? Борис Михайлович объяснил мне, что в письме великому князю Лермонтов должен был стараться преуменьшить характер дуэли. Легкая царапина выглядела в этом смысле предпочтительнее. Так я получил первый в жизни (а было мне тогда, кажется, 10 лет) урок источниковедения. Потом — каждое лето (а иногда и в течение года) — я слушал рассказы Б. М. Эйхенбаума о том, чем он тогда занимался, да и вообще о русской литературе и русской истории.

Мне посчастливилось окончить знаменитую 239-ю школу (ныне физико-математический лицей). Все мои друзья — оттуда, с тех времен. Основам моего образования, а, главное, неповторимой атмосфере тех школьных лет я обязан учителям и соученикам по школе.

Особенно — знаменитому школьному литературному клубу «Алые паруса». Он наложил общий отпечаток на всех нас. Школа была физико-математической, но давала широкое гуманитарное образование и, главное, пробуждала широкие и многообразные интересы. Не случайно выпускники 239-й заметны во всех сферах науки, искусства, политики...

Ф. Н.: Как и когда Вы решили пойти учиться на исторический факультет?

Д. Р.: Думаю, что это решение было неизбежным. Вся атмосфера семьи, все мои интересы были гуманитарными (хотя мои близкие всячески старались направить меня в техническое или естественнонаучное русло, но безуспешно). Думаю, что твердое решение я принял лет в 8–9. Но сначала хотел быть археологом, посещал кружок в Эрмитаже, а потом и при истфаке, и даже проходил школьную производственную практику в Институте археологии. Впрочем, когда я (в 10-м или 11-м классе) участвовал в университетской школьной олимпиаде, я вышел победителем в 3-х номинациях — археология, истории России и всеобщая история. Но окончательно все определилось только после поступления в университет. Думаю, что в археологии я бы вряд ли смог успешно работать, т.к. мне ближе работа с текстами, а не с предметами. Но в университете дружил я с археологами, а Льву Самойловичу Клейну я бесконечно благодарен за то, что он научил меня (как и очень многих) правильно мыслить.

Ф. Н.: Ваша кандидатская диссертация была посвящена обществен-

ному сознанию («Из истории общественного сознания русского крепостного крестьянства XVIII в.», 1975 г.). Насколько мне известно, эта тема была новаторской как для советской исторической науки, так и для мировой историографии. Незадолго до защиты Вами диссертации вышла монография Геннадия Леонтьевича Соболева «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия» (1973). Что подтолкнуло Вас выбрать именно эту тему, какие влияния на свой выбор Вы можете отметить (влияние научного руководителя, та же книга Г. Л. Соболева, может быть, работы Б. Ф. Поршнева и его обращение к «исторической психологии», или перевод книги М. Блока «Апология истории» (1973))? И с чем был связан Ваш поворот в сторону истории государственных учреждений?

Д. Р.: Не думаю, что сама по себе тема была такой уж новаторской. Мой учитель Александр Львович Шапиро на 2-м курсе (1965 г.) предложил мне заняться крестьянскими челобитными и посоветовал фонд Александрово-Невской лавры (в РГИА). А как обозначить тему — «классовая борьба», «взгляды и представления» или «общественное сознание» это уже был мой выбор. Последний вариант я и выбрал. Ни Б. Ф. Поршнев, ни уважаемый мною Г. Л. Соболев, ни тем более Марк Блок (книга которого на русском языке вышла позднее, а по-французски я тогда еще почти не читал) на это никак не повлияли (книга М. Блока вышла в русском переводе в 1973 г., а тема диссертации была окончательно сформулирована к 1970–1971 г. — Ф. Н.). Полагаю,

что эта постановка вопроса носилась в воздухе. Хотя, конечно, потом (уже при подготовке диссертации) мне пришлось познакомиться с философскими работами о массовом («общественном») сознании и составить собственное представление об этом. Отчасти новаторским в этой моей работе (а работал я над темой со 2-го курса) было использование фольклора (поговорок и пословиц) и способ анализа аргументов и требований крестьянских челобитных — я изобрел нечто вроде контент-анализа (хотя даже слова такого тогда еще не знал) — матрицу аргументов и требований. В основном диссертация была готова уже к 1972–74-му году, но из-за проблем с оформлением соискательства защита состоялась лишь в 1975 г.

А затем я понял, что продолжать именно эту тему у меня не хватает возможностей. Материалы в основном в Москве (в РГАДА, отчасти в РГБ и ОПИ ГИМ), тратить каждый год свой отпуск (+ отпуск за свой счет) на поездку в Москву, причем и этого было недостаточно, одновременно с напряженной работой в РГИА оказалось мне не по силам. А вот к истории государственных учреждений я пришел сравнительно случайно. В архиве уже давно планировали составить справочник (или сборник документов) по истории государственных учреждений, но никак не могли найти человека, который возглавил бы эту работу. Тогдашний заместитель директора архива по науке Валентина Прокофьевна Павлова (редчайший случай, когда на таком посту оказался человек, преданный науке, доброжелательный и высококвалифициро-

ванный) предложила это мне. Я согласился. Валентина Прокофьевна свела меня с Николаем Петровичем Ерошкиным, признанным авторитетом в этой теме. Он стал научным редактором и успел до своей безвременной кончины выступить в роли научного руководителя проекта. Совместно с ним мы сформировали концепцию будущего справочника и подготовили 1-й том. А дальше доводить проект до конца пришлось мне. Был сформирован творческий коллектив из сотрудников ведущих архивов. Разумеется, согласившись на эту работу, я считал своим долгом освоить тему. Тем более, что когда к концу 1970-х я отчетливо понял, что в «большую науку» мне (по тогдашним обстоятельствам) хода нет, я решил использовать возможности своего пребывания в архиве — прочитать весь корпус опубликованных к тому времени дневников и мемуаров, изучить все законодательство Российской империи и основные реалии русской жизни XIX — нач. XX в. Это вполне удалось, благо великолепная библиотека архива была мне доступна. Я исходил из того, что раз уж все так сложилось, я могу (и должен) делать в архиве полезные (для науки) вещи. Кстати, мои друзья-историки, например, Николай Николаевич Покровский или Натан Яковлевич Эйдельман в этом намерении меня всячески поддерживали.

Судьба справочника была нелегкой. Лишь с появлением РГНФ удалось его опубликовать.

А вот создание первой в СССР локальной базы данных документов по истории архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда

и пригородов (применение компьютерных технологий в архивном деле) было моей собственной инициативой. К счастью, эту инициативу поддержал директор НИЦТД (это официальное название, на самом деле, — центра космической документации) Олег Александрович Михайлов. Без него (и имевшейся в центре компьютерной техники) ничего бы не получилось. Олег Александрович прожил долгую жизнь и до конца своих дней был живой легендой в архивном (и не только архивном) мире. Своим участием в этой работе я имею, кажется, некоторое основание гордиться.

Ф. Н.: Скажите, пожалуйста, исходя из чего формировались Ваши научные интересы?

Д. Р.: К стыду своему должен признаться, что мои научные интересы слишком часто формировались благодаря внешним обстоятельствам. В ответе на предыдущий вопрос я отчасти это показал. Добавлю к этому, что к занятиям историей народного просвещения в России меня побудил Эдуард Дмитриевич Днепров. Блестящий был организатор науки. Очень убедительно умел привлечь к своим проектам людей, которых считал для них полезными. А результатом этих занятий стал большой архивный справочник и несколько публикаций.

В принципе изначально (хотя я это и не в полной мере осознавал) меня интересовало все, что касается общественной мысли, истории идей. Ну и, конечно (с детства) история литературы. Но и здесь интересовала больше конкретика, факты, а не

какие-то универсальные концепции. Интересовала также историческая судьба институтов Российской империи. А затем один интерес (занятие темой) влек за собой другие. Например, занятия историей государственных учреждений повлекли за собой интерес к истории права и государства и вообще к историко-юридическим сюжетам. Работа в архиве (где мне буквально с первых же лет пришлось вести занятия с молодыми сотрудниками) и преподавание архивоведения (тоже первые опыты были довольно рано) привели к интересу к теории архивного дела, а затем и истории архивов. Этим продолжаю заниматься и по сей день. И, конечно, знакомство с документами (начиная с первого дня работы в архиве), а затем и с мемуарными источниками и законодательством определили мой постоянный интерес к истории реалий прошлого (можно сказать, к истории российской имперской повседневности). Так что мои нынешние занятия в основном соответствуют моим научным интересам. Но, к сожалению, я никогда не умел ограничиться чем-то одним и всю жизнь осваивать это что-то одно интенсивно. Мой подход был всегда, скорее, экстенсивный. Можно, конечно, трактовать это как широту интересов. Не знаю, хорошо это или плохо.

Ф. Н.: Какое влияние на Вашу жизнь оказало Ваше еврейское происхождение?

Д. Р.: Я должен был бы начать с того, что этим происхождением я горжусь. Это, действительно, так, но я всегда полагал, что гордиться нужно не тем, что от тебя не зависит, а тем, что со-

ставляет твою собственную заслугу. Как писал хороший русский поэт Николай Панченко, «Не заслуга быть белым, // Не достоинство русым».

А влияние было сначала главным образом внешним. С детства я знал, что для того, чтобы получить то, что получали все остальные, я должен быть лучше всех, для того, чтобы получить пятерку, я должен знать на условную десятку и т. д. Это, кстати, не так уж плохо. А потом выяснилось, что благодаря своему происхождению я не имею возможности попасть в университет на дневное отделение (окончил вечернее), не могу поступить в аспирантуру, не могу преподавать в ВУЗе и работать в системе Академии наук и т. д. Впрочем, здесь добавилась еще моя беспартийность, а становиться членом КПСС (хотя и это из-за происхождения было бы очень трудно) я не желал по своим убеждениям. Даже устроиться на работу в архив оказалось непросто, а в архиве все ступени своей служебной карьеры я проходил медленно и с трудом.

Такое самосознание принято называть отрицательной идентичностью. А поскольку не будь этой идентичности моя научная судьба могла бы сложиться совершенно иначе и достижения были бы значительно больше, а пока антисемитизм в России (теперь не на государственном уровне) и в мире существует, в какой-то степени эта идентичность сохраняется и до сих пор.

Что же касается положительной идентичности, то мой родной язык (и моих родителей, а отчасти и ро-

дителей моих родителей) — русский. Еврейских языков я не знаю. Немного понимаю идиш, т. к. слышал в детстве от прадеда и прабабки, когда они не желали, чтобы я понимал, о чем они говорят, да и знание немецкого языка тоже сказывается. Воспитан я в русской культуре и в своей деятельности, и в своем самосознании к ней принадлежу. Семья и круг общения всегда были интернациональными. На бытовом уровне все привычки были и остаются «общесоветскими».

Некоторыми сюжетами из истории евреев в России я занимался, но это было изучение внешнего воздействия на эту историю (в основном — правительственной политики), т. к. источники и литература на идише или иврите мне, к сожалению, недоступны. Так что в этой историографии мое место — маргинальное.

Я, конечно, не гоголевский Костанжогло, который «не занимался своим родословием, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь лишняя». Но настаивать на своей еврейской (в силу всего вышесказанного) или русской (как это делал Л. С. Клейн) национальной принадлежности мне сложно. Скорее всего, я принадлежу к субэтнической группе, которая теперь исчезает. Ее объединяло еврейское происхождение при полном русскоязычии, безрелигиозности, отсутствии в быту и привычках всего, что могло быть связано со специфически этническими или религиозными традициями. Новые поколения (из тех, кто не уехал) должны выбрать (и выбирают) или полное обрусение (на уровне имен, крещения и т. д.) или полное «возвращение к корням».

Ф. Н.: Кто из ученых оказал на Вас влияние?

Д. Р.: На всех нас самое большое влияние оказали наши учителя. Я не исключение. Конечно, как историк я всем обязан моему учителю Александру Львовичу Шапиро. Он научил меня работать, осмысливать результаты своих архивных изысканий, писать статьи. Первую свою научную публикацию я несколько раз переписывал под его руководством. А затем понемногу и сам научился писать.

Очень многим я обязан Льву Самойловичу Клейну. Археолога из меня не получилось, но думать он меня научил. До сих пор часто вспоминаю его уроки.

Самые мои первые шаги (еще в школе, в кружке при истфаке) направлял Юрий Давидович Марголис. От него я научился преданности исторической науке и научной добросовестности.

О том, что еще в детстве я имел возможность общаться с Борисом Михайловичем Эйхенбаумом, я уже говорил. Это влияние прошло через всю мою жизнь.

Редактором моей третьей по счету публикации был Сигизмунд Натанович Валк. Мне не довелось слушать его лекции и участвовать в его семинарах, но за сравнительно краткое время общения я получил от него очень много.

При первых моих штудиях, касающихся истории древнерусской литературы, да и потом, когда я слушал

на филфаке курс истории летописания, мне много помог Яков Соломонович Лурье.

А в дальнейшем мне везло на общение со старшими коллегами. Это Николай Николаевич Покровский, Валентин Семенович Дякин, Рафаил Шоломович Ганелин, Борис Васильевич Ананьич, Сигурд Оттович Шмидт, Владимир Борисович Кобрин... Всех трудно перечислить, но от всех чему-то научился. Когда я занялся историей государственных учреждений, то, конечно, большое влияние на меня оказал Николай Петрович Ерошкин. В дальнейшем немало пользы я извлек из общения с Леонидом Ефимовичем Шепелевым. При изучении реалий российской жизни XIX в. я ориентировался на работы Юрия Михайловича Лотмана (хотя лично с ним общался всего один-два раза). Думаю, что не остались без влияния и мои встречи и беседы с Борисом Федоровичем Егоровым.

В целом же постоянное влияние на меня оказывала петербургская (ленинградская) историческая школа. Надеюсь, что в какой-то мере я могу утверждать, что принадлежу к ней.

Хотя, конечно, солидный список учителей и старших коллег еще не гарантирует масштаб собственных достижений.

Ф. Н.: Расскажите, пожалуйста, о Вашей защите докторской диссертации в виде научного доклада.

Д. Р.: А тут и рассказывать особенно нечего. Я очень долго не предпринимал никаких шагов, чтобы получить

докторскую степень. Сначала в качестве сотрудника архива я не имел почти никакой возможности опубликовать монографию, потом считал, что это вообще не важно, затем, видимо, просто медлил. Пока, во-первых, отсутствие у меня докторской степени стало вызывать удивление коллег, а, во-вторых, я понял, что все-таки повысить свой формальный статус не мешало бы. Р. Ш. Ганелин сказал мне, чтобы я поторопился, пока сохраняется возможность защиты по докладу и пока живы и активны все, кто меня знает в диссертационном совете. Тогда было можно в исключительных случаях по решению диссертационного совета и с разрешения ВАК защищаться «по совокупности» научных трудов. Вскоре этот порядок был отменен. Последними в нашем городе защитились таким образом В.Б. Вилинбахов, И.В. Сахаров и я.

Довольно скоро был готов автореферат и назначена защита. Я смог предъявить 4 тома справочника, монографию и некоторое количество публикаций, в том числе «ваковских». На защите от официальных оппонентов и участников дискуссии я услышал много добрых слов в свой адрес, конечно, преувеличенных по законам жанра.

Вот, пожалуй, и все.

Ф.Н.: Приходилось ли Вам принимать участие в совместных проектах с зарубежными историками, преподавать за границей, работать в зарубежных архивах?

Д.Р.: В совместных проектах, кажется, не участвовал (разве что в ар-

хивных). С зарубежными коллегами общался немало. Я стажировался в архивах и библиотеках во Франции и Израиле. В некоторых зарубежных архивах работал (в особенности в Национальном архиве Франции), но чаще знакомился с ними. Преподавать за границей не пришлось.

Ф.Н.: На Ваш взгляд, определяет ли знание архивов качество истории как науки?

Д.Р.: Не столько качество истории, сколько качество историков. Историк (если, конечно, он не занимается античностью или Киевской Русью, да и то едва ли), не знающий и не умеющий работать в архивах, не может считаться квалифицированным, даже просто полноценным профессионалом. Я не думаю, что это нужно доказывать. Хотя, возможно, для представителей новейших школ (особенно западных) это и не очевидно. Тем хуже для этих школ.

Да, конечно, не все знания о прошлом могут быть извлечены из архивных документов. Но настолько значительная часть, что без нее все остальное теряет ценность, точнее, доказательность и репрезентативность.

История как наука так же невозможна без архивов, как, например, биология без живой природы, без экспедиций и лаборатории, а физика без эксперимента и соответствующего инструментария. А поскольку история — наука сравнительно молодая (как наука, а не как историописание), разделения на теоретиков и экспериментаторов в ней (в отличие от той же физики) пока не произошло.

Ф.Н.: Каково Ваше восприятие понятия «Петербургская историческая школа»? Каковы ее характерные черты? Что стало с представителями этой «школы» в 1990–2000 годы: сохранились ли какие-то особенности (и, собственно, сама школа) или отечественные историки, переступив национальные рамки, установив прямые контакты с зарубежными коллегами, стали частью мировой историографии? (Если школы нет — современные разговоры о «Петербургской исторической школе» — дань традиции или мода без содержания?).

Д.Р.: О Петербургской (Ленинградской) исторической школе так много написано и сказано, что я вряд ли добавлю что-то новое. Тем более, что история исторической науки никогда не входила в круг моих занятий.

В моем понимании, Петербургская историческая школа — это, прежде всего, внимание к историческому источнику, исследование источника прежде построения концепции, опора на источник как метод доказательства, тщательная проработка фактической основы исследования. Ну и, конечно, определенные традиции, передающиеся их поколения в поколение. В этом смысле ученики Александра Львовича Шапиро наследуют линию, идущую от А.Е. Преснякова, ученики Бориса Васильевича Ананьича — от Б.А. Романова и — далее — от того же А.Е. Преснякова, ученики С.Н. Валка — от А.С. Лаппо-Данилевского и также А.Н. Преснякова. И т.д.

Поэтому я отношу к Петербургской школе Бориса Николаевича Ми-

ронова, хотя он славен широкими и смелыми (если угодно, дерзкими) концепциями и обобщениями и, безусловно, включен в мировую историческую науку. Дело не только в том, что он — ученик А.Л. Шапиро. Достаточно посмотреть на источниковую базу его книг и степень проработки этой базы.

Не все решает прописка. Полагаю, что, например, Н.П. Павлов-Сильванский к Петербургской исторической школе не принадлежал. Не принадлежал к ней и Е.В. Тарле, хотя много лет работал в нашем городе. Из моих старших современников я бы не включал в эту школу Виталия Ивановича Старцева, хотя он был замечательным ученым. В то же время московские ученики академика Михаила Николаевича Тихомирова (такие, как Николай Николаевич Покровский, Сигурд Оттович Шмидт, Владимир Борисович Кобрин) ближе, пожалуй, к Петербургской исторической школе, чем к Московской. Я, во всяком случае, при общении с ними всегда ощущал эту близость.

Что касается 1990–2000-х годов, то мне кажется, что произошла смена поколений, но школа не исчезла. Она живет в традициях и в учениках историков старшего поколения. А включенность в мировую историческую науку наличию школы и ее традиций не противоречит. Кстати, я думаю, что, например, тот же А.С. Лаппо-Данилевский был включен в европейскую науку никак не меньше, чем нынешние эпигоны современных направлений и школ. Да и С.Н. Валк никак не был вне европейской науки.

Кстати, включенность в мировую науку в разных научных дисциплинах разная. Очевидно, что математика, физика, биология абсолютно интернациональны и от страны и родного языка исследователя не зависят. В гуманитарных дисциплинах — другое дело. Российские и, например, американские специалисты по истории России образуют единое научное сообщество, причем объединяет их не только объект исследования, но и русский язык. Я даже рискнул утверждать, что в этом сообществе российские исследователи не только (по понятным причинам) составляют большинство, но и должны (хотя бы в силу укорененности в культуре) играть ведущую роль. А российские медиевисты или специалисты по античности входят в соответствующие сообщества, где их роль может быть меньшей. Это все относится и к литературоведам. Так что о включенности в мировую науку нужно говорить с учетом специфики объекта и предмета исследований.

Другое дело, что мода на новейшие концепции и методы влияет на молодое поколение историков, иногда, осмелюсь утверждать, в ущерб основательности и доказательности их исследований.

Ф.Н.: Кого из историков Ленинградской (Петербургской) исторической школы последних пятидесяти лет (уже умерших) Вы бы выделили?

Д.Р.: Выделять кого-то — дело неблагодарное. Но, конечно, я не могу не назвать А.Л. Шапира, С.Н. Валка, К.Н. Сербину, Р.Ш. Ганелина, Б.В. Ананьича, А.А. Фурсен-

ко, В.С. Дякина, Л.Н. Шепелева, Ю.Б. Соловьева, В.Г. Чернуху. Боюсь, что список получился далеко не полным. Я назвал навскидку тех, с кем имел счастье общаться. И то, видимо, не всех. Прошу извинить, если кого-то не упомянул.

Ф.Н.: В 1990-е гг. был проект обмена микрофильмами между Государственным архивом Российской Федерации и Стэнфордом, но, насколько мне известно, обмен оказался неравным: российские коллеги дали значительно больше, чем получили. Почему так вышло, было ли так запланировано и не испытывали ли российские архивисты и ученые чувства обиды?

Д.Р.: В историю с ГАРФ я не очень вникал. Но хорошо помню проект американских мормонов, которые (за весьма умеренное вознаграждение) хотели получить (а отчасти и получили) множество копий личных (биографических) документов. Проект был одобрен руководством тогдашней Федеральной архивной службы (или еще комитета), но на уровне РГИА я (с помощью коллег) всячески саботировал его исполнение. Были тогда и другие проекты. Например, упомянутый мною справочник по истории высших и центральных учреждений России одно американское издательство хотело опубликовать. Мне за это обещали некоторую кучку долларов, но когда я узнал, что в Россию (бесплатно) попадет всего 5 экземпляров, категорически отказался.

Думаю, что во всех этих историях сказалась и наша неопытность в коммерческих делах, и общая обстановка

хаоса и неопределенности. Думаю, что архивисты (для которых эти проекты не сулили никаких преференций) не были довольны и, насколько мне известно, старались их саботировать. В общем — издержки 1990-х.

Ф.Н.: Каково было восприятие начала и развития перестройки, а затем крушения СССР петербургскими историками (В.Ю. Черняев, В.И. Старцев, Р.Ш. Ганелин, Б.В. Ананьич и другие представители петербургской среды историков) разных взглядов и тематических специализаций: была ли общая линия или тренд, какие существовали вопросы / линии размежевания, какие эмоции испытывали историки, и как они жили и работали (и ощущали себя) во все это время, а также в 1990-е гг. Какие изменения происходили в институтах и университетах? Каково было Ваше восприятие начала и развития перестройки, крушения СССР?

Д.Р.: Не думаю, что восприятие было общим. К тому же мое общение с названными Вами историками происходило с разной степенью откровенности. Полагаю, что все поначалу относились к событиям начала перестройки с некоторой осторожностью, а затем — каждый в соответствии со своими взглядами и предпочтениями, но в целом — с надеждой на лучшее. В.Ю. Черняев был, кажется, более активным, Б.В. Ананьич — сдержанным и осторожным, а Р.Ш. Ганелин — мудро оценивающим события и более дальновидным, чем все мы. Помню, что, например, Ю.Б. Соловьев (а уж с ним-то мы общались с предельной откровенностью), весьма положительно от-

носился к Горбачеву и крайне скептически к Ельцину. Он говорил, что сейчас им все очарованы, но потом все горько разочаруются.

В общем-то от перестройки выигрывали все (кроме, может быть, партноменклатуры, но и та в итоге в проигрыше не оказалась). Другое дело, что дальнейшие события 1990-х воспринимались всеми очень по-разному.

Я думаю, что ленинградские историки, составляя, несомненно, профессиональное сообщество, не были однородной (в социально-политическом отношении) социальной группой.

Мое восприятие перестройки и дальнейших событий — ощущение надежд и неожиданно появившихся возможностей. Об СССР я тоже не очень сожалел. К концу 1991 г. мне было ясно, что «союзное государство» обречено (хотя еще летом 1991 г. я сам составлял проект конституции демократической евразийской федерации).

А, в общем все мы были тогда гораздо более наивными и неопытными в политике (что и не удивительно), чем стали позднее.

Ф.Н.: А.Л. Шапиро является Вашим учителем. Каким он Вам запомнился? Расскажите, пожалуйста, о его семинаре.

Д.Р.: Про Александра Львовича можно рассказывать бесконечно. Его ученики оставили воспоминания. Александр Львович удивительным образом был любим всеми, оставил о себе добрую и благодарную память

у самых разных людей, в том числе и довольно противоположных взглядов, характеров, позиций. А перечислить всех, кто благодаря ему сделался историком, почти невозможно. Главное в нем было то, что это был Учитель.

Я близко знал его как человека. Он был очень добрым, очень расположенным к людям, очень открытым. Хорошо знал литературу и особенно музыку. Сам обладал хорошим слухом и голосом, охотно пел. Был в свои (тогда уже очень немолодые) годы очень спортивным, бегал, хорошо плавал, в том числе в ледяной (+16 градусов) воде, совершал длинные прогулки. Был остроумным собеседником. Легко находил общий язык с самыми разными людьми.

Исторический кругозор Александра Львовича, в том числе знание литературы и источников, поражали. Особенно впечатляло его знание работ предшественников. Не случайно он много занимался историографией. Мне выпала честь участвовать в подготовке посмертного издания его учебного пособия «Русская историография с древнейших времен до 1917 года».

По своим взглядам он, конечно, был вполне марксистским историком. Но не ортодоксом. Я думаю, что в нем в высокой степени воплотилось то направление в нашей исторической науке, которое сочетало основные марксистские историософские установки с научным позитивизмом в конкретных исследованиях. Именно это сочетание, как мне кажется, позволило выжить и успешно развиваться советской исторической

науке, лучшие достижения которой и по сей день не устарели.

И, конечно, Александр Львович отличался исключительной порядочностью. Рядом с ним было почти невозможно (во всяком случае, я так ощущал) совершить какой-то неблагоприятный поступок, поступиться базовыми принципами морали. Он был лучом света на истфаке (хотя тогдашний истфак не был таким уж темным царством). Как говорили многие тогдашние преподаватели и студенты, «Александр Львович — это праздник».

Семинар А.Л. Шапиро был тесно связан с созданной им группой по изучению аграрной истории Северо-Запада России XVI в. В эту группу входили как уже немолодые и вполне состоявшиеся историки, так и студенты и аспиранты. В основном группа изучала писцовые книги. При этом применялись самые современные (по тому времени новаторские) методы статистической обработки материала.

Благодаря Александру Львовичу участники семинара получили навыки работы с калькуляторами (тогда большими и довольно громоздкими), прослушали курсы математической и экономической статистики, слушали доклады (лекции) социологов (тогда новой дисциплины в нашей науке).

Но в семинаре занимались и студенты, темы которых были далеки от аграрной истории (я в том числе).

Выступить с докладом в семинаре А.Л. Шапиро было большой честью

и большой ответственностью. Каждый доклад подвергался строгому и нелицеприятному разбору. Но к каждому участнику семинара, будь то студент 2-го курса или аспирант, Александр Львович относился с одинаковым вниманием и доброжелательностью.

Не случайно из нашего семинара вышло множество ученых-историков, в том числе такие, как Борис Николаевич Миронов, Сергей Григорьевич Кашенко, Зоя Васильевна Дмитриева, Леонид Владимирович Выскочков, Анатолий Васильевич Смолин и многие другие (всех не перечить). Мне кажется, что школа, пройденная в этом семинаре, — знак качества, чем бы потом не пришлось заниматься его участникам.

Я до сих пор вспоминаю годы, проведенные в этом семинаре, как самые счастливые в моей научной жизни.

И, конечно, своим становлением как историка я всем обязан Александру Львовичу.

Ф. Н.: **Расскажите, пожалуйста, о Вашей работе в Российском государственном историческом архиве.**

Д. Р.: О Российском государственном историческом архиве я написал книгу («Архив Российской империи: судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи». Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. 665 с.). Эта книга во многом основана на личных воспоминаниях и рассказах ветеранов архива. А подробный рассказ о моей работе в архиве занял бы слишком много места.

Когда в мае 1970 г. я поступил на работу в тогдашний Центральный государственный исторический архив СССР, я уже лет 5 занимался в читальном зале архива в качестве читателя, прошел архивную практику в этом архиве (тогда она, если память мне не изменяет, продолжалась месяц или даже 6 недель), поэтому я думал, что к работе в качестве архивиста я достаточно подготовлен. Но, конечно, по-настоящему, более или менее, квалифицированным архивистом я стал лет через 5–7, не раньше. Многому пришлось учиться. Моя деятельность в архиве проходила в основном в области использования, публикации, создания справочников, научно-исследовательской и методической работы. Хранением, учетом, созданием и усовершенствованием описей и каталога я никогда не занимался. Сначала я был в составе хозрасчетной группы (а затем Отдела договорных работ), занимавшейся по заказам разных учреждений и организаций созданием перечней документов. В основном эти перечни охватывали документы по истории отдельных регионов и памятников истории и культуры в этих регионах. Особенно длительной и объемной работой стало составление перечней по истории памятников архитектуры Ленинграда.

Эта работа стала хорошей школой, т. к. предусматривала выявление документов по различным темам с помощью описей и каталога, затем — просмотр и описание дел и, наконец, формирование самих перечней — оригинального и довольно эффективного вида научно-справочного аппарата. Пришлось познакомиться с самыми различными фондами, их

научно-справочным аппаратом, всевозможными справочниками и др. печатными изданиями.

Затем я стал заведовать методическим кабинетом, а вскоре преобразовал этот кабинет в Отдел научно-исследовательской, методической и организационной работы. Этот отдел занимался прежде всего подготовкой справочника по истории высших и центральных государственных учреждений России, созданием автоматизированной информационно-поисковой системы (на документы по истории памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов), в дальнейшем — подготовкой сначала краткого справочника о фондах, а затем и путеводителя по архиву. Но пришлось заниматься и составлением планов и отчетов архива, всевозможной организационной работой. В последние годы отдел стал именоваться Отделом научных публикаций, что предполагало и соответствующие функции (подготовка документальных сборников, справочников, научно-исследовательская работа). Отдел превратился в признанный в историческом и архивном мире научный центр, ликвидированный руководством архива (и Федеральным архивным агентством) в 2015 г. Эта ликвидация совпала с моим вынужденным уходом из архива.

Придя в архив, я застал конец его золотого века, пришедшего в основном на 1960-е годы. В архиве уже не работали такие корифеи архивного дела, как Ира Федоровна Петровская, Лидия Ивановна Полянская, Леонид Ефимович Шепелев, легендарный

директор архива Василий Васильевич Бедин. Но я застал Мину Семеновну Шустерову (под ее руководством я делал первые шаги в архиве), Нину Петровну Дятлову (она возглавляла Отдел договорных работ), Григория Магнусовича Горфейна (старейшего на тот момент сотрудника архива, создателя архивного каталога), Эсфирь Самойловну Паину (опытнейшего публикатора), Анну Львовну Вайнштейн (она заведовала методическим кабинетом), Нину Германовну Маркову (заведующую научно-справочной библиотекой архива), Валентину Ильиничну Вельбель (легендарного заведующего читальным залом), Розу Юделевну Мацкину (создателя методики усовершенствования описей), Валентину Прокофьевну Павлову (которой я обязан успехом большинства моих начинаний в архиве). Так что, было еще у кого учиться...

Прошло чуть больше 10 лет после моего поступления в архив, и все архивы перешли на функциональную структуру. Раньше каждое архивохранилище занималось всем: и хранением, и учетом, и описанием, и даже публикацией, все в пределах хранимых там фондов. В результате в архиве были опытнейшие хранители, которые досконально знали свои фонды. Я некоторых еще застал. Хотя, конечно, переход к функциональной структуре был неизбежен.

В целом тогдашний архив отличался очень высоким уровнем квалификации большинства сотрудников, неизменно благожелательным отношением к читателям, тесными связями с исторической и филологической наукой.

Эту атмосферу поддерживали, как могли, и новые поколения архивистов. Например, Серафима Игоревна Варехова во главе читального зала архива запомнилась всем исследователям, работавшим в архиве.

А поскольку в тех, прежних зданиях архива основные отделы были территориально тесно связаны с читальным залом, общение с исследователями было ежедневным и очень интенсивным. Возможно, с переездом в новое здание фонды архива получили лучшие условия для сохранности, но атмосфера старого места исчезла.

Ф. Н.: Вы учились на истфаке ЛГУ во 2-й половине 1960-х гг. и пришли на факультет в качестве преподавателя в начале 2000-х гг. Чем отличается нынешний Институт истории СПбГУ от тогдашнего истфака?

Д. Р.: Когда-то на восторженную реплику одного профессора по поводу широты новых программ: «Как их теперь учат!» — я ответил: «Зато мы с Вами учились у Мавродина, Шапиро, Окуня, Валка, Гуковского, а они у нас с Вами учатся». Профессор был очень уважаемый, и уж к нему-то мое *bon mot* меньше всего относилось.

А если серьезно, то вершины всегда трудно и бесполезно сравнивать, а общий средний уровень основной массы нынешних преподавателей, может быть, даже и повыше, чем в мое время. Мне трудно судить, да и зависит это от конкретной кафедры.

Но одна потеря (и очень важная) очевидна. Исчезли семинары, в которые

студент приходил на 1-м–2-м курсе и в которых оставался до окончания университета или даже аспирантуры, а то и дольше. Я уже рассказывал о семинаре А.Л. Шапиро. Такими же были семинары Б.В. Ананьича, Л.С. Клейна... Это были настоящие научные школы. Выпускники этих семинаров занимали и продолжают занимать очень заметное место в науке. Нынешние «спецсеминары» (на которые обычно записываются на семестр) никак их не заменяют, да и не могут заменить.

Не в восторге я и от слишком большого количества дисциплин по выбору в ущерб обязательным. Мне кажется, что преподавателям лучше знать, какие дисциплины нужны студенту, чтобы он стал полноценным специалистом, чем самому студенту. Тем более, что из курсов «по выбору» обычно выбирают не самое содержательное и полезное, а самое внешне привлекательное.

Принцип выбора я считаю правильным сохранить лишь для спецкурсов (и, конечно, семинаров). По моему глубокому убеждению, каждый студент в течение одного семестра должен выбирать не более одного спецкурса. Зато спецкурсы (и семинары) должен быть вправе предлагать любой преподаватель, если он считает, что ему есть что предложить. А выбор останется за студентами. Кажется, я излагаю здесь весьма непрогрессивную точку зрения, но я считаю именно так.

Изменения учебных планов — вещь неизбежная. Все-таки сейчас мы живем совсем в другой эпохе. Но мне кажется, что некоторые из ныне чи-

таемых курсов вполне могли бы быть спецкурсами, а некоторых обязательных дисциплин в расписании явно не хватает.

А что касается студентов... Молодежь всегда прекрасна. Хотя бы потому, что у нее все впереди и на нее еще можно возлагать какие-то надежды. Полагаю, что нынешние студенты выгодно отличаются от нашего поколения лучшим знанием языков, свободным владением компьютерной техникой, лучшим знанием литературы по своей теме (но, к сожалению, только по своей), меньшей идеологической зашоренностью (хотя здесь, кажется, все начало возвращаться на круги своя). Мы же (лучшая часть, конечно) отличались большей широтой культурных интересов, большей, возможно, увлеченностью наукой. В мое время считалось неприличным не знать художественную литературу (и не только классическую, но и самиздатовскую), музыку, театр. Наши источники информации были гораздо более ограничены, но зато все, что было доступно, читали от доски до доски, спорили, обсуждали. Но, возможно, это свойственно и нынешним студентам, а я просто недостаточно их знаю.

Ф. Н.: В 2013 году Санкт-Петербургский государственный университет хотел объединить исторический и философский факультеты. Как Вы восприняли эту идею?

Д. Р.: Разумеется, отрицательно. Как, видимо, и большинство коллег. Она в итоге и не прошла.

Ф. Н.: Как Вы отнеслись к выходу приказа 3773/1? (вышел в 2019 г.

в Санкт-Петербургском государственном университете. Согласно приказу, для открытия элективных и факультативных дисциплин необходимо записать как минимум 10 человек — Ф. Н.).

Д. Р.: Конечно, крайне негативно. Насколько мне известно, этот приказ сейчас и не применяется.

Ф. Н.: В каких еще ВУЗах Вы преподавали?

Д. Р.: Преподавать параллельно основной работе в архиве я начал довольно рано. Уже с 1972 г. (и долгие годы потом) я руководил архивной практикой студентов ЛГУ, МГИАИ и некоторых других университетов. В ЛГУ я 2 или 3 года читал (на правах преподавателя-«почасовика») курс архивоведения. Потом — после сравнительно долгого перерыва — я читал (на тех же основаниях) курсы истории культуры, истории Петербурга, вспомогательных исторических дисциплин, историографии в тогдашнем ЛГПУ им. Герцена, вел там практические занятия и семинары. Затем начал преподавать архивоведение в Санкт-Петербургском государственном институте культуры, читал лекции и руководил архивной практикой. Это продолжалось довольно долго, почти 2 десятилетия. В Европейском университете в Санкт-Петербурге я в рамках программы Н. М. Гиренко прочитал курс истории межнациональных отношений в Российской империи, а потом от этого университета был командирован в Петрозаводск, где в течение 3-х, кажется, недель прочитал (по 6–8 часов в день) курс архивоведения.

Ф.Н.: Вы принимали непосредственное участие в создании общества «Мемориал» (признано в России НКО-иноагентом. Общество ликвидировано Верховным судом в конце 2021 года. В феврале 2022 года Апелляционная коллегия Верховного суда рассмотрела жалобу Общества на решение Верховного суда. В удовлетворении жалобы было отказано, а решение оставлено без изменений — Ф.Н.). Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее. Как складывалось Ваше дальнейшее взаимодействие с этим Обществом?

Д.Р.: В 1987 г. (если память мне не изменяет) я случайно узнал, что собираются подписи под обращением об установлении памятника жертвам сталинских репрессий. Поскольку эта тема мне была близка с детства, я присоединился к группе, уже некоторое время существовавшей в Ленинграде. Это был зародыш ленинградского «Мемориала». Сначала это было несколько человек (главные организаторы — Елена Михайловна Прошина, главный мотор ленинградского «Мемориала» в то время, и Марина Георгиевна Жженова), потом группа стала расти на глазах. Появилось помещение (в ДК Кирова), где проходили еженедельные собрания. На них выступали бывшие репрессированные, начали собирать анкеты. Готовили устав будущей организации. Так в январе 1989 г. я оказался делегатом первого учредительного съезда «Мемориала» в Москве. Могу точно сказать, что это было спонтанное, никем не управляемое поначалу движение, начавшееся во многих городах и регионах тогдашнего СССР. И люди в нем были очень разные.

Одни (по большей части потомки старых большевиков), стремились восстановить историческую справедливость по отношению к «ленинской гвардии». Другие считали необходимым реабилитацию всех жертв политических репрессий (в том числе и первых лет советской власти, и после 1956 г.). Съезд собрал всех. Там были и представители либеральной части советского истеблишмента, и вчерашние политические заключенные хрущевско-брежневско-андроповского периода. И известные писатели, ученые, общественные деятели, и пока никому не известные молодые активисты. На этом съезде я был избран членом научного совета «Мемориала», конечно, не благодаря моим научным заслугам (и тогда, и, видимо, теперь, не таким уж значительным), а потому, что я был профессиональным архивистом. Но этот совет, насколько я помню, реально не работал. Поначалу деятельность «Мемориала» (в том числе и в нашем городе) в основном заключалась в сборе сведений о репрессированных, агитации за идею памятника. Правозащитной составляющей тогда еще не было. Но научный аспект довольно рано выделился в самостоятельное направление. Вениамин Викторович Иофе создал НИЦ «Мемориал». Я был одним из учредителей этой организации. К сожалению, моя деятельность в ней была минимальной — главным образом, консультации по формированию архива. В дальнейшем моя общественная активность переключилась на другие сферы деятельности. Но я горжусь тем, что я в свое время принимал какое-то минимальное участие в зарождении этого общественного движения.

Ф.Н.: Вы состояли в таких общественных организациях как Ленинградская трибуна, Антифашистский союз. Какой деятельностью в этих организациях Вы занимались? В каких еще общественных организациях Вам приходилось состоять?

Д.Р.: «Ленинградская трибуна» появилась в марте 1989 г. как дискуссионный клуб ленинградской интеллигенции. В отличие от «Московской трибуны» или «Свердловской трибуны» она не была главным центром общественно-политической жизни города (это место занимали сначала клуб «Перестройка», потом «Народный фронт», комитет «Выборы-89» и некоторые другие, например, градозащитные организации). Но поскольку «Ленинградская трибуна» объединяла выдающихся представителей науки и культуры нашего города, ее регулярные собрания (они проходили в редакции «Звезды») были площадкой, на которой в ходе дискуссий формировались общие позиции тогдашней ленинградской интеллигенции. Выработанные в результате дискуссий заявления «Ленинградской трибуны» передавались в СМИ. Звездным часом «Ленинградской трибуны» стали дни августа 1991 г., когда группа активистов клуба (в их числе был и я) приняла воззвание с призывом к сопротивлению путчу. Это воззвание (заявление), кажется, распространялось в виде листовок. А потом деятельность «Ленинградской трибуны» заглохла. Начались новые времена, у каждого обозначились свои направления деятельности — у кого политической, у кого культурной, у кого правозащитной. Да и единой позиции в новых условиях быть уже не могло.

Антифашистский союз существовал недолго. Прежде всего, из-за отсутствия материальной и организационной базы. Он объединил группу людей, противостоявших народившемуся с началом перестройки фашизму. Я участвовал в активном противостоянии черносотенцам из общества «Память», начиная с первых их митингов в Румянцевском саду. Постепенно сложилась группа единомышленников. Наша деятельность не ограничивалась попыткой создания союза. Это были выступления на разных общественных площадках, сбор сведений о деятельности черносотенных (неофашистских) организаций. Мы издавали антифашистский журнал «Барьер» (в англоязычном варианте «Challenge»). Этот журнал выходил несколько лет, хотя и нерегулярно. Прекратился из-за отсутствия средств и организационных возможностей. Результатом сбора информации (в том числе различных черносотенных изданий, листовок и т.д.) и записи митингов организаций типа «Памяти», а также научного изучения феномена русского фашизма стали 5 выпусков историко-социологических очерков «Национальная правая прежде и теперь» (под редакцией Р.Ш. Ганелина). Во всех этих делах я принимал посильное участие. А после убийства Н.М. Гиренко (о Н.М. Гиренко Д.И. Раскин пишет в: Николай Михайлович Гиренко и Санкт-Петербургский союз ученых // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 321–327 — Ф.Н.) мне пришлось поучаствовать в судебной экспертизе (и заключениях специалиста на стадии следствия) по делам по 282-й статье УК РФ. Хотя это и не совсем мой профиль, от этой деятельности

я не считал возможным уклониться, т.к. занятие это было небезопасным. Работа по экспертизе в основном велась Группой по правам национальных меньшинств Санкт-Петербургского союза ученых, которую возглавлял Николай Михайлович Гиренко, а после его гибели – Валентина Георгиевна Узунова.

С 1993 г. я был членом Общественного научно-экспертного совета по культурному наследию (ОНЭКС) при Фонде спасения Санкт-Петербурга (представлял в нем архивы и библиотеки). В него входили ведущие архитекторы, реставраторы, искусствоведы, общение с которыми (как и сама работа в совете) существенно расширили мой кругозор.

В 1991 г. я вступил в Санкт-Петербургский союз ученых. С 1994 г. вхожу (в разных качествах) в его руководство. Эта деятельность в наибольшей степени соответствует и моим наклонностям, и моим возможностям. Надеюсь, что там я приношу некоторую пользу.

Ф. Н.: С кем из известных общественных и / или политических деятелей Вы были знакомы? Оказал ли кто-то из них на Вас влияние (и наоборот)?

Д. Р.: Конечно, в результате моей общественной деятельности (хотя и очень скромной по масштабу) мне довелось эпизодически общаться со многими выдающимися людьми, например, с Сергеем Адамовичем Ковалевым, Галиной Васильевной Старовойтовой и многими другими. Это было честью для меня, ярким впечатлением, запомнившимся на всю

жизнь. Более близко я общался по «Мемориалу» с Арсением Борисовичем Рогинским (с ним, впрочем, был знаком задолго до перестроечных событий) и Вениамином Викторовичем Иофе, а по антифашистским делам и Союзу ученых – с Николаем Михайловичем Гиренко (с ним мы стали друзьями). Не могу сказать о прямом влиянии (все-таки мне тогда было уже больше 40 лет), но это общение было важной частью моей жизни. Об обратном влиянии, думаю, говорить не приходится.

Ф. Н.: Когда и как Вы стали правозащитником? Расскажите, пожалуйста, о Вашей деятельности как правозащитника.

Д. Р.: Все-таки называть меня правозащитником в высоком и полном смысле этого слова нет достаточных оснований. Я с огромным уважением и восхищением отношусь к тем, кто посвятил всю свою жизнь этой благородной и небезопасной миссии. Но моя общественная активность лишь отчасти способствовала правозащитной деятельности. Другое дело, что мое членство в Пен-клубе предполагает формальную принадлежность как к правозащитникам, так и к писателям.

Ф. Н.: Когда и как Вы начали писать стихи? Расскажите, пожалуйста, о Вашей деятельности как поэта.

Д. Р.: Стихи я начал писать в 16 лет. В моем окружении стихи в юности писали все. Я отличался разве что тем, что целенаправленно изучал русскую (и отчасти немецкую) поэзию и осваивал всевозможные образцы версификации. Возмож-

но, осваивая технику (сами стихи были еще очень слабыми и мало содержательными), я даже видел в поэзии свою жизненную цель. Но, во-первых, одновременно своей целью я считал и историческую науку, к которой приближался в университетские годы, во-вторых, публикации и вообще любая открытая поэтическая деятельность была тогда невозможна. С петербургским андеграундом я пересекался, а с некоторыми его ведущими представителями (Елена Шварц, Виктор Кривулин) был даже в дружеских отношениях, но в подполье меня не тянуло. Поэтому писал для себя, время от времени. Но свой стиль и свою технику постепенно выработал. В самом конце 1970-х я пришел в ЛИТО А. С. Кушнера (ни к кому другому я, конечно бы, не пошел). Там я нашел и отклик на свою поэзию, и единомышленников, и друзей. И, конечно, общение (а потом и дружба) с Александром Семеновичем и замечательными поэтами из этого круга (например, с А. А. Пуриним, А. С. Танковым, А. Ф. Фроловым и др.). Первая моя публикация состоялась лишь в 1989 г., когда мне было уже 43 года. А потом были и публикации в журналах (больше всего в «Звезде», но и в «Новом мире») и даже 3 книги, признание в узком кругу коллег по поэтическому цеху, литературные премии. Но поскольку я никогда не принадлежал ни к андеграунду, ни к официальной советской поэзии, ни к традиционалистам, ни к новаторам моя позиция в поэзии всегда была обособленной (если не сказать маргинальной). Я опубликовал большую часть написанного (по крайней мере, за последние 2 десятилетия), но не ду-

маю, что за пределами Петербурга (и то в основном круга профессиональных литераторов) я особенно известен. Писал всегда мало и редко, а печататься никогда специально не стремился. Последние 3 года почти не пишу, т.к. не чувствую созвучности господствующей культуре и потенциальным читателям, а нынешнее время требует прямого высказывания, чуждого моей поэтике.

Ф. Н.: Кем Вы себя в первую очередь ощущаете: историком, правозащитником или поэтом?

Д. Р.: Профессиональным историком я себя ощущаю, хотя большую часть жизни собственно исторической наукой (а не архивной работой) я мог заниматься лишь урывками, в свободное время. Сделал я в науке сравнительно мало (намного меньше, чем хотел бы и чем мог бы). Чувствовать себя правозащитником у меня нет достаточных оснований. Скорее человеком, не чуждым общественной активности (и то в последнее время из-за возраста значительно снизившейся). Поэзия всегда составляла если не большую, то необходимую часть моей жизни. Требования к результатам своей поэтической работы я всегда предъявлял самые высокие, т.е. профессиональные и до формальной профессионализации (членство в Союзе писателей), и после того, как активно в литературной жизни перестал участвовать. Так что и ученым, и поэтом я себя ощущаю одновременно. Независимо от реального места как в науке, так и в литературе.

Ф. Н.: Какие проблемы в современной исторической науке Вы видите?

Как Вы оцениваете влияние постмодернизма на историческую науку?

Д. Р.: Начну с ответа на второй вопрос. К постмодернизму я отношусь крайне отрицательно. В искусстве он означает отрицание ценностей и любых критериев, позволяющих отличать искусство от не-искусства. И последователи постмодернизма не дали миру ни одного действительно достойного произведения. А в науке постмодернизм — это отрицание объективной истины, критериев верификации / фальсификации результатов научных исследований. Т.е. отрицание самой науки. Следование постмодернизму в исторической науке — это отрицание истории как науки. Это относится и к историческим штудиям корифеев постмодернизма. Не случайно влияние постмодернизма было заметно (сейчас эта мода, кажется, проходит) в гуманитарных и социальных науках, но не в точных и естественных (где отказ от основной научной парадигмы невозможен). Хотя постмодернисты и увлекались терминологией, заимствованной из естественных и точных наук. Так что ничего хорошего постмодернизм ни искусству, ни тем более науке не принес.

А одной из главных проблем современной исторической науки я считаю засилье моды в ущерб доказательности. Новые школы и концепции появляются, на мой взгляд, чаще всего как ответ на требование новизны любой ценой. Это обеспечивает авторам гранты, позиции в ведущих университетах и публикации в рейтинговых журналах. При этом методы, подходы и концепции преобладают над доказательностью,

над выявлением и анализом источников. Но интеллектуальная мода, мало чем отличаясь по механизму создания и распространения от моды на одежду и макияж, гораздо менее безобидна. Наука (в том числе и историческая) должна развиваться по иным законам.

Для российской исторической науки все это усугубляется подражательностью (иногда уже устаревшим образцам) и имитацией новых методов и направлений. Например, обычные историко-бытовые очерки выдаются за историю повседневности, обычное изучение истории публицистики (общественной мысли) — за историю понятий. И т.д.

Проблема заключается еще и в том, что большинство новых (хотя в общем уже и не слишком новых) направлений в исторической науке позволяют увидеть лишь часть целого, лишь одну сторону или даже частное проявление исторического процесса. Например, изучение исторической памяти, будучи вполне законным предметом социологического исследования, для истории массового общественного сознания дает лишь сравнительно частный материал, который необходимо дополнять историей правосознания, религиозных, социальных и др. массовых представлений. А претендует это направление чуть ли не на то, чтобы заменить традиционную историю. Пресловутая история понятий или интеллектуальная история — это лишь часть истории общественной мысли или общественного сознания, играющей значительную роль в историческом процессе, но не объясняющей его универсально. История повседне-

ности затрагивает более глубинные слои этого процесса, но сама по себе не может быть универсальным средством его познания. Мне кажется, что последователи этих и других модных направлений уподобляются слепым, на ощупь изучающим слона, — кто ноги, кто хобот...

Наиболее мощным из получивших распространение в последние десятилетия средством исторического познания я считаю количественные методы, так называемую клиометрию. Это, действительно, эффективный инструмент научного познания истории. И эту свою эффективность он доказал во множестве конкретных исследований.

В целом же я считаю, что применение в исторической науке методов социологии, психологии, лингвистики более чем правомерно и перспективно. Но лишь при условии источниковедческой надежности материала исследования, верифицируемости результатов. Мультидисциплинарные (я не люблю слово «междисциплинарные») исследования неизбежны. Я думаю, что ближе всего к исторической науке социология. Но в ней, по моему ощущению, присутствуют (пусть и не в такой степени) те же проблемы общей парадигмы, методов и школ, что и в исторической науке.

При этом значительная часть историков по-прежнему работает (и часто весьма успешно) в традиционной методике. Я даже думаю, что конкретные исторические исследования с целью установить «wie es eigentlich gewesen», опирающиеся на максимально полную и подвергнутую на-

учной критике источниковую базу, не устарели и никогда не устареют.

Ф.Н.: Как ученый как Вы воспринимали себя в условиях Советского Союза?

Д.Р.: В советское время формально я не принадлежал ни к академической, ни к вузовской науке, разве что имел ученую степень. Поэтому мои возможности были довольно ограничены. Поскольку я занимался досоветским периодом и сравнительно нейтральными сюжетами, особого идеологического гнета я не испытывал. Как и большинство моих старших коллег, я работал в рамках общей парадигмы научного позитивизма. Именно поэтому исследования лучших советских историков не устарели и по сей день. Надеюсь, что это можно сказать и о моих публикациях кон. 1960-х — 1980-х гг.

Ф.Н.: Собрана ли где-то библиография Ваших работ?

Д.Р.: Нет. До моего прихода в СПбГУ в этом не было необходимости. А потом пришлось составлять список трудов *post factum*, так что он получился не очень полным. Да и сейчас я отношусь к учету своих публикаций не очень тщательно.

Ф.Н.: Каковы Ваши творческие планы?

Д.Р.: Сейчас, в условиях резко возросшей общей неопределенности и с поправкой на уже не молодой возраст, трудно строить далеко идущие планы. В ближайшее время я надеюсь завершить (совместно с моими коллегами) исследование истории

пенсионной системы в Российской империи. Если повезет, хотел бы продолжить изучение истории российской имперской государственности и, в частности, российской бюрократии. Есть несколько сравнительно частных сюжетов, которые хорошо бы довести до публикации. А дальше будет видно. За всю свою уже не короткую жизнь я убедился, что если из планов и замыслов удастся осуществить 10%, то это — хороший результат.

Ф.Н.: Что бы Вы пожелали будущему поколению историков, начинающим исследователям?

Д.Р.: Не буду особенно оригинальным. Честности и внутренней свободы. Самостоятельности и независимости. И, конечно, успехов. Все это относится, кстати, не только к историкам.

Ф.Н.: Спасибо за интервью!

АНДРЕЙ САЗАНОВ: «НАУКА И КУЛЬТУРА — ВНЕ ПОЛИТИКИ И КОНФЕССИЙ»

Беседовала Марианна Андрейчева

Аннотация: Видный историк и археолог Северного Причерноморья рассказывает о своих профессиональных достижениях в научно-исследовательской и педагогической сферах, а также размышляет о современных проблемах сохранения отечественного археологического наследия.

Ключевые слова: археология, Северное Причерноморье, античность, Византия, Херсонес, охрана археологического наследия

Сведения об авторе: Сазанов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН. Email: andrei.v.sazanov@mail.ru

ANDREY SAZANOV: «SCIENCE AND CULTURE ARE BEYOND POLITICS AND CONFESSIONS»

Abstract: Andrey Sazanov, prominent historian and archaeologist of the Northern Black Sea region talks about his professional achievements in the research and teaching fields, and also reflects on modern problems of preserving the national archaeological heritage.

Keywords: archeology, Northern Black Sea region, Antiquity, Byzantium, Chersonese, protection of archaeological heritage

Corresponding author: Sazanov Andrey Vladimirovich, PhD (doctor istoricheskikh nauk), Leading Researcher at the Department for the Preservation of the Archaeological Heritage of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Email: andrei.v.sazanov@mail.ru

Автор публикации: О хронологии Боспора ранневизантийского времени // Советская археология. 1989. № 4; Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. 1991. № 2; Les amphores de l'antiquite tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du Vie Congres de l'AIECM2 (13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence, 1997; Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe-troisieme quart du VIIe siecles: La chronologie de la ceramique // Les Sites archeologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age. — Leiden — Boston — Koln, 2000; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапош-

ников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков: Антиква, 2012. Т. 1. 416 с.; Херсон и крещение Владимира. Херсон в X–XI вв. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013; Les amphores orientales d'époque protobyzantine au Nord de la Mer Noire: Chronologie et typologie // LRCW II. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. London, 2007; Археологические музеи-заповедники и медиа-технологии: условия и степень применимости на памятниках ЮНЕСКО (зарубежный опыт) // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России»: Материалы Международной научной конференции. 2019 г. / Ред.-сост. А. В. Сазанов, Л. В. Седикова, Н. В. Гинькут. Севастополь: ООО «Колорит», 2019. С. 165–177; Амфоры С Spn I: проблемы классификации и хронологии // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. Москва, 2022. С. 90–144.

Расскажите, пожалуйста, о своей семье. Исследовали ли Вы вопрос семейной памяти, как глубоко она Вам известна?

Я неплохо знаю историю своей семьи. Родня по отцовской линии происходит из Переславля-Залесского. Там два поколения врачей. Среди них был предок, Ерофей Павлович Сазанов, который как профессионал был известен даже в Москве. Что касается семейной истории по материнской линии, то тут у меня целый детектив. Мой дедушка по материнской линии — Михаил Иванов. Так что искать без архивов историю предка с такой исключительно «редкой» фамилией — дело бесперспективное. По семейным сведениям и архивным материалам знаю, что до революции он работал у Нобеля, потом — в советских фирмах, которые занимались торговлей нефтью на экспорт. У деда было четыре брата: один погиб во время блокады Ленинграда, остальные постоянно к нам приходили и общались. Однако у моего деда было отчество Георгиевич, а у остальных братьев — Тимофеевичи, хотя все родные. Мне удалось найти в Российском архиве

экономики первое личное дело деда за 1922 год. В тот момент дед пошел работать в контору, которая называлась «Нефтесиндикат». Это было время НЭПа, когда Советскому государству было важно наладить экспорт и увеличить свои доходы, продавая нефть. Эта контора была создана сначала как концерн, затем стала синдикатом. При поступлении на работу дед заполнил специальную анкету. Там, в частности, необходимо было ответить на вопрос о происхождении, родственниках и их участии в Белом движении. Понятно, что эти данные потом отсматривались в НКВД. В этой анкете он указал себя как Михаил Георгиевич, хотя родные братья значились Тимофеевичами. Чтобы раскрутить эту историю, мне пришлось поехать в Санкт-Петербургский городской архив, поскольку дед был из северной столицы, хотя, если точнее — из Петродворца (Петергофа). Мне удалось найти архивные данные всех его братьев и сестер. Оказалось, что только на дедушку не было метрики, так как он родился раньше и не в Петергофе. Мне вспомнился персонаж из старого фильма «Гусарская баллада» поручик Ржевский, слу-

живший в 1812 г. в Павлоградском гусарском полку и ставший предметом многочисленных анекдотов, когда оказалось, что отец деда, т. е. мой прадед родился в Вязме, а потом его определили в тот самый Павлоградский гусарский полк. Дед родился в то время, когда полк находился в Польше в городе Сувалки. Об этом в анкетных документах он всегда предпочитал умалчивать. В какой-то момент дед оказался в Санкт-Петербурге в Петергофе, так как полк его отца перевели в столицу. Полк стал именоваться «2-й лейб-гусарский Павлоградский императора Александра III».

Так удалось разыскать информацию о дедушке по материнской линии, который по документам значился как Иванов Михаил Георгиевич, а на самом деле был Михаил Тимофеевич. Он был участником Гражданской войны, участвовал в боях под Царицыным, где получил даже какую-то награду. В это время, видимо из-за «опасного» места рождения, ему пришлось сменить отчество и место рождения начать указывать как Петергоф. В графе «происхождение» писал «из крестьян». Кстати, с дедом всегда было интересно ездить в Петергоф, так как он отлично знал эту императорскую резиденцию. Когда мы приезжали, он страшно возмущался музейными порядками, особенно платой за вход, так как в царские времена вход в Петергоф был свободный, требовалось только, чтобы посетители были обуты. Поскольку он воспитывался в Петергофе, то был приучен выговаривать полностью все титулы великих князей и чиновников императорского двора, какое здание кому принадле-

жало и что там находилось. Говорил громко, что иногда воспринималось находящимися вблизи посетителями как «приезд бывших». Как-то раз к деду даже подошли сотрудники музея и попросили его надиктовать для них свой рассказ.

Моя бабушка по материнской линии была из Вязьмы, урожденная Батенина. Ее брат Виктор Николаевич Батенин — филолог, закончивший Московский университет. В годы Первой мировой войны он пошел на фронт, стал военным, в революционное время примкнул к красным. В результате он дослужился до комбрига и преподавал в Военной академии, где занимал должность заведующего кафедрой тактического мастерства. У него учился И. С. Конев и некоторые наши знаменитые полководцы. Но в 1938 году он был репрессирован. Его объявили участником так называемого «военно-фашистского заговора Тухачевского» и расстреляли в 1940 г. Дело было полностью сфабриковано, притом крайне грубо. Реабилитирован в 1953 г. Что самое интересное, его сын тоже пошел в военные, учился в Киевском артиллерийском училище, куда его помог пристроить Конев. Уже после расстрела Виктора Николаевича его жене, оставшейся без средств к существованию, стали неожиданно приходить денежные переводы. Она поинтересовалась на почте, от кого поступают деньги, ей ответили, что «от некой гражданки Коневой». Сын Виктора Николаевича, Гелий Викторович, получил военное образование, стал полковником Генштаба, затем генерал-майором, командиром дивизиона ракет стратегического назначения, главным военным советником

Министерства обороны СССР по вопросам контроля за ядерными вооружениями.

Подводя итог, можно сказать, что семейная память мне известна до рубежа XVIII–XIX вв.

Расскажите, пожалуйста, о Вашей семье. Кто в семье повлиял на Ваше решение стать историком?

Папа у меня журналист-американист. Закончил в свое время Институт иностранных языков. Работал в Агентстве печати «Новости», благодаря чему у нас дома была интересная зарубежная литература, да и коллеги отца приходили. Мать была известным востоковедом-индологом, профессором Института стран Азии и Африки при МГУ, специалистом по средневековой индийской религии. Она закончила восточное отделение истфака Московского университета.

Мой осознанный интерес к истории начался со школы. Забавно, что на уроках истории в 4–5 классах мне была не интересна археология. Более того, самая первая двойка, которую я получил, была в 5 классе по истории Древнего мира. В этой связи вспоминается распространенная легенда о том, что сделали с Д. И. Менделеевым, когда он, будучи гимназистом, проводил неудачные опыты: его отвели в столовую, где обедали гимназисты, и заставили стоять там с издевательской надписью «Великий химик». Так что, здесь, исключая слово «великий», я оказался в русле традиции.

Интерес к истории у меня начался с книги. Родители принесли книжку

под названием «Путешествие к предкам». Книга не самая захватывающая по содержанию, но там были цветные картинки. А я всегда любил яркие зрительные образы. А там — картинки с пирамидой Хеопса и знаменитыми египетскими стелами, на которых были высечены иероглифы. По сюжету два школьника и профессор путешествовали в древность, попали в Египет. Профессор рассказывает детям о памятниках, читает текст на стеле. Ясно, детская книжка, картинки цветные — интересно. И тогда родители принесли мне великолепную книжку, которую я до сих пор рекомендую студентам, хотя она была в первой редакции издана в 1951 году. Она называлась «Страна большого Хапи», ее авторами были профессиональный египтолог Николай Сергеевич Петровский и очень хороший журналист Авраам Белов. Эта интересная, захватывающая книга — то, что надо было для школьника. Я тут же нашел в ней рассказ про пирамиды, прочитал про Ж.-Ф. Шампольона, про Розеттский камень. Последний стал для меня много позже одним из самых ярких впечатлений, когда я увидел его в Британском музее в Лондоне. Так вот, в книжке приводились знаменитые имена Птолемея и Клеопатры с этого камня. Они были написаны иероглифами. В книге сначала давалась транслитерация, а потом, соответственно, русские буквы. Египтяне, как известно, гласных не выписывали, и вот я с большим удовольствием подставил слово Клеопатра к этим иероглифам и получил результат. Потом выяснилось, что в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина есть кружки Древнего мира, археологии, Средних

веков, входящие в Клуб любителей искусства и Клуб юных искусствоведов. Кстати, эта потрясающая система кружков в ГМИИ существует до сих пор, в них я всегда рекомендую отдавать детей, поскольку это, на мой взгляд, одно из лучших мест для наполнения молодых неокрепших мозгов. Со мной в кружках Древнего мира, археологии, Средних веков занимались многие из тех, с которыми я потом учился на истфаке МГУ и продолжаю дружить до сих пор. Среди однокурсников — нынешний директор ГИМа Алексей Левыкин, зам. директора Института Российской истории Антон Горский, генеральный директор музеев Московского Кремля Елена Гагарина, ее заместитель Ольга Дмитриева и многие другие. Кстати, существует клуб выпускников ГМИИ. Я бываю на встречах, которые происходят с разной периодичностью: иногда раз в месяц, иногда чаще. На них выпускники приходят со своим материалом, делают доклады. Заранее план вывешивается на сайте ГМИИ.

Правда, мое знакомство с ГМИИ начиналось анекдотично. Еще до того, как я стал ходить в кружок, в 5 классе, мама привела меня в этот музей, где мне жутко не понравилось. Какие-то непонятные импрессионисты..., тоска полная. Единственно, что меня тогда зацепило — это макет Афинского Акрополя. Так в Пушкинском музее я начал ходить в кружок истории Древнего мира, и это были крайне интересные, просто захватывающие занятия. Мы лишь позже узнали, какие звезды вели этот кружок и возились с нами, детьми. Ежегодно каждый из нас должен был сделать доклад — так приучали

к серьезной работе. Более того, мы шли к сотрудникам музея, курировавшим, скажем, эгейское искусство, и они давали диапозитивы для докладов и обсуждали их содержание. Ценность этих занятий я понял позже, поэтому и говорю, что моя альма-матер — ГМИИ имени Пушкина. Ну, и, конечно, после кружка истории Древнего мира я стал ходить в кружок археологии. Особенность его была в том, что его руководители вывозили ребят на раскопки. Так, первые мои раскопки были с сотрудником Института археологии, который там работает до сих пор, — Владимиром Владимировичем Сидоровым. Он нас возил на раскопки памятника каменного века. Вы представляете себе, что значит для школьника держать в руках наконечник стрелы каменного века, или настоящие черепки эпохи неолита 2–4 тыс. до н.э.? Это дорогого стоит.

Когда пришло время поступать в вуз, у меня не было сомнений — исторический факультет МГУ. Следующим важным этапом для меня стал выбор узкой специализации. Тогда на истфаке было несколько очень ярких преподавателей. Один из них был настоящий энциклопедист, обаятельнейший и остроумнейший Андрей Чеславович Козаржевский. Представляете себе, тогда, в советское время, он вел предмет под названием «*Testamentum Novum*» — «Новый Завет». И у нас в зачетке было забавное сочетание: зачет по научному атеизму, а затем зачет по «*Testamentum Novum*». Андрей Чеславович, ставя нам зачет, смеялся: «Ну что? Атеизму научились? Ну и кто вас учил атеизму?» — и, услышав фамилию, в ответ: «А, расстриженный!».

Еще одним ярким преподавателем был античник Геннадий Андреевич Кошеленко, который потрясающе знал западноевропейскую литературу по античности. Он первый, кто сказал, что мы — часть большого европейского античного мира и что, прежде всего, надо читать новейшую западную литературу. По нашей просьбе он приносил нам эту литературу и давал читать домой. В те времена это была фантастика.

Первой моей античной экспедицией стала экспедиция на Таманский полуостров. Это был отряд Государственного исторического музея, которым руководила Нина Петровна Сорокина — крупнейший специалист по римскому стеклу. И тогда я понял одну вещь — нельзя заниматься Грецией в отрыве от Греции, так же как и заниматься Египтом в отрыве от Египта. А что у нас есть? Причерноморье. Так я стал заниматься Северным Причерноморьем, начиная с Боспорского царства. Моя первая научная работа посвящена топографии Пантикапея римского времени. Она была опубликована в журнале «Советская археология», когда я еще был студентом.

Очень быстро пришло осознание того, что нужно заниматься массовым материалом как основой археологии. Сам по себе этот материал может казаться занудным, тоскливым, но, если ты его знаешь, проблем нет. Так получилось, что я им занимаюсь до сих пор. Так что по образованию я античник, и в нашей семье являюсь продолжателем традиции античных исследований, потому что мой двоюродный дядя, профессор Олег Сергеевич Широков, был очень извест-

ным античником, легендой филфака МГУ.

Как преподаватель, я считаю, что студентам нужны яркие образы и «оживляж», поэтому часто говорю провокационные вещи. Первое, что я им говорю, что принимаю экзамен как римский император, т.к. «строг, но... суров». Когда они спрашивают, можно ли со мной договориться, я отвечаю, что можно... — выучить предмет. Или, например, говорю студентам: «Ребята, скажу вам прямо. Любой письменный источник врет». И на их вопросительные возгласы отвечаю, что каждый врет по-своему, а их задача путем критики источника выяснить, что же было на самом деле. А дальше говорю, что есть такая гуманитарная наука, которая не врет. Они тогда хором отвечают: «Археология». Я говорю: «Правильно!» и добавляю, что археология, конечно, объективная наука, но, как сказал Клейн в книжке «Археологические источники», «археология не может врать, но за нее говорит археолог и очень часто ошибается».

Памятники материальной культуры интересовали меня больше, чем что-либо другое. Я занимался разными их категориями. Например, иконографией античных скульптур, терракотой. У меня кандидатская по терракоте римского времени. Было еще одно увлечение. Когда я занимался иконографией, то решил ее формализовать, рассматривая иконографию божеств как сочетание различных признаков (тогда входили в обиход гуманитарных наук статистико-комбинаторные методы). Когда дошло дело до применения этой методики в кандидатской дис-

сертации, крупнейший искусствовед Мария Михайловна Кобылина была в крайнем удивлении. Она спросила меня: «Андрей, а вы что, любое явление можете так разложить на признаки? И Рафаэля?» А я ей говорю: «Да хоть Микеланджело». Она только улыбнулась мне в ответ, покачивая головой. Замечательный был человек: услышать такое и не возмутиться...

Античная археология стала хорошей основой, позволившей мне дальше заниматься не только античностью, но и византийской историей. Сейчас, например, я в большей степени занимаюсь византийской археологией.

Диплом Вы защищали у Г. А. Кошеленко. А как случилось, что Вы свою кандидатскую диссертацию уже защищали в Институте археологии, а не в МГУ?

Геннадий Андреевич Кошеленко был одновременно заведующим сектором античной археологии Института археологии АН СССР. Он туда собирал своих учеников. Геннадий Андреевич был очень ярким, темпераментным человеком. Он очень много знал и буквально вываливал на студентов свой материал, из-за чего его было крайне трудно конспектировать. Он передал нам свою увлеченность и знаменитый завет исследователя: «Нет незыблемых истин, все подвергайте сомнению». Я сравниваю с другими преподавателями истфака. Никого не хочу обижать, но курс истории средних веков был откровенно скучным. Курс истории СССР периода феодализма преподавал Б. А. Рыбаков. Он был как лектор блестящий. Но,

когда мы начинали разбираться в том, что он говорит, читая соответствующую литературу, то понимали — что-то здесь не то. А когда мы прочитали в «Советской археологии» его дискуссию с Борисом Александровичем Колчиным по поводу дендрохронологии, в которой Рыбаков доказывал, что новгородская дендрохронология ошибочна, то все стало окончательно ясно. Так что ярких преподавателей у нас было совсем немного. Из кафедры истории России XIX века это был Михаил Герасимович Седов, который читал эпохи Александра II и Александра III. Потом мы узнали, что он много лет отсидел в сталинских лагерях. Эти педагоги были яркими звездами, на которые мы ориентировались. Но много было и ничем не примечательных преподавателей, которые, например, нам читали научный коммунизм, философию в примитивных марксистских трактовках, прочие идеологизированные курсы. Жалко, что столько времени на них тратили.

В аспирантуру я уже поступал к Геннадию Андреевичу в Институт археологии. Там я написал и защитил кандидатскую диссертацию по боспорской терракоте. Так что с институтом я всегда был тесно связан, даже, когда одно время там не работал.

Вы начали работать в Институте археологии уже во время подготовки диссертации?

После аспирантуры я уже работал в институте. Нас тогда брали в отдел охранных раскопок. Я сейчас как раз работаю в отделе сохранения археологического наследия, который является его преемником.

У нас есть, условно, научные (плановые) раскопки и спасательные. Сейчас 95% археологических работ в нашей стране спасательные. Крупные строительные проекты, затрагивающие объекты археологического наследия, требуют проведения спасательных археологических работ. Здесь есть финансирование, высокие темпы исследований, вызванные конкретной задачей — спасти памятники.

После защиты кандидатской диссертации Ваши интересы переориентировались на Херсонес? В связи с чем случилась перемена Ваших научных интересов?

Здесь сказался мой вредный характер. Всегда нравилось то, что мало исследовано. Античность — это хорошо, а вот что было в Крыму в Средние века? Невооруженным глазом были видны огромные провалы. Если, например, по античности есть фундаментальная работа Ираиды Борисовны Зеест «Керамическая тара Боспора», то книги Анатолия Леопольдовича Якобсона, специалиста по средневековому Крыму, уступают просто на порядок. Якобсон — блестящий архитектор и хороший искусствовед, но в его работах нет той техники обработки массового материала, что была у античников. И я понял, что это и есть то неизвестное, что мне будет интересным. Так постепенно я начал заниматься раннесредневековым Крымом. И еще одна проблема. Ведь, как мы, античники, говорим, Крым — это часть европейского средиземноморского мира. Все наши ключевые памятники там. Не зная их, в истории античного Крыма делать нечего. Здесь мы

зависимы от западной археологии, поэтому у меня очень тесные связи с западными коллегами. Вот сейчас из Оксфорда пришло очередное письмо с предложением сделать доклад по Херсонесу на конференции в Италии. Сижу, пишу текст.

В советское время были большие проблемы с западной литературой. И вот, работая в отделе охранных раскопок, я обнаружил, что по моей тематике ключевое исследование — английская книга Джона Уильяма Хейса «Поздняя римская керамика». Ее, естественно, в Советском Союзе не было. Но мне повезло, один из сотрудников нашего отдела, Игорь Сергеевич Каменецкий, скопил деньги и поехал в круиз по Греции. Из путешествия он привез книги. И среди них была книга Джона Хейса. Так я стал единственным в стране исследователем данной темы, получившим возможность познакомиться с классическим исследованием. И когда я ее изучил, то понял, что у нас большая проблема с датировками, потому что в работах Хейса на материалах Греции и других регионов датировки были значительно выше и отличались от наших очень значительно, многие примерно на полтора столетия. Тогда по молодости решил, что произведу фурор. Я стал потрясать книжкой Хейса, напугав половину отдела античной археологии, особенно старшее поколение, которое решило, что я на что-то особенное претендую. Тогда, обнаглев вконец, я стал смотреть, кто из западных коллег лучший специалист по тем категориям керамики, что мне встречалась. Нашел Мишеля Бонифэ из университета Экс-ан-Прованса. Взял и написал

ему письмо с просьбой прислать отписки статей, которых в наших библиотеках не было. В ответ, совершенно неожиданно, получил от него увесистую посылку с оттисками. Через некоторое время после начала переписки получаю от него письмо с приглашением приехать и посмотреть все эти материалы. К счастью, уже был 1993 год, я мог выехать из страны. Меня пригласили на конференцию, я оказался во Франции, где познакомился с французскими коллегами. Мне пришлось выучить французский язык, даже прочитал в университете Экс-ан-Прованса несколько лекций. Так я стал ездить на международные конференции. Потом были Стамбул, Париж, Лондон, Агридженто, Валенсия, Фессалоники, Никосия, Александрия и др. Материалы конференций издавались в престижных европейских изданиях, в основном, оксфордских. Поэтому около половины статей у меня на западных языках, английском и французском. Сложилось хорошие отношения с американскими коллегами, благодаря которым удалось принять участие в раскопках Кесарии Палестинской в составе экспедиции университета Висконсин. До сих пор у меня все эти контакты продолжают. Вдобавок к этому, появился сайт Academia.edu, где всегда можно найти что-то новое по своей тематике. Раз в неделю точно что-нибудь скачиваю.

Но вернемся к Херсонесу. Когда я в первый раз приехал в Херсонес в 1988 году, то сразу понял, что Херсонес — это эталонный памятник византийского средневековья. Поразила прежде всего целостность города: сохранившаяся с античности

планировка, остатки византийских храмов и жилых кварталов и, конечно, привлекли внушительные археологические коллекции. Не остаться там специалисту по IV–VII вв. было нельзя. Я начал ездить в Херсонес с экспедицией нашего института. Там я познакомился со многими коллегами, в том числе сотрудниками Херсонесского музея-заповедника. Активно общаюсь с ними до сих пор. Сначала я занимался ранним средневековьем, потом перешел на позднее. Занимался и темой крещения Руси, поскольку вокруг нее много всяких интерпретаций накручено.

А докторская диссертация была уже с этой темой связана?

Докторская диссертация имела абсолютно убойное название — «Города и поселения Северного Причерноморья в ранневизантийское время». Я взял эталонные комплексы этого региона и сделал то, что Дэвид Кларк в книге «Аналитическая археология» называет синхронизацией стратиграфических колонок, на основании которой были сделаны выводы исторического характера. В принципе все было просто. Я один за другим анализировал каждый керамический комплекс. Читать эту работу очень трудно, но, говорят, невероятно полезно. Я ее так и не издал в целом виде. Она опубликована в виде значительно переработанных статей. Помимо автореферата выводы диссертации были напечатаны один раз в статье на украинском языке «Боспор у ранньовізантійський час». В то время было трудно и, главное, долго напечататься в, скажем, «Византийском временнике» или «Советской археологии». У меня было

два коллеги, один в Харькове — Сергей Борисович Сорочан, другой в Киеве — Виталий Михайлович Зубарь. Последний был ответственным секретарем украинского журнала «Археологія». Виталий Михайлович предложил опубликовать мою работу и сам осуществил первый перевод, а правил текст уже человек, по-настоящему знавший украинский язык, — ныне доктор ист. наук, член-корр. Национальной академии наук Украины, заместитель директора по науке Института археологии НАН Украины Алла Валерьевна Буйских. Вот так у меня образовалась одна из двух моих статей на украинском языке. Вторая была по одному из типов амфор, «Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV–VII ст. н.э.)», переводила та же Алла Валерьевна.

В каком году Вы защитили докторскую?

Кажется, в 1999 году. Обсуждался в Институте археологии РАН, на кафедре археологии Истфака МГУ, защищался на Ученом Совете по археологии и этнографии Исторического факультета МГУ.

Я правильно понимаю, что все эти постсоветские годы Вы ездили на раскопки в Херсонес? Как это у Вас получалось? С Институтом археологии НАН Украины и нашим Институтом археологии?

Я объясню, поскольку сейчас этот вопрос особенно актуален. Всегда и везде есть нормальные, понимающие люди. Когда мне задают в очередной раз вопрос: «А как же Вы сейчас с ними общаетесь?» я от-

вечаю, что общаюсь спокойно, поскольку везде есть адекватные люди, которые все правильно понимают, несмотря ни на какие политические катаклизмы. Сначала нам выдавали украинские открытые листы на раскопки в Крыму. Потом последовало распоряжение за подписью Юлии Тимошенко, что не могут лица, не являющиеся гражданами Украины, их получать. Тогда наши украинские коллеги предложили хороший вариант решения проблемы: они брали на себя открытый лист, а мы продолжали работать. Так и договаривались. Нам очень помогали сотрудники и руководители Института археологии НАН Украины и крымские коллеги. Конечно, иногда мы сталкивались с националистическим марразмом, но тогда мы все откровенно над этими проявлениями смеялись. К примеру, Виталий Михайлович Зубарь рассказывал, что сидел как-то на заседании Ученого Совета в Киеве, было крайне скучно, задремал, но проснулся на том месте, когда докладчик говорил, что трипольцы — потомки древних украинцев. И тут Зубарь не выдержал и шёпотом на весь зал сказал: «Посмотрите на шнобели трипольцев! Это же чистые семиты!» Ну и легендарные заседания руководства НАН, начинавшиеся на украинском, но продолжавшиеся на русском «по просьбе из зала». Так что на украинских коллег нам всегда везло. С коллегами из Киева были хорошие понимающие отношения.

Андрей Владимирович, а можно Вам позадавать крамольные вопросы? Как изменились условия Вашей работы с Херсонесом после 2014 года?

В принципе все осталось по-прежнему, только зеркально. Теперь открытые листы на раскопки в Крыму выдает Минкульт РФ на основании экспертизы нашего института. Со стороны украинской власти, конечно, были глупости, потому что всех археологов, копавших в Крыму, они поместили на знаменитый сайт «Миротворец». Ну, и вызывающие смех априорно невыполнимые санкции за несанкционированные раскопки на Украине в отношении ГМИИ им. А.С. Пушкина, ГИМа, Эрмитажа... Что самое интересное, в эти списки не попали те, кто должен был попасть, прежде всего, члены Научного Совета по полевым исследованиям, которые отвечали за выдачу открытых листов. Зато туда включили сотрудников Херсонесского музея-заповедника.

А для украинских коллег поменялись условия?

Мы с нашей стороны хотели им создать те же условия для работы, что и они для нас в «украинский период» Крыма, но коллеги, по понятным причинам, боялись воспользоваться этой возможностью. Их, во-первых, не пускали работать украинские власти, а во-вторых, можно было получить проблемы от националистически настроенных соотечественников на Украине. Так что ситуация, к сожалению, так сложилась. Мое личное убеждение, что наука, так же как и культура, не терпит государственных границ и политики, она интернациональна и всемирна. Там, где начинаются границы и вмешивается политика, наука кончается. Наука и культура должны быть вне политики и конфессий.

Археология — важная часть Вашей жизни, но Вы еще занимались преподавательской деятельностью. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Я всегда считал, что ученый должен преподавать. Одна проблема сейчас: у преподавателей огромная нагрузка и невозможно качественно читать такой объем. Ты не успеваешь подготовиться, а читать одно и то же нельзя. Одно и то же читает плохой лектор и ученый. И еще, хороший преподаватель никогда не будет читать по учебнику. Преподавание — это интересно и, местами, забавно. Иногда коллеги брюзжат на молодежь, что она якобы не та пошла и все вообще плохо по сравнению с тем, что было раньше. А я напоминаю цитату римского историка Корнелия Тацита об упадке нравов римского общества: «Уничтожаемые постепенно нравы отцов теперь искореняются до основания в виду взятого извне распутства, чтобы в Риме все разрушалось и продолжало разрушаться, чтобы видно было как нравственно портят молодежь, которая проводит время в гимназиях, в отдыхе, в позорных любовных утехах...». А были времена... Так что всегда все было одно и то же. То, что молодое поколение иное, — это хорошо. Им нельзя командовать, допустим только убеждающий диалог. Человек ценен тем, что индивидуален, а студент тем более. Главное — он должен думать и на основании своих знаний и представлений самостоятельно принимать грамотные решения. Вот сейчас мы с коллегами из Института археологии преподаем в Государственном академическом университете гуманитарных наук, где выделили археологию в отдельную дисциплину. Ася

Викторовна Энговатова, заместитель директора ИА РАН, предложила идею курса «Современные проблемы охраны археологических объектов культурного наследия». Мы читаем этот абсолютно новый курс, начиная с практических знаний и юридической базы. Как археологу работать в условиях гигантского объема спасательных раскопок, на какие нормативные акты опираться, что такое государственная историко-культурная экспертиза объекта археологического наследия, археологические объекты и предметы, музеефикация и т.д. Читают курс три человека: А.В. Энговатова, С.В. Мокроусов и Ваш покорный слуга. Мы даже не ожидали, что после этого курса треть студентов захотят заниматься спасательными раскопками.

Поэтому чтение лекций — очень полезное занятие, поскольку мотивирует всегда быть в курсе новых исследований на заданную тему. Еще один важный момент — это контакт с аудиторией, взаимодействие, при котором ты выстраиваешь такой научный подход к теме, который студенты воспримут с интересом. Я преподавал и Античную Грецию, и историю России в Средние века. По каждому блоку есть те книги, которые у студентов пользуются наибольшим успехом. По Греции — книга М.Л. Гаспарова, по русскому средневековию — книга Л.А. Кацвы, А.Л. Юрганова, их же я рекомендую и по истории России XVI–XVIII вв.

В советское время были дико скучные учебники, где все вертелось вокруг бесконечно ухудшающегося положения крестьянства. Непонятно было только одно, как крестьяне

вообще сохранились. В советских учебниках были мертвые, примитивные схемы: феодализм, капитализм и прочие далекие от реалии формационные сюжеты. А новые учебники по истории средневековья, например, блестящий учебник М.А. Бойцова и Р.М. Шукурова, интересны потому, что они вернули в историю личность, вернули человека. Это то направление исторической мысли, которое продвигал А.Я. Гуревич и сотрудники его журнала «Одиссей», за что им огромное спасибо.

Поэтому преподавать необходимо. Кстати, в моей преподавательской деятельности был опыт чтения истории Средних веков в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Там у меня в аудитории собирались по 200–300 человек из разных факультетов. В этом университете были всякие персонажи: некоторые из серии «православие или смерть». Но, что касается моих лекций, то, как правило, меня студенты всегда благодарили за адекватность изложения средневековой истории.

Более того, я как-то читал лекции в Московском исламском университете. Там у меня учились будущие имамы. Я читал историю Древнего Востока, религиоведение, историю исламских народов. Сейчас некоторые мои выпускники — имамы в Подмоскowie и в разных регионах России.

Еще был опыт чтения истории государственного управления Россией на Высших стольпинских курсах. В Российском университете дружбы народов я читал историю искусства.

Поэтому практика чтения лекций у меня разнообразная, и есть, с чем сравнивать. Вывод один — преподаватель не имеет права халтурить, надо читать везде «по полной», студенты очень хорошо чувствуют где хороший преподаватель, а где плохой.

Вы известны как участник и организатор научно-популярных исторических проектов на телевидении. Расскажите, пожалуйста, об этой стороне Вашей деятельности.

Телевидение по отношению к исторической науке — другой мир, но тем не менее ряд моих однокурсников работают на телеканалах, а, например, один из них, О.Б. Добродеев, занимает пост генерального директора ВГТРК. Как-то мне позвонили с «Первого канала» и пригласили принять участие в проекте «Моя родословная». Продюсером проекта выступала известный журналист Елена Афанасьева. Идея проекта — показать историю России через родословную отдельных ярких героев. Возник вопрос о том, как повысить рейтинг передачи, и было найдено точное решение: взять медийные персоны и показать их в процессе поиска своих предков. Во время съемок мы с коллегами делали исторические комментарии к выпускам, работали в архивах. Первый мой телевизионный опыт в проекте была родословная Лизы Боярской. Я был приятно удивлен адекватностью, скромностью и серьезным отношением к делу Елизаветы. Нормальный человек без звездных закидочков. Оказалось, что прапрадед Лизы, Николай Игнатьевич Бояновский, был директором Государственного банка Российской империи. Я на-

шел в РГИА формулярный список на Н.И. Бояновского. У него оказалась безумно интересная биография. У него были и ордена, и грамота от министра финансов С.Ю. Витте. Когда пришла советская власть, он начал в документах указывать себя как сына дворового и крепостной крестьянки, хотя, конечно, он был дворянином.

Так что это был очень интересный проект. Я с удивлением узнал, что актриса Евгения Симонова — родная сестра Юрия Павловича Вяземского. У Татьяны Арнтгольц обнаружился дневник ее прабабушки XIX века, записи в котором были выполнены на немецком языке готическим шрифтом, и по семейным преданиям прабабушка являлась фрейлиной двора. Очень интересно было работать с Верой Алентовой, у которой оказалось в предках четыре поколения священников. У Виктора Рыбина, солиста группы «Дюна», отец работал в «Диррижабльстрое» с Нобелем. В предках Рыбина оказался французский солдат, воевавший в Отечественной войне 1812 г., который был взят в плен где-то под Смоленском, там женился и обрусел. Так что, несмотря на выраженный творческий подход создателей проекта, в основе его лежала историческая фактура. Проект «Моя родословная» вышел в пятнадцати сериях и до сих пор его можно посмотреть в открытом доступе.

Я также принимал участие в телепроекте телеканала «Звезда» у очень хорошего документального режиссера Ольги Викторовны Маяковой. Она вникала во все, вплоть до списка литературы, и присылала мне обязательно сценарий на вычитку. Когда

мы с ней делали фильм «Полуостров сокровищ» про Крым, она даже приходила в Историческую библиотеку, где я работал, желая подробнее ознакомиться с материалами. Второй прекрасный режиссер-документалист — Елизавета Листова, которую отличает любовь к работе с архивами. У нее под каждый эпизод подложен архивный документ. Посмотрите ее фильмы про московское метро, московские пятиэтажки и другие. В ее рабочей группе — профессиональный архивист, закончивший Историко-архивный институт. В ее фильмах вся фактура выверена до деталей. Поэтому сотрудничество и общение с Маяковой и Листовой было для меня чистым удовольствием. Я про них говорю — «два документалиста первого порядка».

На «Звезде» у меня также было два выпуска фильма «Легенды армии», посвященные генералу И. Е. Петрову, руководившему обороной Севастополя в годы ВОВ, и известному востоковеду З. М. Буниятову — бывшему штрафнику. В последнем выпуске я рассказывал про штрафные батальоны, как они формировались, численность, объективно ли отражение этой темы в сериале «Штрафник» и прочее. Моя принципиальная позиция, которой я придерживался, участвуя в этих проектах, — говорить все, как есть; как говорил Лютер на Вормском сейме — «на сем стою и не могу иначе».

У Вас очень тесные контакты с «Диссернетом». Расскажите, пожалуйста, об этом сотрудничестве.

Дело в том, что я некоторое время на половину ставки работал в Ленинке.

На фоне скандала, связанного с деятельностью Даниловского диссовета в МПГУ, который был прозван фабрикой по защите плагиаторских диссертаций, началась компания по выявлению такого рода диссертационных работ. Сначала мы думали, что это касается только МПГУ, а потом оказалось, что мы сильно заблуждались, и масштабы бедствия просто поражают. Вскрылось участие в этом безобразии ректорского корпуса, депутатов Государственной Думы, директоров школ, целых фабрик заказных диссертаций. С липовыми диссертациями оказались ряд крупных чиновников Министерства образования и Министерства культуры. Но минусом организации этой работы было то, что библиотека относится к Министерству культуры, и возможности проверки ограничивались имеющимися в фондах «Ленинки» изданиями и диссертациями. Интернет-источники и другие «сторонние» материалы по условиям проверки не привлекались. Чувствовалась и боязнь руководства библиотеки «обидеть» ту или иную влиятельную персону, а неуклюжие заявления тогдашнего директора «Ленинки» А. И. Вислого, противоречащие одно другому, ничего кроме смеха не вызывали. Однако в это же время возникает объединение «Диссернет», где какие-либо ограничения подобного порядка отсутствовали. Я связался с одним из его основателей, математиком Андреем Ростовцевым, и мы стали сопоставлять результаты. Они оказались очень близкими, зачастую одинаковыми. Конкретные цифры различались за счет более широкого охвата источников «Диссернетом», но резуль-

таты принципиально одинаковые. Но эта катастрофа с диссертациями в гуманитарной сфере — цветочки, по сравнению с плагиатом в сфере медицины, где страшные ягоды этой системы. Поэтому, как говорил один мой друг из «Диссернета», если пойдешь лечиться, не иди к кандидату или доктору наук. Мы как-то встречались с представителями Ассоциации доказательной медицины. Я задал им вопрос, может ли хороший врач быть с такой диссертацией? Они категорически сказали, что нет. Это сущее бедствие, ведь выяснилось, например, что на одном из первых мест по плагиату стоит Институт имени Бакулева с липовыми диссертациями. С материалами об этом можно ознакомиться на сайте «Диссернета» и в «Диссеропедии».

Потрясающе! Я всегда думала, что это касается преимущественно гуманитарной сферы. Ведь здесь легче всего состряпать такую работу: взять расплывчатую тему, набрать материалы и выдать их за свои.

Да, медицина сильно в этом замешана. Эта беда есть также и в естественных науках, но Ростовцев придумал программу, которая ловит такие работы даже на уровне переставленных цифр и картинок. Объемы, конечно, колоссальные. Ведь у нас в «Ленинке» было на первых порах почти 50% плагиата из всего массива поступавших диссертаций.

Это очень серьезная цифра!

Я даже смог такие диссертации по названию отлавливать, например, «Эффективность...», «Социокультурные аспекты...» и тому подобное.

Кстати, как Вы помните, мой университетский диплом тоже в свое время был украден и лег в основу такой липовой диссертации, хотя тема моей работы была очень узкоспециальной — об одной из летописных статей Повести временных лет. Вы прекрасно знаете эту историю, поскольку помогли мне раскрыть данные того человека, который украл мою работу. Это была некая Ирина Витальевна Николаева, защитившая диссертацию по культурологии в печально известном Даниловском диссовете МПГУ. А передал ей мою дипломную работу, и, по всей видимости, помог защититься, мой бывший научный руководитель — доктор исторических наук Игорь Николаевич Данилевский. Он как раз в те годы одновременно преподавал в РГГУ, где я защитила свой диплом, и в МПГУ. Вот такая история.

Андрей Владимирович, Вы вернулись несколько лет назад в Институт археологии РАН. Чем Вы сейчас занимаетесь в институте, каковы Ваши планы на будущее?

Здесь три направления: первое — наша основная работа по сохранению археологического наследия. После принятия 73 ФЗ, который поставил барьер на пути неконтролируемой застройки, возникло противодействие строительного комплекса. Год назад в Государственной Думе появилась бумага, которая под предлогом массового строительства, продвигает фактическую отмену археологических разведок. Мы забили тревогу. Ведь сейчас как происходит постановка на учет: если планируется строительство, то его заказчик обращается в региональный орган

культурного наследия. Оно выдает ему справку, есть или нет на данной территории объекты культурного наследия, или сведений об этом не имеется. В последнем случае застройщик обязан заказать государственную историко-культурную экспертизу, ее оплатить. В случае обнаружения в ходе экспертизы объектов культурного наследия в месте застройки, там проводятся спасательные раскопки. И вот в Госдуме решили от этих разведок избавиться. Ситуация была и есть очень серьезная, например, первым за ликвидацию разведок выступил губернатор Подмосковья А. Ю. Воробьев. Понятно почему: это мешало застройкам в его регионе. Он сказал прямо, что археологи мешают. Его поддержал департамент культурного наследия Москвы, который организовал письмо на имя С. С. Собянина. Но по счастью, солидарность ученых и деятелей культуры сыграла свою роль. Когда этот проект вывесили для общественного обсуждения, за отмену археологии было 10 голосов, а против — 7800. При таком результате никто не рискнул продолжить прямое продвижение этого проекта. Сейчас почти каждый год появляются его клоны, их удается отслеживать и реагировать.

Второе направление, которым я занимаюсь, это, собственно, наука. Сейчас я пишу статью для международного конгресса в Равенне (Италия). Ее название звучит необычно «Равенна и Херсонес в VII–VIII вв.: сравнение археологической керамики». А если говорить о крупной работе, то я занят подготовкой корпуса византийских амфор, найденных в Северном Причерноморье, поскольку по амфорам как массово-

му материалу датировка комплексов наиболее надежна. Существующие датировки устарели, и я постепенно, шаг за шагом, разбираю амфоры на типы, классы и так далее. Посылаю исследования в виде отдельных статей на западные конгрессы, чтобы коллеги высказались по поводу моей работы. Это необходимо, потому что именно на Западе находятся ключевые комплексы.

Еще немного расскажу об одном моем направлении. Мне пришлось заняться историей Российской империи. Почему вы думаете Чертковские чтения в свое время сменили тематику? Когда я пришел работать в Историческую библиотеку, эта конференция была целиком посвящена библиотечным сюжетам. Я очень уважаю библиотекарей и их серьезный труд. Однако, познакомившись с содержанием докладов Чертковских чтений, я понял, что они отражают сугубо практическую библиотечную проблематику, которая интересна узкому кругу библиотечных профессионалов. Я предложил сделать конференцию сугубо исторической, по крупным историческим проблемам. Так, генеральной темой чтений стала история Российской империи. Я углубился в этот период, посмотрел прекрасно снятый сериал Леонида Парфенова «Российская империя» (НТВ), который был создан при участии доктора исторических наук, профессора НИУ «ВШЭ» Александра Борисовича Каменского. В этой связи у меня до сих пор то и дело возникают проекты, посвященные российской истории указанного периода. Я близко познакомился с просветительской и научной деятельностью графов Сергея Семё-

новича и Алексея Сергеевича Уваровых. Мой друг и коллега Алексей Миллер, занимающийся темой политики памяти, помог мне понять многие вещи, с ними связанные. Кстати, именно тогда, углубившись в тему, я узнал, что в первой редакции «Записки Уварова императору Николаю I», хранящейся в ГИМе, знаменитая фраза «православие, самодержавие, народность», как и весь текст, была написана по-французски, где вместо ожидаемого «orthodoxie» стояло «la religion nationale». Именно поэтому С.С. Уваров защищал Польшу при попытках ее насильственной русификации.

Последний вопрос в нашей беседе, который я не могу Вам не задать, это вопрос, касающийся современного состояния Херсонесского музея-заповедника. Вы пристально следите за его судьбой. Как Вы относитесь к тем изменениям, что произошли в музее, начиная с 2014 года? Какими Вам видятся дальнейшие перспективы его развития?

Первое, что я хотел бы отметить, как положительные моменты, это проведение научных конференций, издание научных сборников и монографий, частичная реставрация отдельных объектов, закупки оборудования для фондов, архива и экспозиционных залов. Вот, пожалуй, и все. Отрицательные моменты, к сожалению, относятся к администрированию. Непонимание сущности памятника, искажение его реального места в российской истории и непрофессионализм ведут памятник к катастрофическому состоянию. Херсонес всегда был и будет крупным научным центром, полигоном российской клас-

сической археологии. Безусловно, есть сложности, связанные с нахождением там собора, диссонирующего с археологическим ландшафтом. Следует прямо сказать, что ныне существующая постройка является новоделом, отражающим его восстановление, поспешно сделанное в 2004 г. с нарушениями объемно-пространственной структуры, технологии и высотных параметров. Поясню указанные тревожащие факторы.

В последние годы Херсонес пытаются представить сакральным центром Руси, но те, кто это предлагают, имеют более чем смутные представления об истории этого города, истории древней Греции и Рима, истории Византии, истории Древней Руси. Ведь фактически Владимир в Херсонес пришел, взял его приступом и ушел. Все! Да и само крещение Владимира в Херсонесе (Херсоне) является лишь одной из версий — более вероятной, чем другие, но не более того. В принципе, все зависит от оценки достоверности противоположных версий, имеющих примерно равную доказательность, т.е. стопроцентно установленным историческим фактом крещение Владимира в Херсонесе считаться не может. Если посмотреть древнерусские летописи, то видно, как постепенно город уходит из летописных упоминаний. Правда состоит в том, что Херсонес никогда не воспринимался в древнерусской культурной традиции как сакральный, духовный центр. Не случайно, что после того, как в середине XV в. последние жители оставили город, его местоположение было забыто почти на 250 лет.

Как же родилась идея о его якобы сакральности? Я об этом подробно

рассказывал в упомянутом фильме «Полуостров сокровищ». Екатерина II была одним из инициаторов так называемого «греческого проекта», предполагавшего захват Турции и возрождение на ее территории Византийской державы. Тогда была впервые обозначена идея, что Херсонес — священная колыбель русского православия. Эта концепция представляла то, что мы сейчас называем политикой памяти. То есть чистой воды конструкт, возникший в период правления Екатерины II. Вспомним названия современных городов: Херсон, Севастополь — они не имеют никакого отношения к реальным Херсонесу и Себастополису. Строительство в середине XIX в. монастыря оформило эту «сакральную» конструкцию Российской империи, не имевшую ничего общего с восприятием византийского Херсона в Древней Руси. Не надо искать в Херсонесе того, чего там не было: признаки массового паломничества из Руси или русский квартал. Там этого никогда не было. Это был абсолютно греческий город, сначала античный, потом византийский.

Кстати, замечу, вопрос о том, что важнее: религиозный смысл объекта культурного наследия или его значение как шедевра мировой художественной культуры — может возникнуть только от полного непонимания элементарной истины, заключающейся в том, что принадлежность шедевра мировому культурному достоянию на многие порядки перекрывает его узко религиозное значение.

Еще один момент. Нельзя доверять менеджеру от музеев и мини-

стерств археологический памятник. Его судьбу может грамотно решать только археолог. У археологических памятников своя специфика, с которой даже хороший музейщик бывает совсем не знаком. Археологический музей-заповедник — принципиально другая структура, чем любой другой. Главное в нем — археологические исследования и наука, массовый археологический материал, внешне непрезентабельный, но дающий возможность делать фундаментальные научные выводы. Это, по сути, научная структура. Археологический музей нельзя превращать в Парк имени Горького с представлениями и прочими массовыми развлечениями. Археологический памятник создают две ключевые сущностные неизменные характеристики: исторический и археологический ландшафт. Их изменение, а тем более искажение категорически неприемлемо.

Функция Херсонеса — хранить, изучать и показывать великое мировое культурное наследие. А сейчас, к сожалению, из него делают Нью-Херсонес или Нью-Васюки. Так называемое благоустройство явилось его страшным врагом. Под предлогом «народу нравится» (что не факт) в памятник оказалось можно запихнуть все, что угодно, в том числе противоречащее его историческому и археологическому ландшафту. Результат очевиден — памятник всемирного культурного наследия изуродован чуждыми ему конструкциями.

Поэтому надо знать памятник, надо его любить и надо, чтобы с ним работали профессионалы. Но этого я, к сожалению, не вижу. В Херсонес

вливаются большие деньги, но ему не на пользу «обновления»: деревянные настилы по всей площади древнего города, которых, естественно, никогда не было, аляповатое заполнение пространства перибола, установка сцены, исказившей облик и негативно повлиявшей на обзор Цитадели, и сделавшей невозможными проведение археологических исследований этого района, сараеобразные деревянные конструкции павильонного типа и многое другое.

Чтобы вернуть прежний облик Херсонесу, восстановить его исторический и археологический ландшафт надо будет все это разобрать, что должно стать первоочередной задачей. Поэтому я считаю, что нужно менять кардинально вектор развития музея-заповедника. Херсонес — это объект археологического наследия, крупнейший научный археологический центр Юга России, из этого надо исходить.

Большое спасибо Вам за интервью!

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).